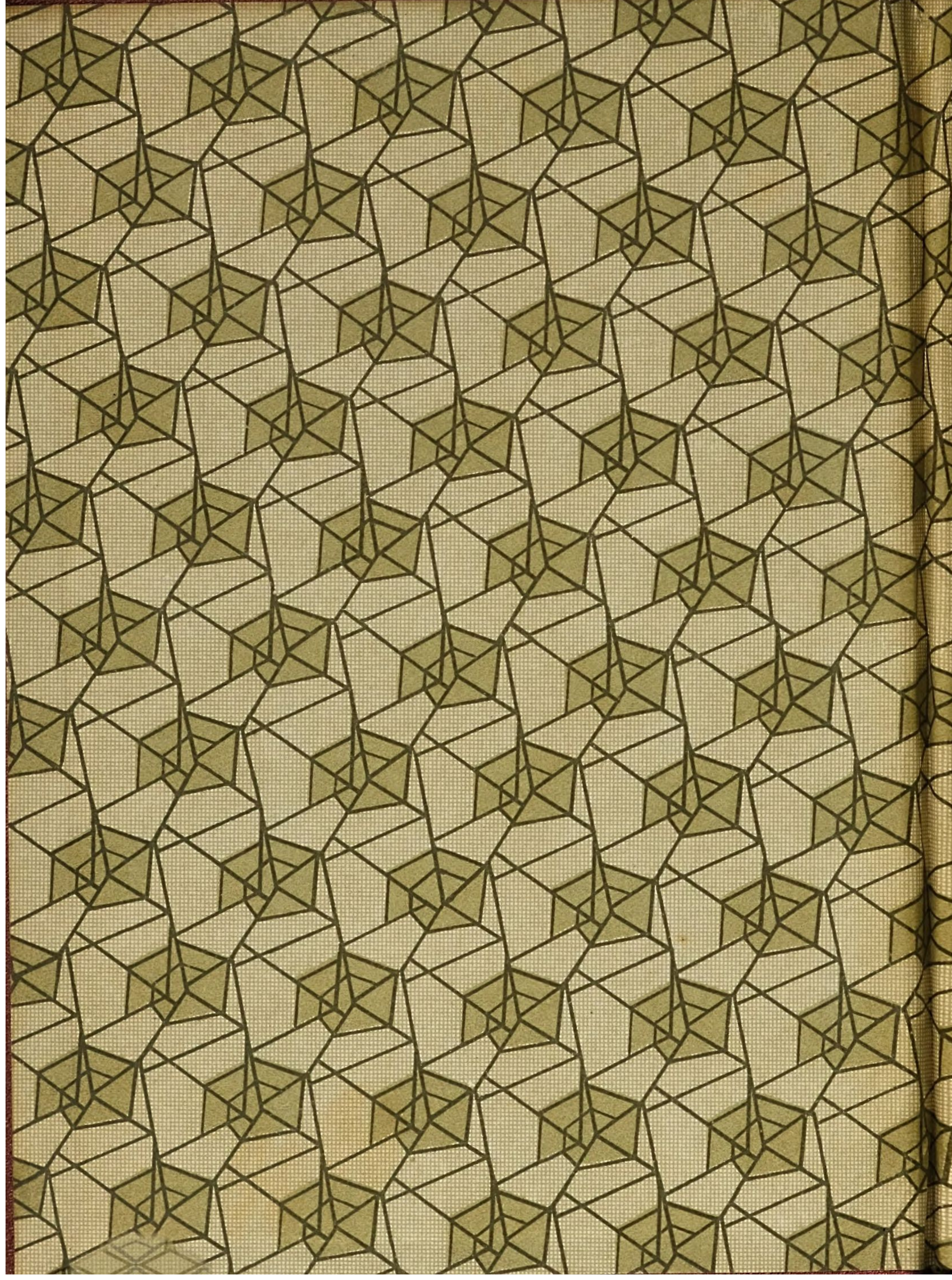
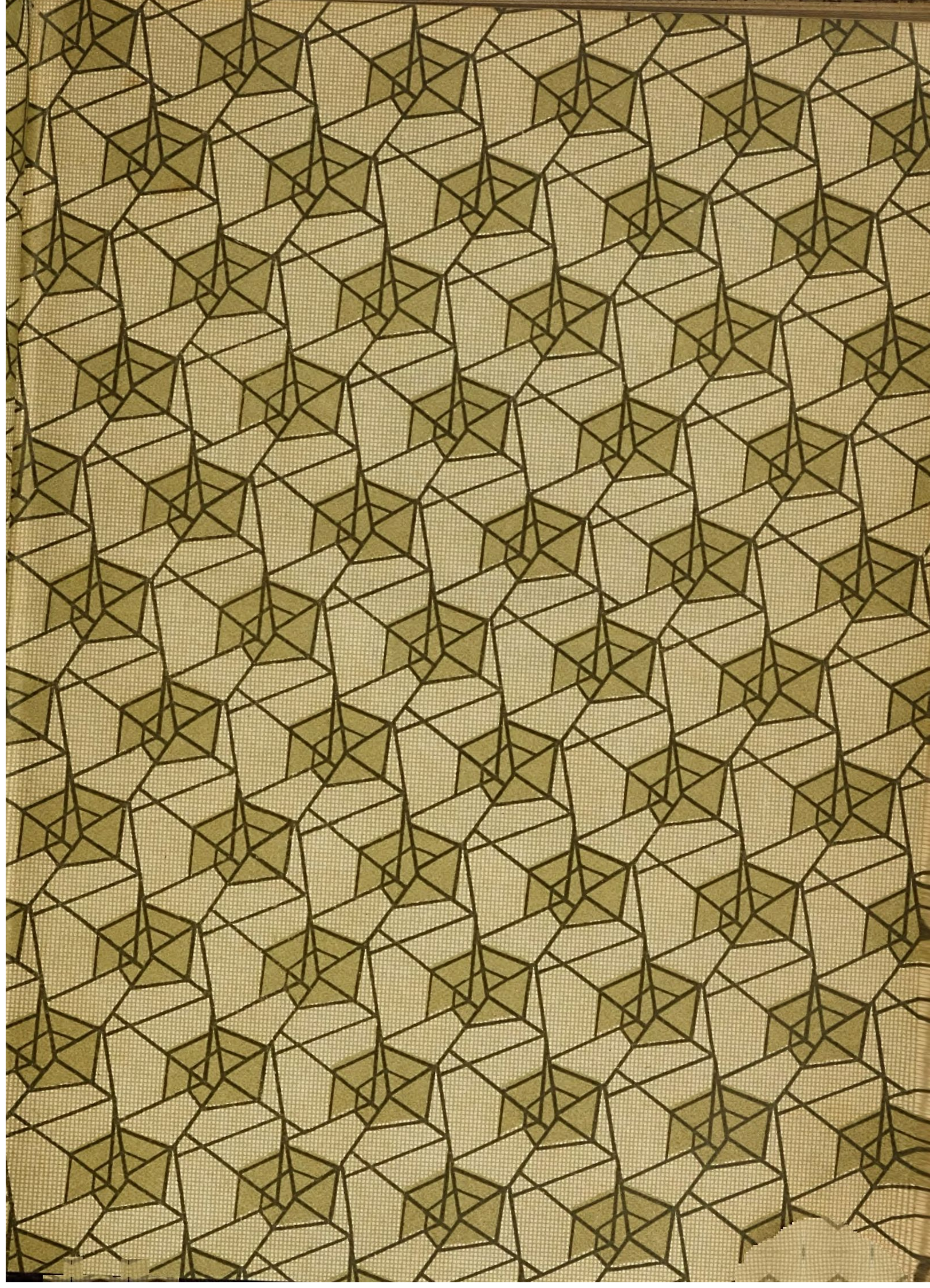

А. И. ЛЕВИТОВЪ

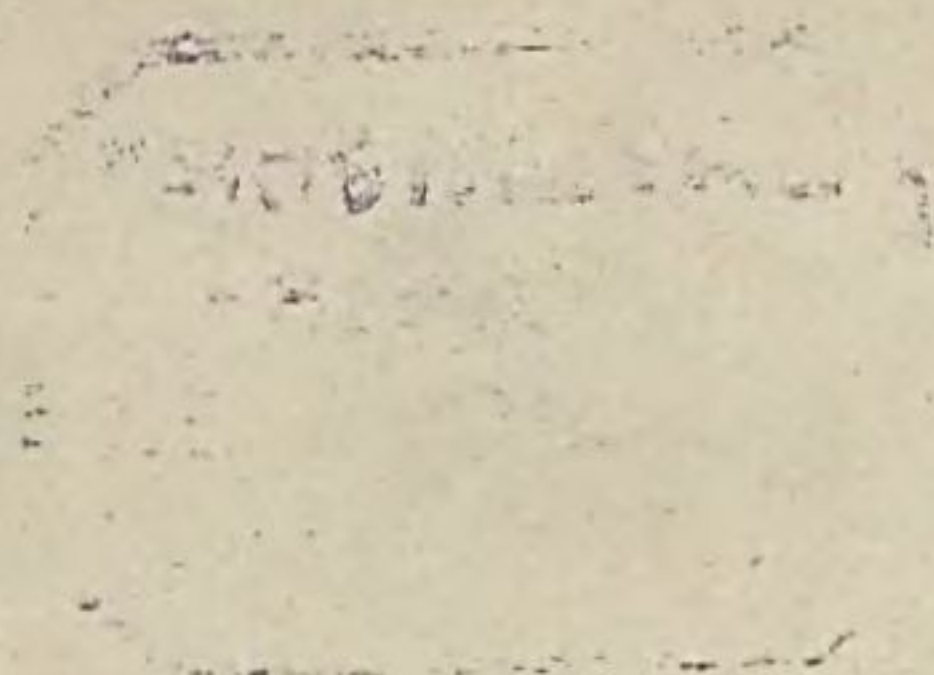

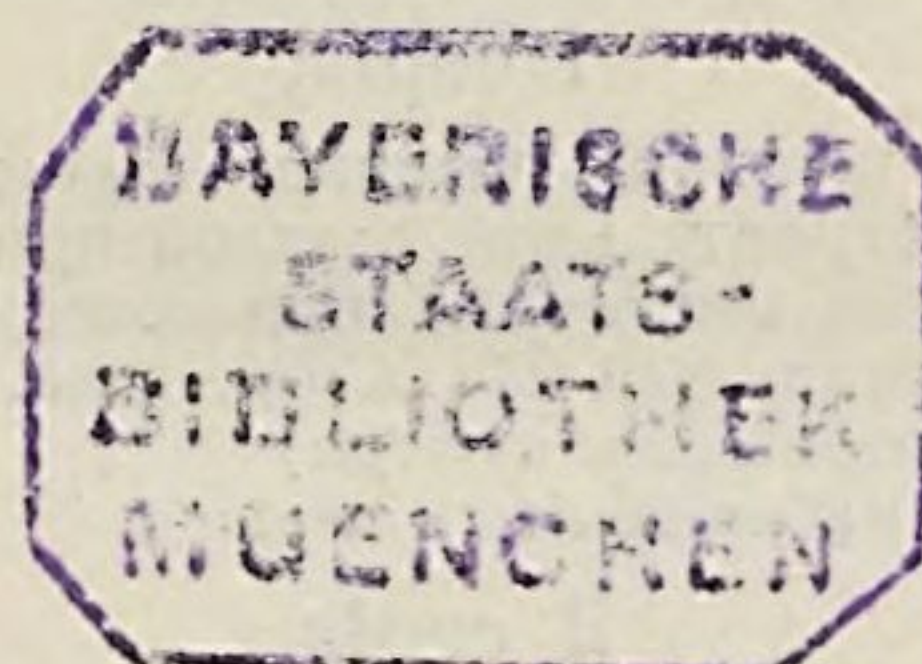

P. o. rel.

Levitor

3248 $\frac{7}{8}$

Собрание сочинений

А. И. Левитова.

Всесвітня бібліотека.

Збірання творів знаменитих
російських і іноземних письменників.

В цю серію входять наступні
збірання творів:

I серія.

А. В. Амфітеатрова, під наглядом автора;
Л. Н. Андреева, з вступною статтю проф. М. А. Рейснера;
Ф. М. Достоєвського, з багатьох додатків;
Г. А. Мачета, під редакцією Д. П. Сильчовського;
В. Г. Тана, під наглядом автора;
Ольги Шапір, під наглядом автора.

II серія.

Д. Я. Айзмана, під наглядом автора;
С. А. Ан-ського, під наглядом автора;
Н. Н. Златовратського, під наглядом автора;
Б. А. Лазаревського, під наглядом автора;
А. И. Левітова, з вступною статтю А. А. Измайлова;
В. В. Муйжеля, під наглядом автора;
Вас. И. Немирович-Данченко, під наглядом автора;
Н. Ф. Олігера, під наглядом автора;
Н. М. Осиповича, під наглядом автора.

III серія.

А. С. Пушкіна, під редакцією П. О. Морозова і В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, під ред. Арс. И Введенського;
Н. В. Гоголя, під редакцією В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, під редакцією В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, під редакцією Арс. Ив. Введенського;
С. Т. Аксакова, під редакцією А. Г. Горнфельда;
А. Н. Островського, під ред. М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловського, з біограф. описом Н. А. Благовіщенського;
А. А. Потьхіна, під наглядом автора;
П. М. Нев'жина, під наглядом автора;
С. В. Максимова, з вступною статтю П. В. Быкова;
И. С. Нікітина, під ред. А. Г. Томина і Ю. И. Айхенвальда;
Н. А. Добролюбова, під редакцією В. П. Кранихфельда;
Н. Я. Солов'єва, з портретом автора.

IV серія.

Чарльз Діккенс, з вступною статтю Д. П. Сильчовського;
Елізи Оржешко, під ред. С. С. Зелінського;
Г. де Мопасана, з критико-біографіч. описом З. А. Венгерової;
Едгара По, з критико-біографіч. описом М. А. Енгельгардта;
Еміля Зола, під редакц. і з вступ. статтями Ф. Д. Батюшкова і
Е. В. Аничкова;
Георга Брандеса, з передмовою М. В. Лучицької.

С.-Петербургъ.

Видавниче Товариство „Просвѣщеніе“,
Балканський просп., буд. д. № 75.

Собрание сочинений

А. И. ЛЕВИТОВА.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ

А. А. Измайлова.

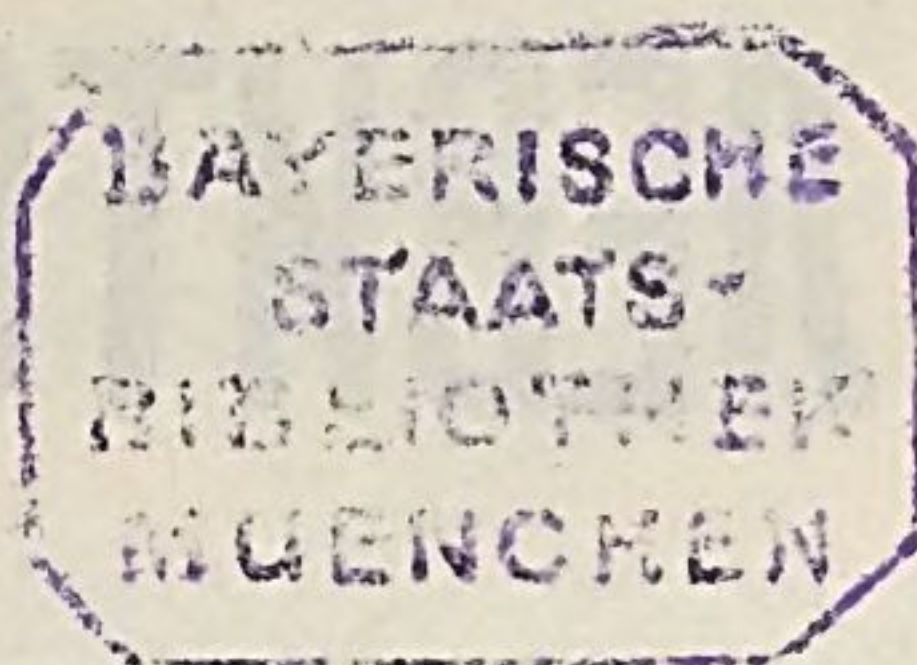
Томъ восьмой

С.-Петербургъ.

Типо-лит. Акціонернаго О-ва „Самообразование“,
Забалканскій пр., д. № 75.

У.м. 5176

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе.

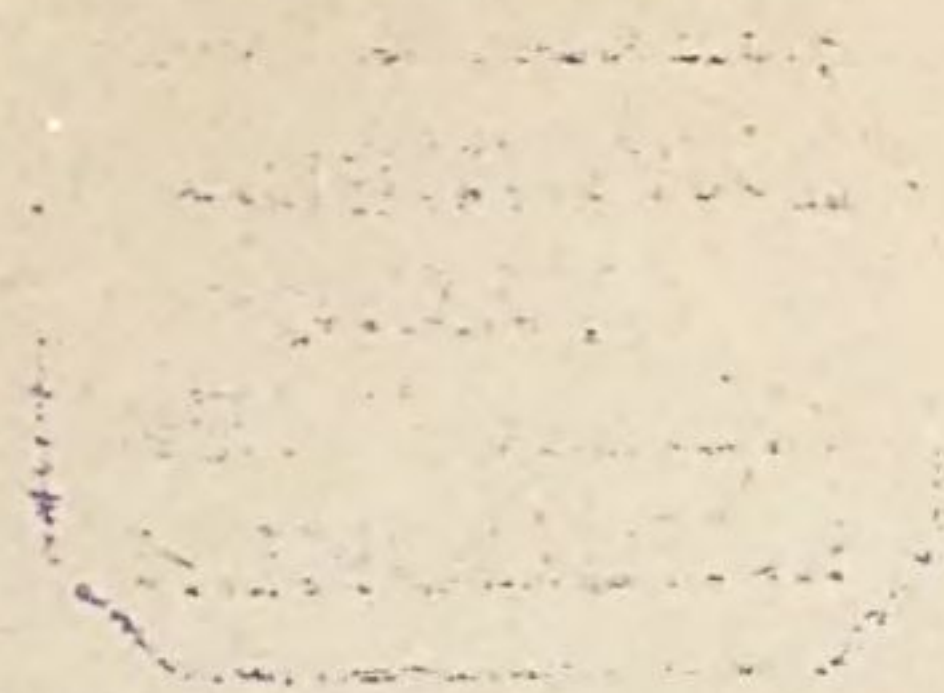
	Стр.
Сказка и правда. (Очеркъ.)	3
Сельское ученье. (Степная идиллія.)	63
Московскій профиранецъ	141
Аховскій посадъ. (Степные нравы стараго времени.)	187
Дѣвичій грѣшокъ. (Изъ жизни московскихъ ма- стерницъ.)	291
Не къ рукѣ. (Шоссейный очеркъ.)	323
Всеядныя. (Картины подмосковной дачной жизни.)	341
Библіографическій указатель къ „Собранію со- чиненій А. И. Левитова“	393
Общій алфавитный указатель къ „Собранію сочиненій А. И. Левитова“	402

Overview

Chapter 1: Introduction
Chapter 2: Theoretical Framework
Chapter 3: Methodology
Chapter 4: Data Collection
Chapter 5: Results
Chapter 6: Discussion
Chapter 7: Conclusion
Chapter 8: References
Chapter 9: Appendix
Chapter 10: Glossary
Chapter 11: Index
Chapter 12: Bibliography

Сказка и правда.

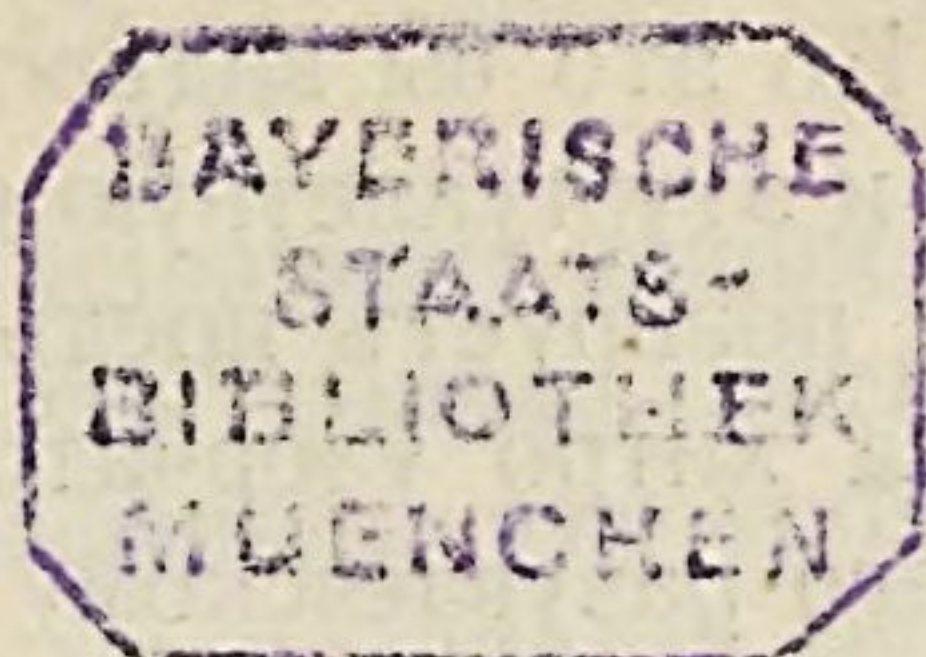
Очеркъ.

Часовъ и мѣсяца

Годъ

Въ 1881 году

I.

Разбушевавшаяся въ Москвѣ многолюдная жизнь перешла, наконецъ, черезъ край и съ сердитымъ шумомъ разлилась по шоссеинымъ дорогамъ. Если вы, оглушенные шумомъ многообразной столичной суетни, захотите отдохнуть въ какомъ-нибудь сельскомъ уединеніи и съ этою цѣлью отправитесь по любому изъ этихъ шоссе искать тихой деревни, съ неколенковой зеленью, съ звонко кричавшими стадами, съ смирнымъ, трудовымъ человѣкомъ, — вы жестоко ошибаетесь. Ничего подобнаго вы не найдете въ подмосковныхъ деревняхъ на разстояніи даже, по меньшей мѣрѣ, пятидесяти верстъ.

Поѣдете вы по шоссе съ своимъ желаніемъ тишины и покоя — и Москва пойдетъ за вами съ своимъ вѣчно и безалаберно орущимъ горломъ. Распроломанныя жестяныя крыши на постоянныхъ дворахъ, пузатые хозяева этихъ дворовъ, меланхолически показывающіе буйной улицѣ свои красныя рубахи, — грязныя окна гостиницъ, настезь распахнутыя горластою пѣсней, — мелочныя лавочки, фотографически схожія, по своей неряшливости, съ московскими лавочками, — мѣщане и краснорожій казакъ становаго пристава, играющіе на крыльцѣ лавочки въ майданъ на выволочку, — вотъ все, что, главнымъ образомъ, характеризуетъ какую-нибудь

Разуваевку. Но это вы видѣли и въ Москвѣ. Видѣли вы тамъ и эту туалетную барыню, которая, въ видѣ испанки, позируетъ предъ мужиками, сидя за самоваромъ на хитро узорчатомъ балконѣ дома, принадлежащаго разуваевскому богачу Оедулу Расподлячкину. Увидя васъ, если вы только мужчина, барыня на всю улицу начинаетъ кричать *по-французскому* на заигравшихся подъ балкономъ дѣтишекъ, чтобы они шли домой, что нехорошо — раздается затѣмъ уже *по-русски* — благороднымъ дѣтямъ смотрѣть на пьяное мужварье. Дѣти не слушаются и продолжаютъ засыпать другъ другу свѣтлые глазенки дорожнымъ пескомъ, каковой процессъ вызываетъ изъ глубины Расподлячинскаго дома бойкую горничную, которая живо схватываетъ въ охапку ребятишекъ и тащитъ ихъ наверхъ, сердито приговаривая:

— Вотъ она васъ, мамаша-то! Рази это въ самъ-дѣлѣ возможно? А? На пьяныхъ мужиковъ глядѣть? А! Рази это господамъ дозволительно? Довольно даже съ вашей стороны нехорошо! Вотъ она васъ — мамаша-то!

На срединѣ улицы дѣйствительно стоитъ мужикъ пьянѣ, можетъ, сорока тысячъ братьевъ вмѣстѣ. Храбро подперся онъ руками въ бокъ, задралъ голову кверху и оретъ въ томъ родѣ, что-де ты кто еси? Я кто еси? Я первый мастеръ. Я трехъ хозяевъ смѣнилъ. У меня въ Москвѣ семь любовницъ, всѣ до одной *по-французски* и *по-нѣмецки* говорятъ. У меня въ Москвѣ тыщу рублевъ въ ланбардѣ лежитъ про черный день — и пусть не смотрятъ на него, что онъ пьетъ, потому онъ, провалиться ему на семь мѣстъ, всѣхъ московскихъ господъ до одного человѣка зна-

еть, чай пиль у нихъ за однимъ столомъ и т. д., и т. д.

Синія чуйки съ вонючими папиросами и сигарками въ зубахъ изъ самова лучива акштафу, краснолапчатые сарафаны и эти уродливыя нѣмецкія платья, вздутыя карнолинами, собственноручно сооруженными изъ обручей разохшихся бочекъ, окружили мужика сплошной, гогочущей стѣной — и орутъ...

Нѣтъ! Здѣсь не отдохнешь, — отчаянно думаете вы. Эти-то картины и намозолили мнѣ глаза. Отъ нихъ-то именно и бѣгу я, изучивши ихъ, какъ говорится, до тла. Мужикъ, — этотъ первый мастеръ въ настоящую минуту, — завтра же смиренно поплетется въ Москву, гдѣ съ горькими слезами и стоя на колѣняхъ будетъ умаливать хозяина, чтобы онъ, не ради его, а ради Господа и дѣтей малыхъ, опять приставилъ его къ дѣлу, и что онъ, сейчасъ чтобы у него глаза лопнули, ежели этого самага вина хоть каплю единую... Хозяинъ, двадцать разъ уже прогонявшій этого молодца, стукнетъ его, для ради страха, по мордѣ разъ десятокъ, *штобы помнилъ на предбудущее время* — и опять въ свою артель приметъ и къ дѣлу приставитъ. Оедуль Расподлячкинъ вовсе не богачъ, а мошенникъ, умѣющій отводить въ сторону сосѣдскіе глаза. У него, въ непродолжительномъ времени, сгорятъ въ Москвѣ пять застрахованныхъ лавокъ, послѣ чего сего капиталиста села Разуваевки на судѣ уличатъ въ умышенномъ поджогѣ и въ злостномъ банкротствѣ — и вотъ этотъ самый краснорожій казакъ, который всю свою лапищу запустилъ въ длинные волосы мѣщанина, проигравшаго ему партію, придетъ тогда къ Оедулу и поведетъ его къ становому,

а становой, увидя жирнаго кліента, съ грустной улыбкою скажетъ:

— Что, братъ Оедуль, попался?

— Власть Божья, ваше благородіе, — отвѣтитъ Оедуль, и затѣмъ съ печалью, исполненной невѣроятной злобы на всѣхъ этихъ крючковатыхъ приказныхъ, которые, по его мнѣнію, какъ собаки, должны бы были отгрызать его отъ уголовщины, пойдетъ въ Сибирь, молчаливо думая длинной дорогой:

«Никто какъ Богъ! Авось Господь . . . »

А туалетная барыня, возсѣдающая на балконѣ, вовсе не барыня — и по-французскому она (что составляетъ главное несчастье ея жизни) ничуть не умѣетъ, а такъ болтаетъ она чортъ знаетъ что, какъ говорится — съ пятаго на десятое, въ той надеждѣ, что мужики за непонятный разговоръ шапки передъ ней скидывать будутъ. Она просто-напросто содержанка, которой ея старый чортъ опротивѣлъ хуже горькой рѣдки. Играетъ она теперь послѣднюю игру, приноравливаясь половчѣе царапнуть у стараго бѣса сохранную записку, въ которой бы онъ, какъ можно явственнѣе, изобразилъ, что взялъ-де я, старый бѣсъ, на сохраненіе у даниловской мѣщанки Митродоры Ерыгиной двадцать тысячъ рублей золотыми полуимперіалами чеканки 1868, 69 и 70 годовъ, каковыя и обязуюсь возвратить ей, Ерыгиной, по ея первому востребованію.

И въ томъ случаѣ, когда старый бѣсъ удостовѣритъ подлинность такого документа собственноручнымъ подписомъ, съ приложеніемъ герба своего печати, Митродора Ерыгина купить домъ Оедула Расподлячкина, припишетъ въ купцы своихъ ребяташекъ и раздастъ ихъ по гимназіямъ, съ цѣлью подѣ-

латъ изъ нихъ впослѣдствіи *благородныхъ* людей, а потомъ примется каждую субботу служить у себя на дому всенощныя и станетъ учить *политикъ* разубаевскихъ попадю и становиху, краснорѣчиво убѣждая ихъ въ томъ, что онѣ такого роскошества во снѣ никогда не видали, какое видѣла она, Ерыгина, въ то блаженное время, когда проживала съ своимъ покойникомъ.

Обуреваемый подобнаго рода спеціально подлыми представленіями, человекъ, ищущій покоя, ѣдетъ дальше по шоссе — и подъѣзжаетъ къ деревнѣ Раздѣваевкѣ. Увы! Виды тѣ же: тѣ же кабаки съ золочеными вывѣсками, лавочки, краснорожій казакъ, вцѣпившійся въ волосы мѣщанину, пьяный мужикъ, разговаривающій про своихъ семь любовницъ, и, наконецъ, та же барыня, кричащая по-французскому.

— Пошелъ дальше! — говорите вы извозчику, и извозчикъ послушно подвозитъ васъ къ селу Огребаловкѣ. Тамъ также цивилизація, прилипшая на Сухаревскомъ рынкѣ, вмѣстѣ съ грязью, къ лаптямъ пьянаго мужика и притащившаяся, вмѣстѣ съ нимъ, въ село на безконечное дивованье и порчу простого сельскаго народа, — цивилизація, главный характеръ которой заключается въ невыразимомъ нахальствѣ, странно соединенномъ съ идиотической тупостью...

Считая васъ за одного изъ безчисленныхъ кочевниковъ столичной орды, которые, нагрузившись кулками съ различными коньяками и лафитами, шатаются по деревнямъ въ видахъ увеселенія своихъ опившихся душъ сельской природой, нѣкая огребаловская баба всѣми мѣрами старается затащить васъ къ себѣ, какъ она говоритъ, въ хоромы, въ ко-

торыхъ, по ея увѣреніямъ, находится, благодаря Бога, все, что способно заставить любого столичнаго озорника и проходимца ходить ходенемъ.

— У меня, ваше сіятельство, — горласто трещить излатрыжничавшаяся въ Москвѣ баба, — все есть. Вы не глядите, што я вдова: я вамъ и самоваръ поставлю, и яишенку сдѣлаю, и ромцу достану; а коли пожелаете, у меня вамъ дѣвицы и пѣсенки сыграютъ . . . У меня по-московски, — я, признаться, ваше сіятельство, сама лѣтъ двадцать въ Москвѣ, въ Полтавскомъ трактирѣ, въ цыганкахъ состоявши была . . . Обращеніе тоже господское понимать можемъ . . .

— Заткните ей горло-то, ваше высокоблагородіе, кулакомъ, што ли! — совѣтуетъ проѣзжему другой бабій голосъ, еще болѣе тупой и нахальный. — Чтобы она къ вамъ съ обращеніемъ своимъ не лѣзла, не беспокоила . . . Ей за это обращеніе-то, когда она еще у цыганъ судомойкой была, черкесть одинъ военный голову отрубилъ. Мы ее теперь такъ безголовой и дразнимъ . . .

Довольная своими остротами, вновь пришедшая баба безапелляціонно подхватываетъ подъ узды извозчичью лошадь и тащитъ ее къ своему дому, торопливо и ласкающе нашептывая сѣдоку про ужасныя душевныя качества своей безголовой соперницы, которую, будто бы, рѣдкіе гости не бьютъ за ея неумѣлость угодить имъ, за грубость, за воровство и т. д., и т. д.

— У меня, ваше высокоблагородіе, — интимно шепчетъ баба, — у меня вамъ будетъ очень даже спокойно: сарайчикъ такой у меня есть прохладненькій, весь нонѣшнимъ сѣномъ наваленъ, — такіе ли-то духи малиновые отъ него по всему по

сарайчику ходють И опять же племянница ко мнѣ изъ Москвы пріѣхала: въ магазинѣ она тамъ платье барское шить обучается. Огонь — дѣвка! Такъ и рѣжетъ на разные языки, — и опять же танцы умѣетъ, — все село этимъ танцамъ-то обучила

Дальше! Вотъ шоссе начало подниматься въ гору и чѣмъ выше оно поднималось, тѣмъ все больше и больше разростался жидкій кустарникъ, который довольно уже долгое время бѣжалъ по обѣимъ его сторонамъ, напоминая своими маленькими низенькими группами кучки ребяенокъ, обыкновенно скачущихъ въ такихъ селахъ по сторонамъ экипажа съ жалостливымъ и неотвязнымъ кланьченьемъ грошика, копеечки, калачика и т. д. Наконецъ кустарникъ сдѣлался дремучимъ лѣсомъ и двумя темными стѣнами сталъ по сторонамъ бѣлокаменной дороги. Утомленные однообразною пошлостью глаза скитальца отдыхаютъ теперь на яркой и густой зелени лѣса. Тихо дремлющія ручьи, поросшіе высокой болотной травой, разлились по глубокимъ шоссеинымъ канавамъ, — изъ глубины лѣса несутся многочисленные звуки разнообразной лѣсной жизни, прислушиваясь къ которымъ душа, измученная городомъ, успокаивается и тихо думаетъ объ исцѣляющемъ всякое человѣческое несчастье свѣтломъ лицѣ природы.

Темный вечеръ залилъ своей непроглядной и, по временамъ, какъ бы вздрагивающей синевою бѣлую дорогу — и вотъ пошла она такъ близко къ лѣснымъ сумрачнымъ стѣнамъ, что мохнатыя кудри старищица-лѣса сбрасываютъ съ себя на разгорѣвшееся лицо проѣзжаго прохладную ночную росу, обильно увлажившую ихъ, а самъ лѣсъ съ видомъ

человѣка, желающаго въ шутку постращать любимое дитя, такъ, чтобы оно не особенно испугалось, явственно шепчетъ человѣку:

«Развеселись, другъ! Я отгону отъ тебя всякое горе. Я въ этихъ мѣстахъ годовъ триста уже богатырствую — и ни одинъ, самый горькій человѣкъ, безъ свѣтлой радости отъ меня не ухаживалъ».

Хорошо и ласково шепчетъ лѣсъ слова эти, все равно какъ старикъ-дѣдъ про Еруслана Лазаревича сказку рассказываетъ: лицо сморщитъ, говоритъ старается басомъ, а самъ, того только и ждетъ отъ него ребенокъ, что онъ смѣяться сейчасъ примется. И ежели вы имѣли такого дѣда, который когда-то усыплялъ ваше дѣтское горе тѣмъ, что разглаживалъ мягкіе волосы и рассказывалъ на сонъ грядущій медовыя сказки, тогда этотъ лѣсной шопотъ непременно заставитъ васъ задуматься и вспомнить о томъ далекомъ времени, когда младенческая душа такъ сладко и трепетно замирала, слушая изъ устъ дѣда разговоръ могучаго богатыря съ какимъ-нибудь заколдованнымъ домомъ, стоящимъ въ задумчиво величавой пустынѣ.

— Кто есть въ семъ домѣ живъ человѣкъ? — слышится вамъ; какъ оглашаетъ молчащую пустыню громкій и храбрый голосъ богатыря, безтрепетно готоваго, сейчасъ же, прямо послѣ своей трудной дороги, вступить въ беспощадный бой съ той злою силой, которая мракомъ и уныніемъ покрыла сказочный домъ царевны, ослѣпительно сіяющій серебряной крышей, золотыми дверями и колоннами изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ.

«Никто!» — молчитъ пустыня. Молчатъ тоже и, какъ бы въ тяжелой болѣзни, дремлютъ и густые сады, въ которыхъ потонулъ царскій домъ. — «Ни-

кто!» — тихими стопами ходитъ отвѣтъ и по ихъ тайнымъ, мертвеннымъ чашамъ.

Но не напрасно же пріѣхалъ богатырь изъ-за тридевяти земель въ тридесятое государство. Онъ хочетъ, чтобы вылетѣлъ къ нему девятиглавый змѣй, дышащій изъ всѣхъ своихъ зубастыхъ пастей сѣрнымъ пламенемъ, и помѣрлялъ бы съ молодецкимъ плечомъ заѣзжаго человѣка свою волшебную силу. А нѣтъ змѣя, такъ пусть, ударяя въ тимпаны и гусли, съ привѣтливыми улыбками на прекрасныхъ устахъ, выходили бы изъ воротъ сто красавицъ прислужницъ царевны и, помня, что усталъ богатырь отъ дальней дороги великою, богатырскою усталюю, «брали бы его добра молодца за бѣлы руки, вводили въ палаты бѣлокаменные и покамѣсть челядь будетъ на столъ стлатъ да жаркую баню топить, — онѣ бы забавляли гостя разговорами веселыми».

Горитъ отъ такихъ желаній сильная грудь, — и поэтому богатырь, со всего конскаго разскока, уже троекратно, какъ говоритъ сказка, ударяетъ булатнымъ копьемъ въ звонкія ворота такъ, что копье въ мелкіе дребезги разлетается и снова съ яростной злобой спрашиваетъ:

— Кто есть въ семъ домѣ живъ человѣкъ?

«Ни-икто!» — болѣзненно и какъ бы чувствуя силу удара, вскрикиваетъ серебро, изъ котораго выкованы ворота.

Тишь и печаль, рвущія сердце! Скорбь и уныніе, надрывающія душу! . .

Но не бойся, усталый человѣкъ, моего лѣса! Не пугайся! Навели тебя его дебри, до смерти страшящія своей глушью, на давно уже невспоминаемую тобою сказку, — сказка эта рѣзнула твое сердце мыслью, что подобно тому, какъ никто не отклик-

нулся на богатырскій голосъ изъ пустыннаго дома, одинокій и самъ ты шелъ по широкимъ распутіямъ жизни, — что отъ безплодныхъ усилій, съ какими дозывался ты живого человѣка, у тебя надорвало грудь и скособочило гордую голову, — все-таки безъ боязни иди ты по узкой дорогѣ лѣсной. Эта мысль была послѣднею болью у твоей больной души, потому что никакое твое нездоровье не можетъ устоять противъ той силы, которую лѣсъ запасалъ цѣлыми вѣками и какую шлетъ онъ теперь на твою голову вмѣстѣ съ этими прохладными, все сердце твое уснувшее заставляющими вздрагивать волнами тихаго лѣтняго вечера.

Пристально всматривается странникъ упорно неморгающими глазами въ лѣсную темноту, и съ лаской, какой у людей не бываетъ, улыбается ему эта темнота, безъ платы шлетъ ему, сокрушенному, свою великую крѣпость и шепчетъ: «Бери, бери только! Обѣими руками бери! У меня и про тебя хватить . . .».

Расправляется отъ наплыва этой крѣпости въ дугу согнутая человѣческая сила, — въ тусклыхъ, слезливыхъ глазахъ загорается огонь юности, — милыя, знакомыя лица, съ которыми жило, безпредѣльно любя и вѣря, беззаботнымъ строемъ рѣютъ теперь на темной дорогѣ и звонко поютъ — и странникъ поетъ вмѣстѣ съ ними и смѣется.

Громко раздается въ тихомъ лѣсу пѣсня эта, облеченная въ какія-то необыкновенно стройныя риѣмы, веселыя и беззаботныя, какъ юность, про которую пѣли онѣ. Веселымъ басовитымъ голосомъ вторить пѣнію старичище-лѣсъ, совсѣмъ слышно совѣтуя пѣть какъ можно громче, во весь голосъ — и тутъ, будто, онъ вырвалъ изъ корня толстый дубъ

и далеко отпугнулъ имъ отъ странника тотъ докучный рой думъ, который доселѣ летѣлъ за нимъ и надоѣдливо, съ какимъ-то злобнымъ, насмѣшливымъ уныніемъ, жужжалъ человѣку въ уши про безлюдныя дороги, про сокрушенныя тѣмъ безлюдьемъ жизни . . .

«Иди теперь съ Богомъ, — говоритъ лѣсъ, поигрывая дубомъ. — Не бойся! Мимо меня не пройдутъ твои больныя думы, — не даромъ я триста годовъ здѣсь богатырствую».

Бодро принимается тогда шагать по лѣсной пустынѣ забывшій про свою усталость странникъ и, вспоминая гнѣвныхъ и больныхъ, которые остались за нимъ жить въ вѣчно и безалаберно шумящей суетѣ большихъ городовъ, тихо шепчетъ:

— Вотъ бы всѣхъ-то сюда! Какая здѣсь тишина! Боже мой, что за покой здѣсь!

А лѣсъ отвѣчаетъ ему, теперь уже совсѣмъ научившемуся понимать его стариковскіе разговоры:

«А кто же не велитъ вамъ, друзья, въ гости ко мнѣ почаще заглядывать? . . . А? . . .».

II.

Вотъ какой живой былъ лѣсъ, который окружалъ большое село — Княжія Рощи, и теперь еще существующее верстахъ во ста отъ Москвы. Все село обнялъ онъ непроницаемо глубокими рядами своихъ старыхъ деревьевъ и, при яркомъ свѣтѣ лѣтняго полдня, который, словно воръ, прокрадывался сквозь ихъ густыя вершины, деревья эти, поросшія сѣдой, морщинистой корою, казались могучими, насмѣшливыми духами, которые говорили:

«А вотъ мы тебя, человѣче, днемъ даже, такъ и то запугаемъ до смерти!».

Толковали, такимъ образомъ, старыя деревья, а одинокій человѣкъ, внимавшій имъ, видѣлъ, какъ толстыя и красныя губы лѣсного духа властительно хохотали надъ нимъ — надъ безпомощнымъ, могуче вздрагивая и пугая его все больше и больше.

А ночью, такъ лучше пугливой, непривычной души не ходить и не ѣздить по лѣсу, потому что тамъ, въ его темныхъ далекихъ глубинахъ, глазамъ, не знающимъ дремучихъ лѣсовъ, представляется кто-то такой высокій, который былъ, по крайней мѣрѣ, въ десять человѣческихъ ростовъ, — и при всемъ томъ, что всякому извѣстно, какая ненарушимая тишина царствуетъ полночью въ старыхъ лѣсахъ, видѣлось и слышалось, какъ этотъ кто-то, складывая на мохнатой груди длинныя руки, а иногда катаясь по землѣ, словно бы смертельно раненый, — громко и неутѣшно стоналъ.

Такимъ образомъ, духи полночные и полдневные, вмѣстѣ съ старымъ лѣсомъ, шли и летѣли въ Княжія Рощи. Провожали ихъ безчисленныя стаи звѣрей, птицъ и многое множество мелкихъ жизней, невидимо копошившихся въ густой травѣ, перепархивавшихъ по сучьямъ деревьевъ и плывшихъ по соннымъ ручьямъ и болотамъ. Приблизившись къ самому селу, лѣсъ вдругъ останавливалъ передъ нимъ свое густое войско и шелъ уже двумя длинными и прямыми рядами густо разросшихся березъ, посреди которыхъ пролегала желтопесчаная, зыбучая дорога, подводившая его къ новой каменной Рощенской церкви.

Ласково и весело встрѣчала церковь лѣсную силу, обрушившуюся на нее на первую, и малень-

кими, окольными тропинками вводила ее въ широко разбросанное село: сначала къ каменнымъ высокимъ хоромамъ его высокоблагословенія отца благочиннаго, что выпятились далеко на проѣзжую улицу своимъ ступенчатымъ балкономъ, стеклянные двери котораго пристально всматривались въ лѣсъ, опасаясь, повидимому, того, что какъ бы имъ — каменнымъ поповскимъ хоромамъ — не попасться подъ широкую ступню этихъ такъ грозно напирающихъ лѣсныхъ волнъ . . .

Дальше на этой дорогѣ торчала одинокая избашка стараго пономаря Григорья Евсеева, котораго вся окрестность называла почему-то «пѣгимъ пыдмаремъ и подлымъ колдунищемъ». Но, несмотря на такія обидныя прозвища, вся лѣсная любовь обратилась на жильѣ «пѣгаго пыдмаря». Дикія яблони стояли вокругъ домишка, какъ тѣ молодыя, стыдливыя невѣсты, какія, бывало, въ старину собирались около царей, выбиравшихъ себѣ супругу по душѣ и по сердцу. Дикія же, но необыкновенно бѣлыя или алыя розы на длинныхъ, тонкихъ стебляхъ игриво засматривались въ маленькія окна, а надъ ними цѣлый день несмолкаемо гудѣли звонкоголосные и тонкостанные шмели и пчелы. Соломенную крышу избы накрывали дубы и клены, а на дворѣ росла высокая трава, которая на одинокихъ, бобыльихъ дворахъ растетъ на всей своей тихой волѣ, мягкая и высокая, потому что у бобылей рѣдко бываютъ лошади, коровы и овцы, а слѣдовательно, и мять ее некому.

На крошечномъ дворикѣ пономаря Григорья Евсеева, плотно закрытомъ соломенными почернѣвшими сараями, жили всегдашнія тишина и прохлада — и все село было увѣрено въ томъ, что на

этотъ тихій дворикъ, обыкновенно, будто бы собиралась отдыхать и разговаривать съ пономаремъ вся та лѣсная «нечисть», которая утомлялась въ своихъ дневныхъ и ночныхъ блужданіяхъ по безконечному старому лѣсу.

Жарилъ ли село безпощадно палящій полдень, или нахмуривались надъ нимъ темно-зеленые сумерки (чего на свѣтѣ нѣтъ лучше!), а сельскіе ребята, наслушавшись отъ старшихъ страшныхъ рѣчей про пономарскій дворишко, облѣпляли загораживающій его плетень, всматривались въ его частыя щели блестящими отъ страстнаго любопытства глазами — и воочію видѣли и слышали они, какъ на дворѣ совершались многоразличныя дивныя дива, отъ мимолетнаго взгляда на которыя полоумѣли головки, распаленныя молчаливой и жгучей тайной сельскаго лѣтняго полдня, и, противъ воли, стремглавъ бѣжали пряткія ноги какъ можно подальше отъ «колдунскаго дома», а старый пономарь, лежа подъ прохладнымъ навѣсомъ, звонко щелкалъ ладонями на ребячьи стаи, которыя то и дѣло подкрадывались къ его домишку, то прыскали отъ него. На это щелканье испуганнымъ карканьемъ отзывались горластые коршуны, пріютившіеся отъ жары на дубахъ, окружавшихъ дворишко, и гулко шумѣли древесные листья, встряхнутые крыльями птицъ, обильно расплодившихся въ этой благодатной мѣстности.

Вслѣдствіе такого обхожденія пономаря съ сельскими ребятами, они, завидѣвши его на улицѣ, смотрѣли на него не иначе какъ исподлобья, готовые во всякую секунду, при первомъ поползновеніи колдунища броситься на нихъ и безпощадно пожрать, удирать отъ него со всѣхъ ногъ въ самую

быструю разсыпную. Только тогда уже, когда между пономаремъ и ребятишками образовалось значительное раздѣляющее пространство, дѣти освобождались изъ-подъ столбняка, который всегда наводилъ на нихъ страшный видъ колдунища, и громкимъ хоромъ принимались орать слѣдующіе, Богъ знаетъ кѣмъ и когда сочиненные, стихи:

Пыднамарь, пыднамарь!
Въ церкви свѣчи обломалъ!
А ему кандилой
Морду всю разбили.

Толстый и высокій, весь обросшій густѣйшими черными волосами, пономарь шествовалъ по дорогѣ, не обращая никакого вниманія на пѣвцовъ, и только покивывалъ своей полинялой плисовой шапочкой въ отвѣтъ на поклоны встрѣчавшихся мужиковъ.

Ребятки, ободренные свѣтлымъ днемъ и присутствіемъ взрослыхъ, начинали другую пѣсню:

Къ дьячилѣ, къ дьячилѣ
Лошадь въ ротъ вскочила.

И эта пѣсня безслѣдно проскальзывала мимо пономарскихъ ушей. Колдунъ продолжалъ идти ровнымъ, толстымъ шагомъ медвѣдя и сдержанно кашлялъ, какъ обыкновенно кашляютъ люди тогда, когда не желаютъ связываться съ своимъ азартнымъ, но безсильнымъ обидчикомъ.

Бабы, сидѣвшія на навозныхъ заваленкахъ около домовъ и слушавшія своихъ чадъ, толковали, боязливо помаргивая головами на пономаря.

— Гляди, гляди! Вѣдь, и не обернется, пѣгій чортъ. Всего его ребятенки до костей издразнили, а онъ и шеи не повернетъ.

— Небось, повернулъ бы, кабы можно было. У людей, которые ежели съ нечистыми знаются, ребра-

то, у волковъ ровно, *стычныя*. Всѣмъ тѣломъ имъ нужно повернуться, чтобы оглянуться назадъ. Вотъ имъ и стыдно свою науку передъ добрыми людьми оказывать. Тоже, вѣдь, и въ нихъ, надо полагать, стыдъ водится, даромъ што чортовы дѣти . . .

По дальнѣйшимъ, ни на что не отзывавшимся пономарскимъ шагамъ, шли другіе, еще болѣе сообразительные и знаменательные разговоры:

— Съ коего мѣста, сосѣдушка милая, призабыла я, пономарь нашъ колдовать-то сталъ? — спрашиваетъ одна баба другую. — Должно, вѣдь, дѣломъ этимъ онъ признался послѣ жениной смерти. Какъ у него теперича жена умерши была, мужики наши въ скорости увидали, какъ онъ вокругъ своего пчельника, распустивши косы, верхомъ на лодочномъ веслѣ, безъ штановъ, ѣздилъ для того, быдто, штобы, то есть, пчелы лучше водились . . . Я еще въ этотъ годъ Катюшу свою родила. Ей, вѣдь, ужъ теперь съ «Успеньева» дня четвернадцатый годочекъ пошелъ. И не видишь въ суетахъ да заботахъ, какъ время идетъ!

— А то какъ же! Извѣстно — не увидишь! Вотъ и Катюшка твоя невѣстою стала, — отзывалась уныло сосѣдка. — А давно ли и мы съ тобой по зеленой травѣ босикомъ бѣгали? Придется вамъ теперь съ мужемъ порядкомъ изъ себя жилы для ней повытянуть. Жениху то да се потребуется: красная рубаха, сапоги, напимѣръ, съ *напускомъ* да денегъ съ десятку; а отцы-то невѣстины — ранней зорькой встань, поздней зорькой ляжь, однѣ только слезы свои день-то деньской глотаючи, вмѣсто Божьяго хлѣба . . . А про пономаря, точно, ты правду сказала: съ этого году онъ по колдовству пошелъ, какъ жена у него померла.

— Помню, — все лѣто ходили по селу разговоры про Евсеича, ну а зимой-то этой супружника моего, въ самый «прощеный день» на масленицу, на кулачномъ бою до смерти забили . . . Эхъ, времячко, времячко! Плохое наше бабье, вдовое дѣло! . .

Много было народа въ селѣ Княжія Рощи, и еще больше было у этого народа всякихъ нуждъ. Крикливые разговоры объ этихъ крикливыхъ нуждахъ занимали лѣтними вечерами все населеніе, — и ни одинъ изъ нихъ не проходилъ безъ того, чтобы не коснуться колдовства Евсеича.

Обитателямъ села Княжихъ Рощъ предстояла надобность, примѣрно, потолковать объ урожаѣ.

И вотъ предъ глазами интересующихся урожаемъ людей — тихій августовскій вечеръ. Надъ селомъ синее небо, расцвѣченное маленькими свѣтлыми звѣздочками. Окраины неба заволочены чѣмъ-то туманнымъ, обѣщающимъ скоро сформировать изъ себя темную, грозно шумящую тучу, которая хлынетъ на село проливнымъ дождемъ, слѣпящими молніями и оглушительными ударами грома.

Всматриваются люди, толкующіе объ урожаѣ, въ туманно свѣтлыя небесныя окраины и говорятъ другъ другу:

— А, вѣдь, гроза ночью будетъ, братцы! Какъ бы кого ненарокомъ не шаркнуло . . .

— Снится тебѣ! Гдѣ же гроза? Аль *молонья* заревой не видалъ? Молонья всякую тучу расшибить можетъ, — малому дитенку про это извѣстно.

И, дѣйствительно, туманныя окраины неба освѣтились, при послѣднемъ словѣ, какимъ-то необыкновенно быстрымъ и блестящимъ зигзагомъ. Сушь, совершенно осязательная, упала вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ на пыльныя деревья и травы, на соломен-

ныя сухія крыши, на тихую дорогу. Трудно было предположить, что послѣ этого быстро и внезапно упавшаго на землю какого-то сухого свѣта можетъ пойти дождь и раздадутся сердитые громовые раскаты.

— Гдѣ дождь? Какая теперича гроза послѣ молоньи? — какими-то тихими, согласно благодушными тонами говорили собравшіеся въ кучу мужики. — Это она, матушка, къ уборкѣ играетъ, штобы, значить, хлѣбушко въ сухости нашему брату собрать. Собирайте, молъ, православные, хлѣбушко сухонькій... Кормитесь! Ка-а-кже?..

— Сухонькій! Сухонькій! — раздавался уныло молчащею ночью чей-то спорный и раздраженный голосъ. — Конечно, што сухонькій, хошь онъ и полегче на вѣсѣ... Только знаемъ же и мы, насколько сухой-то, супротивъ сырого, выстаиваетъ, — не одинъ годокъ на свѣтѣ живемъ, — слава Богу! Ты прежде собери его да тогда и толкуй: ахъ, молъ, сухонькаго хлѣбца мнѣ привелъ Богъ поѣсть.

Въ голосѣ, говорившемъ эти слова, слышалась злая насмѣшка. Въ отвѣтъ ей раздался громкій смѣхъ, вылетѣвшій по крайней мѣрѣ изъ десяти грудей.

— Ха, ха, ха! — засмѣялась унылая, величавая ночь здоровыми, веселыми басами.

— Да што же? Што же? — торопливо перебилъ кто-то этотъ смѣхъ. — Ай не ѣдали? Да, кажись, ежели мы его не ѣдали, такъ кто жъ его и ѣдалъ?..

— А про Евсеича позабылъ? Ублагодворилъ ли ты его чѣмъ-нибудь за все лѣто, хоша бы крошкой какою?.. Онъ тебѣ такой сухонькой предоставитъ!.. Н-не-б-бось! Ты у него заплачешь...

Мокренькому-то зарадуешься, словно дитя малое медовому прянику . . .

Послѣднія слова, трудно кѣмъ-нибудь понимаемые, были глубоко понятны для сельскихъ людей: въ нихъ заключался таинственный намекъ на пономарскія способности — *колдовать*.

Способности эти, приписываемыя сельскимъ населеніемъ пономарю, заключались въ томъ, что грозный и черный Евсеичъ могъ, по своему усмотрѣнію, въ любое время дня и ночи, заставить свѣтлое небо разразиться грозою и проливнымъ дождемъ; онъ же, на зло людямъ, обидѣвшимъ его, обладалъ таинственной возможностью *отвести и отговорить* отъ ихъ засушенныхъ нивъ благодатныя, освѣжающія тучи. Самая веселая и здоровая скотина начинала дрожать и голодать, когда пономарь взглядывалъ на нее своими черными, блестящими глазами — и непременно умирала, ежели хозяинъ ея не *укланивалъ* и не *умасливалъ* лютаго колдунища. Вѣтеръ и рѣчки были особенно покорными слугами колдуна: всѣ окрестныя села единогласно увѣряли, что Евсеичъ по рѣкамъ и по вѣтру *напускаетъ* на людей различныя болѣзни, какъ, напримѣръ, тоску «смертную», на лица — уродливыя шишки, называемыя въ селахъ «килою», въ пахи — грыжи, съ спины — нытье костей; домашнихъ животныхъ, принадлежащихъ мужикамъ, не «уважавшимъ» Евсеича, онъ беспощадно поражалъ повальными болѣзнями — и злоехидство колдуна въ этомъ отношеніи было, по общимъ разговорамъ, такъ велико, что всеобщій скотскій падежъ въ цѣлой окрестности Евсеичъ могъ производить, не слѣзая съ мѣста, на цѣлыя пятьдесятъ верстъ вокругъ.

— Ему только, пучеглазому псу, рукою стоитъ

махнуть да бровями повесть, чтобы мы обезживотѣли всѣ до одинаго человѣка! — въ ужасѣ говорили мужики, передавая другъ другу какимъ-нибудь темнымъ зимнимъ вечеромъ разнообразныя легенды про пономарское колдовство.

И много другихъ разговоровъ ходило про Евсеича по селамъ. Достоверныя сельскіе люди утверждали, что у него есть мертвая, засушенная рука, которой ему стоитъ только помахать въ полночь на какую-нибудь лѣсную помѣщичью или купеческую дачу, какъ въ ней, въ мгновеніе ока, начиналъ бунтовать сокрушительный пожаръ. Съ трескомъ и стономъ валятся отъ того пожара деревья — и залить его ничѣмъ невозможно, кромѣ какъ крещенской водою.

— Въ позапрошломъ году, — разговариваютъ про Евсеича по мужицкимъ избамъ, — какъ теперича Шаталова купца роща горѣла, стоитъ этотъ колдунъ — *пыднамарь*, — и посмѣивается. Къ рощѣ приступу нѣтъ, такъ и полыхаетъ! Подбѣжалъ къ нему Антошка Собакинъ, онъ тоже самъ дока на эти дѣла, — его три года бабка колдовать-то учила; одной только, говоритъ, штучки малость не понялъ. Подбѣжалъ Антошка къ дьячку и говоритъ ему: «Что, дьячила, ухмыляешься! На свое дѣльце любишься! А вотъ мы его сократимъ сейчасъ. Тоже сами кое-что смыслимъ». Говоритъ это Антошка, а самъ вынулъ изъ кармана бутылку съ крещенской водою — и ну поливать. Завизжало что-то въ лѣсу послѣ этого, заохало такъ ли тоскливо — и въ минуту пожаръ оборвался. Такъ тогда Евсеевъ и затрясся весь отъ злости, глазища это у него засверкали — и тутъ онъ на Антошку, всѣ слышали, какъ

рявкнулъ: «А, собачій сынъ, догадался? Ну, молитесь Богу за него, а то бы я весь лѣсъ у васъ спалилъ».

Другіе мужики говорили, что Евсеичъ имѣющей-ся у него мертвой человѣческой головою затыкаетъ рѣчные, озерные и прудовые родники, оставляя безъ воды цѣлыя мѣстности. Все тогда засыхало въ тѣхъ мѣстностяхъ: люди тоскою томились, лошади, овцы, коровы отъ безводья неугомоннымъ крикомъ кричали и еще большую тоску на людей наводили. Божья земля отъ Евсеичевыхъ *напусковъ* тоже очень страдала: ея деревья и травы стояли молчаливыми, печальными и сожженными солнцемъ, палющимъ до тѣхъ поръ, пока Евсеичъ, умилосердившись надъ ними, не смахивалъ на нихъ съ неба дождя своей властительной рукою. Находились даже такого рода прозорливые поселяне, которые видѣли Евсеича, какъ онъ въ *невидимомъ* образѣ шасталъ по сосѣдскимъ хлѣвамъ и конюшнямъ, выдаивая коровъ, выгребая у лошадей кормъ и вытягивая изъ шейныхъ жилъ молодыхъ телятъ и ягнятъ свѣжую, горячую кровь. Такая необычайность, какъ, напримѣръ, способность сдѣлаться во всякое время невидимымъ, объяснялась сельскимъ народомъ самымъ удовлетворяющимъ образомъ, именно: для полученія этой способности нужно было поймать черную, безъ малѣйшей отмѣтины, кошку, удалиться съ нею въ полночь подъ Новый годъ въ баню и тамъ тварь эту бросить въ котелъ съ кипящей водою. Всякому извѣстно, что отъ кошки, брошенной въ кипятокъ, въ самомъ непродолжительномъ времени остаются однѣ кости, — и вотъ кости эти нужно пристально и поодиночкѣ разсматривать въ зеркало, сидя въ той же банѣ въ

страшные полночные часы. Какая кость не будетъ видна въ зеркалѣ, та и дастъ человѣку, охотнику до колдовства, возможность быть невидимкою, когда ему только пожелается безнаказанно понасолить какому-нибудь хорошему человѣку.

Евсейчъ, по общему убѣжденію глухого уѣзда, обладалъ такою костью съ очень давняго времени...

Цѣлыя тридцать лѣтъ пономарствовалъ Григорій Евсеевъ въ Княжихъ Рощахъ — и во все продолженіе этихъ длинныхъ годовъ разговаривались объ немъ описанные разговоры. Откуда они начались, кто первый сочинилъ ихъ, кѣмъ, когда и какъ развивались они, пономарь рѣшительно дознаться не могъ.

Давно уже тому назадъ, Евсейчъ, увидѣвши, что нѣтъ никакой возможности разузнать мужиковъ, примѣрно хотъ относительно давней принадлежности ему кости, вываренной изъ черной кошки, глубоко принялся скорбѣть, молиться Богу, читать по ночамъ и пѣть по божественнымъ книгамъ, чтобы Господь смиловался надъ нимъ и отвелъ отъ него напрасныя обиды сосѣдей; но позднее мерцаніе въ его избушкѣ тонкой восковой свѣчки, при которой онъ совершалъ свои молитвы и пѣснопѣнія, еще болѣе варьировали суевѣрныя, мужицкія рѣчи.

Ненависть окольныхъ мужиковъ къ Евсейчу росла съ каждымъ днемъ, такъ что онъ однажды не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Господи! За что же мнѣ это? Я не могу этого вытерпѣть больше, — и ужъ ежели хочется имъ, чтобы я былъ колдуномъ, я обману ихъ: буду колдуномъ.

И съ этимъ словомъ пономаръ нахмурилъ свои

черныя брови, сморщилъ лицо, и безъ того никогда ни для кого не сіявшее лаской, смолкнулъ, прежде говорливый, и началъ ходить по улицамъ, не обращая ни на кого вниманія и бормоча себѣ подъ носъ различные непонятные звуки, въ которыхъ сельскому населенію слышалась самая черная, самая волшебная магія.

Въ ужасѣ разбѣгались отъ бормочащаго пономаря встрѣчавшіеся съ нимъ мужики и бабы; а какіе изъ мужиковъ были попьянѣе и похрабрѣе, тѣ сейчасъ вступали съ нимъ въ различныя препирательства.

— Чѣмъ тебя, Евсеичъ, моя корова обидѣла? — говорилъ одинъ. — За что ты ее такою злою смертию обидѣлъ? Подумай, колдуница клятой! Шестъ, вѣдь, день она не пила, не ѣла, а только думала да плакала... Иродъ ты, царь Іудейскій... Эх-хъ ты!

— Проходи, проходи! — отзывался басовито Евсеичъ. — Корровка! — говорилъ онъ съ такою презрительною самоувѣренностью, какъ будто ему въ самомъ дѣлѣ ничего не стоило въ одно мгновеніе ока поразить мучительной и неожиданной смертию цѣлую сотню коровъ, несмотря на ихъ унылыя предсмертныя думы. — Проходи! — страдалъ пономарь. — Дунуть мнѣ на тебя только стоитъ — сейчасъ ослѣпнешь... Тогда и коровкѣ не зарадуешься.

— Колдунъ! — азартно кричали ему. — Сколько разъ ублаготворялъ я тебя нынѣшнимъ годомъ — и молока тебѣ приносилъ, и яицъ, и всякой всячины... Но замѣсто того, у добрыхъ людей на Преображеньевъ день по всѣмъ полямъ дождикъ прошелъ, а у меня его нѣтъ. Паг-гади, дьяв-валъ!..

— Проходи, проходи! — хладнокровнымъ басомъ рычалъ Евсеичъ на разозлившася мужика, — и мужикъ дѣйствительно смирно проходилъ мимо, заслышавши это сердитое рычанье. Посылали также Евсеичу, кромѣ подобныхъ злостныхъ попрековъ, и злыя насмѣшки, по которымъ оказывалось, что онъ будто бы когда-то «укралъ мыло съ престола, пропилъ вѣнецъ съ запрестольнаго образа, пожралъ поминальный медъ» и т. д., и т. д.

Кромѣ грознаго слова «проходи, проходи!» да обѣщанія свистнуть за обиду въ лобъ, Евсеичъ ничего не отвѣчалъ на эти задирчивыя выходки; но бывали минуты, когда онъ дѣлался до такой степени страшнымъ, что совершенно оправдывалъ свою свирѣпостью сельскіе разговоры про его могучія, волшебныя силы, недоступныя смертнымъ, — и что обыкновенно случалось тогда, когда люди, особенно раздраженные имъ, спрашивали у него:

— А скажи-ка, Евсеичъ, какъ ты свою дочь выколдовалъ? Чья она у тебя!

— А-а? — гремѣлъ тогда пономарь своимъ оглушающимъ басомъ. — Ты про дочь? — яростно кричалъ онъ, сверкая воспаленными глазами и азартно бросаясь на цѣлую гурьбу мужиковъ. — Чья дочь, спрашиваешь! Божья она у меня! За что вы меня мучите, что я вамъ сдѣлалъ?—взвывая отъ какой-то глубокой муки, спрашивалъ пономарь и разсыпалъ тяжелые удары во всѣ стороны.

Мужики разбѣгались по избамъ избитые, окровавленные, изломанные. Тамъ они долго разговаривали съ своими бабами, ухаживавшими за ихъ увѣчьями.

— Звѣздануль же меня кулачищемъ колдунъ по уху! Какъ мазанетъ, этта — гляжу, звѣзды, звѣзды

съ неба посыпались, небушко, этта, будто бы падаетъ-падаетъ на меня, въ глазахъ стемнѣло — и потомъ ужъ ничего не помню. Шестеро насъ бойцовъ собралось, думали: осилимъ, молъ, братцы, — взлупцуемъ . . .

— Взлупцуешь его, демона, — отвѣчали озабоченно бабы. — У васъ кулаки-то простые, а у него наговоренные. Онъ въ каждую руку по чертенку посадить, гдѣ жъ вамъ супротивъ его! Онъ, анамедни, всѣ видѣли, Васьки Павлицева мерина одною рукою въ сарай забросилъ . . . Всю ночь, бѣдняга, въ сараѣ-то пролежалъ . . . Гдѣ ужъ вамъ съ нимъ? . .

III.

Всегда, вездѣ и во всемъ уступалъ пономарь Григорій Евсеевъ своимъ односельцамъ и только никому не позволялъ ни одного слова говорить о своей дочери. Гнѣвною безпощадною злобой омрачалось его смирное, большею частью апатичное лицо, лишь только ему удалось гдѣ-нибудь прослышать разговоръ про его Сашу.

Осталась она у него отъ покойницы жены трехъ дней, и съ этихъ поръ молодой пономарь, бывшій самымъ веселымъ запѣвалой въ сельскихъ хоровахъ, вдругъ перемѣнился: по цѣлымъ недѣлямъ онъ пересталъ выходить изъ своей избы, бросилъ всякую работу, распродалъ скотину, — и съ того времени село начало примѣчать въ своемъ веселомъ пономарѣ тѣ пугающія простой народъ странности, которыя, съ теченіемъ времени, укрѣпили за нимъ названіе колдуна. Странности эти заключались въ томъ, что многіе мужики часто слышали,

какъ въ тихія лѣтнія ночи, когда села, измученныя полевыми работами, спятъ непробуднымъ сномъ, на пономаревскомъ дворикѣ раздавался сдержанный, но необыкновенно больной и безпомощный стонъ. По рассказамъ мужиковъ, слышавшихъ этотъ полуночный стонъ, имъ должна была плакать «душа, на которой лежалъ какой-нибудь тяжкій грѣхъ передъ Господомъ-Богомъ».

Видали также обитатели Княжихъ Рощей, какъ сквозь плотно затворенныя ставни пономарской избы, по цѣлымъ ночамъ, мерцалъ слабый свѣтъ лампадокъ и восковыхъ свѣчъ. Какіе обитатели были любопытнѣе, тѣ подходили къ домику Евсеича и подслушивали. Изъ избы до этихъ любопытныхъ ушей явственно доносилось тогда унылое псалтирное чтеніе, прерываемое то громкимъ молитвеннымъ плачемъ взрослога человѣка, то порывистымъ крикомъ больного ребенка. Ласковыя, убаюкивающія и утѣшающія слова, обращенныя къ ребенку, слышались въ избѣ.

— Несчастные мы съ тобой, бѣдные! — успокаивалъ одинокій пономарь своего одинокаго ребенка. — Молчи, молчи, дитятко ты мое золотое! Я вотъ молочка тебѣ въ рожокъ волью, — Богу за тебя помолюсь.

— Это онъ объ женѣ тоскуетъ! — шептались любопытные люди подъ окнами Евсеича. — Не подобало бы духовному лицу такъ долго на судьбу свою сиротскую сѣтовать... Передъ Господомъ это грѣхъ большой выходитъ. Онъ, Батюшка нашъ, всегда къ Себѣ хорошихъ людей беретъ. Можетъ, ужъ пономариха-то давно теперь въ царствіи небесномъ находится, потому не намъ, грѣшнымъ, чета была покойница, а во всякую божественную книж-

ку, не хуже мужа, читала . . . Грѣхъ объ ней эдакъ-то тосковать!

И, дѣйствительно, трудно было понять, какъ это пономарь не зналъ тѣхъ сельскихъ благодатныхъ повѣрій, по которымъ выходитъ, что всѣ такія же хорошія, какъ была его жена, женщины переселяются за ихъ многотрудныя страданія, раннею смертію, на успокаивающее лоно Господне. Если бы Евсеевъ зналъ эти повѣрья, онъ не пошелъ бы въ разрѣзъ съ цѣлымъ селомъ и не сталъ бы такъ долго оплакивать ранней смерти своей жены, жизнь которой, будучи порвана на девятнадцатомъ году, успѣла уже и въ это короткое время намучиться до такой степени, что муки эти могли отдохнуть и успокоиться, дѣйствительно, въ однихъ только вѣчно цвѣтущихъ садахъ нетлѣннаго Божьяго рая . . .

Помнить Евсеичъ свою умершую жену маленькой воспитанницей въ большомъ дворѣ богатаго владѣтеля села Княжихъ Рощей. Она была послѣднимъ остаткомъ какого-то вымершаго семейства, не то помѣщичьяго, не то духовнаго. Самъ Евсеичъ, по круглому сиротству, не могъ попасть въ школу, и потому лѣтъ до семнадцати онъ, главнымъ образомъ, шатался по сказочно-дремучему лѣсу, окружавшему Княжія Рощи, удилъ рыбу, ходилъ на охоту вмѣстѣ съ барскими егерями, помогалъ кучерамъ выѣзживать могучихъ заводскихъ рысаковъ; иногда, по сохранившемуся въ немъ воспоминанію о принадлежности его къ «кутейникамъ», онъ пѣлъ на клиросѣ здоровеннымъ басомъ, смиренно выносилъ изъ алтаря впереди сѣденькаго, сгорбленнаго священника свѣчи въ высокихъ посеребренныхъ подсвѣчникахъ, раскланиваясь съ по-

чтеннымъ старикомъ съ тою благоговѣйною почти-тельностью, какой требовало отъ него церковное чиноположеніе. Не гнушался Евсеичъ и работой у мужиковъ: въ спѣшное время сѣнокоса или уборки хлѣбовъ мужики приглашали нарасхватъ сироту Гришутку. Такимъ образомъ онъ, какъ птица Божья, перепархиваль ночевать изъ помѣщичьей людской на пчельникъ къ отцу дьякону, съ пчельника къ какому-нибудь мужику, нуждавшемуся въ быстромъ обмолотѣ только что поспѣвшей ржи и т. д.

Въ это же время въ барскихъ хоромахъ расцвѣтала будущая супруга Гришутки. О времени этого цвѣтенія пономарихи Татьяны шли, даже очень долго спустя послѣ ея смерти, разговоры такихъ же легендарныхъ свойствъ, какими отличались только что описанные разговоры про колдовство Евсеича. По этимъ разговорамъ выходило, что Татьяна разлучила съ женою стараго барина, «изсушила» ревностью двухъ женъ молодыхъ господъ — *гвардіонцевъ*, что съ Гришкой она, въ то же время, цѣлыя ночи напролетъ въ барскихъ дремучихъ лѣсахъ просиживала и что, наконецъ, молодые господа-гвардіонцы подолгу ихъ по ночамъ въ тѣхъ садахъ подкарауливали, чтобы, при удобномъ случаѣ, шарахнуть по нимъ изъ ружей...

Итакъ, оказывается, по сельскимъ разговорамъ, Татьяна умѣла молодымъ господамъ такъ глаза отводить, что они никогда ее съ Гришкой въ саду застать не могли. Барыня одна молодая отъ ея хитрости въ прудѣ утопилась, старая — съ ума сошла и все по селу, разутая и раздѣтая, бродила, трясуясь и бормоча про себя какія-то гнѣвныя, неразборчивыя рѣчи. Когда прислуга въ хоромы ее

отводить пробовала, она принималась выть, кусаться и кричать: «Не пойду! не пойду! Танька тамъ . . . Она меня, свою госпожу, поѣдомъ съѣла, разбойница!».

Увидалъ старый баринъ, что трудно ему совладать съ Татьянинымъ колдовствомъ, сейчасъ же въ губернію бросился. «Такъ и такъ, — говоритъ онъ тамъ: — я никакъ не могу управиться съ Танькиной лихостью, — позвольте мнѣ ее обвинчать съ сиротой Гришкой, какой у меня въ Княжихъ Рощахъ, по бобыльству своему, проживаетъ, а для прокорму его прикажите ему при моей рощинской церкви въ пономаряхъ состоять».

Такъ и случилось! Года съ два жили пономарь съ пономарихой, а на третій годъ, зимою, отправились какъ-то на охоту молодые рощинскіе господа, да такъ и не возвращались. Весною уже, когда полая вода сошла изъ глубокихъ овраговъ и когда по сырымъ, обогрѣтымъ солнцемъ, мѣстамъ поползла зеленая травка, нашли обоихъ братьевъ въ одномъ изъ такихъ овраговъ; оба они были страшно топоромъ зарублены . . . Чья рука виновата въ ихъ смерти, того, навѣрное, безъ грѣха, не скажешь. Говорятъ только, что молодой пономарихѣ, во всѣ два года ея замужества, отъ молодыхъ помѣщиковъ нигдѣ прохода не было, и что зарублены они на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они ее однажды одну встрѣтили, когда она тамъ то ли грибы, то ли ягоды собирала . . .

Вскорѣ послѣ этого, оставивши мужу дочь, колдунья Татьяна умерла, и такимъ образомъ разлучились эти двѣ сиротскія доли, не успѣвши успокоить другъ друга. И какъ въ былые, молодые годы утѣшалъ Гришутка горькую сироту, бывшую общей

прислугой и потѣхой для всего широкаго барскаго двора, такъ и теперь пономарь Евсеевъ всю свою любящую, всякое горе узнавшую, во время вѣчнаго сиротства, душу положилъ на самое нѣжное ухаживание за ребенкомъ, оставленнымъ ему любимой женщиной.

Все село видѣло, какъ чудно выросла пономарская дѣвченка, и, смотря на этотъ ростъ, все село болѣе и болѣе убѣждалось въ неизбѣжномъ общеніи крохотнаго семейства Евсеича съ злыми духами.

— Каковы матушка съ батюшкой, такова и дочка будетъ! — предполагали княжерощинскія бабы. — Ужъ, братъ, яблочко отъ яблоньки далеко никогда не откатится, — и не нами это сказано, а прадѣдушками нашими да прабабушками...

И дѣйствительно, если бы встали изъ своихъ давно уже глубоко осѣвшихъ въ землю могилъ дѣдушки и прабабушки сельскихъ отгадчицъ будущности Сашутки Евсеича, то и они очень бы удивились, взглянувши на милое личико Саши, освѣщенное какимъ-то нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ унылымъ изяществомъ, и они непременно сказали бы, что ребята такіе въ бѣдныхъ сельскихъ избахъ врядъ ли рождаются и что чуть ли это «дите» не барскаго рода...

Но главнѣе всего рѣзало простые сельскіе глаза то обстоятельство, что Сашутка никогда не трепала по рощинскимъ улицамъ, какъ другія ея малолѣтнія подруги, своихъ черныхъ космъ, которыя всегда у ней были намочены квасомъ изъ душистой мяты и заплетены отцовскими руками въ мелкія спиральныя косички; никогда она не бѣгала босикомъ и ежели когда показывалась на улицу, то всегда примасленная, прибранная, на рукахъ у отца,

который, избѣгая глазъ, устремленныхъ на него съ жаднымъ любопытствомъ, живо проходилъ своей толстой, медвѣжьей походкой длинные концы Княжихъ Рощей и направлялся съ своей маленькой дочуркой въ лѣсъ, откуда уже приносилъ ее всю разубранную цвѣтами и съ полными руками ягодъ, орѣховъ и жолудей.

Такія экспедиціи тоже не проходили для Евсеича безслѣдно. Воображеніе сельскаго народа, изстари напуганное тѣми грозными дивами, которыя обыкновенно разыгрываются скучающею въ пустынныхъ лѣсныхъ глубинахъ демонской силой, сейчасъ же приписывали бѣдному пономарю происхождение какого-нибудь новаго зла, встревожившаго робкіе деревенскіе умы.

— Безпремѣнно это онъ дѣвченку свою носилъ для того, чтобы она, съ измалѣтства, къ наукѣ его привыкала, — говорилъ народъ про Евсеича послѣ каждой его лѣсной прогулки. — Имъ нужно къ страстямъ-то бѣсовскимъ съ раннихъ лѣтъ привыкать. Умираютъ многіе безъ привычки-то, какъ имъ черти, въ случаѣ ежели вдругъ всѣ свои штуки объявятъ . . . Ну, вотъ у нихъ поэтому колдовство тоже по чинамъ идетъ: сначала примутъ въ «водяные ребятки», потомъ въ «русалки-сестрички», а тамъ ужъ «черезъ двѣнадцать ножей перекидываютъ сообща въ вѣдьмы или колдуны». Тутъ ужъ имъ *самъ старшой* съ Іудой Искаріотскимъ на огненномъ престолѣ показывается и, всему своему мастерству научивши, кладетъ на колдунскіе лбы адову печать съ смолянымъ клеймомъ и съ надписью: «Рабъ нашъ! Ступай, погубляй христіанскія души . . . »

Заштатный священникъ, древній, сѣдой стари-

чекъ, наслушавшись такихъ разговоровъ про Евсеича, очень долго увѣщевалъ его «прекратить дружбу съ нечистью водяною и лѣсною, избяною и заугольною, трущобною и подкаменною, ручейною, болотною, трясинною» и т. д., и т. д.

Всѣми крестами отрещивался Евсеевъ отъ такой пропасти рѣшительно невѣдомыхъ ему друзей, — старичекъ продолжалъ все грознѣе и грознѣе настаивать на томъ, чтобы пономарь какъ можно скорѣе исправлялся и переставалъ бы напускать на православныхъ всякія лихія болѣсти, «какъ по вѣтру буйному, такъ и по вѣтру тихому, — въ рѣчки быстрыя, на гибель мужицкой животинки, тоже ты, Гришутка, смотри, — яда своего не пущай больше... Закляну!».

— Батюшка! — осмѣлился перебить старика пономарь. — За что наказываешь, старичекъ Божій? — со слезами спрашивалъ онъ. — Ни въ одномъ я въ такомъ грѣхѣ, умереть на мѣстѣ, ничуть не повиненъ. Знать я тѣхъ грѣховъ не знаю, вѣдать не вѣдаю...

— Цыцъ! — сердито прикрикивалъ сѣдой дѣдъ, постукивая палкой и наклоняясь къ поучаемому всѣмъ своимъ старчески сморщеннымъ, разсерженнымъ лицомъ. — Не грѣши и слушай отца своего духовнаго! Отецъ твой духовный и саномъ, и годами на четыре ступени старше тебя! Не смѣй ты теперь отнюдь у меня мутить своимъ наговоромъ «ни свѣтлой водицы, ни хмелевой бражки, ни стакана съ винцомъ, ни лѣкарствица знахарскаго, ни...».

— Отецъ! Отецъ! Занапрасно обижаешь меня, — будь я анаѳема проклятъ! — не вытерпѣвши болѣе, закричалъ Евсеевъ такимъ страшнымъ голо-

сомъ, что «міръ», слушавшій, какъ поучалъ его старый священникъ, въ ужасъ разбѣжался отъ этой сцены по избамъ и окончательно убѣдился въ томъ, что отъ пономарскаго злого могущества небезопасны въ себѣ ни люди, ни животныя, ни вода, ни лѣсъ, ни даже стаканъ водки, обыкновенно выпиваемой деревенскимъ народомъ либо въ особенно горестныхъ, либо въ особенно радостныхъ случаяхъ.

И пономарь міру отвѣтилъ тѣмъ же. Молчаливо назвалъ онъ людей, составлявшихъ этотъ міръ, безжалостными и безсовѣстными мучителями и еще строже затворился, вмѣстѣ съ дочерью, въ своей непроглядной избушкѣ.

А дочка Евсеича между тѣмъ непримѣтно подросла все больше и, когда ей пошелъ пятнадцатый годъ, она, благодаря своей одинокой жизни съ отцомъ, начавшимъ прямо изъ колыбели таскать ее по зеленымъ полямъ и дремучимъ лѣсамъ, очень тонко знала, въ какіе большіе праздники какая птица гнѣзда не вьетъ и пищи во весь тотъ день не принимаетъ. Многообразные сорта и имена этихъ умныхъ птицъ были Сашѣ тоже весьма извѣстны: голоса ихъ она могла безошибочно различать по вечернимъ или утреннимъ зорямъ за цѣлую версту.

Въ жаркое время лѣтняго полдня по одному только чуть-чуть примѣтному всплеску рыбы, разнѣжившейся въ теплой рѣкѣ, она опредѣляла, какъ называется эта рыба, какой ея ростъ и въ какихъ мѣстахъ она, по преимуществу, водится: въ каменистыхъ, или тѣнистыхъ, а также — любитъ ли она разгуливать по хрущанному песчанику, выстилающему рѣчное дно, или предпочитаетъ, чтобы это

дно, вмѣсто песчаника, поростало бы горькими, рѣчными травами, въ которыхъ такъ привольно барахтаться и спать широко-спиннымъ линиямъ, жирнымъ, скользкимъ налимамъ и ротастымъ неповоротливымъ сомятамъ . . .

Но всего подробнѣе Евсеичъ характеризовалъ своей Сашуркѣ собакъ — и, вслѣдствіе этихъ характеристикъ, собакъ она любила почти такъ же, какъ любила разноколерные полевые цвѣты съ міриадами вьющихся надъ ними синихъ, зеленыхъ и красноватыхъ, съ черными пятнышками на спинкахъ, мошекъ и букашекъ, которыя все лѣто, такъ сладко и никому не мѣшая, на разныя манеры, жужжать про цвѣты — про это высшее выраженіе граціи и беззлобія на землѣ, проклятой въ дѣлахъ своихъ . . .

Вся окруженная брошенными щенятами, отогнанными отъ дворовъ за старостью и слѣпотою собаками, а иногда даже сорвавшимися, при звукахъ ея голоса, съ цѣпей злыми сторожевыми псами, Саша бѣгала по дальнимъ полямъ и лѣсамъ, какъ богиня-охотница античнаго міра, и брешущій хоръ ея многочисленныхъ спутниковъ наводилъ глубокій ужасъ на все, что встрѣчалось на ея свободномъ пути, устланномъ мягкой травой, усѣяномъ веселыми цвѣтами и оттѣненнымъ раскидистыми вѣтвями прохладнаго лѣса. Мужикъ, нечаянно встрѣтившійся въ лѣсу съ княжеровщинской колдуньей, пугливо крестился и быстро выдергивалъ изъ корня толстую дубину, тщетно стараясь отбиться ею отъ обступившей его оравы псовъ, по всей вѣроятности разозленныхъ тѣмъ, что дерзкій смертный нарушилъ уединенную прогулку ихъ богини. Несмотря на дубину, горе было бы этому

смертному, его посконной рубахѣ и босымъ ногамъ, если бы богиня не вступалась за него.

По ея тихому свисту, какъ по командѣ грознаго командира, сперва замолкали сердитыя октавы цѣпныхъ псовъ, потомъ унимались надорванные и какіе-то безтолковые голоса слѣпыхъ, ошпаренныхъ кипяткомъ, старыхъ собакъ — и, наконецъ, умолкало и звонкое тявканье первыхъ зачинщиковъ дѣла — молодыхъ щенятъ. Какъ бы досадуя на то, что имъ не дали какъ слѣдуетъ расправиться съ мужикомъ, помѣшавшимъ своею прозою ихъ поэтическимъ созерцаніямъ лѣсныхъ красотъ, щенята недовольно покашливали и, вытирая, на проворномъ ходу, толстыми лапами свои омраченныя злобою морды, дружно подбѣгали къ нимфѣ рощинскихъ полей и лѣсовъ и смирно укладывались около нея. И снова начиналось созерцаніе до тѣхъ самыхъ поръ, пока какой-нибудь заяцъ опять не взбаломучивалъ чуткой стаи. При видѣ псовъ, звѣрекъ этотъ пугался еще болѣе, чѣмъ встрѣчный мужикъ — и Саша никогда и ни подъ какимъ видомъ не позволяла своимъ любимцамъ схватить его за сѣроватыя, такъ быстро и трусливо мелькающія въ лѣсной зелени, уши.

Ежели же Сашѣ случалось заснуть на какой-нибудь залитой солнцемъ лѣсной полянѣ и потомъ вдругъ пробудиться отъ внезапнаго закипѣвшаго гомона ея любимцевъ, она по этому гомону сразу узнавала, какой именно звѣрь пустился отъ нихъ на утекъ: зубастый ли волкъ ломится теперь сквозь частыя молодыя поросли лѣса, оставляя на нихъ клочья шерсти, которую такъ далеко чуютъ собаки, или это просто-напросто шаловливая бѣлка, забравшись на самую верхушку раскидистой березы, лю-

бопытно и насмѣшливо посматриваетъ теперь съ высокаго дерева на безплодно бѣснующуюся у его подножія стаю. И, вообще, всѣ самомалѣйшія видоизмѣненія въ собачьемъ лаѣ давали Сашѣ возможность несомнѣнно отгадывать маленькія сельскія происшествія, иногда за цѣлую недѣлю прежде, чѣмъ они случались. Выйдетъ она, бывало, въ свой садикъ, въ какую-нибудь душную, лѣтнюю ночь, когда молодая кровь, тоскуя въ молодомъ тѣлѣ, не даетъ ей уснуть до самаго холодка утренней зари, — и вотъ, въ мертвой, ночной тишинѣ, съ какою-то сдержанною таинственностью, погремливаютъ голоса вѣщихъ животныхъ. Одни изъ этихъ голосовъ явственно говорятъ Сашѣ, что скоро такая же темная и тихая ночь освѣтится багровымъ заревомъ пожара, а тишину ея разрѣжутъ торопливый звонъ набата и громкій крикъ смятеннаго этимъ пожаромъ народа; другіе голоса еще явственнѣе толковали, что скоро изъ этого дома, около котораго они такъ печально стонали, вынесутъ гробъ — и будетъ провожать этотъ гробъ до могилы скорбный плачъ человѣческой, несравненно сокрушеннѣйшій неразумнаго и безсловеснаго стона животныхъ. Вотъ, по близости, звенятъ еще голоса, и звенятъ они очень согласно, соблюдая даже какой-то тактъ, словно бы имъ хотѣлось продолжительное и довольно разнообразное вяканье, отличавшееся очень оживленнымъ характеромъ, закончить бойкою, веселою рѣимой.

«Ну, это курдюмовскія собаки «играютъ» . . . — молчаливо предполагала Саша, не выходя почему-то изъ какой-то унылой задумчивости даже при бойкой «игрѣ» веселыхъ курдюмовскихъ щенковъ. — Это значить, — шептала княжерощинская волшеб-

ница: — у младшаго Курдюмова сына первый ребенокъ родился. Это ужъ я давно знаю, не могу сказать только — мальчикъ или дѣвочка. Этого и самъ тятка не знаетъ. Онъ говоритъ: это одному Богу извѣстно. На небесахъ у него все тамъ записано: мальчикъ ли, дѣвочка, какъ имя имъ будетъ, — вотъ отъ того на землѣ про это дознаться то никому и нельзя . . . »

Но всѣ эти сверхъестественныя познанія были, впрочемъ, вовсе не такого рода, чтобы могли особенно изумлять сельское населеніе. Въ средѣ его находились такіе старики-доки, которые, въ этомъ отношеніи, были гораздо почище Саши. Они, на примѣръ, могли самую злую собаку — связать, какъ барана, и таскать ее на плечѣ, сколько требовалось публикату, обыкновенно, увеселяющемуся сими зрѣлищами на крикливыхъ деревенскихъ базарахъ. Другіе изъ этихъ докъ могли показывать фокусы еще болѣе удивительные: густыми, звонко жужжащими тучами, слетаются съ ближнихъ пчельниковъ пчелы на призывное маханье дырявыхъ войлочныхъ шляпъ, принадлежащихъ этимъ докамъ. И за все это никто не думалъ обзывать такихъ стариковъ колдунами, а, напротивъ, всякій базарный человѣкъ старался угостить ихъ либо стаканчикомъ, либо рюмочкою . . .

— Можешь ли ты, дѣдушка Ѳедотъ, — спрашиваютъ доку торговцы, — потягаться съ пономаревой Сашкой?..

— Нѣтъ, братъ! — таинственно и пугливо отвѣчалъ старина, выламывая стаканъ. — Не такого тутъ Ѳедота нужно, штобы, то есть, съ дѣвкой этой потянуться возмогъ. Ей, другъ, подь начало-то отпущено семнадцать персонъ лѣсничковъ однихъ,

да водяныхъ десятка два, а то и поболѣ... Ну, а у насъ-то, признаться, только два надежныхъ дружокъ и есть: одинъ-то на Егорьевской мельницѣ въ бучилѣ подъ колесами проживаетъ, а другой у Хвощинскаго барина въ старомъ домѣ, въ погребѣ, приютился... Этотъ точно, что у меня лютъ, — я его и съ цѣпи-то рѣдко спускаю. И, по правдѣ сказать, давно намъ желательно мальчуганчика эфтого съ пономарихой стравить, но подождемъ пока до поры до времени, — пусть подрастаетъ... Хочешь посмотрѣть въ случаѣ, станови полштофъ...

— Нѣтъ, ужъ Богъ съ тобой! — испуганно отрещивается торговецъ отъ этого радушнаго предложенія. — Твое добро при тебѣ и останется...

— Ну, такъ за угощенье! — благодаритъ колдунъ, которому, наконецъ, до смерти опротивѣла довѣрчивая глупость собесѣдника. — Только смотри — слушай, что я тебѣ за твою ласку скажу: не гнѣви Сашку. Она, братъ, дальше своего отца на семь сажень въ землю зреть. Вотъ мы теперь съ тобой судачимъ про нее, а она сичасъ про это учуетъ... Видишь, вонъ тучка-то понеслась... Эфто, другъ, къ ней!.. Съ письмецомъ... Берегись, кабы тамъ у тебя дома-то чего не случилось!.. Ну, съ Богомъ! Прощенья просимъ...

Съ озабоченнымъ, печально-задумчивымъ лицомъ выходилъ мужикъ изъ кабака, садился въ телѣгу и ожесточенно принимался нахлестывать свою лошадь, пристально посматривая на разроставшуюся тучу, изъ мрачной синевы которой уже начали посверкивать тонкія бѣлыя молніи.

— Святъ, святъ, святъ, Господь-Саваоѣ!.. — крестясь шепталъ мужикъ, при чемъ по лицу его

все больше и больше распространялась какая-то тупая, смертельная блѣдность. — Батюшка, святой Илья Пророкъ! Защити меня грѣшнаго отъ дѣвицы Ликсандры! Не дай въ обиду лихому человѣку . . . Вотъ ужъ рожь продамъ, такъ безпремѣнно тебѣ, батюшкѣ моему, молебень отслужу съ водосвятиемъ . . .

Минуло Сашѣ шестнадцать лѣтъ, и въ это время она окончательно и разумно уяснила себѣ ту адскую жизнь, которая выпала на долю ея горемычнаго отца и заставила его затвориться въ избушкѣ съ единственной отрадой — дочерью. Словно бы какой невиданный ею новый міръ открылся передъ нею, когда она поняла, что ретивое, стариковское сердце, не могши больше бороться съ людскою неправдою, умираетъ теперь отъ невыкриканнаго гнѣва и отъ неотомщенныхъ напрасныхъ обидъ; и вотъ принялась она, изъ всѣхъ своихъ молодыхъ силъ, залѣчивать раны этого многострадальнаго сердца . . .

Евсеичъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше озлоблялся на людей, и часто случалось такъ, что онъ по цѣлымъ днямъ молча лежалъ на кровати, отвернувшись къ темной стѣнѣ отъ дневного свѣта, такъ ярко бывшего въ оконныя рамы. Крѣпкая сила пономаря видимо угасала . . .

Слухи, наконецъ, долетѣли до губерніи, какъ о зломерзкомъ колдовствѣ княжерощинскаго причетника, такъ и объ его болѣзни, не позволяющей ему исправлять, съ должною аккуратностью, возложенной на него должности, — и вотъ губернія, принявъ все это въ соображеніе, пожаловала Евсеича «въ заштатъ». Не только ни однимъ словомъ не упо-

мянула ему Саша объ этомъ «заштатѣ», но она даже ухитрилась (вѣроятно, по прирожденному ей колдовству) поставить дѣло такимъ образомъ, что многіе рощинскіе мужики, ни разу не входившіе въ избу къ Евсеичу, теперь входили въ нее. Вошедши и увидѣвши, что въ переднемъ углу заклѣтой избы стоятъ святыя иконы въ мѣдныхъ, ярко вычищенныхъ ризахъ, что передъ ними теплятся хрустальныя лампадки и висятъ, въ цвѣтныхъ бумажныхъ вяхиряхъ, пасхальныя яйца, мужики набожно крестились и съ лаской, какой пономарь давно уже не слыхалъ отъ этихъ людей, говорили:

— Помогай Богъ, Григорій Евсеичъ! Што, другъ, заболѣлъ? Перемогайся-ка поскорѣе! Безъ тебя у насъ, братъ, въ церкви Божьей и пѣнье не въ пѣнье.

— Не пѣвецъ ужъ я вамъ больше, господа! Прошло! — болѣзненно отвѣчалъ пономарь, продолжая разсматривать на закоптѣлой стѣнѣ многочисленныя гіероглифическія трещины, должно быть, весьма интересно рассказывавшія ему про тѣ напраслины, которыя загубили его жизнь и жизнь его молодой жены. — Спѣта моя пѣсенка, братцы, — устало добавлялъ Евсеичъ, — теперь вы пойте; а я вамъ товарищемъ никогда не былъ, да и теперь не буду. И прежде-то я по вашей землѣ съ большою опаскою похаживалъ, ну, а теперь поклонюсь міру, попрошусь пройти по ней въ послѣдній разъ повольнѣе... На погостъ! Такъ-то!

Посѣтители, слушая эти слова больного человѣка, сдержанно покашливали и тоскливо переминались на одномъ мѣстѣ большими, неуклюжими сапогами. На нихъ, очевидно, производилъ грустное впечатлѣніе меланхолическій тонъ Евсеича, пото-

му, что на глазахъ этихъ людей навертывались слезы, которыя они напрасно старались скрыть.

— Что это вы, тятенька, все про смерть да про смерть говорите? — разбивала Саша своимъ веселымъ голосомъ печальныя отцовскія рѣчи. — Къ вамъ живые люди пришли, — въ гости зовутъ. Нехорошо на нихъ свою тоску наводить. Къ нимъ, вонъ, сыновья въ отставку изъ солдатъ пришли, писемъ нанесли почти всему селу, — нужно же ихъ прочитать, потому они у нихъ и такъ ужъ другую недѣлю лежатъ нечитанныя.

Пономарь, въ былые годы такъ любившій, посредствомъ чтенія солдатскихъ писемъ, знакомиться съ чудесами далекаго міра, находившагося гдѣ-то далеко за Княжими Рощами, теперь уже не обольщался и этой приманкой. Лежа, онъ думалъ: «Что я имъ стану про ихнія радости читать? Не пойду! Еще пуще натруднятъ мнѣ душу мужицкіе разговоры да бабьи слезы «объ родимыхъ солдатушкахъ». Ужъ лучше отъ своихъ однѣхъ слезъ въ темную могилу спущусь». И чѣмъ больше, по сельскому выраженію, «сохъ старикъ», тѣмъ дѣлался все менѣе общителенъ. Упорное созерцаніе потрескавшейся стѣны занимало теперь всѣ его длинные, вольные досуги. Онъ даже какъ-то неохотно принималъ ласки дочери, и Саша, смотря на его почти дѣтски-капризные причуды, увидала, что въ томъ волшебномъ мірѣ, въ которомъ выросъ ее отецъ, кромѣ вѣчной красоты и младенчески свѣтлыхъ пониманій объ ней, царитъ еще угрюмое зло, быстро убивающее жизнь тѣхъ людей, которые вѣчно отвертываются отъ его синебагроваго лица, дышащаго смертью и ненавистью...

Причуды больного отца заставили Сашу вспо-

мнить, какъ онъ когда-то, посадивши ее къ себѣ на колѣни и тихо глядя маленькую дѣтскую головку, училъ ее какому-то «катехизису», въ которомъ говорилось: «Не убій!» Не свидѣтельствуй на друга своего свидѣтельства ложна».

Она знала, что отецъ ея никого не убивалъ, объ другѣ своемъ не лжесвидѣтельствовалъ, и въ то же время видѣла, что его обвиняютъ въ томъ и другомъ . . .

Идутъ къ Сашѣ эти тяжелыя думы — и старается она смягчить ихъ тяжесть «псалмой», которой тоже научилъ ее отецъ. И вотъ поетъ она, быстро повертывая блестящими проволочными спицами, которыми вяжутъ чулки:

— Хвали, мой духъ, святую Варвару,
И подивись въ ней Божію дару,
Какъ она, еще молодая,
На прекрасну тварь взирая,
Познала всѣхъ Бога!

Даже бреда больного отца не слышитъ Саша, когда псалма представила ей образъ великомученицы Варвары, на святую голову которой мучитель Деоскоръ положилъ язвѣщій, терновый вѣнецъ . . .

«За што? За што? — болѣзненно спрашиваетъ Саша свою одинокую душу, продолжая пѣть псалму. — Вотъ и тятеньку такъ же измучили, и маменьку — онъ мнѣ сказывалъ — такъ же . . . ».

И звенить въ печальной избѣ святая пѣсня, выливавшаяся изъ молодой дѣвичьей души, повторяются въ безотвѣтной тишинѣ этой избы вопросы: «за што? за што?» И на вопросы эти отвѣчаетъ одинъ только бредъ сумасшедшаго человѣка, который кричитъ: «Не играй больше на гусяхъ, Давидъ! О, Давидъ! Берегись царскаго гнѣва, ежели

только отъ твоей сладкой игры улетитъ моя злость на людей! . . . О, берегись, Давидъ! . . . Дайте копье мнѣ! . . .» привставая съ постели бѣшено кричитъ пономарь, сверкая воспаленными глазами и грозно хмуря исхудалое, пожелтѣлое лицо, обрамленное, какъ смоль, черною бородою . . .

— Тятенька! Тятенька! — вскрикиваетъ Саша, обливая холодною водою напряженные и жарко трепещущія жилы отцовской головы. — Выпейте холодной водицы, — говоритъ она, вспоминая, между тѣмъ, эпизодъ изъ «Ста четырехъ священныхъ исторій», гдѣ, на одной картинѣ, представлялось искаженное злобой лицо царя Саула, яростно устремляющагося съ копьемъ на своего юнаго преемника, въ рукахъ котораго были ласкающія гусли.

Одно воспоминаніе въ такой воспріимчивой головѣ, какою была Сашина голова, влечетъ другое: всѣ картины этой «Ста четырехъ священныхъ исторій» развернулись теперь передъ Сашей, сверкая охрой и киноварью, — и на рѣдкой изъ нихъ не было терновыхъ вѣнцовъ, острыхъ копій, широкихъ мечей, поражающихъ молній и т. д., и т. д.

И теперь только, когда Саша подносила къ воспаленнымъ губамъ отца холодную воду, она увидѣла глубокій смыслъ этихъ исторій: ея дѣвичья дума, продолжаясь, заглянула, наконецъ, въ картину, изображающую Пилата-Понтія, который умывалъ руки отъ крови «Праведника сего».

— И съ тятенькой такъ, и съ маменькой такъ! . . . — шептала она, наклоняясь и согрѣвая своимъ теплымъ лицомъ охладѣлое и помертвѣвшее лицо отца. — И съ ними точно такъ же, и въ священной исторіи, и въ простой исторіи, въ чети-минеи, и въ сказкахъ, и въ лѣсу, и въ полѣ, вездѣ

все одно и то же Што это я тятеньку своего не берегла до сихъ поръ, глупая? — шептала Саша, ломая руки и не умѣя чѣмъ помочь безжизненности отца.

— Што же это онъ?.. Аль умеръ?.. Тятя! — расталкивала Саша стариновскій трупъ. — Споемъ вмѣстѣ «другъ друга обымемъ!» Ты этому учишь меня . . . Ты говорилъ: «любы другъ другу сотворите!» Пасху! Хочешь, я тебѣ спою «красную, вѣчную пасху»? Хочешь? Нѣтъ? Ну, спи, Христосъ съ тобой! . .

И въ этотъ моментъ Саша отдѣлилась отъ сказки, въ беззаботномъ мірѣ которой, благодаря отцовской любви, до сихъ поръ вращалась она, и захотѣла она съ того времени, лицомъ къ лицу, встрѣтиться и сразиться съ многочисленными и губительными неправдами житейской правды . . .

IV.

Вмѣстѣ съ смертью стараго Евсеева, Саша была со всѣхъ сторонъ охвачена самою злою дѣйствительностью въ своей одинокой, сиротской избушкѣ. Въ ней уже больше не раздавалось пѣнія двухъ стройныхъ голосовъ о несказанныхъ мученіяхъ какого-нибудь строгаго подвижника Христовой вѣры, запечатлѣвшаго кровью своею пламенную любовь къ ней, — по вечерамъ въ этой избѣ вмѣсто старинной сказки о разбойникахъ, населившихъ нѣкогда рощинскіе лѣса, царило одно молчаливое уныніе, прерываемое безпомощнымъ, несдержаннымъ плачемъ; вмѣсто свѣтлыхъ сновъ, рѣявшихъ веселыми, фантастическими гурьбами надъ дѣвичьимъ изголовьемъ, залетали теперь сны тревожные и зловѣщіе,

которые, по нѣскольку разъ въ ночь, пугали сироту и заставляли ее, въ молитвѣ и страхѣ, простаивать пугающіе полночные часы предъ оставленными ей отцомъ иконами, бывшими въ это печальное время единственными защитниками ея молодого сиротства.

Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ одиночество все больше и больше распугивало изъ Сашиной головы младенчески наивныя представленія о природѣ, о жизненной правдѣ, о тайнахъ лѣсовъ, рѣкъ и полей. Она никакъ не могла объяснить себѣ, какимъ образомъ вся эта красота, понимать которую научилъ ее отецъ, могла существовать въ одно и то же время вмѣстѣ съ безысходнымъ зломъ, обрушившимся на нее. Въ своей наивности, она не знала за собою «грѣха», за который можно бы было отнять у ея любви любовь отца и матери. Во время долгой ночной безсонницы, предъ несмыкающимися глазами Саши развивались веселыя семейныя картины села: вездѣ довольство, хотя и незavidное, вездѣ ласки, вездѣ интересъ другъ другомъ.

— Только у меня у одной ничего нѣтъ! — отчаянно бредила изнемогшая отъ несчастья дѣвушка. — Отчего же это? — спрашивала она безучастную темную ночь. — Отецъ никогда не ругалъ меня, не билъ. — И тутъ вспомнилось ей, какъ часто сельская нужда, въ видѣ какой-нибудь разозленной до послѣдней степени матери, вслухъ всей улицы, призываетъ всевозможныя «черныя немочи» и «лихія болѣсти» на головы своихъ ребятишекъ, измучившихъ ее криками о «хлѣбцѣ», о «молочкѣ», которыхъ ни капли и ни крошки у матери не было... И все это живо и теперь еще, все это въ настоящую минуту беззаботно и сладко спитъ, крѣпко обняв-

ши другъ друга, между тѣмъ какъ отецъ ея спитъ въ холодной могилѣ, а она мучится на постели, отъ которой будто бы какой-нибудь злой колдунъ на вѣки вѣчные отогналъ сонъ, успокаивающій людское горе.

Зло стояло передъ измученной дѣвушкой до того наяву, что она, наконецъ, повѣрила ему. Въ ея до сихъ поръ дѣтскомъ сердцѣ шевельнулось что-то такое, что сдѣлало ее весьма похожею на покойнаго Евсеича. Она какъ-то оцѣпенѣла и, безвыходно сидя въ своей избушкѣ, то сосредоточенно молчала, то на колѣняхъ и со слезами молилась Богу, и рыдая, спрашивала у Него: «На что все это, Господи? Для чего?».

И поняла въ это время дѣвушка, что людей можно не только любить, но и ненавидѣть, что въ ихъ брани и лжи часто слышится правда, которая, въ свою очередь, при видимой убѣдительности, не менѣе часто звучитъ обманомъ и ложью . . . Понявши это, Саша, хотя и испугалась того, что ей ужъ не придется теперь всецѣло вращаться въ мірѣ красоты и правды, завѣщанномъ ей покойнымъ отцомъ, но тѣмъ не менѣе она твердо рѣшилась выйти изъ своего затворничества для того, чтобы идти къ людямъ и взять у нихъ принадлежащую ей долю жизни . . .

Такъ измѣнилась наша героиня — и, вмѣстѣ съ ея переменой, въ Княжихъ Рощахъ начало примѣчаться что-то до того новое, чего въ нихъ не бывало отъ вѣка: въ эту лѣсную глушь стали по временамъ залетать, неизвѣстно откуда-то, какіе-то странные, тревожные слухи. Говорили, что въ самомъ непродолжительномъ времени — мужиковъ, бабъ и дѣвокъ, всѣхъ до единого человѣка, раздадутъ учить

грамотѣ, послѣ чего всѣмъ прикажутъ торговать. Въ какой-то одной губерніи, выходило по слухамъ, всѣ уже выучились — и теперь, будто бы, всѣ торгуютъ, — кто пареной грушей, кто лаптями . . . И такое широкое развитіе коммерціи, все по тѣмъ же слухамъ, требовалось на тотъ случай, чтобы не задержать войска, которыя скоро безъ лошадей поѣдутъ на войну съ какимъ-то царемъ по желѣзнымъ дорогамъ — и такъ какъ изъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ будетъ идти неугасимый огонь и вонючій дымъ, то весь народъ долженъ быть наготовѣ съ желѣзными ведрами въ рукахъ, чтобы обливать солдатусшекъ для прохлады . . .

Толковали еще, что не будетъ также никакихъ судовъ, ни палатъ; а ежели, въ случаѣ, кто кого обидитъ, такъ свои же сельскіе мужики соберутся, да одного подсудимаго по шапкѣ, другого по шеѣ, — и дѣлу конецъ! Увѣряли, что разборка скорая будетъ и, кромѣ того, безъ обиды . . .

По поводу этихъ слуховъ на Княжія Рощи напало такое тяжелое уныніе, какому, вообще, поддаются слабые, болѣзненные люди, предчувствующіе «свое несчастье» и съ покорно склоненными головами ожидающіе, когда «несчастье» придетъ къ нимъ и размозжитъ ихъ своими тяжелыми ступнями . . . Право на это уныніе подкрѣплялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ село, до сихъ поръ невозмутимо тихое, стали залетывать бойкія почтовые тройки съ серьезными господами, которые сорили деньгами и угощали виноградными винами стараго и малаго. Господа эти по цѣлымъ недѣлямъ заживались въ селѣ, то играя въ карты, то вымѣривая окрестные лѣса и поля длинными цѣпями. По большимъ, окладистымъ бородамъ пріѣзжіе были

похожи на купцовъ, а по платью и, всего больше по бѣлымъ рубахамъ, на дворянъ; разговаривать они съ мужиками мало разговаривали, а деньги давали часто и помногу. Когда же кто-нибудь, пожелавши за пожалованье ручку поцѣловать у барина, лѣзъ къ нему съ словомъ, что, дескать, позвольте, ваше сіятельство, руку твою поцѣловать, — на того баринъ звѣремъ окрысивался и сердито кричалъ: «убирайся къ свиньямъ!...».

Въ Княжихъ Рощахъ очень дивились на этихъ людей и долго считали ихъ за какое-то новое и строгое начальство, которое сначала-то милуетъ-человѣка, а потомъ, съ теченіемъ времени, вдругъ подкрадется къ нему и царапнетъ...

Наталкивались на село и другіе господа, которые, гораздо болѣе первыхъ, возмущали мертвую тишину Княжихъ Рощей. Они были одѣты бѣдно, хотя тоже по-господскому, пили чай, ѣли яичницы и говорили по общимъ отзывамъ всѣхъ княжерощинцевъ, какія-то «несообразныя» рѣчи о «народномъ невѣжествѣ, о необходимости заведенія школъ, общихъ банковъ» и т. д., и т. д.

Говорили они, какъ и теперь помнятъ многіе мужики, складно, но непонятно — и многіе изъ нихъ, видя, что надъ ними смѣются, принимались горько плакать. А однажды въ село пришелъ такой даже человѣкъ, который все лѣто прожилъ въ Рощахъ и нѣсколько разъ принимался упрашивать міръ на колѣняхъ, чтобы онъ дозволилъ ему научить мужиковъ, какъ нужно настоящій ленъ разводить, по книгамъ. Баринъ этотъ молодой былъ и, видимо, богатый, потому что онъ каждый разъ угощалъ мужиковъ «до ризъ положенія». Бабы на него особенно сильно злобились за то, что онъ

спайвалъ мужиковъ; на квартиры онѣ его не пускали и говорили ему: «Уйди ты отъ насъ, «ноги тонки, боки звонки!» А то мы тебѣ общимъ соборомъ всѣ твои звонкіе бока-то обломаемъ . . . » Засмѣется, бывало господинъ, глядя на бабъ и скажетъ имъ: «Дуры вы, дуры! Счастья своего не понимаете . . . Если бы вы меня послушали, вы бы всѣ въ червонное золото убирались . . . ».

Однако, скоро рощинскіе мужики, несмотря на то, что баринъ этотъ одурманивалъ ихъ частыми выпивками, догадались, какого полета онѣ птица. Сначала они сочли его за человѣка, который просто-напросто хочетъ порядкомъ «нагрѣть» этой своей льняной наукой, потомъ стали примѣчать за нимъ уже вовсе недоброе: началъ онѣ приставать къ бабамъ, дѣвкамъ и молодымъ парнямъ, чтобы они ему пѣсни играли, сказки рассказывали, такъ приставать, что и постовъ не разбиралъ. Парней водкой поить, женскій полъ сластями угощаетъ, а самъ только покрикиваетъ — пой да пой ему пѣсни! Рассказывай да рассказывай ему сказки, хоть въ будній день, хоть подъ большой праздникъ какой, ему все это единственно! . . . Толковать рощинцы промежду собой о чемъ-нибудь примутся, онѣ ужъ тутъ и финтитъ, какъ бѣсъ предъ заутреней, и прислушивается, да въ книжечку все тѣ разговоры карандашикомъ краснымъ и записываетъ . . .

Терпѣли, терпѣли рощинцы и, чтобы не дать врагу вдосталь загубить себя, однажды всѣмъ селомъ взяли да и навалились на него: книжки эти у него всѣ пожгли и попрятали, а самого его въ кандалы по ручкамъ и по ножкамъ да къ становому подъ конвоемъ на обывательской подводѣ и отправили . . .

И, по свидѣтельству сельскихъ очевидцевъ, такой колдунъ былъ большой этотъ баринъ, что куда же до него дойти Евсеичу! Тотъ сердился и бранился, когда его колдуномъ обзывали, а этотъ — его въ цѣпи заковываютъ, онъ со смѣху помираетъ; изловчится ежели кто-нибудь изъ міра по шеѣ его чесануть, онъ только одно слово и скажетъ: «Стыдно тебѣ, братъ! Что я тебѣ сдѣлалъ?».

Даже пономареву Александру призывали рощинцы въ это время, чтобы она смѣхъ того колдуна-барина уняла, и въ случаѣ, ежели бы онъ послѣ себя оставлялъ на селѣ какое-нибудь навожденіе, такъ она бы и навожденіе-то, какъ можно, но, лучше, отговорила. Пришедши на зовъ міра, Саша очень о чемъ-то плакала, а колдунъ, смотря на ея слезы и давно уже наслышавшись объ ея колдовствѣ, еще болѣе ужасалъ мужиковъ своимъ грохотаньемъ, съ которымъ онъ, скованный, кричалъ имъ съ телѣги:

— Ахъ, вы, шуты гороховые! Какой колдуньей меня удивить вздумали? Да, вѣдь, она у васъ младенецъ почти! Да глядите же, дурачье: вонъ она, еще ничего не видя отъ меня, плачетъ ужъ; ну, а что будетъ, ежели я вотъ дуну на ваши кандалы — и ихъ на мнѣ знаку не будетъ? А? Что вы скажете, когда я ихъ вотъ сейчасъ разрывъ-травушкой смажу?... Ха, ха, ха! Вѣдь, я васъ всѣхъ тогда исковеркаю и съ колдуньей-то вашей деревенской!... Охъ, ребята! — хохоталъ колдунъ, громко звеня кандалами, — вотъ не хочется мнѣ только теперь связываться съ вами... Ха, ха, ха! А то бы всѣхъ бы я васъ тутъ же обратилъ въ идольскихъ истукановъ... Ха, ха, ха!

Десять мужиковъ на телѣгахъ и пять отстав-

ныхъ солдатъ верхами провожали колдуна, — и долго послѣ его отъѣзда міръ всячески бранилъ Сашу, которая не могла справиться съ его несокрушимой силой . . .

— Што, подлая! — злобно говорили ей встрѣчныя бабы. — Училась, училась колдовать-то съ отцомъ, а какъ пришлось своимъ односельцамъ заступу сдѣлать, такъ ты и въ кустъ . . . Погоди! . .

— Ну, дѣвка! — въ свою очередь вторили своимъ супружницамъ мужики, — мало мы тебя съ отцомъ пробирали, — боялись двоихъ. Ну, а теперь ты одна . . . Можетъ, одна-то ты изъ нашихъ рукъ и не вывернешься . . . Можетъ ты одна-то, безъ старика, и не сможешь изъ огня бѣлобокой сорокою выскочить . . . Пог-годи! . .

Скоро вслѣдъ за этимъ происшествіемъ пріѣхавшій становой отчасти усмирилъ сельское волненіе. Онъ успокоилъ село своимъ господскимъ словомъ, увѣрявшимъ, что колдунъ тотъ въ Княжія Рощи больше никогда не возвратится.

— Надъ семью колдунскими губерніями онъ самый главный начальникъ, — серьезно увѣрялъ становой собравшихся около него мужиковъ. — Кабы не моя сноровка да не ваше счастье, задалъ бы онъ вамъ жару . . . Стали бы вы его помнить! Ну, господа-міряне, соберите-ка мнѣ тамъ гостинчикъ какой-нибудь за мои хлопоты . . . Ужъ и повозился же я съ нимъ, съ проклятымъ! Ты его въ цѣпи всего закуешь, а онъ въ муху перевернется, да въ ея образъ и погуливаетъ себѣ по тѣмъ цѣпямъ, словно бы и не онъ, мошенникъ . . .

— Господи! Господи! Какого только народа змѣевого не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ! — уныло толковали мужики, расходясь по домамъ, съ цѣлью

припасти гостинчикъ доброму «барину», освободившему ихъ отъ вражескихъ навожденій.

По прогалинамъ, широко прорубленнымъ въ княжерощинскомъ лѣсу, бѣгутъ теперь, вмѣсто старинной, ухабистой дороги, блестящіе рельсы «чугунки». По лѣснымъ пустынямъ, хотя еще сохранившимъ свой угрюмый, пугающій характеръ, но уже значительно порѣдѣвшимъ, раздается какой-то неопредѣленный, грозный гулъ, сопровождаемый пронзительнымъ оглушающимъ свистомъ. Вмѣстѣ съ этимъ гуломъ, высоко поднявшись надъ коренастыми деревьями, летятъ сизые, извилистые клубы дыма, изъ которыхъ сыпались на лѣсъ трескучія искры. Вотъ, наконецъ, въ виду села показался самый поѣздъ, и Княжія Рощи, прежде столь воспріимчивыя къ волшебнымъ чудесамъ, населяющимъ ихъ лѣса, поля и рѣки, теперь остаются совершенно спокойными, смотря на приближеніе къ нимъ перваго дива нашего времени.

Временами только сельскіе мальчишки и дѣвченки, въ чаяніи зашибить копеечку, усиливаются пробѣжать нѣсколько шаговъ вровень съ вагонами, въ раскрытыя окна которыхъ видны разнохарактерныя фізіономіи пассажировъ. Пасущіеся около рельсъ телята и жеребята также иногда протестуютъ противъ наѣзда грозной, желѣзной силы на ихъ тучныя и тихія пастбища. Но и этотъ протестъ, начавшись испуганнымъ мычаньемъ и нелѣпымъ намѣреніемъ остановить непобѣдимаго богатыря, скача около самаго его желѣзнаго, пламеннаго носа, оканчивался всегда такою картиною, которая, какъ нельзя болѣе лучше, въ одно и то же время отучала село отъ вѣры въ сомнительныя силы сказочныхъ «водяныхъ, лѣшихъ», и пріучала его къ

вѣрѣ въ правдивую науку, оживотворяющую паръ и желѣзо.

Часто случалось, что «машина», завидя своими тремя ослѣпительно сверкающими глазами бѣгающихъ впереди себя протестантовъ, останавливала свой стремительный полетъ и тѣмъ давала имъ возможность спасти свои бѣдные животы.

Видя такіе случаи, мужики не только забывали старинное повѣрье, что машину рогатые черти возятъ,—напротивъ, они, крестясь, любовно говорили:

— Эхъ, матушка, живая словно, даромъ что изъ желѣза да изъ мѣди выкована! Ину пору лошадку, помоложе какую, не остановишь; а тутъ на-ка поди! . . Чудеса Господни!

И какъ перемѣнились мужики, такъ перемѣнились и самыя Княжія Рощи: въ нихъ теперь три новыя бѣлыя церкви, вмѣсто одной деревянной, до того древней, что ея тесовая крыша проросла уже зеленою травянистой гнилью. Съ станціонной платформы можно было видѣть, какъ, между закоружеными массами гнилыхъ крестьянскихъ построекъ, кое-гдѣ ютятся свѣтлые городскіе домики, съ палисадниками, съ золотыми вывѣсками; на огородахъ, на которыхъ въ старину процвѣтали одни только желтопузые огурцы да вонючая рѣдька, теперь блестятъ стеклянныя теплицы съ разнообразными овощами; на окрестныхъ поляхъ волнуются пшеница и волосистое просо; а вонъ, въ лощинѣ, кто-то разводитъ правильный, невиданный еще въ этой мѣстности, садъ; вонъ еще кто-то разводитъ другой такой же садъ, спуская его съ отлогой горы къ широкой рѣкѣ, на берегу которой стоитъ большой дощатый шалашъ. Развѣшанные около шалаша длинные «вентери» ясно говорятъ, что здѣсь производится

рыболовство не для одного только хозяйскаго обихода. Судя по длинѣ этихъ вентерей и по множеству высыпавшаго на платформу народа, который пріѣхалъ съ поѣздомъ, можно было безъ ошибки сказать, что рыба въ рѣкѣ Княжой не будетъ уже болѣе такъ спокойно спать, какъ спала она до настоящей поры длинные годы . . .

Много посторонняго народа также наѣхало въ Княжія Рощи, до того много, что этотъ пріѣзжій людъ совсѣмъ почти заглушилъ собою туземное населеніе. Вотъ два мелочныхъ лавочника, пріѣхавшіе изъ Москвы торговать, чрезвычайно похожіе другъ на друга. Оба они въ длинныхъ замасленныхъ сюртукахъ и въ толстыхъ ватныхъ картузахъ; у обоихъ у нихъ рыжія окладистыя бороды, способныя попеременно, черезъ каждую секунду, и отражать на себѣ глубоко серьезную солидность, и блистать улыбкой патентованнѣйшей аттенціи. Они очень дружны между собою и вѣчно подпайваютъ другъ друга херескомъ и дреймадеркой въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить пріятеля, воспріявшаго звѣриный образъ, обсчитаться какъ можно почище. Дружба лавочниковъ не мѣшаетъ, впрочемъ, обращаться къ начальнику станціи съ секретными просьбами въ томъ родѣ, что не ухитрится ли его высокоблагородіе «упестать» куда-нибудь подалше изъ Княжихъ Рощей лавочника Псоева, который, впрочемъ, въ свою очередь, почти каждый день утруждаетъ его в—діе совершенно таковою же просьбою относительно лавочника Голубчикова, сущаго грабителя и каналью, несмотря на его смиренное прозвище . . .

И много, много теперь въ Княжихъ Рощахъ народа, помимо неразговорчивыхъ, длиннобородыхъ

господъ, которые лѣтомъ вѣчно шатаются по полямъ въ какихъ-то куцыхъ, холстинныхъ пальтишкахъ, а зимой — въ дубленыхъ полушубкахъ, всѣ съ очками на носу, словно бы имъ кто-нибудь подрядъ далъ — быть вѣчно слѣпыми. Къ этимъ господамъ ужъ всякій привыкъ и всякій знаетъ, что машина безъ нихъ не пойдетъ: а вотъ къ учителю земскаго училища, Виѳсаидову, княжерощинцы и до сихъ поръ еще никакъ привыкнуть не могутъ и дивятся ему пуще, чѣмъ желѣзной машинѣ: ребяты онъ, когда грамотѣ учить, не бьетъ, не деретъ, а такъ какъ-то ртомъ ухитряется грамоту имъ показать; въ лѣсъ ихъ часто водить и по цвѣтамъ учить составлять разныя лѣкарства, на водяной мельницѣ показываетъ, какъ и почему она дѣйствуетъ. Пробовали ему мужики гостинцы носить, какъ на бѣдность его, такъ и для того, чтобы онъ ребяты сѣкъ, — не взялъ... При встрѣчѣ, ежели кто изъ почтенія поклонится ему, такъ онъ самъ сейчасъ же картузь долой, руки по швамъ вытянетъ, сконфузится, задрожитъ весь; а парень ужъ не молодой и ростомъ высокій... Сказываютъ, въ семинаріи его къ такой робости съ малолѣтства приучили...

И во всемъ селѣ этотъ странный человѣкъ въ одинъ только домъ вхожъ былъ. Какъ только у Виѳсаидова кончались классы, онъ ужъ непременно направлялъ къ этому дому свои длинныя, журавлиныя ноги. Въ немъ онъ пилъ и ѣлъ, — въ одномъ же изъ его сѣноваловъ онъ и ночевывалъ, было ли это зимой, или лѣтомъ — все равно. Люди, имѣвшіе случай видѣть Виѳсаидова въ стѣнахъ пріютившаго его дома, рассказывали, что онъ тамъ былъ очень веселъ, привѣтливъ и до крайности разговор-

чивъ. При входѣ въ домъ, его обыкновенно встрѣчала Саша, дочь покойнаго Григорья Евсеева, которая, какъ и многіе обыватели Княжихъ Рощей, перемѣнила теперь свое тяжелое ремесло злостной колдуньи на ремесло даровой учительницы всѣхъ маленькихъ дѣвочекъ села, пожелавшихъ учиться, затѣмъ длинновязый педагогъ, въ буквальномъ смыслѣ, былъ облѣпливаемъ цѣлымъ роемъ дѣтей, которыя, стремясь къ нему, наибезалабернѣйшимъ образомъ орали ему разныя привѣтствія.

— Эхъ вы, стрекозы! — шутилъ Виөсаидовъ надъ дѣвочками, обдѣляя ихъ скудными гостинцами. — Вотъ, Александра Григорьевна, — обращался онъ къ смѣющейся хозяйкѣ, — посмотрите-ка, сколько у меня невѣстъ! Раздумье только беретъ, какую изъ нихъ мнѣ замужъ за себя взять? А?

— Меня возьми, Вившаидовъ, — разрѣшала это недоумѣніе какая-нибудь особенно миниатюрная невѣста, держась обѣими руками за жениховы голенищи. — Меня возьми, — капризно настаивало упрямое Евино племя, — а то я, вѣдь, и заплачу шичашъ...

— Э, э, братъ! Мала еще! — со смѣхомъ поднимая ребенка къ самому потолку, говорилъ женихъ, отказывая, такимъ образомъ, невѣстѣ въ брачныхъ намѣреніяхъ относительно его, Виөсаидова, особы...

Всѣ претендентки на руку и сердце пугливаго учителя были удовлетворяемы имъ съ одинаковымъ благодушнымъ смѣхомъ и веселостью; поэтому всѣ онѣ были одинаково заинтересованы какъ его неуклюжею, жениховскою юностью, такъ равно и его гостинцами, на которые уходила большая часть его жалованья.

Но ни одна изъ маленькихъ школьницъ Александры Григорьевны не питала въ своемъ сердцѣ столько любви и благодарности къ Виѳсаидову, сколько питала ихъ къ нему сама Александра Григорьевна. Онъ первый, пріѣхавши въ Княжія Рощи еще съ балластнымъ поѣздомъ, разбилъ ея сиротское горе непритворнымъ участіемъ къ ней и энергичнымъ стараніемъ ввести ее въ тревоги и радости дѣятельной жизни, каждую минуту будившей теперь заколдованную спячку лѣсистыхъ и тихихъ Княжихъ Рощей. Благодаря ему, Саша вошла въ эту жизнь и готовитъ теперь другихъ къ возможно лучшему ея воспріятію.

Часто теперь въ ея комнаткахъ, наполненныхъ народомъ, жужжащимъ по букварямъ буквы, слоги и цифры, разыгрываются трогательныя сцены посвященія различныхъ, болѣе другихъ любопытныхъ, несмысловъ въ непонятныя для нихъ жизненныя явленія, такъ сказать, съ опыта.

— Што, тетенька, — спрашиваетъ любознательная головка, напоминающая острымъ, приподнятымъ кверху, носикомъ завистливо прислушивающуюся къ чужому пѣнію птичку, а прижмуренными глазками взрослого человѣка въ минуты крѣпкаго и тяжелаго раздумья. — Правда ли это, тетенька, на мѣсяцѣ вонъ люди видны? Говорятъ, что это тамъ Каинъ убиваетъ брата своего Авеля.

— Сказка! — отвѣчаетъ односложно Саша, задумчиво позванивая проволочными спицами.

— А это, тетенька, правда, — освѣдомлялась другая ученица, — што, будто бы, въ не нашемъ царствѣ люди, какъ птицы, выучились летать по воздуху?

— Правда! Только это не въ однѣхъ чужихъ

земляхъ дѣлають, — и у насъ умѣють теперь летать. Въ шарахъ такихъ поднимаются.

— Какъ же это они? — изумляется вся школа. — Въ шарахъ, ты говоришь?

— Да! Въ шарахъ! — подтверждала Саша. — Только, какъ это они дѣлають, я не знаю. Вотъ Виѳсаидовъ придетъ, или мужъ, они все знаютъ, все вамъ расскажутъ...

Возвращался мужъ съ поля, приходилъ и Виѳсаидовъ — и долго они каждую ночь, послѣ ужина, въ присутствіи Саши, толкуютъ о жизненныхъ «сказкѣ и правдѣ», — при чемъ Виѳсаидовъ, съ глубокою страстью, отстаиваетъ сказочныя стороны скорбной жизни людей. Онъ, какъ орелъ, свободно и широко рѣетъ въ ея вольныхъ, свѣтлыхъ сферахъ, тогда какъ мужъ Александры Григорьевны гордымъ и сильнымъ шагомъ расхаживаетъ по землѣ, защищая видимость, правду и опытъ...

Саша, слушая эти разговоры, очень вѣрила Виѳсаидову, но мужу вѣрила еще больше.

А мужъ этотъ не кто другой, какъ тотъ колдунъ-баринъ, который приходилъ передъ желѣзной дорогой въ Княжіи Рощи просить мужиковъ, чтобы они позволили ему выучить ихъ разводить настоящій ленъ. Теперь только ужъ колдуномъ его никто не зоветъ, а Иванъ Иванычемъ — «альняникомъ». И слово «альняникъ» прибавлено къ его имени потому, собственно, что въ настоящее время большая часть княжерощинскихъ барскихъ полей коричневетъ и зеленѣетъ тонкимъ льномъ и волосастоголовою коноплею, которыми на большую ногу торгуетъ бывшій колдунъ — Иванъ Ивановичъ.

Сельское учение.

Степная идиллія.

The first of these is the fact that the
government has been unable to
obtain the necessary funds to
carry out its policy. This is due
to the fact that the government
has been unable to obtain the
necessary funds to carry out its
policy. This is due to the fact
that the government has been
unable to obtain the necessary
funds to carry out its policy.

The second of these is the fact that
the government has been unable to
obtain the necessary funds to
carry out its policy. This is due
to the fact that the government
has been unable to obtain the
necessary funds to carry out its
policy. This is due to the fact
that the government has been
unable to obtain the necessary
funds to carry out its policy.

Сенаторы

The third of these is the fact that
the government has been unable to
obtain the necessary funds to
carry out its policy. This is due
to the fact that the government
has been unable to obtain the
necessary funds to carry out its
policy. This is due to the fact
that the government has been
unable to obtain the necessary
funds to carry out its policy.
The fourth of these is the fact
that the government has been
unable to obtain the necessary
funds to carry out its policy.
This is due to the fact that the
government has been unable to
obtain the necessary funds to
carry out its policy. This is due
to the fact that the government
has been unable to obtain the
necessary funds to carry out its
policy. This is due to the fact
that the government has been
unable to obtain the necessary
funds to carry out its policy.

The fifth of these is the fact that
the government has been unable to
obtain the necessary funds to
carry out its policy. This is due
to the fact that the government
has been unable to obtain the
necessary funds to carry out its
policy. This is due to the fact
that the government has been
unable to obtain the necessary
funds to carry out its policy.

I.

Подъ наплывомъ свѣтлыхъ ласкающихъ лучей весенняго солнца суровыя зимнія картины начинаютъ, съ едва примѣчаемой постепенностью, утрачивать свои гнѣвные тоны. Деревья, до сихъ поръ опушенные узорчатыми гирляндами инея, обсаженные сѣрыми воронами и черными галками, теперь обтаяли, — и на ихъ голыхъ сучьяхъ ютится другая жизнь, гораздо болѣе бойкая, веселая и крикливая, чѣмъ всѣ эти неуклюжія вороны и галки съ ихъ дикими, печальными пѣснями, такъ сильно увеличивающими ту унылую безжизненность, которую налагаетъ зима на русскія длинныя дороги, на печальныя села и деревни, на грязные города. Попархиваютъ теперь по обтаявшимъ кустамъ и деревьямъ желтобрюхіе щегольчики, съ черными, словно на лакированными крылышками, съ маленькими граціозными головками, въ которыхъ горятъ и прыгаютъ такіе свѣтлые, умные глазки; быстро-быстро, какъ молнія, рѣютъ сѣрыя, подернутыя кое-гдѣ мягкой зеленою краской, веснянки, насвистывая что-то въ высшей степени нѣжное и веселое. А вотъ, собравшись многочисленной стаей, гнѣвно щебечутъ о чемъ-то разозленные чѣмъ-то воробы. Крикъ и пискъ невообразимые, — полеты другъ на друга до того безалаберно храбры, что только человѣкъ

съ самой бѣдной фантазіей не увидѣлъ бы въ этой птичьей свалкѣ вѣрнѣйшаго сходства съ человѣческой войной, когда люди, совершенно по-воробыному, схватываются между собою не на животъ, а на смерть; а потомъ, послѣ схватки, такъ же пищать, страдаютъ и злятся, какъ вотъ эта воробыная стая, общипавшая себѣ, посредствомъ обоюдныхъ одолженій, всѣ крылья и всѣ хохолки.

Все больше и больше разгорается воробыная ссора! Шурша крыльями и злобно попискивая, стая порывисто бросаетъ дерево и летитъ дальше: сначала она облѣпляетъ соломенную крышу какой-то избы, болѣе другихъ крышъ пригрѣтую солнцемъ,—потомъ, проливнымъ и такъ же непонятно шумящимъ дождемъ, устремляется къ громадной господской ригѣ. Стукъ молотилки, громкій говоръ работающихъ въ ригѣ людей, пыль отъ обмолачиваемаго и вывѣтриваемаго хлѣба, — все это пугаетъ маленькихъ воителей, — и потому они отъ этихъ ужасовъ вразсыпную летятъ къ селу и тамъ окончательно усаживаются на безлюдномъ и гладко разметенномъ токѣ. Окаймляютъ тотъ токъ снѣжные валики, засыпанные мякиной, заваленные колосьями, въ которыхъ осталось такъ много невымолоченныхъ зеренъ. На срединѣ его стоятъ пахучіе ржаные снопы, большіе такіе, круглые, перетянутые соломенными поясами, блестящими на солнцѣ цвѣтомъ чистаго золота. Раздолье воробьямъ въ этомъ уединеніи, обильно нагрѣтомъ весеннею теплотою!

Токъ окружаютъ высокія хлѣбныя скирды. Съ ихъ верхушекъ, накрытыхъ еще толстымъ слоемъ снѣга, каплютъ свѣтлыя, необыкновенно холодныя слезы, на почернѣвшемъ и разрыхленномъ снѣгѣ

покоятся такіе мягкіе солнечные лучи, что ледяныя сосульки, словно серьги обвѣсившія круглую покрывку скирдъ, блестятъ теперь и играютъ на солнцѣ разнообразными, ласкающими глаза цвѣтами, свойственными драгоцѣннымъ камнямъ.

Ничего этого не примѣчаетъ развоевавшееся воробьиное стадо! Не видитъ оно даже и того, что на его войну смотрятъ изъ-за скирдъ любопытныя ребячьи глаза; не слышитъ, какъ какой-то радостный шопотъ сообщаетъ кому-то, что «вотъ мы ихъ теперь, всѣхъ этихъ воробьевъ, въ полонъ заберемъ», — и, вообще, азартъ бойцовъ дошелъ до такой степени увлеченія, что они продолжали налетать другъ на друга даже и тогда, когда у многихъ изъ нихъ розовыя, такъ стремительно и неустанно прыгавшія ножки были уже давнымъ давно опутаны легкими, но неразрываемыми воробьиною силой сѣтями, которыя, на птичью погибель, такъ искусно плетутъ деревенскіе ребята изъ волосъ лошадиныхъ хвостовъ.

Все выше и выше поднималось солнце — и съ этимъ вмѣстѣ все роскошнѣе и роскошнѣе дѣлался весенній сельскій день: онъ весь былъ наполненъ теплыми, яркоцвѣтными красками, которыя медленно и плавно лились съ неба, дышавшаго какой-то задумчивой и страстной жизненностью. Нѣжно звенѣвшіе звуки несмолкаемо раздавались въ расцвѣченномъ солнечными лучами дневномъ свѣтѣ и будили, такимъ образомъ, сельскую жизнь, замороженную гнѣвной зимою. Привѣтствуя весенніе блескъ и тепло, жизнь эта виднѣется теперь и въ раскрытыхъ окнахъ избъ и на безлюдныхъ гумнахъ, — съ звонкимъ хохотомъ плаваетъ въ ча-

нахъ и корытахъ, по лужамъ, разлившимся по огородамъ, и съ боязною, одолѣваемой крестомъ и молитвой, быстро стремится по буйной рѣкѣ на жалкой лодченкѣ на ближнюю мельницу или на рыбную ловлю.

Отощавшая за зиму скотина неудержно валитъ на свѣтлую улицу изъ темныхъ хлѣбовъ. Забравшись по-колѣно въ уличныя лужи и пригрѣвши на солнцѣ исхудалые бока, коровы и лошади меланхолически всматриваются въ свои скелеты, отраженные въ водѣ, и, уныло поматывая головами, чуть-чуть только не говорятъ: «однако, мы зимой-то здорово похудѣли, кости да кожа только однѣ и остались! Ну, да ничего! Теперь опять, Богъ дастъ, отгуляемся» . . .

«Какъ не отгуляться? Извѣстно — отгуляемся! Такого жиру наживемъ за лѣто, — бѣда!» — бойкимъ ревомъ отзываются лошадинымъ и коровьимъ думамъ молодые телята, выпущенные заботливыми хозяйками побѣгать на солнечномъ теплѣ.

Съ самымъ похвальнымъ стараніемъ выполняютъ телята программу, заданную имъ ихъ хозяйками на нынѣшнее утро — побѣгать и поразмять члены, изнывшіе отъ долгаго лежанья въ тѣсныхъ и душныхъ избахъ. Какъ бы предвкушая скорое появленіе изъ земли разныхъ сочныхъ злаковъ, они, съ поднятыми хвостами и съ опущенными внизъ безрогими лбами, безшабашно радостно скачутъ по улицамъ, стаптывая все встрѣчное и оглашая село безпутнымъ мычаньемъ, въ которомъ ясно слышалось самое ярое отрицаніе хозяйской власти.

«Поди-ка вотъ, поймай насъ теперь! — какъ бы смѣясь, трубили телята, въ отвѣтъ на зазывающіе

ихъ мужскіе и женскіе голоса. — Нѣтъ, ты теперь около насъ походи да походи. Хлѣбца развѣ ломотокъ принесешь съ солью, тогда, пожалуй, заманишь насъ въ хлѣвъ, — да и то подумавши! . . . ».

Игривость телятъ была такъ заразительна, что вся деревенская улица увлеклась ею. Крѣпко уцѣпившись за хвосты скакуновъ, маленькіе мальчишки и дѣвченки быстро носились по улицамъ, сопровождаемые громко лаявшими собаками. Увѣщанія матерей — отцѣпиться отъ телячьяго хвоста и идти въ избу, вызывали въ малолѣтнихъ оборвышахъ одни только взрывы веселаго хохота и усиленные старанія — выкинуть еще какую-нибудь штуку почуднѣе: проѣхаться, примѣрно, верхомъ на лохматомъ барбоскѣ, или стать внизъ головой на высокомъ соломенномъ ворохѣ, припасенномъ для крытъя избы, и оттуда кувыркомъ скатиться на средину улицы въ невылазную грязь. Эти ребячьи штуки ясно показывали матерямъ, что власть ихъ надъ дѣтьми кончилась, по крайней мѣрѣ, до слѣдующей зимы, когда холодъ волей-неволей соберетъ всѣхъ въ избяное тепло, и когда, слѣдовательно, во всякое время подъ руками матерей находятся хохлы разбушевавшихся ребятишекъ . . .

Нѣтъ теперь никакого уйму этимъ хохламъ! Свободно треплются они по вольнымъ и свѣтлымъ улицамъ — и вездѣ, гдѣ бы только ни появлялись, около нихъ, какъ около высоко трепещущаго въ воздухѣ полкового знамени, разнообразно шумѣла и бурлила сельская жизнь, оживленная грѣющимъ весеннимъ солнцемъ. Вотъ, ближній къ селу лѣсъ, весь окутанный густыми, волнующимися туманами, гремитъ то какою-то, до сихъ поръ еще неслышанной, вѣроятно на мѣстѣ сложенною пѣсней, то оза-

боченнымъ ауканьемъ, то неутѣшнымъ плачемъ, то звонкимъ разымчивымъ хохотомъ. Казалось, что поютъ такимъ образомъ, смѣются и плачутъ блиставшія по временамъ сквозь туманныя волны своей ослѣпительно бѣлой корой березы, или осины, граціозныя такія, тонкія, но почему-то блѣдныя и невыразимо печальныя. Казалось, что не кто другой, какъ только именно эти деревья бѣгають и рѣзвятся по лѣсному, закрытому сѣрыми облаками пространству, и что между ними происходитъ невиданная человѣческимъ глазомъ не то игра какая, не то драка, бойкая и звонко крикливая. Нѣжный свистъ и горластое карканье птицъ, могучіе взлеты потревоженныхъ грачей и быстрое, едва уловимое глазами, порханье мелкихъ пташекъ, — все это слилось съ гуломъ человѣческихъ голосовъ и наполнило собою весь лѣсъ такъ, что въ немъ стало тѣсно отъ безурядицы. Перелетая отъ дерева къ дереву, безурядица, наконецъ, шумно выкатилась изъ лѣса, въ видѣ большой стаи сельскихъ мальчишекъ и дѣвченокъ, которымъ предшествовала цѣлая буря радостныхъ криковъ и визговъ, распугавшая гусей и утокъ, пригрѣвшихся на рѣчномъ берегу, покрытомъ яркой, зеленой травой.

Испуганно гагакая и широко распустивъ свистящія крылья, птичьи стаи, вмѣстѣ съ своими многочисленными выводками, дружно шарахнулись въ рѣку, — и вотъ, съ игривой массой разнообразныхъ цвѣтовъ, которыми обливало солнце рѣчныя волны, смѣшались еще нѣжно-бѣлыя крылья гусей, золоти-сто-сизыя головки утокъ и снѣжный пухъ ихъ слабой, но необыкновенно граціозной молодежи.

Увеличивая суматоху, произведенную въ рѣкѣ птичьими стаями, деревенскіе ребяташки и дѣвчен-

ки, съ невыразимымъ гамомъ, тоже побросались въ воду, еще холодную, какъ ледъ, — и на берегу остались тоскливо пищавшіе цыплята, выведенные утками, да заботливыя матери, сердито, но тщетно звавшія своихъ бѣлоголовыхъ малышей выйти изъ рѣки и не купаться въ ней въ полдень, когда въ ней властительно плещется злой *полуденный*, увлекающій въ свое прохладное, водное царство все, что мѣшаетъ ему холодиться рѣчными струями въ эту знойную пору.

Но напрасно съ середины рѣки старыя утки подзываютъ къ себѣ своихъ названныхъ дѣтокъ, оставшихся на берегу, — дѣтки продолжаютъ тоскливо пищать, суетливо и беспомощно копошиться въ травѣ — и все-таки остаются на берегу, несмотря на очевидное, страстное желаніе стремглавъ броситься въ рѣку и поплыть по ней, вмѣстѣ съ разно-стихійными — родительницей, братцами и сестрицами.

Страшное недовольство и, видимо, язвительные попреки трусостью слышатся въ кряканіи старыхъ утокъ! Смотри на берегъ, онѣ, по временамъ, поднимаются изъ воды во весь ростъ, распускаютъ крылья и на своихъ желтоватыхъ, перепончатыхъ ногахъ, словно бы по суху, дѣлаютъ по рѣкѣ нѣсколько быстрыхъ круговъ, какъ бы съ цѣлью увѣрить глупышей-цыплятъ въ неосновательности ихъ пустыхъ страховъ и поскорѣе заманить ихъ въ рѣку, въ которой, по утинымъ крикамъ, было гораздо веселѣе купаться и ловить маленькихъ мошекъ и рыбокъ, чѣмъ безъ толку шататься и пищать на опустѣвшемъ берегу.

Ничто не брало цыплятъ! Нѣкоторые изъ нихъ начали уже присосѣживаться къ куринымъ вывод-

камъ, предводительствуемымъ злобно и неутомимо клохтавшими насѣдками, несмотря на то, что ихъ тамъ клевали, отнимали изо рта пойманныхъ мошекъ, всѣмъ стадомъ давили туловище и нѣжную головенку приставаго, когда ему случалось спотыкнуться, и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ старыя утки, увидѣвши, что ни подъ какимъ видомъ не зазвать имъ въ рѣку цыплятъ, начали скучивать около себя свои стаи и потомъ, собравшись въ одну громадную массу, запрудившую чуть ли не половину рѣки, повернули отъ берега правымъ плечомъ впередъ и поплыли къ далеко синѣвшему лѣсу, имѣя во главѣ массы красиваго, звонкоголосаго и длинношеяго селезня, разноперая голова котораго, словно корона, горѣла всѣми цвѣтами радуги.

Глухо и сердито гагакали утки, отплывая, — и въ этомъ гиканіи явственно разбиралось:

«Ну, васъ ко всѣмъ шутамъ, ежели вы такіе неслухи! Ишь, чего бояться вздумали — воды?...».

Точно такъ же и заботливыя матери, ворчливо негодуя, покидали веселый берегъ и какъ бы смѣявшуюся надъ ихъ ворчаньемъ рѣку.

— Что это съ ребятами по веснамъ дѣлается? — говорили онѣ, расходясь. — Никакого имъ уйму нѣтъ! Всѣ руки объ нихъ обколотишь, а домой ни за што не дозовешься...

Грозные рассказы про водяного, исключительно, будто бы, завладѣвающаго рѣкою въ полдневное время, щедрыя обѣщанія хворостины по благополучномъ возвратѣ домой за ѣдою, ничуть не унимали веселья ребятъ, развозившихся въ рѣкѣ.

— Э-э-э, мамушка! — громко кричала какая-нибудь азартная на смѣхъ головенка, чуть-чуть тор-

чавшая изъ воды. — Погляди-ка, мама, какъ я нѣнича плавать выучился. На-а сп-пинки! . .

Затѣмъ слышалось громкое отфыркание и беззаботный смѣхъ, скоро заглушаемый общимъ гвалтомъ купающагося стада.

— Погоди, погоди, разбойникъ, — раздавался съ горки другой голосъ. — Вотъ ужъ домой трескать придешь, такъ ты у меня не такъ еще поплаваешь на полу подъ хворостиной. Смѣяться сталъ надъ матерью, — погоди! Молодъ еще!

Веселый гомонъ ребятъ, сплошной птичій свистъ, вмѣстѣ съ жужжаньемъ и стрекотомъ насекомыхъ, исходившихъ изъ каждой травки, и, наконецъ, яркій свѣтъ и живое, благоухающее тепло, отнимали у выраженной сейчасъ угрозы всякое пугающее значеніе, — и деревенская природа съ каждымъ вновь прилетавшимъ съ неба солнечнымъ лучемъ дѣлалась все роскошнѣе и обаятельнѣе.

II.

Описанная сейчасъ весенняя благодать, внесшая въ унылую сельскую жизнь столько веселья и радостей, была тѣмъ не менѣе неизсякаемымъ источникомъ большихъ хлопотъ и даже огорченій для двухъ человѣкъ, особенно примѣтныхъ на селѣ, какъ по почетному ихъ положенію, такъ и по роду ихъ занятій. Люди эти были пономарь мѣстной церкви — Григорій Петровъ Ляпидевскій и отставной унтеръ Абрамъ Телелюевъ.

Люди эти оба очень любили весну. Обезпеченные — первый доходами отъ церкви и отъ сдачи мужикамъ въ наемъ приходившейся на его долю церковной земли, второй — какимъ-то грошовымъ

пенсіономъ и умѣньемъ подкидывать подметки подъ мужицкіе сапоги, — они всю зиму только и дѣла дѣлали,¹ что разговаривали про скорый приходъ красной весны. Сошедшись какимъ-нибудь зимнимъ вечеромъ въ солдатской или пономарской избѣ, душной и со всѣхъ сторонъ замеченной снѣжными сугробами, они съ наслажденіемъ вязали волосяныя лесы или нитяныя сѣти для птичьей и рыбной ловли, стругали клѣтки, мастерили дудочки изъ бараньихъ костей, плели изъ ивовыхъ прутьевъ кошолки для грибовъ и т. д., и т. д.

Въ темной избѣ, обвоеванной со всѣхъ сторонъ грозно визжавшею зимней бурей, уши ихъ, во время перечисленныхъ сейчасъ занятій, слышали могучій шелестъ дремучаго лѣса, птичьи крики и взлеты, а глаза видѣли глубокія и свѣтлыя заводи широкой рѣки, блестящіе всплески рыбъ и быстрое рѣянье чаекъ и чибисовъ, жалобно стонавшихъ надъ тайными рѣчными глубинами.

Все давала весна этимъ людямъ: она удовлетворяла ихъ охотничьи вождедѣнія, снабжала на весь годъ грибами, ягодами, лѣсными яблоками и такими чудодѣйственными травами, которыя неизбѣжно вылѣчивали всѣ сельскіе недуги, если только онѣ предварительно были вымочены въ штофъ хорошаго полугара. Въ это же время друзья заводились дѣйствительнымъ противоядіемъ противъ безысходной осенней и зимней скуки, въ видѣ звонкоголосыхъ щегловъ, жаворонковъ, скворцовъ и перепеловъ. Эти пѣвцы, подаренные нашимъ друзьямъ теплой весной, сдѣлали ихъ знаменитыми не только въ томъ селѣ, въ которомъ они проживали, а даже въ цѣломъ околоткѣ. На сто верстъ въ окружности, по крайней мѣрѣ, въ четырехъ уѣздныхъ городахъ

и въ нѣсколькихъ торговыхъ селахъ, часто можно было слышать въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ горячіе споры насчетъ того, у кого скворецъ лучше выговариваетъ «дурраки» — у пономаря ли Григорья, или у унтера Телелюева. Большіе пари шли также о томъ, кто изъ этихъ двухъ лицъ ловчѣе можетъ поддразнить перепела, «штоба онъ забористѣе отбиваль зорю»; костяныя дудки ихъ подвергались въ свою очередь серьезнымъ и строгимъ обсужденіямъ, — вслѣдствіе чего осенью или зимой въ пономарскія, или въ солдатскія окна, помимо мужицкихъ оконъ, часто стучались проѣзжавшіе люди и, вошедши въ избу, непременно спрашивали:

— Кажи скворца-то! Затѣмъ и заѣхалъ, чтобъ на птичку взглянуть . . . За двѣсти верстъ къ намъ про твою птичку слухъ прилетѣлъ . . . Нѣтъ ли, между прочимъ, согрѣться чѣмъ съ дорожки-то? . .

Рѣдкостная птица, про которую такъ далеко расхаживали добрые слухи, сейчасъ же показывалась, вслѣдствіе чего пріѣзжій человѣкъ, имѣя въ виду самому выпить съ дорожки махонькую и попотчевать таковою же обязательнаго хозяина, посылалъ за полуштофомъ «дворянской» или «поповской», такъ какъ важное дѣло осмотра такой удивительной птицы, какою слылъ скворецъ пономаря Григорія, рѣшительно исключало употребленіе простой водки, называемой въ просторѣчьи «сиволдаемъ».

И вотъ, исполняя желаніе гостя, пономарь, несмотря на свой незначительный чинъ, выпивалъ стаканчикъ дворянской и затѣмъ приступалъ, какъ онъ выражался, къ «разгуливанію» птицы. Это разгуливаніе, надобно сказать, онъ производилъ съ такимъ мастерствомъ, которое рѣшительно не было

доступно другимъ птичьимъ охотникамъ околотка. Часто они были вынуждены обращаться къ нему съ убѣдительнѣйшими просьбами — пойти къ нимъ въ домъ — побудить птицу, обѣщая всевозможныя угощенія и благодарности.

— Другъ! Григорій Петровичъ! — восклицалъ иногда, чуть не плача, какой-нибудь охотникъ. — Пойдемъ ко мнѣ, Бога для. Уснулъ у меня скворушка. Богъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Сидитъ, головку уткнувши подъ крылышко, — и не пискнетъ. Типунчикъ, что ли, у него, али другое что, — ужъ и не придумаю.

Пономарь никогда не отказывался отъ исполненія такихъ просьбъ; страстно любя поющій птичій міръ, онъ, при всякомъ подобномъ извѣстіи, сейчасъ же бросалъ собственную, даже самую нужную работу и шелъ на помощь заболѣвшему.

Трудно сказать, чѣмъ именно воскрешалъ птицъ пономарь Григорій Петровъ: силою ли той страстной любви, которую онъ питалъ къ нимъ, или своимъ необыкновенно тонкимъ пониманіемъ птичьей природы, но только воскрешалъ всегда. Заскучавшая птица, при его присвистываньи и подщелкиваньи языкомъ, оживала и оглашала избу, опечаленную ея болѣзною, звонкими, веселыми пѣснями.

— Колдунъ! Какъ есть колдунъ! — говаривали въ такихъ случаяхъ про пономаря обрадованные хозяева птицъ. — Какъ есть изъ гроба выхватилъ скворца! Молодецъ! Пойдемъ — угощу, спрашивай, братъ, всего, чего душа твоя пожелаетъ.

— Только отъ смерти не могу избавить, — толковалъ про себя пономарь. — Отъ ей отъ одной, отъ злодѣйки, не ухитрюсь никакъ птичку ослобо-

дить. Какъ теперича завижу я, что на птичкѣ перо меркнуть стало, и опять же, ежели это самое перо книзу легло и легло смирно, — шабашъ! Копай птицѣ яму, но ежели, хоша сама птица и очень смирна, а перо на ней еще съ игрою, такъ это намъ ничего не значить! Тутъ я, главное дѣло, гляжу на свѣтъ, какой по птицѣ идетъ, — и сейчасъ же по немъ узнаю, что съ ней дѣлается: бываетъ такъ, что она тяжелѣетъ отъ вольнаго корма, объѣдается, значить, и тоскуетъ съ жиру, какъ и съ людьми часто случается; бываетъ, что птица скукою мается, по парѣ, выходитъ, тоскуетъ, по солнцу, по лѣсу, — отъ старости засыпаетъ также. Много у нихъ тоже всякихъ болѣстей — и отъ всѣхъ ихъ птицу я вылѣчу: отъ угару, отъ духоты, отъ типуна, отъ коросты, отъ родимца; а то инья изъ нихъ картавить вдругъ принимаются, какъ ребята маленькіе, и за это дѣло нужно съ большимъ умѣньемъ браться, а то онѣ скоро съ голосовъ совсѣмъ спадаютъ. Есть также птица — воръ, птица — хитрая, обманчивая, умѣетъ пѣть — молчить, трудно ей это, а она все молчить, ждетъ, чтобы ты ее на волю выпустилъ; есть птица лѣнивая, алчная, ей бы только зобъ наколотить, да и на бокъ . . . Всѣхъ я ихъ знаю. Ребеночкомъ еще махонькимъ началъ водиться съ ними, отъ того и до наукъ до большихъ не дошодчи, весь вѣкъ на пономарскомъ положеніи состою, при четвертой части, то есть, примѣрно сказать, изъ рубля батюшка себѣ полтинникъ изволятъ брать, отецъ дьяконъ четвертакъ получаетъ, а мы съ дьячкомъ достальной четвертакъ промежъ себя по двѣнадцати съ денежкой расшибаемъ . . . Такъ-то-сь! . . .

И вотъ, въ скудную жизнь этого человѣка, со-

стоящаго, по его собственнымъ словамъ, при четвертой части, затесывается веселый пріѣзжій, человѣкъ хотя и совершенно посторонній, но, тѣмъ не менѣе, такого сорта, который, несмотря на мизерное пономарское значеніе, глубоко интересуется пономарскимъ знаніемъ «насчетъ хорошей птицы». Пріѣзжій человѣкъ глубоко завидуетъ ему — пономарю Григорію, надъ которымъ большинство людей всегда только посмѣивались, не находя возможнымъ завидовать его способности — довольствоваться во всю жизнь четвертакомъ, расшибленнымъ имъ пополамъ съ дьячкомъ; пріѣзжій человѣкъ потчуетъ Григорія Петровича дворянской водкой, цѣлуетъ его, зазываетъ къ себѣ въ гости, ежели ему, «какимъ-нибудь манеромъ, прилучится быть въ ихнихъ краяхъ»; онъ посылаетъ полштофъ за полштофомъ, даритъ его чумазымъ, оголодавшимъ ребятишкамъ пятачки и гривеннички, — и Григорій Петровичъ, глаженный большею частью противъ шерсти, теперь совсѣмъ растаялъ отъ ласки гостя и показываетъ ему свою птицу во всемъ, что называется, аккуратѣ.

Сначала знаменитый скворецъ, разбуженный, по желанію гостя, Григоріемъ Петровымъ, долго и съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ дзыканью и треньканью, производимому пономаремъ при помощи двухъ столовыхъ ножей. Очевидно было, что это треньканье сильно интересовало скворца, потому что его черно-сизоватая круглая головка была склонена въ направленіи къ разгуливавшему его хозяину, — свѣтлые, голубые глазки птицы были упорно уставлены въ хозяина же, какъ бы съ цѣлью безошибочно угадать, что именно надобится ему отъ него. Сидя въ этой позѣ на сдѣланномъ изъ тон-

кой вѣтки висячемъ полукругѣ, скворецъ по временамъ отряхивался, приглаживалъ чернымъ носикомъ всклоченныя перья, просовывалъ удивленную голову сквозь клѣточные прутья; но вотъ, лезвія зазвенѣли учащеннѣе, къ ихъ звону присоединилось какое-то невыразимое, похожее на голосъ испуганной насѣдки, клокотанье, исходившее изъ горла Григорія Петрова. Какъ нельзя болѣе, говорю, клокотанье это было схоже съ крикомъ насѣдки, увидѣвшей, что въ поднебесной выси вьется, какъ разъ надъ ея птенцами, хищный ястребъ: въ немъ слышались — и испугъ, и злоба, и вопли о помощи, и сердитые приказы, обращенные къ птенцамъ, чтобы они не разбѣгались, а какъ можно скорѣе прятались подъ защиту материнскихъ крыльевъ.

Всѣ, кто былъ въ избѣ въ это время, притихли и какъ бы замерли. Была долгая тишина. Вотъ кто-то тихо свистнулъ — и опять тишина. Черезъ нѣкоторое время свистъ повторился также неожиданно и также ненадолго — и затѣмъ уже по избѣ раскатился могучій свистъ скворца, разговоры о которомъ шли на двѣсти верстъ около его мѣстожительства.

— Гляди, гляди! Слушай! — чуть слышно шепталъ Григорій Петровъ замершему на мѣстѣ пріѣзжему купцу, заикаясь и указывая глазами на скворца. — Слушай: сейчасъ онъ у меня по-лошадиному пустить! . . . Я его этому три года обучалъ . . .

«Ми-гого-го!» — загремѣло по избѣ рѣшительно такъ, какъ иногда гремитъ въ лѣсу испуганный голосъ жеребца, стоящаго насторожѣ у своего одичалаго косяка.

— Батюшки! Господи Боже мой! Что же это такое? — замолился купецъ. — Откуда же у этой

мелкой пташечки силка берется такая, Творецъ мой небесный?

— Молчи, молчи, Христа ради! — зашепталъ ему пономарь, зажимая ротъ рукою. — Слушай, что дальше будетъ! Не сбей ты у меня его съ шагу, пожалуйста, — на цѣлыя сутки онъ тогда у меня замолчитъ, — терпѣть не любить, ежели ему помѣшаютъ.

Послушный купецъ замолкалъ, и, благодаря какой-нибудь новой штукѣ, выкинутой Григорьемъ Петровымъ, скворецъ выкидывалъ, въ свою очередь, новый фокусъ, отъ котораго гость восторгался все больше и больше. Не было звука, присущаго сельской жизни, котораго бы не передразнила переимчивая птица: порой ея горло глухо шуршало на подобіе того, какъ иногда шуршатъ на огородѣ старыя ветлы, раскачанныя бурей, — порою она стонала пустошкой, которая вѣчно оплакиваетъ что-то, сидя лѣтнимъ вечеромъ на крестѣ сельской колокольни, а иногда она въ одно и то же время свистала и щелкала, какъ свиститъ и щелкаетъ кнутомъ пастухъ на разбредшееся стадо.

Въ глубокомъ молчаніи всѣ находившіеся въ избѣ слушали своего пѣвуна, и только изрѣдка, при какомъ-нибудь особенно удавшемся «колѣнѣ» скворца, пономарь, блаженно улыбаясь, кивалъ купцу головою на птичью клѣтку, какъ бы особенно рекомендуя его вниманію чудныя дѣла, творившіяся въ ней, на что купецъ неуклонно отвѣчалъ такимъ же многозначущимъ кивкомъ и такою же блаженной улыбкой, которые ясно говорили, что чудныя дѣла имъ должнымъ образомъ поняты и оцѣнены въ лучшемъ видѣ.

Но дѣла все шли чуднѣе и чуднѣе: сдержанно и

изрѣдка только попискивая, въ глубокомъ испугѣ попархивали въ своихъ клѣткахъ другія птицы въ то время, когда скворецъ заливалъ пономарскую избу совсѣмъ не птичьими звуками, то скрипя на подобіе того, какъ во время сильнаго вѣтра скрипитъ въ лѣсу надломленное дерево, то пугающе ухаё филиномъ, то тоскуя горлицей, то, наконецъ, раскатывая по внимающей избѣ хриплое, насмѣшливое слово: «дур-раки! . .».

Какъ и люди, молчали птички, слушая скворца. Онѣ не подали своихъ голосовъ даже и тогда, когда пономарь заставилъ его выкинуть передъ гостемъ самый главный фокусъ, составлявшій скворчиную славу, то есть, когда птица, вытянувъ и напруживъ шею, громко пропѣла: «хвалите имя Господне, аллилуія»!

Но когда скворецъ, наскучивъ, вѣроятно, раздраженіемъ, засвисталъ такъ, какъ ранней зарею трещать всѣ проснувшіяся птицы, и когда лишь одни знатоки могутъ различить во всей этой утренней трескотнѣ сердитый и, такъ сказать, гортанный свистъ скворцовъ, — птички всѣ встрепелулись и присоединились къ пѣнію знаменитой птицы. Сначала засвистали разноцвѣтные щеглы, съ розоватыми ножками. Пѣли они, упруго вытянувшись на тонкихъ ножкахъ, и, кромѣ того, ихъ любовь къ своему дѣлу видна была еще изъ того, что, свистя, они широко раскрывали носки, въ которыхъ трепетали маленькіе, острые язычки, закрывали свѣтлые глазки и сердито встопорщивали перья, какъ бы предостерегая не мѣшать имъ въ ихъ серьезномъ дѣлѣ. Къ щегламъ приставали чижи съ своими звонкими и даже нахальными трелями. Безъ этого, звенѣвшаго въ голосѣ чижей, нахальства они ничѣмъ бы не

отличались отъ звонко и отчетливо щебетавшихъ щегловъ. За чижами слѣдовали толстозобые, серьезные ряпола, съ своимъ однотоннымъ, но крайне выразительнымъ чиканьемъ. Наконецъ, уже шли синицы, которыя въ Россіи водятся въ такомъ обильномъ количествѣ и пѣніе которыхъ очень напоминаетъ собою точеніе перочиннаго ножика о самый нѣжный оселокъ.

— Братъ! — кричалъ купецъ Григорію Петрову, выслушавъ все это. — Истинно, какъ Адамъ и Ева, въ раю ты живешь . . . птички вокругъ тебя . . . беззлобіе . . .

— Благодареніе Господу! — благоговѣйно и почему-то со слезами въ глазахъ отвѣчалъ пономарь. — Долженъ за мою утѣху непрестанно Бога хвалить . . .

— Не то, что нашъ братъ! . . — завидливо и съ горечью продолжалъ купецъ. — Ни ты никогда не доспишь, ни ты не доѣшь! Выпьемъ! . .

— Выкушаемъ! — соглашался пономарь.

И къ птичьему хору присоединялось еще тихое треньканье посуды, изъ которой друзья угощались «дворянской» или «поповской».

Такимъ образомъ у купца съ пономаремъ завязывалась дружба, вслѣдствіе которой пріѣзжій гость знакомился и съ унтеромъ Телелюевымъ. Тутъ была совершенно такая же обстановка, какъ и у пономаря: та же тишина, то же хозяйское радушіе, тѣ же несмолкаемыя птичьи пѣсни.

Еще, пожалуй, для гостя пированье у унтера было еще занятнѣе, потому что Телелюевъ, опробовавши купленной гостемъ «дворянской», кромѣ уче-

наго скворца, щегловъ, чижей и синицъ, непременно показывалъ ему кочета-Петьку, который, по словамъ хозяина, хотя и былъ первый разбойникъ во всемъ селѣ, но который, тѣмъ не менѣе, отлично зналъ, въ какую сторону онъ долженъ былъ маршировать на своихъ голенастыхъ, длинныхъ ногахъ, когда Телелюевъ командовалъ ему: «Петька, слуш-ш...! Пр-р-рав-вое плеч-чо впер-редъ, — скор-рымъ шаг-га-амъ мар-ршъ!» ..

— Ах-хъ, шутъ тебя побери! — съ крикливымъ хохотомъ кричалъ купецъ, утѣшаясь этимъ истиннѣ чудовымъ зрѣлищемъ. — Это просто бѣд-да. А? къ какимъ чудесамъ приученъ!

— Это еще что, ваше степенство! — окончательно хвастался унтеръ. — Вы вотъ на что изволите взглянуть: «Здорово, ребята!» — оралъ онъ во все свое командирское горло на Петьку, браво, но бессмысленно уставившаго на него свои свинцовые, опущенные краснымъ ободочкомъ глаза.

«Ку-кар-ре-ку!» — отвѣчалъ этой командѣ Петька съ такою энергическою поспѣшностью, которая ясно показывала въ немъ полное сознаніе необходимости отвѣчать командиру, когда онъ скажетъ «здорово, ребята!» — другимъ словомъ, и именно «здравія желаю, ваше в—дѣ!».

— Какъ это вы несмысленную скотинку такимъ чудесамъ выучиваете? — недоумѣвалъ купецъ, подкрашивая сѣрую и скудную сельскую жизнь розовою «дворянской». — Истинно сказано: всякая тварь живая на пользу человѣку дадена, и всякое дѣло своего мастера бояться должно.

Пономарь и солдатъ, слушая эти похвалы, конфузливо улыбались и благодарно выпивали подносимую имъ признательнымъ гостемъ водку.

По отъѣздѣ гостя, часто случалось такъ, что, какъ солдатскій *пинціонтъ*, такъ и несчастная четвертая часть пономаря надолго переставали крушить горемычныя головы ихъ получателей своею невообразимою скудостью, потому что тогда въ поражающіе своей пустотой деревенскіе сундуки западали рублевки, перешедшія въ нихъ изъ купеческаго кошель за какого-нибудь «молодца»-щегла или «расканалью»-перепела.

Но всего благодѣтельнѣе дѣйствовала весна, такъ сказать, на нравственную сторону описываемыхъ людей: именно — она одна только напоминала ихъ односельцамъ мужикамъ о высокихъ душевныхъ качествахъ, отличавшихъ пономаря и унтера, — такихъ качествахъ, которыя, исключительно одни, завоевали имъ почетное положеніе среди всѣхъ этихъ оборванныхъ полушубковъ, посконныхъ рубахъ, изможденныхъ, отупѣлыхъ лицъ, всклоченныхъ вихремъ, размочаленныхъ лаптей и т. д., и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, сельское сборище, пришедшее въ церковь въ какой-нибудь Троицынъ день и всю ее наполнившее ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и тихимъ вѣтромъ, производимымъ качаньемъ цѣлаго лѣса изъ зеленыхъ, только что срѣзанныхъ вѣтвей, — ничего, говорю, это сборище не могло представить себѣ великолѣпнѣе и почтеннѣе унтера Абрама Телелюева, когда онъ, сверкая довольно таки уже померкшими галунами, медалями и серебрянымъ Георгіемъ, выходилъ на середину церкви читать Апостола «по праздникамъ», то есть такъ, чтобы сначала густая октава видимой силой по ногамъ у всѣхъ заходила, а въ концѣ пустить такого верха, чтобы задрезжали церковныя стекла и за-

звенѣло всѣми своими стеклянными привѣсками па-никадило.

И пономарь въ такія рѣдкія времена, возможные только въ освѣщенные яркимъ весеннимъ солнцемъ дни, казался сельскому люду совсѣмъ не тѣмъ невзрачнымъ, слезливымъ старичишкой, какимъ онъ казался селу въ обыкновенныя будни. Сельскій глазъ, не привыкшій къ разнымъ торжественностямъ, глядя на сгорбленнаго, сѣдого старика, выходящаго изъ алтаря смирною поступью, съ высокимъ высеребреннымъ подсвѣчникомъ въ дрожащихъ рукахъ, въ парчевомъ стихарѣ, вмѣсто ежедневно облекавшаго его рванья, былъ пріятно поражаемъ этою рѣдко видимою имъ картиной, вслѣдствіе чего души, убитыя нескончаемо гнетущей, суровой дѣйствительностью, отдыхали въ какомъ-то, хотя и безотчетномъ, но сладкомъ умиленіи.

Подъ наплывомъ этого умиленія, сами собою гнулись колѣни, не для отчаяннаго вымаливанія невозможной милости у какого-нибудь жестокаго и гордаго сердца, а для тихой, безсловной молитвы, надолго облегчающей страдающія души, слышались тогда въ церкви отрадныя, умиленные вздохи, которыми вздыхаетъ человѣческая грудь, ощущая въ себѣ приливъ довольства и счастья, и, кромѣ того, именно по такимъ временамъ примѣчалось въ сельской церкви много лицъ, всегда тупыхъ и безучастныхъ, а теперь свѣтло освѣщенныхъ свободой отъ безконечнаго жизненнаго горя...

Во многихъ группахъ расходившагося отъ праздничной обѣдни народа можно было слышать:

— Надо бы, по-настоящему-то, для праздничка позвать пономаря съ унтеромъ на закуску, — толковали какіе-нибудь домохозяева, серьезные такіе,

съ лицами, заросшими черными волосами, съ широкими загорѣлыми лбами, въ сѣроватыхъ, толстаго домашняго сукна свиткахъ и въ несокрушаемыхъ сапогахъ, вымазанныхъ дегтемъ.

— Что же? За чѣмъ дѣло стало? Позовемъ! — соглашался другой голосъ. — Почествовать ихъ давно нужно, — народъ хорошій! Возьмемъ въ складчину четвертушку и почествуемъ, — пивка у меня, признаться, отъ Святой еще боченокъ остался, — дюже пиво густо и здорово въ носъ бьетъ, ежели натошакъ его ковшикомъ протащишь. Кстати же нонѣ у меня хозяйка просука жарила.

— Позовите, позовите! — приставали къ совѣщавшимся хозяевамъ ихъ жены. — Настряпано — страсть! Однимъ намъ всего ни за что не поѣсть... Опять же: дѣвченки вчера вечеромъ промежъ себя брухаться задумали, въ родѣ, какъ бы, коровы, такъ лбы себѣ этакъ ли расколотили, — бѣда! шишки теперича, эвона, у нихъ на лбахъ вспухли какія! Ну, мы у солдата Егорій возьмемъ и шишки тѣ дѣвченкамъ помажетъ, — говорятъ, дюже помогаетъ, — всякій ушибъ въ одну минуту отъ этого глаженья проходитъ.

— Ну, вотъ и чудесно! — говорили хозяева. — А мы тоже Григорья Петровича помолимъ въ хлѣвахъ книжку какую-нибудь церковную почитать. Скотинка что-то очень неспокойна стала, такъ по ночамъ бьется, такъ бьется!.. Должно, здорово ее нечистые засѣдлали, потому давно мы съ тобою, другъ, молебновъ не служивали...

— Истинно, что возлюбилъ насъ съ тобою Господь! — сообщалъ унтеру старикъ пономарь, возвращаясь вмѣстѣ съ сосѣдомъ къ своимъ птицамъ послѣ праздничнаго пированья, заданнаго имъ хлѣ-

босольными домохозяевами. — Какъ Онъ, батюшка, — продолжалъ пономарь, — возвеличилъ насъ съ тобою передъ всѣми, Абраша? А? Вѣрно тебѣ сказываю, что «малымъ чимъ» . . . Ей Богу! О, Господи!

— Конечно, Григорій Петровичъ, — довольно и сонливо бормоталъ унтеръ, — намъ съ тобою большое неоставленье отъ добрыхъ людей идетъ . . . За наше терпѣнье съ тобой! . . . Слава Богу, много довольны! . . . Что же, соснувши маленько, махнемъ мы съ тобою на перепела, Григорій Петровичъ? А? Дюже теперь хорошо на зорькѣ подъ него — подъ мошенника — подобраться.

— Да, вѣдомое дѣло, Господи Боже мой! Известно, что теперь подъ него ходить первое дѣло! Не пропустимъ! . .

III.

Такимъ образомъ, всякому дѣлалось виднымъ, что весна обильно проливала на друзей, описанныхъ въ моемъ разсказѣ, всякія удачи и радости, — и не будь одного обстоятельства, конецъ этихъ радостей и удачъ приходилъ бы только вмѣстѣ съ наступленіемъ зимы, лютые морозы которой сельская скука переносила бы значительно легче въ разговорахъ и воспоминаніяхъ о свѣтлой и всегда благодѣтельной веснѣ. На бѣду дѣло выходило иначе, — и весеннія удовольствія нашихъ друзей въ сильной степени отравлялись многочисленными заботами и хлопотами, тѣмъ болѣе волновавшими тихія души моихъ героевъ, что эти заботы и хлопоты никогда не приносили и даже въ отдаленномъ будущемъ не могли принести желаемыхъ результатовъ.

Вотъ, именно, изъ какого источника вытекали

эти печальныя хлопоты: помимо возни со всевозможными птицами, помимо обученія ихъ всякимъ штукамъ, болѣе уподоблявшимся поучительнымъ выраженіямъ умственной дѣятельности человѣческой, чѣмъ безсмысленной, вѣчно свистящей дѣятельности птичьей, какъ унтеръ Телелюевъ, такъ и дьячекъ Григорій Петровъ занимались еще дрессировкой сельскихъ ребятъ, натаскивая ихъ, при посредствѣ букварей, какъ на пониманіе многообразныхъ добродѣтелей, украшающихъ родъ человѣскій, такъ и на неуклонную и бдительную стойку надъ этими добродѣтелями.

Мрачная, дождливая осень съ невылазною грязью, съ отчаянными проклятіями на лошадей, издающихъ на сѣрой улицѣ подъ грузными возами, и потомъ зима съ морозами, выжимающими невольныя слезы и тутъ же снова ихъ замораживающими, — дѣлали сельскихъ ребятишекъ глубоко внимательными и усердными къ перениманію и усвоенію той мудрости, которую, не скупясь, засыпали въ ихъ уши дьячекъ Григорій Петровъ и унтеръ Абрамъ Телелюевъ.

По такимъ временамъ, то есть въ виду осеннихъ или зимнихъ ужасовъ, разыгрывавшихся на улицахъ, сельское дѣтство и отрочество, пригрѣтое жарко натопленною солдатскою или дьячковскою избою, съ удивительнымъ прилежаніемъ выслушивало преподаваемые истины, имѣвшія умудрить ихъ неопытную младость на непреткновенное шествіе ко вратамъ смерти.

Чудный сѣрый угаръ плаваетъ, бывало, по избѣ удушающими, густыми волнами; а *азіаты*, какъ дьячекъ и унтеръ титуловали своихъ маловозвратныхъ воспитанниковъ, привыкшіе къ этому угару и

чаду въ своихъ родныхъ избахъ, ничуть не стѣсняются этимъ. Въ томъ же непріятномъ случаѣ, когда какая-нибудь слабенькая головенка дѣйствительно закруживалась отъ запущеннаго въ нее теплсмъ школьной избы дурмана, то голову эту, вмѣстѣ со всѣмъ ея помертвѣвшимъ тѣломъ, болѣе сильные товарищи съ громкимъ смѣхомъ выталкивали изъ избы на улицу и тамъ съ размаху швыряли въ снѣжный сугробъ. Этотъ незамысловатый методъ лѣченія дѣлалъ свое дѣло исправнѣе всѣхъ рецептовъ раціональной медицины: не проходило какихъ-нибудь скоротечныхъ полчаса, какъ головенка отрезвлялась и, дрожа отъ холода, прискакивала въ избу съ румянцемъ во всю щеку и съ какою-то необъяснимо довольной улыбкой, которая заставляла почему-то неудержимо хохотать и школьниковъ, остававшихся въ избѣ, и самого учителя.

— Ха, ха, ха! Хи, хи, хи! Что? Прошло, небось, какъ мы тебя завалили въ снѣгъ по самую шею? — заливались смѣхомъ разнотонные голоса мальчиковъ и дѣвочекъ, засѣдавшихъ въ школѣ. — Поди, поди ужъ ко мнѣ поскорѣе, — мнѣ мамка у Миколы на базарѣ купила новыя валенки, такъ я тебя въ нихъ, пожалуй, хошь съ головой посажу.

Такъ ребяташки наперебой зазывали къ себѣ своего, мгновенно вылѣченнаго ими паціента, — и онъ стоялъ передъ ними съ своей довольной улыбкой и румянцемъ во всю щеку, не зная, въ какую сторону направиться, потому что и самъ учитель, въ то же время, хохоталъ надъ ребенкомъ и здоровымъ башибекомъ кричалъ ему:

— Ахъ, шельминъ сынъ! А? Ха, ха, ха! Ахъ, барченокъ ты этакой лупоглазый! Мы посмотримъ-

смотримъ на него, а у него ужъ и глазенки подъ лобъ закатились. А? Ха, ха, ха! Я смѣюсь и говорю ребятамъ: «Ребятишки, говорю, не въ снѣгу ли, моль, у этого барченка вотчина будетъ? Стащите-ка его туда, — авось тамъ за его лихой болѣстью няньки-мамки походятъ...» А? ха, ха, ха! Ну, поди, поди сюда поскорѣе, на колѣнки ко мнѣ, — я тебя свитой своей принакрою маненько. Ну, ничего! До свадьбы оно заживетъ. Бери указку теперь и читай за мною. Помни — гляди, не забывай! А то тебя учишь-учишь, а ты все говоришь: «я, дяденька, энто запомятоваль»... Ну, читай за мною: «буки-азъ — ба, вѣди-азъ — ва, глаголь-азъ — га» и т. д.

— Ну, что? — заключаль свою ласку учитель, пропѣвши, вмѣстѣ съ ребенкомъ, это основаніе все-россійской премудрости, на которомъ столько лѣтъ зиждилось и теперь зиждется дивное зданіе отечественнаго просвѣщенія. — Согрѣлся теперь? Слѣзай же съ колѣнъ да бѣжи за столъ повторять. Да ты вотъ что, ты вотъ что, шутенокъ! — останавливалъ учитель ребенка, стремительно ринувшагося на столъ къ пріятелямъ, которые втихомолку обезьянничали надъ сурьезомъ мастера: — ты азбуку-то указкой не проковыривай у меня, — шкуру спущу... Сколько разъ тебѣ говорить, что за азбуку-то по нынѣшнимъ временамъ три пуда муки даютъ, да и то взять негдѣ. Что, отецъ-то твой шкуру съ себя долженъ продавать на азбуку-то тебѣ? И то ужъ онъ другую книжку тебѣ покупать. Гл-ляди у меня округъ себя!.. Попристальнѣй пог-гл-лядывай!..

Приказаніе это «пог-глядывать округъ себя попристальнѣй», отданное даже ласковымъ тономъ,

необыкновенно усугубляло ребячье стараніе проникнуть въ суть наукъ. Очень можетъ быть, что, во время отдачи такого приказанія, у многихъ ребяташекъ и мелькали въ мозгахъ различныя пріятныя мысли насчетъ того, напимѣрь, какъ бы хорошо было выбѣжать сейчасъ на только что замерзшую рѣку и прокатиться на ногахъ по ея гладкой, блестящей поверхности; но мысли эти, на подобіе зимнихъ пташекъ, быстро мелькающихъ по снѣжнымъ равнинамъ, сейчасъ же выпархивали изъ малосмысленныхъ головъ, страшно перепуганныя возникшимъ тамъ представленіемъ возможности получить за катанье по льду «спущеніе шкуры», во-первыхъ, — морозомъ, безжалостно рвущимъ пухлыя щеки, а во-вторыхъ, — учителемъ, который из-стари привыкъ оберегать молодая жизни отъ разныхъ опасныхъ случаевъ, прикладывая къ различнымъ частностямъ этихъ жизней горячія припарки, въ видѣ толстыхъ пуковъ гибкихъ березовыхъ прутьевъ.

— Оттягиваетъ это у ребятъ охоту-то . . . Къ баловству, напимѣрь . . . Въ родѣ, будто бы, шпанской мушки облегченіе имъ подаетъ, — въ одинъ голосъ и съ одинаково добродушными усмѣшками толковали и дѣвченокъ, и унтеръ, указывая на прутья, распаренные въ теплой водѣ или въ вольномъ духу печи.

Слушая постоянно такіе разговоры, ребята, можетъ быть, и не особенно сильно поддавались бы ихъ усмиряющему вліянію, если бы въ такія времена на дворѣ не стояло зимы. Она обезлюдилась сельскую улицу, сгребла и сжала въ своей могучей ледяной рукѣ раздольныя волны рѣчныя, и, наконецъ, она же воцарила въ сельскомъ лѣсу мрачную смерть

и безотвѣтное, унылое молчаніе. Только однѣ сосны да ели спорили въ этомъ лѣсу съ зимою, раскрашивая могильное однообразіе ея бѣлаго савана своими вѣчно зелеными вѣтвями. Куда тутъ идти? Какъ по этимъ страшнымъ снѣжнымъ сугробамъ могутъ разбѣчься рѣзвые ноги, не завязнувъ въ нихъ, и кто въ этомъ угрюмомъ молчащемъ лѣсу такъ же весело и звонко, какъ веселье и звонокъ ребячій голосъ, отзовется шумной дѣтской радости? Однѣ только снѣжныя пушинки осыплются съ верхушекъ деревьевъ и беззвучно спустятся къ ихъ подножіямъ, около которыхъ лѣтомъ можно было сидѣть и съ тихой, молчаливой думой смотрѣть на тысячи разнообразной, живой мелочи, копошившейся въ травѣ. Скучно и холодно зимой! . .

И ребята, какъ нельзя болѣе лучше, знали это, — и потому они терпѣливо сидѣли въ учительскихъ избахъ и безпрекословно занимались, какъ это характерно названо сельскимъ народомъ, *учобой*.

Что это былъ за страшный и дикій гомонъ, которымъ непременно обусловливается хорошая, *настоящая учоба*! Вотъ пять молоденькихъ ртовъ, напоминающихъ собою бѣлые рты галчатъ, вывалившихся изъ гнѣздъ на землю, задыхаясь отъ натуги — показать учителю, чей голосъ громче, изъ всѣхъ силъ тянуть: «мал-литва къ чисто-му хрясту» . . .

— Я вамъ, я вамъ задамъ къ «хрясту»! . . — покрикиваетъ учитель, несмущаемо сидя за плетеніемъ рыболовной сѣти или за точеніемъ хитрѣйшихъ балясинъ къ клѣткѣ для любимаго скворца. — Ишь мужлаки поганые! Къ «хрясту»! Ослѣпли вы, что ли, какъ тамъ написано? Кресту тамъ на-

писано! Г-гля-яд-дите у меня, ребята! Кое мѣсто терпѣть мнѣ отъ васъ?

Группа бѣлоротыхъ галчатъ, штудировавшая молитву къ честному кресту, останавливается при этомъ окрикѣ. Она въ глубокомъ недоумѣніи. Она, очевидно, не довѣряетъ ни словамъ учителя, ни книжкѣ, цѣнность которой опредѣляется тремя пудами муки. Одумавшись и самымъ внимательнымъ образомъ всмотрѣвшись въ книжку, группа видитъ, что въ ней, дѣйствительно, пропечатано: ко кресту; но она, въ то же время, очень хорошо знаетъ, что самые любимые ею люди, дѣдушки, бабушки, тятки и мамки, всегда, когда ихъ сокрушенные горемъ головы падаютъ предъ иконами, во время ночной, одинокой молитвы, такъ эти люди всегда шепчутъ: «Хрестъ-хранитель земли! Хрестъ-красота и милость Божья» . . .

Мимолетно скользятъ надъ дѣтскими головками такія соображенія, но все-таки, тѣмъ не менѣе, заставляютъ ихъ, хотя на минуту, задумываться.

— Ну, что стали? — покрикивалъ учитель, на минуту отрываясь отъ вязанія рыболовной сѣти. — Читайте: «мо-о-ли-итва къ честному кресту».

— Кре-есту? — вторятъ за учителемъ ребяташки голосами, непремѣнно плаксивыми, потому что пониманія ихъ въ этомъ случаѣ уже разошлись съ учительскимъ пониманіемъ о крестѣ.

Крестъ учителя и «хрестъ» дѣдушки и бабушки, тятки и мамки оказывались въ дѣтскихъ головахъ вещами, совершенно другъ на друга не похожими.

Впрочемъ, съ этимъ неудобствомъ ребяташки примиряются очень легко. Отъ зимы никуда не убѣжишь съ голыми ногами, — и потому въ школѣ слышатся другіе голоса.

— Буд-ди бла-го-честивъ! — вопіють эти голоса уже болѣе возмужалымъ хоромъ, чѣмъ пѣли голоса первой группы.

— Въ мірѣ нѣтъ ни счастья, ни несчастья! — протяжно и уныло диктуютъ другъ другу четырнадцатилѣтніе ребята, угрюмо наклонившіеся своими весноватыми, исхудалыми лицами въ сѣрыя тетрадки, въ которыя въ назиданіе грядущимъ вѣкамъ они вписывали поучительную истину объ отсутствіи счастья и несчастья въ этой жизни, обильной, какъ всякому извѣстно, и тѣмъ, и другимъ веществомъ въ глубокой степени.

На подобіе того, какъ жужжать пчелы въ ульѣ, гудятъ цѣлый зимній день ребячьи голоса въ дьячковской избѣ. И точно такъ же, какъ свѣтлые лѣтніе злаки даютъ возможность трудолюбивымъ пчеламъ наполнять свои ульи сотами душистаго меда, такъ и юныя сердца малолѣтнихъ тружениковъ — посѣянію и благополучному въ нихъ произрастанію цвѣтовъ различныхъ добродѣтелей обязаны были только длинной, суровой зимѣ, которая въ этомъ случаѣ, должно быть, дѣлала милостивое исключеніе для бѣдныхъ, сельскихъ недоростковъ, привыкнувъ изстари обрывать со всей русской природы ея цвѣтныя украшенія . . .

И какъ душисты, какъ разнообразны эти цвѣты! Вотъ, напримѣръ, одно юное сердце старается возрастить въ себѣ цвѣтъ знанія чихвирей. Для этой цѣли юное сердце всѣми своими сосудами жадно впиваетъ въ себя «таблицу умноженія», которую дьячекъ собственноручно вписалъ, для всеобщаго назиданія села, въ тетрадку изъ толстой синей бумаги. По тетрадкѣ оказывается нѣкоторая, хотя и не особенно значительная, реформа въ общеприня-

томъ человѣческомъ счетѣ, именно: по «таблицѣ умноженія», составленной дьячкомъ Григорьемъ Петровымъ, выходитъ, что «трижды-три — пятнадцать» . . .

Это же правило усваивается и въ избѣ унтера Абрама Телелюева. Онъ, впрочемъ, когда-то домекнулся было своимъ бравымъ, солдатскимъ разсудкомъ до несостоятельности правила «трижды-три» и покушался исправить эту несостоятельность, да подумавши, такъ и оставилъ безъ исправленія.

«Небось! — молчаливо думалъ Абрамъ. — Когда вырастутъ, такъ сами узнаютъ, какъ это оно «трижды-три» . . . Опять же: можетъ, оно по пальцамъ точно что девять выходитъ, а рихметику ежели раскроешь, такъ тамъ тебѣ вдвое больше того насчитываютъ . . . Извѣстно, фокусъ-покусъ все! На то книги и сочиняются, чтобы ты своимъ умомъ не кичился: умнѣе тебя завсегда въ тыщу разъ люди найдутся, ну, они и перешибутъ тебя всячески на каждомъ шагу . . . Знаемъ мы тоже исторію-то!» — заканчивалъ Телелюевъ свою думу и обращался къ какому-нибудь скворцу, который не зналъ исторіи и, слѣдовательно, перешибить своимъ умомъ солдатскаго ума ни въ какомъ случаѣ не могъ . . .

— Ну-ка, Петинька, отличись, — спой намъ что-нибудь, другъ! — ласково говорилъ Абрамъ птицѣ, печально опустившей крылья въ виду инстинктивно чувствуемыхъ ею зимнихъ ужасовъ. — Что приунылъ, милашечка, въ самъ-дѣлѣ? Что зима-то на дворѣ стоитъ? Экая невидаль? Чив-во испужался? Ну-ка, дерни! Фью, фью, фью! Джи, джи, джи! В-вы што, м-между проч-чимъ, глупые, рты-то разинули? Чево перестали учиться? —

кричалъ затѣмъ учитель на ребятъ, дѣйствительно разинувшихъ рты на птицу, которая, пріободрившись отъ хозяйской ласки, начинала уже почвикивать потихоньку.

Испуганные окрикомъ, ребята снова потуплялись въ опротивѣвшія книжки и снова принимались, какъ и въ дьячковской избѣ, голосить о «трижды-три», о «добродѣтели, не нуждающейся въ блистательномъ поприщѣ», о «бѣдномъ, хаотическомъ мірѣ, лишенномъ счастья и несчастья», и т. д., и т. д. . . .

А, между тѣмъ, на деревенскихъ улицахъ злилась и насмѣшливо свистала зима, словно бы освистывала линючесть красокъ тѣхъ цвѣтовъ, которые, во время ея господства надъ землею, съ такимъ удобствомъ принимались и разрастались въ сердцахъ ребятишекъ. Содрогались отъ этой зимней злости не только гнилыя мужицкія избы, но и бѣлая каменная церковь села. Вѣтеръ, словно пьяный буйанъ, налеталъ на голыя верхушки березъ, росшихъ въ церковной оградѣ, моментально и, какъ это говорится на человѣческомъ языкѣ, ни за что, ни про что выдиралъ имъ ихъ печально развисшіе въ разныя стороны вихры и потомъ, взлетѣвши подъ церковную крышу, ожесточенно разламывалъ ея жестяные листы и буйно стучалъ ими о деревянные стропила. Проѣзжій человѣкъ, вынужденный неотложною надобностью быть въ такую непогодъ на дорогѣ, слушая этотъ, громко отдающійся, стукъ, пугливо крестился; а вѣтеръ, какъ бы нарочно, старался навести на его душу еще большее смятеніе. Съ какимъ-то особенно ужасающимъ визгомъ, онъ, въ видѣ летучаго снѣжнаго человѣка исполинскаго роста, стремительно — не взлеталъ уже, а какъ бы вспрыгивалъ на верхъ колокольни, подъ самые ко-

локола, — и принимался звонить въ нихъ, ухитряясь, въ то же время, извлекать изъ нихъ одни только невыразимо унылые, томящіе звуки, съ которыми ежели сравнить прощальный звонъ похоронный, такъ онъ вышелъ бы въ несчетное число разъ веселѣе этой музыки, производимой буйнымъ снѣжнымъ человѣкомъ.

Слушая эту музыку, дьячекъ, при особенно выразительныхъ нотахъ ея, отрывался отъ обтачиванія хитрыхъ балясинъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, при чемъ по его благодушному, обрамленному сѣдыми волосами лицу пробѣгали какія-то сумрачныя тѣни, очень увеличивавшія общее уныніе.

— Разгулялось! — задумчиво шепталъ дьячекъ, снова принимаясь, послѣ креста, за прерванную работу. — Хошь бы чудокъ попритихло; а то, вѣдь, всю душу вытянуло, братцы мои! Но, но! Что стали? — вскрикиваетъ онъ въ ободреніе ребятъ, которые, вмѣсто обычнаго гомона, теперь, въ виду сѣрой тьмы, царившей въ избѣ, и непрерывнаго стога, летавшаго по улицѣ, тихо и сонно перешептывались между собою о разныхъ школьныхъ разностяхъ.

Крикъ этотъ всегда оживляюще дѣйствовалъ на отуманенныя ребячьи головы. Онъ имѣлъ по отношенію къ нимъ такое же дѣйствіе, какое имѣетъ кнутъ по отношенію къ клячѣ, задремавшей усталой головой на трудной пахотѣ. Неожиданно вытянутая по спинѣ длиннымъ кнутомъ, кляча сперва порывисто вздрагиваетъ, словно бы въ это время кнутъ спугнулъ съ нея обуявшую ее задумчивость, потомъ поднимаетъ голову и, наконецъ, принимается усиленно шагать по рыхлой землѣ, несмотря на то, что ноги ея по колѣно вязнутъ въ этой землѣ.

Точно такъ же и ребята, загнанные зимой въ душную избу, сперва вздрогнули отъ учительскаго крика, потомъ подняли головы и, наконецъ, всѣми ртами произвели характеризующій деревенскую учобу гомонъ, надоѣдливо и безустанно ломившійся въ тайныя области великаго научнаго царства . . .

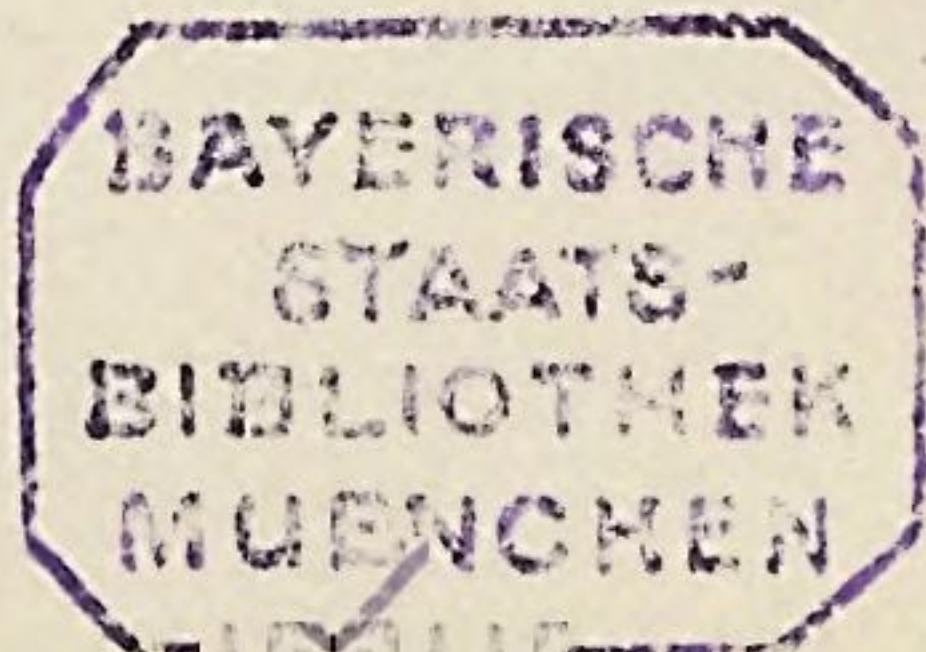
И буйное величіе зимы не однѣ только головы малолѣтковъ превращало, такъ сказать, въ роскошныя нивы, удобныя для воспріятія дьячковскихъ и солдатскихъ истинъ. Оно гнуло къ поучительнымъ книжкамъ, сочиненнымъ и напечатаннымъ на всеобщее благо русскаго народа матушкой Москвою, и другіе, менѣе пугливыя, совершенно уже возрастные лбы. Такими лбами во множествѣ украшались какъ солдатская, такъ и дьячковская избы. Они принадлежали и парнямъ, и молодымъ дѣвицамъ, года которыхъ языкамъ сельскихъ насмѣшниковъ давали полную возможность, сколько угодно потѣшаться надъ этими грамотѣями, особенно надъ парнями. Сельскіе балагуры, встрѣтивши такихъ ученыхъ на улицѣ, обыкновенно проводили между ними и своими лошадьми обидное сравненіе, по которому оказывалось, что, вотъ, «лошаденкѣ моей двухъ годовъ еще нѣтъ, а ужъ она по двѣ бочки воды каждый день привозитъ; а вы, вотъ, дескать, шалаши; все за своей учобой разсиживаетесь».

Насчетъ заучившихся дѣвокъ у сельскихъ остряковъ хотя тоже и существовали различныя пословицы, болѣе или менѣе игриваго свойства, но, однако, пословицы эти говорились вслухъ очень рѣдко. Народный обычай, осуждающій взрослую дѣвушку сидѣть за псалтирю и часословомъ, укрывая молодую голову и румяныя щеки чернымъ платкомъ, вмѣсто того, чтобы ей, разубранной въ крас-

ный сарафанъ и алая ленты, идти въ церковь подъ золотой вѣнецъ и потомъ хозяйничать въ мужниномъ домѣ, удерживаетъ смѣшливые языки, — и напротивъ, почти всегда бываетъ такъ, что когда по сельской улицѣ проходитъ такая дѣвичья молодость, потупивши въ землю свѣтлыя очи и укрывшись своимъ чернымъ платкомъ, то даже старики и старухи даютъ ей дорогу и съ какимъ-то любовнымъ почтеніемъ серьезно и медленно передъ ней преклоняются.

Эти молодые дѣвицы — русскіе «козлы очищенія». Родители ихъ, желаютъ ли свалить съ себя тяжкое бремя, не дающихъ даже минуты покоя, грѣховъ, просятъ ли у Бога какихъ-нибудь особенныхъ милостей, или, наконецъ, пламенѣя религіознымъ рвеніемъ угодить Господу, всегда въ такихъ случаяхъ своихъ дочерей, преимущественно перворожденныхъ, обручаютъ Христу, — отчего издавна присвоено имъ имя «Христовыхъ невѣстъ», или «больныхъ черничекъ».

Лѣтъ съ десяти обрученницъ этихъ одѣваютъ въ черное, не давая, такимъ образомъ, молодымъ глазамъ любоваться яркими цвѣтами, и потомъ ихъ отдаютъ въ науку дьячку, у котораго онѣ лѣтъ въ шесть-семь научаются читать церковныя книги и писать по-полууставному, то есть церковно-славянскимъ шрифтомъ. По окончаніи этого, обязательнаго для всякой вольной чернички, курса, родители ихъ выстраиваютъ имъ домъ гдѣ-нибудь подъ ветлами, въ глуши задняго огорода, устанавливаютъ этотъ домъ образами, увѣшиваютъ лампадками изъ разноцвѣтныхъ хрусталей, и отсюда уже начинается самостоятельная дѣятельность Христовыхъ «невѣстъ». Онѣ читаютъ псалтырь по умершимъ, об-

мываютъ ихъ, вписываютъ въ «поминанья» имена живыхъ людей «о здравіи», а мертвыхъ «за упокой души» — и, наконецъ, обучаютъ такихъ же, какъ онѣ сами, обрученныхъ дѣвочекъ всѣмъ тѣмъ наукамъ, какимъ ихъ обучали...

Изъ оконъ такихъ домиковъ этихъ черничекъ всегда, и днемъ, и ночью, свѣтятся огоньки отъ многочисленныхъ лампадъ и восковыхъ свѣчекъ, зажженныхъ предъ иконами. Тутъ онѣ, въ виду великихъ сподвижниковъ Христа, наполнявшихъ ихъ пустынные кельи, вѣчно поютъ тонкими, смирными голосами псалмы царя и пророка Давида, либо глубоко сокрушенные горемъ даже царственной жизни, либо фанатически ликующіе предъ «неизреченною милостью Бога боговъ — Царя Израилева», спасающаго отъ этого горя...

И такъ проходитъ вся жизнь этихъ дѣвицъ. Мужикъ какой ежели забредетъ за заблудившеюся лошадыю въ чащу ихъ уединеннаго огорода, онъ, смотря на мерцаніе святыхъ огней, видныхъ изъ черничкиныхъ оконъ, непременно сниметъ шапку передъ пустыннымъ домомъ и, съ глубокими вздохами, положить нѣсколько земныхъ поклоновъ. А ежели бабѣ случится проходить за чѣмъ-нибудь мимо черничекъ, такъ она непременно стучалась въ ихъ всегда запертую дверь.

Впущенныя въ келью, сельскія женщины обыкновенно долго молятся предъ освѣщенными, блистающими свѣтлыми ризами, образами черничекъ, а потомъ большое число этихъ бабъ еще дольше истерично рыдаютъ и причитываютъ:

— Ах-хъ! Какіе у насъ съ мужемъ Божіи лики темные! Ахъ, въ какой у насъ темнотѣ Господь-Саваоѣ схороненъ! Охъ, какъ бы мнѣ теперича

дѣвичью силку, когда меня добрые молодцы любили и золотомъ-серебромъ даривали: взяла бы я мое благословеніе родительское — золотомъ бы его всего обернула — батюшку! . . . Охъ, дѣтушки, тошно мнѣ! Охъ, голубушки, тѣсно мнѣ! . . . Ха, ха, ха! Темъ у насъ съ мужемъ въ избѣ, холодъ и голодъ. Ребята голые кричатъ и во всякой нечисти, равно бы животинки какія, по полу ползаютъ. Свѣчки нельзя мнѣ передъ ангеломъ моимъ — Настасѣей святой — затеплить, — денегъ нѣтъ . . . То сама я на ребятъ истрачу, то мужъ, отъ злости на свое убожество, пропѣтъ . . .

Молодые чернички въ утѣшеніе такихъ страстно и болѣзненно рыдавшихъ женщинъ говорили: — Изыди! Изыди, демоне, отъ рабы Настасѣи! Попробуй-ка, тронь-ка рабу еще разъ! . . . Д-ды он-на тиб-бя, мож-жетъ, въ тар-тарары упечетъ . . . Д-ды мы тутъ тебя всего молитвами-то спалимъ, проклятаго сатану . . . Изыди! Изыди! Тьфу! Вотъ тебѣ что отъ насъ — отъ безгрѣшныхъ сестрицъ! . .

Такихъ дѣвицъ очень много засѣдало какъ въ дьячковской, такъ и въ солдатской академіяхъ. Въ нихъ «безгрѣшныя сестрицы» пріобыкали къ будущей дѣятельности — неустанно замаливать грѣхи наивной, сельской мысли, или отгонять отъ нея искусительныхъ демоновъ, которые въ неисчислимое количество лѣтъ существованія міра никакъ не могутъ отстать отъ своихъ каверзныхъ привычекъ — соблазнять честныя человѣческія головы и наводить ихъ на дѣйствія, сообразныя скорѣе съ неугасимою свирѣпостью жупела, горящаго въ темныхъ нѣдрахъ адова царства, чѣмъ съ тихимъ и безобиднымъ теченіемъ дѣль разумнаго и любящаго другъ друга человечества . . .

Всѣ эти дѣвицы были одѣты въ синіе, пахнувшіе масляной краской, сарафаны и укрыты черными платками такъ плотно, что изъ-подъ нихъ блестѣли только сверкавшіе напрасно старавшейся притаить-ся молодостью глаза да чуть-чуть виднѣлись ярко-румяныя щеки. Въ пріятномъ сосѣдствѣ съ ними сидятъ уже взрослые парни, толстыя, породистыя губы которыхъ подернуты свѣтло-рыжеватымъ пухомъ — предвѣстникомъ настоящихъ молодецкихъ усовъ. Всѣ они одѣты, за нѣкоторыми незначи-тельными измѣненіями, одинаково, почти такъ, какъ обыкновенно одѣваются молодые богатые мѣщане въ уѣздныхъ городахъ, именно: на всѣхъ на нихъ были либо ситцевыя, либо красныя кумачныя рубахи, — ситцевые же разводиистые жилеты съ блестящими пуговицами и потомъ синіе нанковые штаны, заправленные въ длинныя голенища «смазныхъ» сапоговъ со «скрипомъ».

Такая одинаковость костюмовъ сельскихъ академиковъ объясняется одинаковостью нравовъ, господствующихъ въ средѣ деревенскаго богатства: соблазнительные примѣры разбогатѣвшихъ «коломенскихъ дворниковъ, зарайскихъ кабатчиковъ» и торгующихъ по селамъ мѣщанъ, которые пьютъ чай изъ собственныхъ самоваровъ, одѣваютъ своихъ ребятъ во все красное и синее и потомъ отда-ютъ ихъ въ учобу къ духовнымъ, увлекаая къ тому же и сѣрыхъ мужиковъ. По пятидесяти и болѣе лѣтъ откладывавшіе копейку за копейкою, грошъ за грошемъ, деревенскіе дѣды, молчаливо приравни-вая своихъ любимыхъ внучатъ, вѣчно растрепан-ныхъ, вѣчно въ грязныхъ, посконныхъ рубахахъ,

къ примасленнымъ дѣтямъ разбогатѣвшей на ихъ уже стариковскихъ глазахъ городской саранчи, начинаютъ, какъ будто, сердиться на что-то, начинаютъ крѣпче и любовнѣе гладить льняныя головенки шаршавыхъ внучатъ. Ихъ молчаливыя, свыкшіяся со всякимъ горемъ души, противъ воли стариковъ, запѣваютъ въ такія времена волнующую, завистливую пѣсню о томъ, что надо бы внученка-то приодѣть, надо бы его, какъ у другихъ прочихъ людей ведется, въ науку какую-нибудь отдать, потому что же ты, старый, все ежишься? Или ты, старый, весь вѣкъ все будешь копить да про нечаянный, *черный* день сберегать? Или ты, старичина, все, что тобой въ твой длинный, горькій вѣкъ сколочено, задумалъ унести съ собой въ темный гробъ и ничего не оставишь внученку, какой былъ только одной радостью во всю твою жизнь?

И все болѣе недовольными нотами звучить эта пѣсня въ стариковской душѣ. Каждый звукъ ея все больнѣе и больнѣе щиплетъ омертвѣвшее стариковское сердце, — и покамѣстъ въ душѣ дѣда поется эта никому неслышная пѣсня, шаршавый и грязный внучекъ совсѣмъ уже заснулъ на его теплыхъ колѣняхъ. Ничуть не слышитъ внукъ, какъ сѣдой, морщинистый старикъ, продолжая гладить его молодую голову, потихоньку всхлипываетъ и отрывисто толкуетъ о томъ, что онъ и радъ бы радостью внука *прозуменами брилліантовыми* всего разукрасить, радъ бы его въ самыя *господскія науки* отдать, чтобы онъ сразу могъ прочесть, какая цифирь на какой верстѣ стоитъ; да, вѣдь, увидятъ тогда люди, что у него, у дѣда, капиталы есть... Истерзаютъ его тогда люди: одни бѣдностью своей, другіе окаянствомъ нахальнымъ, — изорвутъ на ча-

сти . . . Деньги выманятъ, или украдутъ, потомъ судить примутся и пустятъ со всей семьей по міру.

Больше и больше лютя стариковскія, одинокія слезы, — все меньше и меньше хватается у дѣда силъ, чтобы сдержать рыданія, которыя готовы были разразиться громкимъ бабьимъ крикомъ. Стыдно ему своего горя, боится онъ, что какъ бы кто-нибудь изъ домашнихъ или постороннихъ людей не подсмотрѣлъ его, не подслушалъ: а мальчишку между тѣмъ ужъ и разбудили рыданія дѣда, всегда спокойнаго и серьезнаго. Онъ смотритъ свѣтлыми, но недоумѣвающими глазами на несчастье дѣда, въ первый разъ имъ подкарауленное, и храбро лепечетъ любимому человѣку:

— Ты, дѣдушка, никого не бойся! Ты меня дѣньги твои караулить заставь! Н-ниб-бойсь! Только подойди кто-нибудь, я такъ вцѣплюсь . . . Я она-медни, — рассказываетъ дитя о своихъ сторожевыхъ способностяхъ, — такъ въ Мишатку цѣловальникова зубами вцѣпился, — бѣд-да! Меня цѣловальничиха стала за это сначала палкой бить по спинѣ и по ногамъ, и потомъ ужъ копейку дать обѣщала на гостинцы, чтобъ я Мишатку кусать пересталъ; а я все жъ ему кровь пустилъ и убѣгъ! . . . Потому онъ самъ — Мишатка-то — не дерись! . . . Ишь, какой драчунъ! . . . Охъ, дѣдушка! Отнеси меня въ сани на солому, — закончилъ ребенокъ свой рассказъ про свое ребячье столкновение съ цѣловальниковымъ Мишаткой, — мнѣ спать хочется . . .

Сквозь даже непроглядную тьму глухой ночи, при которой безсонный дѣдъ разговаривалъ со внукомъ, можно было видѣть, какъ, при послѣднихъ словахъ ребенка, по лицу старика разлилась широкая улыбка, обнажившая его красныя, давно лишен-

ныя зубовъ, десны. Не сгоняя съ своего изможденнаго лица эту улыбку, старикъ лѣвой рукой прижималъ ребенка къ своей груди, а правой молился на стоявшую предъ нимъ церковь, вставляя въ молитву множество житейскихъ, ропотливыхъ и жалующихся словъ:

— Ангеле мой, хранителю святой! Что же въ самъ-дѣлѣ — аль у насъ нѣтъ?... Спаси, прикрой, успокой! Доколѣ же это мы будемъ людей-то пугаться? Н-нѣ-ѣтъ — будетъ! Хоша при смерти-то возьмемъ на себя бодрова духа!... Столпъ и храненье земли, древо благосѣннолиственное! Спи, спи, родной! Объ Троицѣ рубаху тебѣ красную куплю, какъ у Мишки, праздничную... Святители московскіе чудотворцы, молитесь Бога о насъ! Н-нѣ-ѣтъ! Мы имъ носы-то утремъ — торговцамъ-то этимъ! Я вотъ восемьдесятъ годовъ гляжу, какъ они на нашей мужицкой шеѣ сидятъ... Налетитъ къ намъ саранчей прожористой — и посиживаетъ себѣ день-деньской, сложа ручки на животѣ, а все пуще нашего брата-батрака — сытъ... Святая великомученица Варвара!... Завтра я тебя самъ отведу къ мастеру, въ учобу; а тамъ молебень отслужимъ Науму святому, съ водосвятищемъ... Такъ-то вотъ! А мы еще поглядимъ, кто угоднику покрѣпче свѣчу-то выставить: кабатчикъ, аль мы?... Я таюсь только... Завтра же, по грѣхамъ моимъ, водки выпью съ Васюткинымъ мастеромъ. Понесу ему въ подарокъ водки полуштофъ съ кренделями — и самъ съ нимъ, по малости, чикну... Да право! Чего мнѣ людей-то стыдиться, — слава Богу: не маленькій! Опять же — у меня внукъ растетъ — надежа! Ишь, звѣрь бѣлоголовый какой! Онъ ужъ и въ теперешніе, малолѣтніе годы всему у

дѣдушки научился: молитвы читать, за пчелкой Господней смотрѣть . . . Ужъ онъ и теперь пристально разбираетъ, къ какому она, матушка пчелка Божія, ведетъ къ меду косымъ крыломъ, къ какому прямымъ, когда ей, родимой, питья хочется и когда спокою . . . Молодчикъ! Дай-ка, вотъ, уборовъ-то я тебѣ накуплю, — погоди! . . Ну, прощайте добрые люди, — спать мы со внукомъ идемъ! — раскланивался дѣдъ на всѣ четыре стороны предъ опустѣвшей улицей, вся жизнь которой ограничивалась только одними мѣсячными лучами, бродившими по ея мягкой, дорожной пыли, въ видѣ какихъ-то, какъ бы глубоко усталыхъ и печальныхъ тѣней.

За недѣлю, или болѣе, до прихода Троицына дня, съ его зелеными вѣтвями, съ яркимъ солнцемъ, съ ароматно пахнущею травою, старый дѣдъ, потихоньку отъ домашнихъ покопавшись въ какомъ-то темномъ углу своего двора, въ которомъ и стоялъ-то только одинъ гнилой остовъ безколесной телѣги, весь запачканный ночевавшими на немъ курами, собрался, на диво своихъ многочисленныхъ чадъ и домочадцевъ, въ городъ.

— Телѣгу мнѣ празднишную снаряди, — приказывалъ старикъ младшему сыну, который самъ былъ охотникъ къ праздничной телѣгѣ, стоя въ ней и пуская вскачь застоявшуюся на кормѣ хорошую лошадь. — Въ корень пусти гнѣдова жеребчика, въ пристяжку кобылу соловенькую, — парой поѣду. Навяжи погромочковъ, позвончѣе какихъ, да побольше . . .

— Да ты никакъ, батюшка, въ городъ-то ѣдешь головину дочь за себя за вдова сватать? — смѣялись надъ старикомъ молодые снохи.

— А хошь бы и головину дочь за себя засватали, — отвѣчалъ дѣдъ смѣху снохъ своей, рѣдко показывающейся въ избѣ, улыбкой. — Небось, ежели къ намъ и головиха войдетъ въ домъ, не замарается... У насъ, слава Богу, есть!.. Чаю ей не добудемъ, что ли?..

И вслѣдствіе стариковской поѣздки въ городъ, въ свѣтлый Троицынъ день, любимый внукъ его бѣгалъ по сельскимъ улицамъ въ розовой шуршащей рубахѣ, подпоясанной шелковымъ гайтаномъ съ махрами изъ разноцвѣтнаго сырца въ широкихъ синихъ штанишкахъ и въ сапогахъ, выстроченныхъ по краямъ узорною строчкой, — деготь такъ и лоснился на тѣхъ сапогахъ.

Блаженная счастьемъ, разодѣтаго такимъ блестящимъ манеромъ сынишки, мать знаменательно толковала съ своими подругами, какъ бы осуждая ненужную роскошь свекра:

— Что, старый, придумалъ на старости лѣтъ? Ужъ куда намъ — мужикамъ сѣрымъ — въ красномъ ходить.

— Почто не ходить? — отвѣчали подруги, видимо, пораженные громадностью капиталовъ, посредствомъ которыхъ старикъ могъ осуществить свои затѣи насчетъ внука. — Ежели вамъ въ красномъ не ходить, золотая, такъ кому же въ емъ и ходить? Небось, у старичка-то вашего, у почтеннаго, въ волю всего припасено...

Дворники, цѣловальники, торгоши-мѣщане, глядя на разубраннаго и размасленнаго Васютку, тихо между собою толковали:

— Эге! Гляди-косъ, гляди! Штуку-то какую отмочилъ старичекъ-то нашъ, сусѣдъ-то почтен-

ный! А я, признаться, не ждалъ отъ него капиталовъ. Полагалъ я, что онъ молчаньемъ своимъ фальшивить все: пуцай, молъ, люди думаютъ, что у насъ залежь есть, а мы, тѣмъ временемъ, такъ будемъ норовить, чтобы, то есть, въ долгъ заграбастать побольше . . . А оно вотъ куда дѣло-то поѣхало!

— Да, братъ, загуляло дѣло-то! Онъ, другъ, семьдесятъ годовъ колотилъ . . . Того гляди теперича, старый шутъ лавку откроетъ, — дегтемъ примется торговать, масломъ коровьимъ, сбруей лошадей, лаптями, — какъ есть, безъ куска хлѣба нашего брата — бѣднаго человѣка — оставить. Они, вѣдь, эти старые дьяволы-то хитры. Молчить-молчить весь вѣкъ, да какъ ляпнетъ вдругъ съ большого-то ума, ну, и иди съ сумой! . .

— Да! Надо полагать, что онъ подведетъ подъ насъ что-нибудь! — огорченно шептали другіе голоса. — Ужъ онъ намъ теперича, идолъ, пропишетъ, ужъ пропишетъ . . .

«А то какъ же? Не пропишу, что ли? Рази у насъ нѣту, что ли? Пора ужъ намъ съ вами въ разговоръ вступить!» — отгадывая сосѣдскія рѣчи, думаетъ самъ съ собою старикъ, сидя въ овчинномъ тулупѣ на жгучемъ, полуденномъ солнцѣ около своего дома. — Васютка! — кричитъ онъ затѣмъ своему внуку, шумно объѣзжавшему верхомъ на дѣдовскомъ посохѣ праздничныя сельскія улицы. — Поди-ка сюда! На-ка вотъ: дай Мишаткѣ цѣловальникову городского гостинцу . . . Скажи: дѣдушка, молъ, изъ города такихъ гостинцевъ Богъ знаетъ сколько привезъ. У насъ ихъ теперь, скажи, вся семья хрупаеть, сколько угодно . . . Запрету, молъ, отъ дѣдушки нѣтъ . . . Сколько въ кого

влѣзетъ, — кушай!... А гостинцы, скажи, дорогие!...

Внукъ убѣгалъ дѣлиться дорогими гостинцами съ пріятелемъ Мишаткой, а дѣдъ, прикрывая плотнѣе овчиннымъ тулупомъ свои трудовыя, исхудалыя плечи, шепталъ:

— Ужъ очень меня на своемъ вѣку пробирали торгоши-то эти! Дай-ка и я имъ хошь одну загвоздочку махонькую запущу...

Цѣловальникъ, въ свою очередь, тоже громко оралъ на своего Мишатку, который прибѣжалъ, было, къ нему похвастаться дорогими гостинцами, полученными отъ пріятеля:

— Что ты, дурачина, аль ополоумѣлъ? Всякую скверность отъ мужичьихъ ребятъ въ свои руки берешь! Рази тебѣ тятенька твой не покупаетъ гостинцевъ! Поди — скажи матери, чтобы она надѣла на тебя шелковую рубаху, сапоги бы дала сафьянные, красные, гостинцевъ чтобъ полный подолъ наклала, самыхъ сладкихъ, съ билетиками печатными... Пущай, чтобъ билетики по-французскому написаны были... Нехай старый чортъ къ попу идетъ тѣ билетики разбирать... Посмотримъ, какъ они ихъ разберутъ! Я и самъ-то съ ими еле-еле смогаюсь, даромъ что по всей Расеи прошелъ... А?... Ахъ, старый шутъ! Ишь ты, какія комедіи подпускаетъ... Н-нѣтъ, — утрись! Увидимъ еще, повремени, кто кому здоровѣе ходу задастъ...

— Варвара! — такъ же громко, какъ цѣловальникъ, кричалъ дѣдъ своей снохѣ — Васюткиной матери. — Аль не видишь дура, — говорилъ онъ Варварѣ, вставшей передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. — Аль не слышишь, что цѣловальникъ-то говоритъ: велитъ женѣ Мишатку обрядить въ дру-

гую рубаху, въ шелковую . . . Ты-то что же глядишь? Доставай и ты Васюткѣ шелковую рубаху, съ разводами, самую лучшую, — сапоги красные, сафьяновые . . . Гостинцевъ ему въ подолъ по-слаще насыпь . . . Ай я имъ уступлю? Да я въ гробъ пойду, а не уступлю . . . Будетъ имъ уступать-то, — шабашъ! А ты, должно, свекра-то слушаться перестала, — чего стоишь? Ты, должно, свекра-то, на старости его лѣтъ, на все село осрамить собираешься! . . . Охъ! Доберусь я до васъ — до неслуховъ! . . . Держитесь вы у меня въ тѣ времена! . . .

Грозно отдаетъ снохѣ это приказаніе сѣдой дѣдъ. Тулупъ онъ въ эту минуту съ плечъ долой сбросилъ и толстой палкой объ землю застучалъ. Едва-едва удерживая предъ этой грозой смѣхъ, послушно отходить стъ него молодая сноха и, выбирая изъ сундука драгоцѣнные Васюткины уборы, довольно и счастливо повторяетъ свою прежнюю фразу:

— Ишь, старый, что на старости лѣтъ выдумалъ? А мы думали, что онъ у насъ тугой на деньги. Анъ, онъ вонъ какой чливый! Своихъ въ обиду не дастъ, значить . . . Иди же, Васютка, надѣвай другую рубаху, — дѣдъ велѣлъ! . . . Да поди-ка, чертенышъ, поды рукомойникъ, — я тебѣ морду-то вымою, — въ сладкомъ у тебя морда-то вся! . . .

Потомъ старикъ, все дальше и дальше идя по разымчивому пути неуступокъ, сосваталъ свою внучку — Васюткину сестру — замужъ за писмоводителя становаго пристава, — и передъ этимъ событіемъ онъ еще разъ ѣздилъ въ городъ, гдѣ, по его собственному выраженію, закупилъ *всево*, что требуется хорошимъ господамъ. Полезность и надобность въ господскомъ хозяйствѣ многихъ вещей,

накупленныхъ дѣдомъ въ городѣ, не могли быть опредѣлены не только имъ, но даже и самимъ писмоводителемъ, при всей его житейской опытности и пониманіи, какъ и что къ чему дѣлается у имени-тыхъ людей. Онъ, писмоводитель этотъ, пересталъ даже франтить передъ своей невѣстой облѣз-лою, енотовою шубой, которую онъ не снималъ и въ жарко натопленной избѣ, а только что ахалъ надъ вещами, навезенными дѣдомъ, цѣловалъ у него худыя, подернутыя сине-багровыми жилами, руки и восклицалъ:

— Ахъ, дѣденька! Какъ это вамъ Господь помогъ этакую кучу *всево* оборудовать? Да мы она-медни имѣньице тутъ одно описывали съ господиномъ становымъ у помѣщицы у одной—у вдовы. На что рѣсочно дама, а у нихъ такое имѣніе на именины только да въ престольный праздникъ подается къ столу на поглядѣнье гостямъ. Гдѣ вы, дѣденька, такія посудыны отрыли? Ахъ! Сколько у васъ ума! . . . Пожалуйте ручку, дѣдушка, — вмѣстѣ Господу-Богу съ вами помолиться дозвольте за ихнее неоставленье . . .

Но не особенно поддавался дѣдъ ласкамъ человѣка въ енотовой облѣзлой шубѣ и при часахъ изъ «новаго золота», которое въ старину называлось просто — мѣдью. Онъ отстранялъ свои руки отъ поцѣлуевъ приказнаго и, сидя въ переднемъ углу «подъ богами», протяжно толковалъ ему:

— Да ты не безпокойся! Не горюй! У насъ то ли еще будетъ? . . . Живи только честь-честью, — люби жену да насъ, старичковъ, почитай! Тогда мы, поглядѣвши на ваше съ молодою хозяйкой житье, сколькое время удосужиться можемъ, внучку тебѣ нашу — мужичку — такъ соберемъ, хошь бы

любой барынѣ въ пору . . . А то какъ же? Рази у насъ нѣтъ, что ли?

— Какъ не быть, дѣденька? — таялъ приказный. — У васъ-то? . . . Господи! . .

— Сказано: сберу внучку за барина, — и толковать нечего! — Вотъ ужъ поѣду въ городъ, — органъ изъ трактира куплю, чтобъ была музыка у моихъ внучатъ, какъ у господъ, ей Богу! А ну, баринъ, покажи намъ свое послушанье, то есть, что ты не гнушаешься моей мужицкой семьей, — ласково смѣялся дѣдъ, — поднеси винца дѣдушкѣ . . .

— Да мы, дѣденька, съ большимъ удовольствіемъ не токма что винца поднесемъ вамъ, а и въ ножки поклонимся, не за деньги, дѣдушка, а за вашу, сударь, милость, потому я сирота, сударь-дѣдушка, и горе великое знаю, не глядите на младость моихъ лѣтъ . . . Прозналъ я этого горюшка очень довольно . . . Прикажите, дѣдушка, и вы, милые сроднички, виномъ-хересомъ васъ потчевать — изъ города мнѣ купецъ Блохиновъ двѣ бутылочки на свадьбу въ подарокъ далъ, ради моего сиротства . . .

— Ахъ, какъ уменъ писарекъ! Ахъ, сколько въ немъ, при его сиротствѣ, ума сидитъ! — тихо шептали другъ другу пирующие. — Выбралъ, старый, зятъка себѣ въ сласть! А мы ужъ про него думали, что онъ совсѣмъ ослѣпъ . . . А онъ вотъ какъ: подавай, говоритъ, намъ съ внукою барина . . .

— Прикажете же, дѣдушка, — умолялъ женихъ, — винцо мое въ рюмки — ваше подареннице — разливать и васъ съ гостями дорогими потчевать. А я, никакъ вы въ себѣ сумнѣніе противъ меня имѣете въ своемъ сердцѣ насчетъ моей гордости, я даже, напротивъ того, съ супругой, вообще, въ ножки къ вамъ. Ну-ка, Машенька милая, — об-

ращается «молодой» къ невѣстѣ, — налейте-ка дѣденькѣ рюмочку, а я поднесу, да потомъ ужъ и въ ножки имъ, потому, милая, дѣдушка наши стары . . . Намъ ихъ во всякій часъ уважать нужно . . .

— Вотъ за это ты молодецъ! — серьезно говорилъ старикъ, принимая рюмку съ виномъ-хересомъ изъ руки внука, при всеобщемъ почтительномъ молчаніи гостей. — За это я тебя люблю, что ты чиномъ своимъ передъ нами — прочими мужиками — не гордишься . . . Подите-ка ко мнѣ, внучата мои золотые, я васъ поцѣлую! Охъ! Отъ радости моей и отъ вина, кажись, я совсѣмъ съ ума сшелъ? . . . Кажись, я деньгами своими потѣшаюсь надъ вами? . . . Э, да ужъ и горе же у меня было, братцы мои, — простите, Христа ради, коли дѣдъ ежели въ чемъ забуянилъ передъ вами . . .

И молодые, лежавшіе въ ногахъ у старика, и самъ старикъ, совершенно довольные и счастливые другъ другомъ, заливались горячими слезами; а цѣловальники, дворники и различные торгоши, смотря на эту сцену въ освѣщенное окно, завистливо толковали:

— Вотъ демонъ-то, — истинно! Не думано, не гадало. И на свадьбу не позвалъ, — а? . . . Ты гляди, ломается-то какъ! Весь словно на пружинахъ! . . .

Старикъ, по своей восьмидесятилѣтней житейской опытности, если не слышалъ этихъ законныхъ рѣчей, такъ зналъ, что непременно онѣ будутъ на разные манеры растолковываться, — и потому, положивши руку за пазуху, онъ заговорилъ въ отвѣтъ имъ:

— Ну-ка, внучекъ! Поднеси-ка дѣду вторичную! Встань съ колѣнокъ, и не печалься на

свое сиротство, — я теперь тебя въ обиду не дамъ. Недаромъ я тебя въ зятя себѣ взялъ. Я на тебя три года глядѣлъ, каждый твой шагъ зналъ — и вижу: предъ начальникомъ твоимъ, становымъ, Господь тебя умомъ не обидѣлъ... Подноси! не гордись передъ дѣдомъ! Я семнадцать годовъ вина-то не пилъ, а иную пору страсть какъ хотѣлось!.. Сказалъ: не буду пить, — и не пилъ! Такъ-то! Ну, а теперь вотъ выпилъ — и, за твое послушанье, жертвую вамъ съ молодой женой на раззаводъ сто золотыхъ!.. Это покамѣстъ, а тамъ видно будетъ: не умремъ, такъ увидимъ...

— Дѣдушка! — плакалъ письмоводитель. — Да я теперь съ вашимъ капиталомъ... Да я съ нимъ, можетъ, по сиротству моему горькому, проскочу не то что въ становые... Вел-ликая важность! Супруга! Машенька! Цѣлуй дѣдушку въ правую щечку... По-господски! Повыше того махнемъ, дѣдушка, — околѣть мнѣ на мѣстѣ! Увидите, какъ, съ вашею помощью, въ губернію съ женой закатимся...

Словно высѣченный изъ гранита древнимъ міромъ богъ, сидѣлъ волосатый, сѣдой старикъ подъ образами и величаво говорилъ:

— Увидимъ! Поглядимъ! Дай-то Богъ! Только отчего же это, зятекъ, на моемъ пиру станового съ женой и съ ихними дѣтками нѣтъ?.. Обѣщались, кажись?.. Намъ, вѣдь, все равно, а все же, будто бы, почестнѣе было бы... Конечно, мы и безъ нихъ обойдемся...

— Да они сейчасъ будутъ! — взмолился письмоводитель. — Господи! Дѣденька! Да, вѣдь, они такъ и сказали, и самъ, и барыня: «Сейчасъ, — говоритъ, — мы прибудемъ къ нимъ... Къ ста-

ричку, то есть, Божьему» . . . Ахъ, дѣдушка! Какъ они оба васъ любятъ, такъ это даже, ей Богу-съ! . .

Старикъ, слушая это, улыбался въ густую сѣдую бороду, а цѣловальникъ, наблюдавшій въ окна чужой пиръ, говорилъ своимъ друзьямъ:

— Нѣтъ! Этотъ старикъ, знаю я теперь, не послѣднюю сотню золотыхъ затю сейчасъ выложилъ, можетъ, первую только еще . . . Слышали? Самъ становой посаженнымъ отцомъ будетъ . . . Теперь они безпремѣнно лавку откроютъ, а тамъ дальше и больше пойдутъ властвовать . . . Надо кому-нибудь сдать мнѣ свой кабачишка, — въ другое мѣсто нужно идти, — тутъ они теперь сѣдятъ вдосталь, мужланы проклятые! . . Такъ-таки и задушатъ своимъ капиталомъ безъ всякой пощады, особенно ежели этому старому псу Богъ вѣку пошлетъ лѣтъ на пять . . . Смерть! . .

Вслѣдствіе описанныхъ сейчасъ дѣдовскихъ побужденій, сельская трудовая жизнь, послѣ смерти такихъ стариковъ, начинаетъ измѣнять свои патріархальные нравы. Приближаясь все больше и больше къ городскимъ торговымъ типамъ, она на свою собственную, убыточную бѣду, снимаетъ съ себя домашнюю, льняную рубаху и разукрашивается алжирскими и вонючими матеріями отечественныхъ мануфактуристовъ. Брезгая и фыркая на грязные, тунеядные нравы уѣздного и губернскаго купечества, съ которымъ сводятъ ее торговые отношенія, сельская жизнь, въ то же время, глубоко и злостно относится къ той своей несостоятельности, которая неминуемо проявляется въ ней во время интимныхъ сношеній съ купцами, послѣ дѣла.

Уѣздный купецъ, далеко опередившій мужика на поприщѣ трактирнаго и базарнаго ярыжничества,

которое въ большинствѣ случаевъ у насъ называется коммерціею, обыкновенно, смѣется надъ нимъ, не знающимъ никакого толку въ «купонахъ», «акціяхъ» и «облигаціяхъ», къ которымъ, впрочемъ, и собственное пониманіе купца относится точно такъ же, какъ къ той, измышленной русскою умственностью, безднѣ, въ которой, будто бы, даже сами дьяволы ноги себѣ обламываютъ . . .

Смѣется купецъ надъ мужикомъ даже и тогда, когда угощаетъ его въ грязной харчевнѣ чаемъ. Наливая въ чашки этотъ всероссійскій напитокъ, купецъ говоритъ мужику:

— Вотъ и такого простого дѣла ты не умѣешь сдѣлать! Что жъ ты послѣ этого за человѣкъ есть! Вотъ, я теперь прислуживать тебѣ долженъ, купечество мое подъ пятку запряталъ. А какая отъ вашего брата за это благодарность? Каждую копейку ты у меня отжиливаешь, объ каждомъ грошѣ ты предо мною скулишь, ровно собака какая облѣзлая, которая во всю жизнь свою куска хлѣба не видывала. Глядѣть мнѣ на такое твое скарество тошно, а еще богатый мужикъ. Да я, вотъ, поменьше тебя, можетъ, капиталовъ имѣю, а для друга мнѣ ничего не жаль: хочешь — угощу тебя сейчасъ французскимъ виномъ, хочешь — нѣмецкимъ?

— Гришутка! — обращается купецъ къ половому. — Принеси-ка намъ съ дядей бутылку рому ямайскаго, да поздоровѣе! Съ игрою нельзя ли, Гришутка, какъ у шенпанскаго! Ха, ха, ха!

— А какъ, братъ, жена твоя онамедни меня одолжила, когда съ крестникомъ къ намъ пріѣзжала, — хохочетъ купецъ все больше и больше, — просто бѣда! Понимаешь: обѣдъ у насъ — у купцовъ, особливо ежели при гостяхъ, длинный быва-

еть: часа полтора, а то и два. Гляжу: тутъ вотъ это, какъ ты теперича сидишь, протопопъ съ супругой сидѣль; полѣвѣе — голова сестра съ мужемъ, съ купцомъ, — дюже онъ у насъ теперь овсомъ занялся, — вотъ, ты бы ему посходнѣе возикъ-другой привезъ; а на другомъ концѣ находилась моя супруга съ твоей благовѣрной. Что же? Я, братъ, не гнушаюсь! . . . Иной бы ее въ куфнѣ накормилъ; ну, а мы не такіе: у насъ — милости просимъ за одинъ столъ съ собой! . . . Толкуемъ мы такъ-то, то про писаніе, то про свои житейскія дѣла, — глядь: твоя жена и шепчетъ моей: «Пусти, — говоритъ, — меня: я лошадь свою пойду попою, да корму задамъ ей. Чай продрогла, на морозѣ стоявши, сердешная». Мы такъ всѣ и грохнули! . . . Батюшка вынули платочекъ и потихонечку этакъ: хи, хи, хи! Ну, а мы, другъ, не взыщи: такъ-таки и лопнули со смѣху, — не стерпѣли, потому мы люди мірскіе . . .

Видитъ мужикъ, что его, какъ малаго ребенка, хають и обманываютъ въ непривычномъ ему торговомъ мірѣ, — видитъ онъ, что въ той грязной колеѣ, въ которую онъ заѣхалъ, благодаря дѣдову желанію — «не уступать никому», неминуемо должны увязнуть грузныя колеса его телѣги — и все-таки никакъ не можетъ выѣхать изъ тины, засасывающей его въ свое непроходимое, покрытое гнилью, зеленою плѣсенью, болото. Озабоченный, при своей безграмотности, необходимо уяснить себѣ волшебное значеніе купона, неожиданнаго паденія хлѣбныхъ цѣнъ, пониженія и повышенія тарифа на желѣзкахъ, гдѣ въ одно время берутъ съ него за отправку въ городъ бочки съ творогомъ семнадцать и три четверти копеекъ, а въ другое за ту же бочку съ тѣмъ же товаромъ взимаютъ уже девяносто три

копейки съ четвертью — онъ, наконецъ, ощущаетъ въ головѣ своей мучительную ломоту и окончательно бросаетъ вожжи, предоставляя своей телѣгѣ полную возможность останавливаться на любомъ базарѣ предъ любой харчевней, лишь бы оттуда слышались безалаберные звуки деревенскихъ оркестровъ и пьяные, крикливые разговоры орущего отъ бездѣлья торговаго люда.

Магнетическая сила «могарыча», властительно царящаго въ копеечной сельской торговлѣ, подтягиваетъ къ себѣ мужика все ближе и ближе. Онъ уже не можетъ, какъ въ былые годы исключительнаго ухаживанія за матерью-землей, встать съ ранними пѣтухами для хлопотъ о насущномъ хлѣбѣ безъ того, чтобы не опохмелить косушкою свою голову, въ дѣйствительности глубоко удрученную городскими столкновеніями. Десять молодыхъ рабочихъ рукъ, въ виду болѣзни кормильца и поильца дома, суетливо заняты теперь постановкой самовара, бѣганьемъ взапуски въ кабакъ, со звонкими посудинами и, наконецъ, вовсе даже несвойственными сельской жизни аптекарскими ухищреніями — составить изъ набранной прошлымъ лѣтомъ въ лѣсу клюквы и брусники что-нибудь такое кислое, которое бы сразу освѣжило отцовскую голову отъ дурмана, запущеннаго въ нее городскими харчевнями.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ мужицкая семья мѣняетъ свои крѣпкіе, сельскіе нравы на изнѣженные нравы горожанъ, и, вмѣстѣ съ этою перемѣной, непримѣтно таетъ и деревенское хозяйство, собираемое цѣлыми десятками лѣтъ. Въ такой семьѣ начинаетъ примѣчаться нѣчто такое, чего нельзя увидать ни въ одномъ мужицкомъ семействѣ,

оставшемся вѣрнымъ дѣдовскимъ привычкамъ, то есть труду, умѣренности, строгому порядку въ жизни и т. д. То изъ такого дома, прельстившись политическимъ обхожденіемъ браваго унтера-постояльца, убѣжить красная дѣвица и, осрамленная, черезъ недѣлю вернется назадъ, то отъ любимаго взрослого сына никому изъ домашнихъ покоя нѣтъ. Никто не можетъ упрятать отъ него трудовой копейки безъ того, чтобы онъ не ухитрился своровать этой копейки. Молодую стряпку ежели въ подмогу своимъ бабамъ наймутъ, такъ ей отъ него, ни на дворѣ, ни на огородѣ, проходу нѣтъ. Своровать ежели ему ничего подъ руку не попадетъ, такъ онъ у лошадей овесъ выгребетъ и въ кабакѣ пропьетъ съ такими же, какъ самъ, головорѣзами. Каждый день въ домѣ отъ жалобъ на него шумъ и суетня идутъ: то онъ ворота вымажетъ дегтемъ у сосѣда, то собакъ ночью изъ ружья перебьетъ, то капусту на грядкахъ вверхъ тормашками пересадитъ. За все семья отвѣчай да все деньги плати; а онъ только себѣ посмѣивается да расписную трубочку съ дунаевскимъ вакштафомъ покуриваетъ.

Наконецъ, самъ отецъ семейства, запутываясь все больше и больше въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, начинаетъ запивать сильнѣе и сильнѣе. Различныя неудачи тревожатъ его все больше и больше: цѣлыя недѣли бурлитъ онъ и мутитъ семейный покой въ пьяномъ образѣ; а ночью спать никому не даетъ, напуганный представленіями разныхъ «судовъ», «сроковъ», «убытковъ», «неустоекъ» и прочихъ торговыхъ ужасовъ.

Тщетно измученная жена возитъ его по разнымъ лѣкаркамъ и колдунамъ, тщетно палитъ она въ горнищѣ предъ иконами неугасающія ни днемъ, ни

ночью лампы, — старикъ дѣлается все безпокойнѣе и угрюмѣе: безобразіе и ужасъ представляющихся ему видѣній дошли до такой сильной степени, что окончательно убѣдили старика въ томъ, что нѣтъ ужъ теперь спасенья грѣшной душѣ его . . . И вотъ, желая по возможности смягчить царящее надъ домомъ горе, хозяинъ и хозяйка намѣчаютъ въ своей избѣ какую-нибудь дѣвочку, одѣваютъ ее во все черное и приучаютъ ее съ молодыхъ дней не пропускать ни одной заутрени, — благовѣстятъ ли къ этой заутрени въ сладко манящую ко сну лѣтнюю зорю, или въ бурную зимнюю ночь, съ воющимъ вѣтромъ и трескучимъ морозомъ . . .

Трудно сказать, насколько эти молодые жертвы облегчаютъ страдающія стариковскія души, хотя всѣмъ сельскимъ и уѣздно-торговымъ міромъ изстари признано, что, ежели ребенка съ дѣтства отрѣшить отъ всѣхъ жизненныхъ радостей и обречь его на вѣчную молитву въ уединеніи и постѣ, тогда разгнѣванный людскими неправдами Богъ смягчаетъ Свой справедливый гнѣвъ и умилоstitвляется надъ людьми, принесшими такія жертвы . . .

Такіе-то дома и по такимъ-то, именно, побужденіямъ и отдають своихъ дѣвочекъ въ школы къ дьячкамъ и солдатамъ, съ просьбами объ украшеніи ихъ юныхъ душъ разными спасительными добродѣтелями. Точно такія же семьи породили и этихъ здоровыхъ молодцовъ, съ усами, въ красныхъ рубахахъ и ситцевыхъ жилетахъ, засѣдающихъ, вмѣстѣ съ другими малолѣтними учениками, въ дьячковской избѣ.

Вольница эта, опротивѣвшая всѣмъ своимъ до-

машнимъ до послѣдней возможности, наконецъ, изгоняется палками изъ-подъ отчаго крова къ дьячку, котораго со слезами и съ гостинцами умоляютъ не жалѣть для парня хорошаго дубья.

— Обтеши ты намъ его хоть къ свадьбѣ-то, Христа ради, Григорій Петровичъ! — умоляютъ мастера родные школьника, притащивши его чуть ли не въ веревкахъ. — Вѣрь Богу: совсѣмъ парень отъ рукъ отбился! Въ кого только зародилась скотина такая угорѣлая? Промуштруй его эту зимку покрѣпче, а мы, тѣмъ временемъ, невѣсту ему будемъ выглядывать . . . Ничего, вѣрно, съ нимъ иначе не подѣлаешь, окромѣ какъ женить . . .

— Что же, это дѣло доброе! — соглашался дьячекъ. — Да я вамъ его къ свадьбѣ-то любо-два отшлифую. Вы у меня его и не узнаете за зиму-то! Вотъ, у меня усмиритель-то на стѣнѣ виситъ, — родитель-покойникъ меня имъ еще въ старину благословлялъ, — рекомендовалъ учитель своимъ гостямъ здоровую нагайку, красовавшуюся на гвоздѣ. — Ну, женишокъ, милости просимъ за столъ, за книжку. Небось, съ гулянками-то со своими и читать-то, поди, разучился? Ну, авось, куманекъ-то вотъ этотъ трехвостый вложить въ тебя настоящее пониманіе . . . Шагу у меня изъ избы безъ моего спроса сдѣлать не смѣй! Поди теперь, на манеръ становаго, ужъ и трубочку попыхивать выучился! Вамъ, при вашихъ достаткахъ, безъ трубочки да безъ водочки невозможно? Боже избави, — увижу! . .

Смирно сидятъ избалованные въ распущенномъ отцовскомъ домѣ сорванцы, подъ «добрымъ» вліяніемъ ременного усмирителя. Не имѣя возможности не подчиняться этому усмиренію, они, благодаря его внушеніямъ, живо припоминаютъ забытую было, во

время домашняго баловства, грамоту и «письменную часть».

Стонъ стоитъ въ дьячковской избѣ отъ множества дѣтскихъ голосовъ, громогласно затверживающихъ разныя разности. Съ этими голосами сливаются тонкіе, какъ бы поющіе голоса черничекъ и протяжные баски кандидатовъ въ женихи. Въ то время, какъ чернички распѣваютъ какое-нибудь «житіе» или «прохождение грѣшной души по двѣнадцати мытарствамъ», усатые молодцы пристально зазубриваютъ стишокъ, сочиненный дьячкомъ для смягченія ихъ непосѣдныхъ натуръ. Стишокъ этотъ говорилъ:

Аще кто хочетъ много знать,
Тому подобаетъ мало спать,
По утру рано вставать,
Бога въ помощь призывать.

Любо дьячку въ этой гулко жужжащей сферѣ, дружный шумъ которой, заглушая собою ревъ зимней бури, баюкаетъ и усыпляетъ его. По временамъ, просыпаясь, онъ весело покрикиваетъ на свою команду:

— Но! Но! Что призамолкли! Поваливай съ Богомъ! Нечего маяться-то! Вонъ онъ, вѣдь, дружокъ-то... На стѣнкѣ висить!...

Что-то веселое царило въ дьячковской избѣ вслѣдствіе этихъ головъ, — уютность и тепло наполняли ее, какъ говорится, вровень съ краями. И такимъ образомъ безмятежно и непримѣтно проходила зима, засыпая снѣгомъ сельскія кровли и улицы, а головы ребятъ неувядаемыми цвѣтами наукъ. Изрѣдка только эта тихая безмятежность нарушалась приходомъ къ дьячку какого-нибудь старика или старухи — родственниковъ одной изъ

обучающихся у него молодыхъ черничекъ. Между мастеромъ и пришедшимъ лицомъ начинался тогда таинственный шопотъ, во время котораго они покачивали головами и подозрительно поглядывали на какого-нибудь восемнадцатилѣтняго Костюшку Бѣлова. Усатый Бѣловъ, чувствуя, какою кошкой и чье мясо съѣдено, конфузливо пряталъ отъ этихъ взглядовъ свое толстое, покраснѣвшее лицо въ книгу или тетрадь . . .

— Ты что же это, меринъ? — наступалъ учитель на молодца, прерывая его усиленные ученыя занятія звонкимъ шлепкомъ-усмирителемъ по широкой спинѣ. — Ты что же это задумалъ съ большого ума: къ дѣвицамъ святымъ приставать?

— Я, дяденька, умереть на мѣстѣ, ничего! . . . То есть, ей Богу, я Матрену не трогалъ, — ежился подъ ударами нагайки выведенный на свѣжую воду парень. — Онѣ меня сами, — чернохвостки-то эти, — все разсмѣиваютъ . . .

— Я, вотъ, тебя разсмѣю! Я т-тебя! Ну-ка, вотъ, хорошо я разсмѣиваю? . . . Что: горячо?

— Прибавь, прибавь ему пожарче, Петровичъ, — кричали жалобщики. — Всыпь поуще! Что это за парень за такой! Никакого ему уйма нѣтъ! Забылъ я свой кнутишка съ собой захватить, — онъ у меня этакій ладный, съ кольцами мѣдными . . .

— Нич-чего! Я его и этимъ ублаготворю всласть . . . До новыхъ вѣтниковъ будетъ помнить и отчихиваться . . .

Эти ременные внушенія производили на остальныхъ ребятъ сильное и продолжительное впечатлѣніе. Послѣ экзекуціи они долгое время не отрывали своихъ испуганныхъ фیزیомій отъ букварей, замѣчательно звучно выкрикивая пропечатанные въ

нихъ вещи, спасающія слабый родъ человѣческій отъ пагубныхъ заблужденій, а слѣдовательно, и отъ расправы посредствомъ ременнаго кнута.

— Что, съѣлъ? — насмѣшливымъ шопотомъ говорила Бѣлову молодая черничка — главная виновница сцены, возмущившей безмятежность дьячковой школы. — Теперь ты только затронь меня, такъ не то еще будетъ . . . Не такъ ужъ тогда обожгутъ . . .

— погоди! погоди! — злобно отвѣчаетъ ей обиженный парень. — Ужо попадешься мнѣ гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ . . . Я тебя доѣду, ябеда! Вотъ подожди — дай лѣту придти, — я тебя тогда въ любомъ мѣстѣ прижучу . . .

IV.

Чѣмъ крѣпче лучи наступающей весны били зиму по ея сѣдой, ледяной головѣ, чѣмъ теплѣе и свѣтлѣе становились дни, тѣмъ дѣлишки въ описанной школѣ становились все хуже и хуже. Дружное жужжаніе ребятъ, спорившее съ пугающими голосами зимы, теперь съ каждымъ днемъ дѣлалось тише, такъ какъ ребята ежедневно выбывали изъ-за школьныхъ столовъ, выманиваемые на уличное раздолье тепломъ и свѣтомъ долго не грѣвшаго солнца. А какіе ребяташки продолжали еще засѣдать за столами, такъ они занимались вовсе ужъ не учобой, а скорѣе нѣкоторымъ родомъ мѣновой торговли, промѣнивая другъ другу зайцевъ, пойманныхъ на обтаявшихъ гумнахъ, на звонкія дудки, которыя такъ ловко устраиваются въ это время года изъ тонкихъ сучьевъ огородныхъ ветель. Дудки промѣнивались, въ свою очередь, на только что выкопаннаго изъ-подъ сѣннаго стога сурка, сурокъ — на рано крик-

нувшую въ сельскомъ лѣсу кукушку, а кукушка, вопреки русской пословицѣ, запрещающей мѣнять эту птицу на ястреба, на нашемъ рынкѣ ходила, именно, за ястреба, заполоненнаго въ ригѣ цѣлой стаей ребятъ въ то время, когда онъ тамъ расправлялся по-свойски съ тихими голубями и пискливыми воробьятами.

Ременный усмиритель Григорія Петровича, во все продолженіе зимняго семестра такъ рѣдко снимавшійся со стѣны, теперь то и дѣло разгуливалъ по спинамъ ребятишекъ; но тѣмъ не менѣе, онъ не въ силахъ былъ прекратить ни торга школьниковъ, ни остановить какого-то страннаго, необъяснимаго хохота, который, время отъ времени, безъ всякаго видимаго повода, неудержимо раскатывался въ учащейся группѣ.

— Варвары! — болѣзненно вскрикивалъ Григорій Петровичъ, выведенный изъ терпѣнія этимъ хохотомъ. — Чему обрадовались, мучители, что вдругъ ни съ того, ни съ сего ржать принялись?

— Мы, дяденька, ничего! — божились ребята съ такими серьезными рожицами, смотря на сдержанность которыхъ, трудно было допустить, чтобы они могли смѣяться не только что въ эту, сейчасъ промелькнувшую секунду, а даже когда-нибудь.

Недоумѣніе! . . . Можно было подумать, что это влетѣлъ въ дьячковскую избу и прохохоталъ въ ней игривый духъ весны, дескать: «Что вы, ребята, все за книжками въ душной избѣ гніете? Такое ли теперь время? Побѣжимъ-ка на улицу — ручьи спускать, плотины строить, мельницы . . . Чудо! Ха, ха, ха!»

Такъ былъ беззаботенъ этотъ смѣхъ и такъ неуловимо быстръ! . . .

Учительская строгость мало-по-малу, наконецъ,

уступаетъ бойкости ребятишекъ, раздраженныхъ свѣтлою весеннею жизнью. Бойкости этой въ ея трудной борьбѣ съ учителемъ, кромѣ весны, главнѣе всего помогаетъ рослый Константинъ Бѣловъ, безпокойная дѣятельность котораго, примолкшая было немного зимою, теперь снова начала оживляться. Несмотря на бдительный надзоръ за нимъ Григорья Петровича, онъ успѣлъ-таки, въ продолженіе зимы, всѣхъ его учениковъ, даже самыхъ маленькихъ, познакомить съ своей кореньковой расписной трубкой и съ шелковымъ, разноцвѣтнымъ кисетомъ, хранившимъ въ себѣ «лучшій» дунайскій табакъ въ три копейки за четверку. Новостроющіеся деревенскіе срубы и пустыя риги, заваленныя зимою непролазными снѣжными сугробами, теперь обтаявши, даютъ этому молодцу полную возможность укрываться подъ ихъ рѣдко посѣщаемою сѣнью отъ ехидныхъ дьячковскихъ глазъ, вмѣстѣ съ завербованными въ школѣ юными товарищами, которыхъ онъ въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, при помощи замасленной карточной колоды, посвящаетъ въ таинства «хлюстовъ», «фалекъ» и «бардадымовъ», а также учить пѣть залихватскія пѣсни и прибаутки, играть на гармоникѣ, курить «въ трубку» и т. д., и т. д. Съ тѣми изъ ребятъ, какіе были повзрослѣе, онъ очень охотно дѣлился водкой, которую онъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ, отвращавшимъ отъ него всякое подозрѣніе, пріобрѣталъ на деньги, выкраденныя изъ материнскаго сундука. Давятся и плачутъ, бывало, маленькіе ребята, когда начнутъ пить водку; но эта уединенность отъ старшихъ и полное невѣдѣніе ими ихъ подвиговъ, эта темная, безмолвная рига, въ которой происходилъ преступный процессъ тайной выпивки, дѣлали то, что ребята ни на какой самый бѣ-

лый, сотовый медъ не промѣняли бы возможности выпить съ *большимъ* Костькой хоть одну, самую маленькую капельку водки . . . По этому поводу — повиновение, которое ребята питали къ своему вождю, было, поистинѣ, изумительное: самый маленький ребенокъ охотно выносилъ розги и не говорилъ ни слова о томъ, что устройство надъ кѣмъ-нибудь замысловатой каверзы есть специальное дѣло рукъ и мозга пресловутаго Костюшки Бѣлова.

Пуще всѣхъ своихъ приверженцевъ, разманенный прелестями разгулявшейся весны, этотъ доблестный воитель лелѣялъ не только въ собственной душѣ горячій протестъ противъ дальнѣйшей необходимости усваивать себѣ отъ дьячка его научныя познанія и его жизненное благоразуміе, но и въ другихъ душахъ старательно воспитывалъ этотъ протестъ и побуждалъ, такъ или иначе, заявлять его при всякомъ удобномъ случаѣ.

Житейская опытность Бѣлова, знающая каждый уголокъ въ селѣ, и безграничное повиновение ребятъ давали ему возможность очень часто обманывать дьячка съ большою ловкостью. Сидя въ школѣ въ такое время, когда солнце, пронизавши тускляя окна избы, яркими лучами разсыпается по сѣрымъ истрепаннымъ книгамъ и слѣпитъ глаза, намозоленные этими книгами, Бѣловъ злобно ощипываетъ объемистый томъ, трактующій о «Путяхъ ко спасенію», и угрюмо думаетъ: «Что ежели бы я теперь на своей волѣ гулялъ, закатился бы я теперь въ лодкѣ за рѣку, въ лѣсъ! Зайцевъ теперь тамъ сколько, — страсть! Утки дикія, надо полагать, не успѣли еще занестись, а то бы хорошо было яицъ ихнихъ ко Святой набрать. Ну, да я и на Святую успѣю это дѣло обдѣлать, — отъ насъ не уйдетъ! . . .»

Молодая голова вся залита подобными мыслями. Всю онѣ наполнили ее, словно рой маленькихъ, сладко поющихъ, птичекъ, — и вотъ, снится Константину Бѣлову, что, будто, онъ, съ цѣлою гурьбой товарищей, сходитъ по обрывистому берегу въ густой ивнякъ, подъ непроглядно темными сводами котораго спрятана у него легкая востроносая лодка, которую, тайкомъ отъ домашнихъ, купилъ онъ прошлымъ лѣтомъ у одного лихого двороваго человѣка-охотника, укравшаго ее, въ свою очередь, у сосѣдняго попа. Снится ему, что его товарищи ребятишки несутъ за нимъ его двухствольное пистонное ружье, пріобрѣтенное имъ, посредствомъ кражи, у отцова кума — городского купца. Ружье это онъ бережетъ пуще зѣницы ока, и такъ какъ домашнимъ показывать его нельзя было, то онъ пряталъ его подъ пеленами сосѣднихъ сараевъ, въ хлѣбныхъ закромахъ, въ сѣнныхъ стогахъ, — и эти ухищренія увѣнчивались цѣлые три года такимъ успѣхомъ, что ни одна душа изъ всей семьи не подозрѣвала, что «Костюшка въ ружье палитъ по лѣсамъ».

Многіе сосѣди, желая добра Костюшкину отцу, приходили къ нему и говорили, что доподлинно они видѣли и слышали, какъ его Костька около калинкинскаго болота съ «мушкатантомъ» шель — съ этакимъ длиннымъ, а самъ весь утятами былъ обвѣшанъ, словно «егерь» какой господскій; но старикъ не повѣрилъ этимъ рассказамъ, резонно рассудивши, что, дескать: «сосѣдушки! Не попритчилось ли вамъ это въ лѣсу? Бываетъ, что въ немъ и лѣшіе въ чужихъ ликахъ расхаживаютъ. Опять и то скажемъ: гдѣ же, на примѣръ, дитю такой машиной орудовать? Солдатамъ вонъ полковымъ, такъ и то съ ней трудно возжаться...»

И идетъ дальше Костюшкинъ сонъ наяву, видится ему, какъ онъ зарядилъ свое ружье, какъ приложился, при всеобщемъ молчаніи сопровождавшихъ его ребяташекъ.

— Мѣтится! Мѣтится! Нацѣливаетъ? Держись, ребяташки! — слышится позади его тихій, трепещущій, въ ожиданіи выстрѣла, шопоть . . .

Звонко грянулъ выстрѣлъ — и стонавшій надъ рѣкою чибисъ, перевернувшись нѣсколько разъ въ сіявшей высотѣ, камнемъ, наконецъ, шлепнулся въ воду, вмѣстѣ съ какою-то рыбой, которую онъ держалъ въ своемъ желтовато бѣломъ носу. Изъ чибиса посыпались бѣлыя перья. Послѣ его паденія, они долго летали въ воздухѣ и, наконецъ, въ видѣ пуха, тихо спустились въ рѣку и медленно по ней поплыли. Ихъ преслѣдовали большія щуки и карпы, порывисто, только на одну секунду, выскакивая изъ воды и снова грузно въ нее шлепаясь . . .

Обаяніе этой широкой и свѣтлой картины, развернувшейся въ воображеніи Бѣлова, было такъ велико, что онъ вздрогнулъ и какъ бы опомнился. Затѣмъ, обдумавши что-то, онъ, изъ почтенія къ учителю, всталъ на ноги и басовито проговорилъ ему:

— Забылъ тебѣ, дяденька, давеча сказать: тятенька съ маменькой велѣли тебя въ гости нынѣ позвать, вмѣстѣ съ солдатомъ — съ Абрамомъ! Безпремѣнно наказывали, чтобъ вы приходили.

— О! — удивился дьячекъ. — Что же у васъ нонѣ? Аль аменинникъ кто? Что же это я запомнилъ?

— Нѣтъ, дяденька, не аменины, а память по бабушкѣ. Ей теперича семь годовъ пошло. Тятенька-то нашъ вчера изъ города больной пріѣхадчи,

такъ всѣ наши теперь около нихъ сидятъ — утѣшаютъ, потому имъ съ похмелья всегда скучно бываетъ однимъ быть . . . Вотъ, значитъ, въ церкву-то и некому было сходить, чтобъ отслужить панихидку. Тятенька говорятъ: «дома отслужимъ, — все единственно».

— Конечно, конечно — все единственно! — соглашался дьячекъ. — Было бы, другъ, усердіе. Усердіе дорого! — вотъ что! Такъ, говоришь, по бабушкѣ? . . . Памятку сотворить хотите? . . . Такъ, такъ! Теперь вспоминаю: точно что около этого времени, передъ праздничкомъ, старушка скончалась. Эх-хъ! Первый сортъ — старуха была! Ты-то ее помнишь, Костюша?

— Какъ же намъ ихъ не помнить, дяденька? — смиренно отвѣчалъ Константинъ. — Онѣ наши бабушки. Мы за нихъ денно и ночью . . .

— То-то, Костя! — смѣялся дьячекъ. — Молись за нее, потому, при жисти при ея, ты разъ очень дюже старушку обидѣлъ. Легкое ли дѣло: цѣлыхъ три гривенничка серебряныхъ изъ чулка ты у нея выудилъ (въ чулкахъ завсегда деньги покойница берегла) да въ шашки возьми — и проиграй. Ну, да ужъ, признаться, и взбанили мы тебя тогда со старушкой, — такъ взбанили ахтительно! . . . Это еще — когда ты у меня въ первый разъ обучался, — помнишь? . . .

— Помню, дяденька, — тогда махонькій былъ. Теперича мы такими дѣлами не занимаемся, — намъ стыдно-съ! . . . Не по росту намъ теперь такія дѣла-съ . . .

— Извѣстно — стыдно, потому ты теперь женихъ . . . На купецкой линіи состоишь! Вотъ, ты теперь и посиди за меня съ ребятами, — ты всѣхъ

ихъ старше. Вотъ тебѣ и кнутъ въ руки... Въ случаѣ, ежели кто зашабаршитъ, ты его и опояшь имъ — кнутишкомъ-то... Ну, что же? Посидишь, что ли? Баловаться не будете? Никуда изъ избы не убѣжите?

— Куда же мы, дяденька, убѣжимъ? — въ свою очередь спрашивалъ Бѣловъ, едва-едва удерживаясь отъ смѣха. — Въ этакую грязь-то?.. Мы бы гораздо лучше у васъ спросились...

— То-то, то-то! — лепеталъ дьячекъ, торопливо надѣвая синюю свиту. — Извѣстно: лучше не въ примѣръ у дяденьки спроситься... Дяденька, молъ, пустите насъ погулять, ну, я и отпущу, — скажу: ступайте молъ, ребятки, гуляйте... Н-ну — я побреду теперь, а вы оставайтесь съ Богомъ! Прощайте!

— Прощайте, дяденька! — хоромъ простились ребятишки съ учителемъ и, вслѣдъ за его уходомъ, громко захохотали, инстинктивно чувствуя, что Бѣловъ сыгралъ съ старымъ «дьячилой» какую-нибудь штуку.

Штука, дѣйствительно, была сыграна! Лишь только дьячекъ съ солдатомъ зашлепали по весеннимъ лужамъ на другой конецъ села — справлять память по умершей назадъ тому семь лѣтъ бабушкѣ, какъ буйство ребятишекъ, выслушавшихъ отъ «большова» Костьки подробное сообщеніе о подстроенной имъ сейчасъ механикѣ, раздалось по дьячковской избѣ съ такою же стремительностью, съ какою тихая сельская рѣка залила въ настоящую минуту окрестные луга и лѣса. Одни изъ ребятишекъ, при этомъ сообщеніи, покатались по избѣ колесомъ, другіе становились на голову, поднявши кверху ноги, иные орали что-то такое безсло-

весное, самымъ лучшимъ образомъ, впрочемъ, выражавшее несомнѣнную радость; а одинъ маленькій, чуть изъ земли его было видно, мальчишка, пузатый такой, съ краснымъ золотушнымъ лицомъ и въ бѣлой льняной рубахѣ, пустился въ неистовый плясъ, и, несмотря на то, что товарищи серьезно представляли ему на видъ, что теперь великій постъ, во время котораго плясать «страсть — какой грѣхъ», онъ плясалъ долго, а потомъ схватилъ со стола свою азбуку и шваркнулъ ее злой гусынѣ, которая сидѣла на яйцахъ подъ лавкой въ кошолкѣ, сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ. Негодуя на ребятъ за свое нарушенное ихъ шумомъ спокойствіе, гусыня злобно зашипѣла и такъ принялась трепать неповинную азбуку своимъ желтымъ носомъ, что, въ одно мгновеніе ока, отъ знаменитой книги остались только одни безобразные клочки.

Такимъ образомъ, недавнія Костюшкины мечтанія превратились въ дѣйствительность, цвѣтущую самой жизненной энергіей.

— Гайда, ребята, въ лодку, въ ивнякъ! — покрикиваетъ онъ, сдерживая дѣтскій бунтъ. — Полно бѣситься-то! Да смотрите: къ рѣкѣ подходите разными дорогами, въ разбродъ, — въ глаза кому-нибудь не бросилось бы, что мы за рѣку ахнуть собираемся...

Вотъ, къ пустынному рѣчному обрыву, наглухо заросшему ивнякомъ, съ разныхъ сторонъ начинаютъ стягиваться ребячьи группы, по-двое, по-трое. Костюха ужъ тутъ, на самомъ днѣ обрыва, о края котораго гнѣвно ударялись волны взбунтованной половодьемъ рѣки. Мальчишки, какіе были поменьше, садились около своего вожака на мокрый песокъ, сгорая томительнымъ нетерпѣніемъ очутиться

поскорѣе въ этой рѣкѣ, такъ соблазнительно сверкающей и крутящейся, а тамъ, переплывши рѣку, хочется имъ вторгнуться въ тайныя глуби лѣса, синѣвшаго на другомъ берегу, и огласить эти безжизненные глуби веселыми, живыми криками. Взрослые ребята, между тѣмъ, помогали Костюхѣ стаскивать въ рѣку лодку, смотрѣли вмѣстѣ съ нимъ, не просачивается ли въ нее вода, бѣгали по его распоряженіямъ къ разнымъ мужикамъ — воровать лодочныя весла, спрятанныя въ ихъ сараяхъ, а также и рыбачьи «верши», которыя вожакъ предполагалъ разставить въ лѣсныхъ озерахъ, издавна кишащихъ рыбой и раками.

Дѣло шло какъ по маслу, — и скоро лодка, нагруженная разными необходимыми въ отдаленныхъ морскихъ экспедиціяхъ съѣстными припасами, выгребенными изъ отцовскихъ погребовъ, стрѣлой полетѣла по рѣкѣ. Сначала яркое половодье быстро потащило пловцовъ по теченію, которое было особенно сильно около береговъ, сдерживаемое ихъ крутизнами; но Костюха уже снялъ шапку съ запотѣлаго лба и, выпучивъ отъ натуги свои сѣрые большіе глаза, только помахивалъ весельцами, вмѣстѣ съ которыми онъ выхватывалъ изъ рѣки тысячи свѣтлыхъ капель, разсыпавшихся по обѣ стороны лодки серебряными блестками.

— Н-нѣтъ, бр-ратъ, шалишь! Меня тебѣ трудно будетъ съ мѣста спереть! — бурчалъ онъ себѣ подъ носъ, когда рѣка своею могучею силой увлекала нашихъ пловцовъ въ сторону, противную ихъ желаніямъ. — Отпихивай, ребята, льдину-то! Очумѣли вы, что ли! Не видите рази, какая на насъ махища наваливается? Н-нѣтъ! Погоди немного, — мы съ тобой засвѣтло справимся...

И дѣйствительно — Бѣловъ скоро справился съ рѣкою, и, послушная, она понесла къ желанному лѣсу ребячью лодку.

Вотъ онъ — этотъ лѣсъ, хотя еще и не успѣвшій одѣться послѣ зимы, но уже пробуждающійся послѣ своего полугодового сна. Пошла сначала его опушка изъ низенькихъ кустовъ орѣшника, тальника и вообще изъ всего того мелколѣсья, которое обыкновенно предшествуетъ тѣмъ великанамъ-деревьямъ, могучему и стройному сборищу которыхъ люди дали названіе — «темнаго, дремучаго лѣса и сырого бора». Все мелколѣсье было залито половодьемъ. Вода здѣсь была тихая и необыкновенно прозрачная; сквозь нее ребята, замирая отъ наслажденія, видѣли, какъ на саженой глубинѣ мелькали черныя спины неповоротливыхъ сомятъ, какъ проворно ходили за красноперыми, серебристыми окунями долгоносые щуки. А вонъ, на одномъ сучкѣ, плавно раскачиваясь, сидитъ рыжеватая вонючая выхохоль; вотъ на самой глубинѣ залитой половодьемъ мѣстности, словно бы ползя по землѣ, тихо плыветъ громадное стадо жирныхъ темноватыхъ линей, имѣя впереди себя вождя, который, то и дѣло, осторожно останавливается, какъ бы съ цѣлью высмотрѣть и выслушать что-то . . . Любо!

И надъ всѣмъ этимъ — тишь, усиливаемая рѣчнымъ шумомъ, лѣснымъ таинственнымъ шопотомъ, пугливымъ пискомъ какой-то едва примѣтной пташки и, наконецъ, слабымъ, колокольнымъ отзвукомъ, доносившимся до лѣса изъ какого-то далекаго села . . .

Тутъ подошелъ и настоящій лѣсъ! Къ самымъ подножіямъ его высокихъ сосенъ подмывало половодье, — и тутъ-то его волны, какъ бы усмиренныя

величіемъ деревьевъ, тихо передали нашу крикливую лодку безмолвному царству лѣсному . . .

На другое утро послѣ описаннаго событія, несмотря на смирные дни великаго поста, въ тихихъ домикахъ дьячка и солдата происходила крѣпкая расправа съ нашими самовольниками. Почти все село собралось на эту расправу, потому что, въ самомъ дѣлѣ, почти все село было заинтересовано совершенной наканунѣ рѣчною и лѣсною прогулкой. Тутъ открылись за нашими ребятами дѣла такого рода, которыя превосходили всякое описаніе.

Оказывалось, примѣрно, что одинъ смирный паренекъ, о которомъ все село отзывалось какъ о такомъ степенномъ человѣкѣ, который «воды не замутишь», выхватилъ, ради этой прогулки, изъ печки большой горшокъ каши, предоставивъ, такимъ образомъ, остальнымъ членамъ своей семьи пообѣдать однимъ «хлѣбушкомъ» да кваскомъ съ натертою въ него рѣдью.

— Натерли мы такъ-то рѣдечки, Петровичъ, — жаловалась учителю мать на смирнаго мальчугана, — и думаемъ про него — про разбойника: гдѣ это, молъ, онъ запропастился? Хошь бы къ кашѣ пришелъ . . . Анъ, онъ вотъ какъ замѣсто того . . . Не посмѣлъ, вѣдь, идоленокъ, и горшокъ-то назадъ принесть, чтобъ уликъ, значитъ, не было, а обѣ столбъ его на дворѣ и громыхнулъ . . . Ну-ко, взбодри его хорошенечко! Я тебѣ за это ко Святой яичекъ десяточекъ принесу . . .

— А вотъ я его! — кричалъ Григорій Петровъ, весь красный отъ долгой работы по исполненію, такъ сказать, текущихъ просьбъ. — Вотъ я его! —

азартно повторялъ онъ, набрасываясь на смирнаго мальчугана, который стоялъ передъ нимъ ни живой ни мертвый, плаксиво моргая глубоко испуганными глазами.

Другой мальчишка проворовался на другой манеръ; онъ, по наущенію, будто бы, Бѣлова, утащилъ у отца десять фунтовъ смолы да шесть фунтовъ конопля для конопатки Костюшкиной лодки; третьи обвинялись совсѣмъ уже въ разбойныхъ поступкахъ «со взломомъ». Эта преступная категорія проникала въ запертые амбары и клѣти и похищала оттуда лодочныя весла, рыболовныя сѣти и, вообще, сѣстные припасы, какіе «послаще». Изъ субъектовъ, замѣшанныхъ въ противозаконномъ стремленіи къ «послаще», былъ особенно замѣчателенъ красивенькій, черноглазый мальчикъ, приведенный къ дьячку на расправу самимъ отцомъ, буйнымъ такимъ мужикомъ, лохматымъ и съ здоровымъ басомъ.

— Петровичъ! — оралъ этотъ мужикъ еще съ улицы своимъ басомъ, таща за собой упиравшагося сынишку. — Возьми его отъ меня, онъ теперича мнѣ не сынъ, онъ теперича сталъ «крысій ротъ»! Такъ и дразните его, ребята: крысій ротъ, моль, ты! . . .

Вытрубливая басомъ такое странное прозвище, отецъ подгонялъ сына вѣскими оплеушинами и прибавилъ:

— Да я его теперь — крысю губу — и на дворъ-то на свой не пущу! Чтобъ его духу у меня не пахло!

— Что ты, Прокопъ, взбушевался! — прервалъ дьячекъ трубные звуки, исходившіе изъ груди лохматаго мужика. — Скажи толкомъ: какой такой крысій ротъ?

— Какъ же не крысѣй-то? Разсуди: весь постъ съ молока сливки снималъ и жралъ... *Потаянно*, значить! Мы съ матерью думаемъ: эко, молъ, у насъ крыса-то какая обжорливая! А она — вотъ гдѣ! Рукастая! Ну-ко! Сполосни его получше, ты лицо духовное!... А тамъ я прибавлю по-родительски, у меня въ старину рука была очень легкая... Ну-ко-сь, начни!...

При такомъ родительскомъ обвиненіи, взведенномъ на сына, все сѣрище просителей поражено было необъятнымъ ужасомъ. Затѣмъ послѣдовали всеобщія сосѣдскія сожалѣнія неизбѣжной гибели мальчугана, на основаніи которыхъ «крысьему рту» выпала на долю почти такая же злая порка, какъ была закачена корню всего зла — Костюшкѣ Бѣлову.

Для того, чтобы притащить этого молодца на расправу къ дѣячку, отцу его понадобилась и городская телѣга, съ раскрашенной дугой, и хорошая лошадь, увѣшанная бубенцами. А потомъ для того, чтобы всѣмъ деревенскимъ людямъ виднѣе было, какъ онъ къ своимъ дѣтямъ строгъ и немилостивъ бываетъ, когда ихъ поучить соберется, онъ приказалъ сопровождать себя своей старухѣ-женѣ, старшему сыну и племяннику-сиротѣ, одному изъ тѣхъ здоровыхъ молодцовъ, которыхъ, ради ихъ сиротства, въ богатыхъ мужицкихъ семьяхъ обыкновенно отдають въ солдаты вмѣсто родныхъ сыновей.

На предварительно произведенномъ по дѣлу вчерашней прогулки слѣдствіи съ поразительною ясностью раскрылся тотъ кривой, неправедный путь, которымъ дошелъ Костюха до пріобрѣтенія двухстволки у городского отцовскаго кума; въ то же

время была обнаружена и тайна востроносой лодки, купленной имъ у двороваго охотника и уже окрещенной было лихимъ именемъ *Копчика*, — тайна, такъ долго и тщательно скрываемая подъ раскидистыми вѣтвями прибрежнаго ивняка. Вообще говоря, старики въ этотъ несчастный день разузнали всѣ Костюхины *качества и художества*.

Открывая въ любимомъ сынѣ эти «качества и художества», старики не скупились и на награды за нихъ. Благодушествуя съ дьячкомъ и съ болѣе почетными истцами за самоваромъ, они, то и дѣло, покрикивали охаживавшимъ около Костюхи — старшему сыну и обреченнику-племяннику:

— Прибавьте ему, разбойнику! Подсыпьте-ка ему еще по малости! Чего для любимаго сынка хорошаго припасу жалѣть?... Плесните еще... На доброе здоровье! Хе, хе, хе!

— Вотъ это тебѣ за ружьецо!... — насмѣшливо говорилъ отецъ. — За «мушкатантикъ-то» кумовъ! Хе, хе, хе!

— А это вотъ гостинчикъ отъ маменьки за лодочку!... — еще насмѣшливѣе вторила мужу старуха. — Гостинчикъ прямо изъ сундука, въ какой ты ко мнѣ съ самодѣлковымъ ключикомъ похаживаешь... Ишь ты, кузнецъ какой славный у насъ на селѣ завелся, братцы мои, — хихикала старуха, — самъ ключи дѣлаетъ къ чужимъ сундукамъ... Нѣтъ, ты допрежь наживи свои сундуки-то...

Удалой Костюха ревѣлъ благимъ матомъ въ рукахъ двухъ молодцовъ и клялся тятенькѣ съ маменькой всѣмъ сонмомъ святыхъ угодниковъ, что «еж-жели онъ съ эт-това времени хошь что-нибудь супротивъ ихъ... Да накажи меня Мать-Царица небесная» и т. д. Но старики не обращали на его

крики никакого вниманія. Они распивали чай и, наперерывъ другъ передъ другомъ, рассказывали дьячку и его почетнымъ гостямъ, «какъ ихъ губить этотъ Костюшка и сколь онъ имъ черезъ это самое солонъ пришелся! . . .».

Такія расправы, хоть и не въ столь значительныхъ размѣрахъ, начали производиться, вмѣстѣ съ наступленіемъ весны, какъ у дьячка, такъ и у солдата, почти каждый день — и дикая сумятица этихъ расправъ увеличивалась еще крикливыми спорами самихъ родителей о томъ, кто изъ нихъ больше дѣтей своихъ балуетъ, и кто объ ребятъ больше хворосту за годъ истреплетъ . . .

Святая, наконецъ, усмиряетъ сельскія волненія — и въ эту недѣлю всеобщаго отдыха ребятъ уже никто не трогаетъ. А пройдетъ Святая — тамъ подрастутъ травы, зазеленѣтъ дремучій боръ, и опушятся густой листвою огородныя и садовыя деревья.

Ищутъ, ищутъ, бывало, учителя ребятишекъ по разнымъ огородамъ, пчельникамъ, ригамъ, надъ которыми, къ концу весны, уже стономъ стоитъ могучее шуршанье столѣтнихъ дубовъ, да, наконецъ, такъ и махнутъ руками.

— Да ну ихъ къ Богу въ рай! — скажетъ, бывало, дьячку солдатъ. — Что мы подрядъ, что ли, взяли съ тобой отыскивать-то ихъ?.. Придутъ — придутъ; а не придутъ, — эк-ка бѣд-да какая!

— Все же лучше, ежели бы они еще поучились . . . Покрѣпче бы! Таблицу, примѣромъ, али стишки, подуховнѣй какіе!.. — отвѣчалъ дьячекъ, очень пристрастившійся къ дѣлу учобы въ свой долгій сиротливый вѣкъ. — А то, пожалуй, опять все забудутъ за лѣто . . .

— Важное кушанье! — сердито возражаетъ практическій Абрамъ Телелюевъ. — Забудутъ? Ну, значить, опять къ намъ придутъ. Намъ же хлѣбъ! Потому безъ грамоты имъ никакъ невозможно, — времена, братъ, не тѣ нонѣ.

— Это точно! — уступалъ, наконецъ, дьячекъ своему другу, все же, однако, поглядывая своими подслѣпыми глазами по разнымъ сельскимъ застрѣхамъ: не сидитъ ли въ какомъ-нибудь прохладномъ захолустѣ азіятикъ какой-нибудь, хоть бы самый маленькій, котораго можно было бы сцапать за хохоль и, притащивши въ избу, посадить его за азбуку или псалтырь . . .

— Да нечего, нечего выглядывать-то, словно волкъ! — досадуетъ на дьячка солдатъ, знавшій наизусть всѣ его душевныя поползновенія. — Небось — все мозгленка какого высмотрѣть хочешь? Тутъ и было, держи карманъ! Такъ они и будутъ на виду у тебя разсиживаться . . . А ты вотъ что лучше, — добавлялъ Абрамъ, дружески хлопая старика по плечу. — Ты вотъ что лучше: гляди на меня! Закатимся мы нонѣ съ тобой на всю ночь за рыбой къ Кокуевымъ озерамъ . . . А?

— О? — недовѣрчиво протянулъ старикъ, предвкушая сладость любимаго дѣла, оставленнаго зимою.

— Ка-анешна! — утвердительно закончилъ Телелюевъ. — А то ребятъ? . . . Да по мнѣ — Господь съ ими, пуцай лѣточкомъ позаймутся своими дѣлами . . . Ну, а по осени опять къ намъ . . . Куда жъ имъ отъ насъ? . . . Школы-то энти? . . . Хе-хе-хе! . . . Долга пѣсня! . . .

Московскій профираецъ.

I.

Самыя отрадныя, даже обаятельныя, явленія стремительно летѣли въ Москву, на крыльяхъ прошедшей весны, которая, какъ помнитъ всякій москвичъ, была такъ тепла и ярка при своемъ началѣ. Тѣ обольстительныя, поэтическія грезы, которыя обильно лились на москвичей, вмѣстѣ съ нѣжною жизненностью, насколько я вникаю въ нравы первопрестольной столицы нашей, очень давно уже не услаждали собою московское общество. Живость и благодушіе московскихъ умовъ и сердецъ въ описываемое время, по моимъ наблюденіямъ, оказывались даже совершенно противными серьезнымъ требованіямъ нашего реального и спекулятивнаго времени, которое хотя и не исключаетъ возможности сладкаго сердечнаго трепета, въ виду прекрасной погоды, или хорошо обдѣланнаго дѣла, но которое, тѣмъ не менѣе, надѣлено всѣми надлежащими средствами — отлично подтрунить надъ какимъ-нибудь серьезнымъ и почтеннымъ отцомъ семейства, ликованіе котораго, примѣрно, возросло бы до градуса такъ называемыхъ «телячьихъ нѣжностей», вовсе не свойственныхъ его полу и возрасту.

Мое перо слишкомъ любитъ рисовать какъ добрыя проявленія въ человѣчествѣ, такъ и свѣтлыя

краски природы, которыми она, къ счастью, довольно нерѣдко еще окрашиваетъ бѣдную жизнь людскую, — и потому вы глубоко ошибетесь, ежели подумаете, что я буду занимать васъ на настоящихъ страницахъ сказанными «телячьими нѣжностями», хотя, по правдѣ сказать, весеннее ликование нашихъ горожанъ носило на себѣ нѣкоторыя черты, довольно таки сходныя съ порывистыми восторгами, такъ часто проявляющимися въ малосмысленномъ и невинномъ животномъ.

Не та моя цѣль, — и нѣтъ мнѣ ни малѣйшаго дѣла ни до какихъ «нѣжностей», даже до такихъ, — если бы сейчасъ мгновенно и безслѣдно исчезли куда-нибудь — эта шумливая буря, эта сѣрая туча начинающейся осени, — и если бы на мѣстѣ ея, успѣвшей уже погубить своимъ бурнымъ дыханіемъ множество жизней, вдругъ зацвѣлъ бы и заблесталъ свѣтлый лѣтній день, въ который снова заблестали бы эти помертвѣлыя птички и подняли бы свои душистыя головки цвѣты и травы, которыхъ такъ много вижу теперь изъ моего окна грубо поверженными въ грязномъ осеннемъ прахѣ.

Конечно, ни одному изъ смертныхъ не позволительно желаніе такой неестественной *перемѣны декораций*; слѣдовательно и толковать бы много тутъ не о чемъ. А, между тѣмъ, выходитъ, что мою исторію, наперекоръ своему обдуманному плану и, наконецъ, постепенному ходу самой исторіи, я долженъ начинать не весенними днями, произведши ее, вмѣстѣ со многими жизнями, а, именно, вотъ этимъ первымъ осеннимъ днемъ, холоднымъ, убивающимъ, въ мертвомъ, стеклянномъ взорѣ котораго примѣчается одно безпощадное разрушеніе всего того, что такъ недавно еще благоуханно цвѣло, и звон-

ко, и отрадно пѣло, летая подѣ разукрашеннымъ небомъ.

По этому случаю, вмѣсто сладкаго весенняго гимна, который я, было, хотѣлъ спѣть моимъ согражданамъ, начавши его роскошной рисовкой прелестной прошлой весны, я преподношу имъ грустный осенній разсказъ подѣ такимъ, выходящимъ нынѣ изъ моды гражданскимъ заглавіемъ:

Скорбь московскаго купческаго брата Ивана Маслбоева и великое смятеніе въ мѣстности Барабанихѣ, обитаемой Маслбоевымъ.

II.

Московскій купческій братъ Иванъ Кузьмичъ Маслббевъ мнѣ давнишній пріятель, и даже, какъ онъ иногда утверждаетъ, находясь въ подпитіи, мы съ нимъ родные, каковое положеніе онъ основываетъ на роднящихъ между собою весь родъ человѣческій изреченіяхъ въ родѣ того, что «всѣ мы подѣ однимъ Богомъ ходимъ», «всѣ мы одного отца дѣти» и даже, что «всѣ мы люди, всѣ мы человѣки» . . .

Во время моего двѣнадцатилѣтняго съ Иваномъ Кузьмичемъ знакомства, я примѣтилъ за нимъ весьма много характерныхъ чертъ, которыя всегда привлекали меня къ нему своею оригинальностью. Такъ, напримѣръ, выпивши, онъ могъ очень положительно доказать правду самой сомнительной мысли, уничтожая своего противника множествомъ положеній, подобныхъ только что сейчасъ приведеннымъ. Истины эти, по своей огромной распространенности между человѣчествомъ, безъ сомнѣнія, въ состояніи рекомендовать съ самой лучшей стороны глубину людскихъ умственныхъ стремленій, но Иванъ Кузь-

мичъ увеличивалъ еще болѣе авторитетный характеръ этихъ мыслей, когда, не успѣвши разбить ими своего противника, онъ настойчиво, какъ бы совершенно убѣжденный въ несомнѣнной ясности дѣла, отсылалъ его въ библію, гдѣ, по словамъ начитаннаго купеческаго брата, онѣ были написаны тогда еще, когда его противника-молокососа и на свѣтѣ-то еще не заваживалось, да и батюшки-то, да и дѣдушки тоже.

— Поди, поди, почитай! Вѣдь вотъ она — библія-то, — убѣжденно говорилъ Иванъ Кузьмичъ, взявши дюжими руками за плечи своего сопротивника и такимъ образомъ направляя его въ неопредѣленное пространство, въ которомъ должна была находиться извѣстная ему библія. — Поди! Поди! Почитай получше. Авось, можетъ, и поймешь что-нибудь . . .

Я всегда очень удивлялся и даже завидовалъ этой манерѣ Ивана Кузьмича — вести споръ навѣрное, потому что противники его въ этомъ случаѣ никогда не могли съ достаточною увѣренностью опредѣлить, въ какую, именно, сторону шваркнетъ ихъ размашистая натура купеческаго брата за разысканіемъ священной книги, — и потому они, помявшись немного на одномъ мѣстѣ, благоразумно умолкали, между тѣмъ какъ Иванъ Кузьмичъ, торжествуя, говорилъ:

— Что, братъ, взялъ? Ужъ гдѣ тебѣ со мной? Во всей Барабанихѣ врядъ ли найдется человѣкъ, какой бы со мной могъ настоящимъ манеромъ споръ выдержать . . . Такъ-то!

Въ обыкновенномъ своемъ состояніи, то есть въ трезвомъ, Иванъ Кузьмичъ былъ сосредоточенно-строгъ и молчаливъ, являя себя въ такія минуты че-

ловѣкомъ, совершенно противоположнымъ человѣку, принявшему на себя образъ звѣрины. Не было никакой возможности самымъ бойкимъ и искуснымъ барабановцамъ подвигнуть его тогда на споръ и показать имъ желанную книгу, которая, казалось, всегда, хотя и невидимою, лежала у выпившаго Ивана Кузьмича подъ руками, во всякую минуту готовая своими словами уничтожить пустые словоизверженія противниковъ своего владѣльца. Мрачный и въ высокой степени чѣмъ-то недовольный, шатался онъ тогда по своему длинному и бугристому переулку — Барабанихѣ и на привѣтствіе встрѣчавшихся съ нимъ барабановцевъ сухо раскланивался и басовито говорилъ: «ваши гости! ваши гости!».

При этой фразѣ онъ не давалъ даже себѣ труда разслушать того, что встрѣчный говорилъ ему во все не одно и то же, что, дескать, што же ты, Иванъ Кузьмичъ, въ гости никогда не зайдешь, а, напротивъ того, многіе трактовали его въ такое время, въ глаза прямо, такою свиньею, которая хоть бы на смѣхъ когда двумя парами чаю угостила въ трактирѣ, или хоть за сосѣдскую хлѣбъ-соль въ глаза наплевала.

Эти столь противоположныя сосѣдскія выраженія до такой степени не удивляли Ивана Кузьмича, что въ глазахъ, или, лучше сказать, въ ушахъ его они были вовсе не противоположностями, изъ которыхъ, по требованіямъ людскихъ приличій, за однѣ нужно было покорнѣйше поблагодарить, а за другія наколотить шею, а чѣмъ-то до такой степени безразличнымъ, что требовали вовсе не колоченія шеи или благодарности, а, просто-напросто, одной только безстрастной, басовитой фразы: «ваши гости! ваши гости-съ!».

Давно уже мнѣ было извѣстно, что Иванъ Кузьмичъ за такое безразличное и даже, можно сказать, бездушное отношеніе къ крайностямъ, былъ обозванъ всѣми барабановцами единодушно: «каменной выей и желѣзнымъ носомъ», но эти обидныя прозвища не только не уничтожали въ моихъ глазахъ достоинствъ моего друга, но даже, какъ будто, еще болѣе ихъ возвеличивали. Я даже старался всѣми силами не смотрѣть на Ивана Кузьмича, какъ на «каменную выю» или на «желѣзный носъ», ибо въ человѣкѣ, титулованномъ такимъ образомъ всѣми ближними, хотя бы они были даже и барабановцами, все-таки можно предположить, если мнѣ позволено будетъ такъ выразиться, нѣкоторое добросердечіе, хотя бы и въ незначительныхъ дозахъ.

Но уже выше сказано, что перо мое спеціально создано для раскраски, хотя и рѣдкихъ, но свѣтлыхъ жизненныхъ минутъ, — потому оно мгновенно заржавѣло бы и отупѣло, если бы я имъ воспользовался для изображенія сказаннаго дубосердечія, предполагаемаго въ Иванѣ Кузьмичѣ, по случаю украшавшихъ его титуловъ. Ни подъ какимъ видомъ не хочетъ дѣлать оно грубыхъ штриховъ, — и потому пусть рисуемая мною персона остается не dokonченною во всѣхъ тѣхъ сторонахъ ея характера, въ которыя ежели литераторъ, повинувшись анатомо-психическимъ necessitatibus, вонзаетъ острое и свѣтлое, стальное перо, такъ на него начинаютъ, обыкновенно, брызгать такія радости, которыя, какъ бы какимъ чудомъ, мгновенно притупляютъ сатирическій умъ, руководящій перомъ, а на самое перо наводятъ какую-то разъѣдающую самую патентованную сталь, рыжеватую ржавчину.

О, вы, забытыя, было, нѣкогда, но теперь снова

возстановляемая въ своемъ прежнемъ блескѣ, риторическія тропы и фигуры. Какъ вы бываете хороши и удобны для нашего брата-писателя, когда ему понадобится подсластить и замаскировать горькую пилюлю правды. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что мои читатели до-нельзя ясно поняли теперь мою цѣль — поднести другу моему Ивану Кузьмичу Маслобоеву, что называется, *хорошую коку съ сокомъ* и поднести, именно, путемъ тропъ и фигуръ такъ, чтобы купеческій братъ, товаромъ этимъ въ жисть свою не торговавшій, не могъ догадаться, что каренькій меренокъ, на которомъ онъ иногда выѣзжалъ въ гости къ своему «крестному тятенькѣ», былъ въ моихъ глазахъ въ миллионъ разъ умнѣе своего хозяина.

И теперь, когда мои читатели поняли тѣ намеренія, съ которыми я, признаться сказать, довольно долго усыпаю голову Маслобоева классическими цвѣтами тропъ и фигуръ, я бросаю эти цвѣты прямо вотъ въ эту вонючую, осеннюю грязь, какъ выбрасываю изъ моей квартиры всякій соръ — и безъ церемоніи спрашиваю: ну, какъ же рыженькій меренокъ не умнѣе Кузьмича, когда эта славная лошадка съ гладкою, лоснящеюся шерстью, на вопросъ мой, однажды предложенный ей изъ любопытства, точно ли она меренокъ, отвѣчала мнѣ утвердительнымъ кивкомъ красивой головы, сопряженнымъ съ свѣтлымъ и кроткимъ взглядомъ, ясно отвѣтившимъ мнѣ: «Такъ точно, сударь! Я, дѣйствительно, меренокъ!» Въ то же время отъ Кузьмича, я, вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, тщетно стараюсь добиться, что такое *купеческій братъ* и что такое, такъ же странно бросающееся въ глаза другое слово: — *купеческій внукъ?* . .

Дѣло это, обыкновенно, происходитъ между нами такъ:

— Другъ любезный, Иванъ Кузьмичъ, — спрашиваю я его. — Вотъ ты теперь купеческій братъ.

— Такъ точно! — перебиваетъ онъ меня, стараясь изъ произнесеннаго мною почетнаго звука — купеческій, нахватать какъ можно болѣе всякой доблестной всячины и всѣмъ этимъ добромъ безъраздѣла съ какимъ-либо дѣйствительнымъ купцомъ, словно сельскій дуракъ красными лоскутьями, окутаться вокругъ всего раскормленнаго тѣла. — Это ты вѣрно! .. — продолжаетъ онъ, блистая предо мною купеческимъ величіемъ, которое самовольно намоталъ на себя. — Што ты еще мнѣ скажешь? Какой твой разговоръ дальше поидеть?

— Да никакого другого разговора нѣтъ и не будетъ, кромѣ того, что кто это такіе купеческіе братья и внучата? Какія ихъ права? Какая ихъ роль въ отношеніи податей?

— Ну, ужъ это ты про роли-то помолчи покедова, — перебивалъ меня Иванъ Кузьмичъ. — Мы, слава Богу, не актерами родителями нашими на свѣтъ бѣлый пущены. Ролей никакихъ не играемъ, да и вамъ не совѣтуемъ.

Говоря такимъ, повидимому, смиреннымъ образомъ, Кузьмичъ игралъ въ это время самую неблагоприятную роль, потому что цѣль его рацей заключалась въ томъ только, чтобы показать мнѣ себя самымъ умнымъ человѣкомъ, то есть, по его тайной думѣ и по явно выраженнымъ словамъ, такою башкою, мѣдный лобъ которой не однажды уже оказывался способнымъ вдребезги проламывать оппозиціонные ему лбы.

«Ты мнѣ задалъ задачу, — одушевляла его въ этой игрѣ такая мысль, — на же вотъ, и ты, милый другъ, покрой-ка моихъ козырей! Каковыхъ подкатилъ? А? Ха, ха, ха!» — смѣялся онъ сдерживаемымъ смѣхомъ, все же, однако, очень хорошо примѣчаемымъ мною по колыханію его раскормленнаго тѣла.

На этомъ основаніи я рѣшительно отказывался покрывать козырей, подкаченныхъ мнѣ Иваномъ Кузьмичемъ, то есть прекращалъ разговоръ про купеческихъ братьевъ и внучатъ, предоставляя имъ полную возможность быть на будущее время тѣмъ, чѣмъ имъ угодно, хотя бы дѣтями чортовыми, каковыми именами люди, въ родѣ Маслобоева, и теперь уже чествуютъ другъ-друга съ самою завидною услужливостью. Такимъ образомъ, я и по сіе время нахожусь въ плачевномъ невѣжествѣ относительно интересующихъ меня братьевъ и внучатъ, — и это мое невѣжество нисколько не смягчается тѣми какъ бы поясненіями, которыя иногда, въ виду моихъ настоятельныхъ требованій, давалъ мнѣ Кузьмичъ, съ цѣлью облегчить мучившія меня сомнѣнія насчетъ занимавшей меня темы.

— Што ты ко мнѣ присталъ съ своими разговорами? — кричалъ онъ мнѣ съ азартомъ. — Конечно, мы теперича свой профиранецъ имѣемъ, а ты свой, потому ты благородный и все эндакое...

Отзывомъ этимъ онъ, какъ говорится, вгонялъ меня въ седьмой потъ, потому что таинственные судьбы купеческихъ братьевъ и внуковъ не только не разъяснялись гнѣвными рыканіями Ивана Кузьмича, но, напротивъ, запутывались и осложнялись до послѣдней степени мрака, въ дали котораго мнѣ, обыкновенно, видѣлась огромная и непобѣдимая

рать маслобоевской непроходимой дури, съ каждой минутой все болѣе и болѣе подкрѣпляемая безчисленнымъ количествомъ разнообразныхъ *профиранцевъ* и *всѣмъ эндакимъ* . . .

Тщетно я, обнаживши мечъ-кладенецъ, рубилъ имъ направо и налѣво, стараясь пробиться сквозь густые ряды *профиранцевъ* къ истиннымъ пониманіямъ Ивана Кузьмича, или какъ самъ онъ говоритъ, къ его нутру, — ряды смыкались плотнѣе и плотнѣе, между тѣмъ какъ самъ Иванъ Кузьмичъ, цѣлой головою возвышаясь надъ ихъ воинственными гурьбами, насмѣшливо кивалъ мнѣ изъ темной среды своихъ защитниковъ лохматою бородою и, заливаясь сладострастнымъ хохотомъ, во все горло кричалъ: «Попробуй, попробуй — доберись до меня! Каковы козыри: раскрой-ка ихъ! Имѣютъ они какой-нибудь *профиранецъ*, аль нѣтъ? Ха, ха, ха!».

Во все продолженіе моего съ Иваномъ Кузьмичемъ знакомства, я всецѣло посвятилъ себя этой битвѣ, рассчитывая, что время и энергія помогутъ мнѣ, наконецъ, раскрыть козырей Маслобоева и уяснить себѣ іероглифическія значенія разнообразныхъ *профиранцевъ*, — ничуть не бывало! Головы гидры, по мѣрѣ того какъ были отсѣкаемы, разрастались въ ужасающихъ пропорціяхъ . . .

Наконецъ, въ виду всего этого, я приунылъ, потому что увидалъ себя въ комическомъ положеніи Донъ-Кихота, боровшагося съ мельницами: мечъ мой лежалъ у ногъ моихъ разбитый и иззубренный, — въ головѣ ощущался мучительный, какъ бы послѣ угара, шумъ, а въ тѣлѣ — дрожь, что, обыкновенно, бываетъ со всякимъ человѣкомъ послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій . . .

Долго стоялъ я, разбитый и уничтоженный, —

и вдругъ, съ сжалившагося надъ моими неудачами неба, слетѣла на меня крылатая мысль, которая, съ игривой веселостью, шепнула мнѣ въ ухо слѣдующее: «Ты напрасно такъ ретиво пробирался къ нутру своего друга! Въ его брюхѣ издавна водятся различные и многочисленные *профиранцы*, но настоящаго, человѣческаго нутра покамѣсть нѣтъ еще! . . . Слѣдовательно, ты, въ нѣкоторомъ отношеніи, до сего часа больше ничего не дѣлалъ, какъ только возилъ воду на воеводу . . .».

— Благодарительница! — вскричалъ я въ восторгѣ, и затѣмъ, недолго думая, схватилъ остатокъ моей сабли и, отбросивши въ сторону всякую мысль полонить самово Ивана Кузьмича, принялся колотить эфесомъ по лбамъ окружающее его воинство *профиранцевъ* съ тою цѣлью, чтобы отхватить отъ несмѣтной арміи какой-нибудь, хотя самый незначительный субъектъ и получше разсмотрѣть его, въ отдѣльности отъ товарищей, жизнь которыхъ, напоминая собою безалаберную атаку татарскихъ всадниковъ, не поддается никакому, самому добросовѣстному наблюденію . . .

Эти мои послѣднія стремленія увѣнчались счастливымъ успѣхомъ; у меня теперь въ полону множество разныхъ *профиранцевъ*, которыхъ я намѣренъ принести въ жертву высокочтимымъ мною богамъ юмора и правды.

Мои плѣнники не убиты эфесомъ моего меча. Они живы еще!

О, какъ они будутъ трепетать, заклаемые на алтарѣ сказанныхъ боговъ священнымъ и очищающимъ людскіе грѣхи ножомъ сатиры.

Собирайтесь же, римляне! Я привелъ вамъ плѣнниковъ! . . .

III.

Итакъ, въ началѣ моего очерка я сталъ, было, рассказывать о блестящей прошлой веснѣ и о тѣхъ радостныхъ обаяніяхъ, которыя, вмѣстѣ съ нею, прилетѣли въ Москву. Я сидѣлъ — и въ то время, когда завыли первыя осеннія бури, съ большимъ наслажденіемъ припоминалъ теплые вечера весны, въ которые москвичи такъ любятъ посидѣть за воротами, благодушно толкуя съ добрыми сосѣдями, примѣрно, хотъ на тему незабвеннаго Двѣнадцатаго года, такъ какъ болѣе живые и настойчивые интересы въ Москвѣ почему-то водятся очень рѣдко.

Но въ темно-прозрачные, навѣвавшіе сладкую дремоту вечера прошлой весны москвичамъ было о чемъ говорить, кромѣ Двѣнадцатаго года и помимо, примѣрно, предсказанія насчетъ мороза въ сто пятьдесятъ градусовъ, который въ предстоящую зиму имѣетъ будто бы сжать Бѣлокаменную въ своихъ мертвящихъ объятіяхъ. *Непріятель-воръ-французъ*, клады, зарытые имъ въ разныхъ захолустьяхъ столицы, басистые дьяконы, изумительныя продѣлки мазуриковъ, гомеріады о палачахъ, «сразу раздергивавшихъ человѣка частей, можетъ, на сто», — всѣ эти вечернія разговорныя темы людей, сидящихъ на приворотныхъ лавочкахъ, всѣ онѣ, говорю, были властительно вытѣснены одною, спеціальною темой — выставкой.

Такимъ образомъ, я сидѣлъ и, формируя мой очеркъ, припоминалъ и теплые весенніе вечера, и разговоры о выставкѣ, разбивавшіе ихъ святую тишину, имѣющую способность говорить инымъ сердцамъ въ миллионъ разъ болѣе, чѣмъ всѣ разговоры на свѣтѣ, не только что московскіе. И шло мое

дѣло необычайно ходко: несмотря на осеннее буйство, стремительно старавшееся нарушить мой душевный покой, я до такой степени ясно видѣлъ передъ собой синій весенній вечеръ, что благоуханная теплота его нѣжила меня даже осенью. По временамъ вечеръ этотъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, то покрывался какою-то задумчивой, густою тьмою, то съ тихой и медленной постепенностью вновь освѣщался мягкимъ мерцаніемъ еще неукоренившейся ночи. Обаянія припоминаемаго мною вечера увеличивались еще безчисленнымъ количествомъ необыкновенно яркихъ звѣздъ, горѣвшихъ въ безоблачномъ небѣ, края котораго, опоясанные синими тучами, блистали свѣтлыми зигзагами молній. Въ воздухѣ пахло какою-то травяной прохладой, и потомъ надъ всѣмъ этимъ царилъ тотъ мощный гулъ большого города, который въ уши людямъ, умѣющимъ понимать его, гремитъ такими ужасающими и, такъ сказать, каменными поэмами, отъ которыхъ цѣпнѣютъ и окаменѣваютъ самыя живыя, самыя сочувствующія земнымъ печалямъ души.

Припомнилъ я также и приворотные разговоры. Люди лавочекъ и подсолнечныхъ сѣмячекъ облакали ожидаемую выставку въ самыя причудливыя, легендарныя лохмотья. Старухи и чудеса, обѣщаемыя ими, казались «значительно пополненнымъ и приумноженнымъ» повтореніемъ знаменитаго изданія: «Не любо не слушай, а лгать не мѣшай». Прихотливое воображеніе народныхъ массъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидало, напримѣръ, на выставку турецкаго султана, который, «завидѣвши, что ему плохо пришло, задумалъ перейти въ нашу крещеную вѣру» и который будетъ по этому случаю исповѣдываться и причащаться въ Успенскомъ соборѣ.

Яркія вспышки этого воображенія освѣщали уже и благочестиваго монаха, при посредствѣ котораго имѣла снизойти благодать Христовой вѣры на нечестивыхъ турокъ. Свѣтъ вспышекъ, кромѣ строгой фигуры монастырскаго подвижника, освѣщаль также большое бѣлое письмо съ разноцвѣтными печатями, присланное будто бы «къ нашему царю отъ прусскаго короля». Въ письмѣ прусскій король такъ рекомендовалъ свое знаніе русскаго языка: «Проздравляю, гритъ, ваше императорское величество съ выставкой! Самъ я, гритъ, на нее, за ранами и увѣчьемъ, быть не могу, а семь милліоновъ вамъ съ нѣмецкимъ моимъ фидьмаршаломъ посылаю» . . .

— За што же это онъ экую кучу деньжищевъ прислалъ? — удивительно спрашиваетъ одна лавочка.

— Ищо мало! — отвѣчаетъ другая лавочка.

Дальше тянется нить моихъ весеннихъ воспоминаній, и вотъ, ухватившись за нее, я выхожу въ сумерки изъ душнаго, раскаленнаго дневнымъ жаромъ, города. Тянутся длинныя улицы, бѣшено и задорно грохоча, скачутъ по нимъ экипажи, по тротуарамъ мелькаютъ какія-то, на что-то вызывающія тѣни, болѣзненно раздражая ваши нервы глухимъ и какъ бы чѣмъ-то оскорбленнымъ шопотомъ своихъ длинныхъ платьевъ. Иду — и чувствую, что нѣтъ во мнѣ обычнаго любопытства къ вечернимъ жизненнымъ проявленіямъ длинной улицы, — не хочется и подумать о томъ, куда, сломя голову, скачетъ эта пролетка, почему, по ея бѣшенымъ скокамъ, раздаются оглушительные полицейскіе свистки, — и, наконецъ, болѣзненная раздражительность нервъ доходитъ до такой степени,

что, вопреки давно выработанному сознанію, начинаетъ хотѣться схватить одну изъ этихъ вызывающихъ тротуарныхъ тѣней и съ мольбами и рыданіями унести ее съ подлой тротуарной грязи въ безмятежное царство свѣтлыхъ звѣздъ, куда, сколько мнѣ извѣстно, не дорыскивала еще людская праздная мерзость, передѣлывающая людей въ тѣни . . . Воображалось даже, что пугливая походка тѣни въ звѣздномъ царствѣ преобразится въ плавное рѣяніе ангеловъ . . .

Такъ бываютъ несостоятельны больныя и сонныя мысли, которыя очень часто находятъ на людей большихъ городовъ . . .

И вотъ, однажды я бѣжалъ отъ этихъ картинъ, а онѣ, въ свою очередь, преслѣдовали меня до самаго Бородинскаго моста. Сизые волнистые туманы летали надъ Москвою-рѣкою въ видѣ какихъ-то странныхъ, гигантскихъ птицъ. Перешедши мостъ и оглянувшись назадъ, чтобы посмотрѣть на мерцаніе сонной рѣки, я увидѣлъ, что благодѣтельные рѣчныя испаренія высокой стѣною отдѣлили меня отъ моихъ тревожныхъ городскихъ впечатлѣній, — и я очутился въ Дорогомиловѣ — въ этой сторонѣ вонючихъ постоянныхъ дворовъ и звонкихъ хороводовъ, подсолнечныхъ сѣмянъ и добрыхъ разговоровъ, беззаботнаго грохота и зазвонистыхъ оплеушинъ . . .

И на здѣшнихъ приворотныхъ лавочкахъ, которыхъ въ Дорогомиловѣ особенно много, разговаривали также о выставкѣ; я не буду воспроизводить этихъ разговоровъ потому, что они были въ тысячу разъ чудодѣйственнѣе христіанскихъ намѣреній султана и писемъ прусскаго короля.

Они гудѣли такъ же неразборчиво и шумно,

какъ въ бурю гудятъ и бѣснуются волны морскія. Свистящія многими ртами выплевыванія подсолнечниковъ попадали въ тактъ бѣшеной гармоникѣ, наяривавшей какую-то непостижимую пьесу, — дружеская тукманка, закаченная, видимо, въ широкую спину, и раздавшійся вслѣдъ за тукманкой протяжный хохотъ составляли финалъ пьесы, — и когда гармоника бухала кого-нибудь въ голову своимъ картоннымъ дномъ, вѣроятно, съ цѣлью прекратить во-время слишкомъ продолжительные раскаты финала, тогда изъ-за наставшей, относительно, тишины вырѣзывался горячій, козелковатый голосъ, который панически скороговоркой проповѣдывалъ: «Выставка! выставка! Ка-а-нешно, што теперича, къ примѣру . . . Слидовательно . . . ».

Новые вздохи гармоникъ заглушали проповѣдь, и когда эти вздохи, чумѣя, такъ сказать, отъ своего собственнаго, удалаго духа, прекращались, тогда опять слышалось что-нибудь въ родѣ того, что «заказана, слышь, нашему хозяину на алой лентѣ мидадь . . . Черезъ правое плечо . . . Какже-съ? .. На луччей фабрикѣ отливаютъ . . . Потому ты, грятъ, именитый . . . ».

Но рельефнѣе бури всѣхъ этихъ безсвязно и разгульно бунтовавшихъ звуковъ вырѣзывается на сумеречномъ фонѣ одинъ сѣденькій и слѣпой старичекъ. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ, опираясь на высокій костыль, и, то и дѣло, потряхивалъ высокой поярковой шляпой, которая, вѣроятно, снята была съ какого-нибудь великана и, шутки ради, надѣта на его крошечную головку. На его сморщенномъ, обросшемъ короткими серебристыми волосами лицѣ, лежала та характерная печать старицкой кротости, которая, будучи положена на отжитую

жизнь, равняетъ ее съ начинающеюся дѣтскою жизнью, сглаживая съ лица старца выжитыя имъ житейскія бури и преобразуя его въ свѣтлое личико ребенка, исполненное ничѣмъ несмущаемаго счастья. Старикъ даже по-дѣтски шепелявилъ, когда говорилъ, и по-дѣтски же широко раскрывалъ во время разговора ротъ, обнажая такимъ образомъ беззубыя, красныя десны, каковой маневръ придавалъ его лицу выраженіе тихой и покорной веселости.

Покивая шляпой и блаженно улыбаясь, онъ напряженно смотрѣлъ въ даль своими тусклыми, ничего не видѣвшими глазами, и такъ какъ ни одинъ изъ приворотныхъ компанейцевъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, то, судя по безпрестанному миганію губъ старика и по младенческимъ улыбкамъ, направляемымъ въ даль, можно было подумать, что въ этой дали ему мерещатся свѣтлые ангелы, съ которыми онъ и ведетъ теперь добрую бесѣду о своемъ скоромъ пришествіи въ ихъ лучезарныя страны.

Но ничего не бывало! Старикъ, какъ и вся Москва, говорилъ, или, лучше сказать, во все долгое вечернее время порывался говорить о выставкѣ, — и когда нѣжный весенній вечеръ успокоилъ забубенныя дорогомилловскія души до такой степени, что имъ стало не въ моготу выплевывать подсолнухи и дѣйствовать на гармоникахъ, когда эти души на дружескую оплеушину, вмѣсто хохота, стали отвѣчать уже «прямо въ зубы», тогда кое-какія изъ нихъ, разгуливая сонъ, обращались къ дѣдушкѣ съ такого рода вопросами:

— Ну, што, дѣдушка? Какъ выставка-то?

— А я про што же? — шепелявилъ старичекъ

надтреснутымъ и усталымъ голосомъ. — Я ужъ вамъ кое мѣсто рассказываю . . . Ишь, никто не слушаетъ, — все бы вамъ въ гармонію вдарить . . . Небось, стариковъ-то нонѣ . . . Не по-нашему . . .

— Расходился! — раздается смѣшливый шопотъ между приворотными людьми. — Надо намъ его, братцы, вдосталь добрать . . . Спать рано еще . . . Такъ пуцай же онъ намъ фокусъ какой-нибудь оказать, при старости своихъ лѣтъ . . .

— Я вамъ весь вечеръ про выставку-то толковалъ! — говорилъ дѣдъ тономъ обиженного ребенка. — Я ужъ видѣлъ ее — выставку-то.

— Какъ видѣлъ? Гдѣ?

— На церковномъ дворѣ у Трифона-Мученика видѣлъ, — вотъ гдѣ! — положительно увѣряетъ старичекъ, чертя костылемъ по землѣ, какъ бы съ цѣлью закрѣпить собственноручнымъ подписомъ несомнѣнную правду своихъ видѣній.

— Што же она? Какъ? — съ любопытствомъ, возроставшимъ до послѣднихъ предѣловъ, освѣдомляются компанейцы.

— Да поползла она, этта, по двору-то, — шепелявить старикъ: — ну мы ее, выходитъ дѣло, съ Спиридонычемъ костылями-то и покопали маленько . . .

— Ха, ха, ха! Покопали! Што же она?

— Д-ды Богъ ее . . . — тянулъ старикъ, какъ бы въ глубокой задумчивости наклонивши къ землѣ свою высокую шляпу. — Должно, пропала она, што ли . . . Потому тутъ въ скорости зазвонили къ раннимъ обѣднямъ . . .

Взрывъ хохота раскатился въ это время по сонной улицѣ, что, вмѣстѣ съ рѣзвыми молніями, доселѣ беззвучно мелькавшими на востокѣ, произвело,

по крайней мѣрѣ на Дорогомиловкѣ, настоящую грозу.

— Што вы все тятеньку дразните? — врѣзался въ эту хохотавшую грозу крикливый женскій голосъ, раздавшійся изъ какого-то высокаго окошка. — Што вы его выставкой-то все пропекаете? Вамъ она мила, — вы и цѣлуйтесь съ ней. Небось, какъ придетъ она, такъ скажетесь... Идите, тятенька, спать... Не пристало вамъ, при старости вашихъ лѣтъ, съ эвтимми жеребцами зубы скалить. Ишь, какую-то выставку выдумали! Которую ужъ недѣлю все про одно ладятъ! Идите, идите спать!

— О! — простоналъ старикъ, поднимаясь съ лавки. — И то пора... А эту видѣлъ, видѣлъ выставку-то вашу, — добавилъ онъ, осторожно пробираясь во-свояси. — Какъ же? Мы таки ее съ Спиридонычемъ покопали чуточку...

Московскія газеты, въ свою очередь, раскапывали будущую выставку съ усердіемъ, въ неисчислимое количество разъ превосходившимъ то усердіе, съ какимъ ее покопалъ маленько слѣпенькій дорогомиловскій старичекъ на церковномъ дворѣ. Такъ, «Московскія Вѣдомости», олимпически нахмутивъ брови, свирѣпымъ и громкимъ басомъ говорили, примѣрно, въ слѣдующемъ родѣ: «Успѣхи русской мысли вообще и русскаго народнаго досужества въ частности за послѣднія десять лѣтъ оказались столь блестящими... Семьдесятъ тысячъ иностранцевъ съѣдутся въ нашу бѣлокаменную смотрѣть поучительныя послѣдствія великаго умственнаго движенія, совершавшагося въ нашемъ отечествѣ путемъ прогресса и мира».

— Семьдесятъ тыщъ! — воскликнули трактирные московскіе газетчики. — Одного нѣмцу семь-

десять тыщъ! Однакоже, каковъ намъ *профиранецъ* Господь-Богъ посылаетъ!...

«Но наплывъ на нашу выставку иностранныхъ массъ,—продолжали краснорѣчивыя «Вѣдомости»:—можно смѣло поручиться, будетъ едва ли сколько-нибудь примѣтнымъ, въ сравненіи съ отечественными массаами, которыя, въ интересахъ русскаго дѣла, должны ринуться въ Москву со всѣхъ концовъ необъятной Россіи...»

— Какъ намъ благодарить Бога за такой *профиранецъ*? — со слезами спрашивали другъ у друга газетчики. — Надоть теперича съ фатерками попридержаться немножко, да и солонинки придется позаготовить побольше для домашняго обиходу...

Невообразимые шумъ и гамъ распускала по всей Москвѣ эта трескотня «Вѣдомостей», — и всеобщее московское смятеніе увеличивалось еще болѣе «Вѣстникомъ» г. Яковлева, который окончательно кружилъ головы москвичей, запуская въ ихъ читающіе кружки чудовищныя рекламы о *необыкновенной дешевизнѣ* и объ *изумительной прочности*, о *трехголовомъ быкѣ* и *знаменитой великаншѣ*, принятой во *всѣхъ азіатскихъ дворахъ*, и т. д.

«Современныя Извѣстія», въ обыкновенныя времена представлявшіяся своимъ читателямъ, какъ бы, что-то секретно и благоговѣйно шепчущими, теперь тоже кричали благимъ матомъ, ударяя себя обѣими руками по колѣнамъ, какъ это дѣлаютъ на рынкахъ благочестивыя кухарки, завидя пожаръ или потопъ. «Оле, чудо!» вопили «Извѣстія», стараясь поддѣлаться подъ народную рѣчь, такъ, впрочемъ, чтобы и ихъ собственная славянская молитва къ Богу дошла. «Оле, чудеса грядутъ яковыя! Эво-на! Какъ умокъ-отъ русскій — батюшка погули-

вать!... Въ лапоткахъ онъ — родненькій — погуливать!... Эвось! Колька его со всѣхъ сторонъ привалило за московской наукой... Охъ! И чудо же преестественное!...»

Разсказываютъ теперь, по осени уже, что многіе, наслушавшись этихъ возгласовъ, повѣрили въ чудотворный даръ «Извѣстій», такъ что полугодовая подписка на нихъ принесла въ кассу редакціи излишекъ, противъ прежнихъ лѣтъ, въ 14 р. 7 коп., что впрочемъ, по достовѣрнымъ слухамъ, не окупило издержекъ редакціи, истратившейся, въ видахъ усиленія подписки, на наемъ нѣкоторыхъ молодцовъ въ рыжихъ, нанковыхъ полукафтанныхъ и въ плисовыхъ шапочкахъ, которые передъ выставкою шатались по московскимъ стогнамъ и, усиливая своими гугнявыми тенорами народно-славянскіе взвизги «Извѣстій», кричали: «Бла-одать! Благодать! Выждемъ событія! Въ селѣ Перегноищевѣ у мѣстнаго дьячка жена родила тройни, — младенцы всѣ живы. Въ торговомъ посадѣ Икоркинѣ колоколь съ колокольни украли. А? што? какъ? Почему? Грѣхъ! Славянскіе братья? Живіо! Тьеру!...».

Такимъ образомъ, говорю, я сидѣлъ и припоминалъ весеннія московскія событія, предшествовавшія выставкѣ. Нить воспоминаній привела меня къ многочисленнымъ выставочнымъ павильонамъ, теперь уже не существующимъ — и, о чудо! Сколько я ни напрягалъ свое воображеніе, мнѣ, ни подъ какимъ видомъ, не удавалось возобновить въ моей памяти ни многочисленныхъ выставочныхъ построекъ «во всей ихъ, такъ сказать, неприкосновенности», ни того шумнаго движенія, которое, вообще, примѣчается около чудесъ міра.

Непроглядныя осеннія сумерки, шумѣвшія серди-

тою бурею и проливнымъ дождемъ, усыпляли мое усталое отъ долгой работы воображеніе — и, полу-сонный, я, вмѣсто причудливыхъ храмовъ, вмѣщавшихъ въ себѣ результаты русскихъ знаній, грезилъ былинами о старинныхъ временахъ «Владимира-Красна Солнышка», когда онъ

Изъ гриденки во гриденку похаживалъ,
Съ ножки на ножку поступывалъ,
Каблучкомъ-то попристукивалъ
Рѣчью грозной попригаркивалъ.

Мотивы покойнаго Сѣрова вылетали изъ узкихъ оконъ гридни, — и я, совершенно какъ наяву, видѣлъ, что въ палатѣ сидитъ княгиня Евпраксія и разыгрываетъ на фортепіано «Рогнѣду», Тугаринъ Змѣевичъ, со свойственною всѣмъ татарамъ любезностью, перевертывалъ листы партитуры, а Илья Муромецъ стоялъ за стуломъ княгини, держа на отлетѣ чашу «зелена вина въ полтретья ведра». Въ глубокой задумчивости прислушивался «старый казакъ» къ музыкѣ, и, когда ея сладость черезчуръ сильно поражала богатырское сердце, Илья принимался подпѣвать княгинѣ такимъ басыщемъ, отъ котораго вылетала изъ стрѣльчатыхъ оконъ разноцвѣтная слюда, тряслись и звенѣли на столахъ увѣсистыя чашки и, какъ бы раскачиваемыя сильнымъ вѣтромъ, беспомощно и страдающе трепетали подвѣшанныя къ потолку рѣзныя, цареградскія люстры...

— Охъ ты гой еси, старый казакъ — Илья Муромецъ! — говорилъ князь своему любимцу. — Перестань-ка ты нечистую силу своимъ голосиной тѣшить. Ужъ оглушишь ты когда-нибудь мою свѣтъ-Опраксеюшку, — и тогда я тебя, стараго пса, съ бѣла свѣта сживу...

— Не въ моготу, княже! — отвѣчалъ Илья Муромецъ. — Больно музыка-то тово . . . Оченно дюже забориста! . . . Сластынь — музыка, сейчасъ умереть! Охъ ты гой еси, вѣщій бояне! — обратился богатырь къ автору «Рогнѣды», тутъ же будто бы пировавшему съ богатырями. — Подлети-ка ты ко мнѣ, соловьюшка сладкій, — почелокаемся, да качнемъ съ тобой *брудершафтъ*, — ей Богу! Пошто зѣнки-то попусту пялить? Будешь ты у меня братомъ младшимъ, — и всѣхъ мы тогда съ тобою врозь расшибемъ . . .

— Оченно у тебя это мѣсто занято! Трахъ, таралахъ, трахъ, трахъ! — ужасающе ревѣлъ Муромецъ, приходя все въ больший и больший экстазъ и бухая кулакомъ въ стѣну въ тактъ мотива. — Это, братъ, у тебя мѣстечко, надоть правду сказать . . . Отдай все да и мало . . . Тр-ра-ах-хъ! . .

— Да будетъ тебѣ, Илюша! — уговаривали богатыри расхोдившагося стараго казака. — Што, въ самъ дѣлѣ, за баловство такое! Не даешь княгиню послушать. Тугаринъ Змѣевичъ! Отпихни ты его отъ штрументу, — еще разломаетъ какъ-нибудь грѣшнымъ дѣломъ, вещь нѣжная! . . Князь-то за нее на московской выставкѣ двѣ гривенки отвалилъ . . . Онъ, князь-отъ, молили мы его на этой выставкѣ липовыхъ лубковъ на шеломы намъ прикупить, такъ и то отказалъ (а какіе лубки-то здоровенные были — страсть), денегъ, говоритъ, нѣтъ, а для жены нашель. Такъ пущай же она теперича играетъ. Не мѣшай, Илья, а то скамейками прямо тебѣ въ старую образину запустимъ . . .

Видимая нелѣпица сновидѣнія разбудила меня, — и я такъ и не могъ реставрировать въ моей памяти разломанной выставки. Приходь ко мнѣ Масло-

боевскаго дворника окончательно спуталъ мои мысли, напоминая своей структурой только что снившихся мнѣ богатырей. Петруха въ первый моментъ своего появленія показался мнѣ продолженіемъ моего безобразнаго сна — и потому я долго пучилъ на него удивленные глаза, стараясь уяснить себѣ: кого, именно, судьба привела ко мнѣ изъ удалой вольницы Владиміра-Красна Солнышка?

Но сонныя чары, слава Богу, кончились очень скоро — и дѣло оказалось проще, чѣмъ я ожидалъ. Помолившись, какъ подобаетъ православному, въ передній уголъ и сказавши: «Богъ на помощь», Петруха стряхнулъ съ своего закорузлаго овчиннаго тулупа дождевыя ручьи и направился къ столу за папироской.

— Эхъ! Дѣлать-то тебѣ нечего, — заговорилъ онъ, усѣвшись противъ меня и выпуская изо рта дымныя тучи. — Все-то онъ на софѣ валяется, какъ только къ нему не придешь. Житье!

— Какое валяюсь! — оправдывался я. — Такой, братъ Петръ, сонъ сейчасъ видѣлъ, просто...

— Сонъ! Про дѣвокъ, небось? — смышленно предполагалъ Петруха. — Знаемъ мы эти сны-то. Я и самъ, когда вьюношей былъ, такъ, бывало, спишь и видишь ихъ — проклятыхъ-то невѣстъ этихъ? Палкой бы за это нашего брата.

— Ну, ужъ? Будто палкой можно сны отшибать? — попробовалъ я защититъ юные сны нашего брата.

— Конечно, можно! — флегматически отрѣзалъ Петръ, бросая на полъ раскуренную папироску и придавливая ее громаднымъ грязнымъ сапожикомъ. — Пойду-ка я, самоваръ у тебя заведу, — страсть какъ чаю испить хочется, вотъ уже третью

недѣлю: наши-то идола сократили чай-то. Теперича, говорятъ, въ пору объ душѣ-то хоша позаботиться, а нетокма чай. Халуи необразованные! Гдѣ у тебя уголья-то?

И порядочно-таки уже запозднилось, а Петруха, пристроивши на полу свой мокрый тулупъ, вальяжно сидѣлъ за столомъ въ одной синей пестрядинной рубахѣ и опоражнивалъ чашку за чашкой. Разговоръ между нами, по преимуществу, благодушно вращался въ сферѣ мазуриковъ, съ которыми, какъ увѣрялъ Петръ, въ нонишнія времена никакого сладу нѣтъ, — залѣзало также наше каляканье и въ область коммерціи, гдѣ мы съ Петрушей съ ужасомъ видѣли, что «къ убоинѣ таперича, напимѣръ, никакого приступа нѣтъ, хошь ты и не жри совсѣмъ», а также мы довольно долго и горячо анализировали нѣкоторыя, очень удивившія Петра, небесныя явленія, или, какъ онъ говорилъ, *планиды*, единодушно отнесши ихъ зловѣщее нарожденіе къ признакамъ имѣющаго настать въ самомъ непродолжительномъ времени свѣтопреставленія.

— Дѣла! — задумчиво сказалъ Петръ, накрывая, наконецъ, чашку и, видимо, находясь еще подъ унылымъ впечатлѣніемъ происходившаго между нами метафизическаго разговора о планидахъ. — Куда не оглянешься, вездѣ грѣхъ, — философствовалъ онъ, облакаясь въ тулупъ. — Запрягаютъ тебя во всякую водовозку, да и на поди! .. Што ты прикажешь дѣлать?

Разумѣется, я ничего не могъ приказать чловѣку, котораго и безъ моихъ приказаній запрягаютъ во всякую водовозку, — и потому, съ цѣлью какъ-нибудь разбить Петрухину меланхолію, я заботливо спросилъ его:

— Ну, а что, Петръ, какъ ваши? Всѣ здоровы?

— Эхъ, въ ротъ тебѣ каши! — безпокойно заговорилъ Петръ. — И забылъ совсѣмъ: вѣдь, къ тебѣ сама съ поклономъ прислала, — наказывала, чтобы ты въ тую же минуту безпремѣнно къ нимъ шель.

— Что тамъ у нихъ? Зачѣмъ?

— Опять сбѣсился сокровище-то наше . . . Уйму нѣтъ никакого съ самаго Натальина дня. Какъ на аменинахъ у племянницы хлестанулъ, такъ и теперь куликаетъ. Много народу ужъ и къ мировому на него назудили, потому, ежели не укараулишь, такъ онъ на улицу выбѣгаетъ и со всякимъ въ драку лѣзетъ. Сама-то мнѣ и говоритъ: «Поди, — говоритъ, — Петруша, къ куму-гузетчику, позови его къ намъ чай пить. Можетъ, онъ его, — говоритъ, — какъ-нибудь разговорить или отчитаетъ».

Во время моихъ дружескихъ отношеній къ Маслобоевскому семейству, сама Маслобоиха предобродушно навалила на меня множество обязанностей, которыхъ я рѣшительно не зналъ бы въ моей одинокой бездомовной жизни. Такъ, напримѣръ, кромѣ отчитыванья и разговариванья частыхъ и продолжительныхъ запоевъ Ивана Кузьмича, я долженъ былъ крестить, или, какъ говорится, вводить въ крещеную вѣру его многочисленныхъ дѣтей, — долженъ былъ, въ качествѣ крестнаго отца, дѣлать имъ въ дни ихъ именинъ и рожденій различные сюрпризы, въ видѣ рубашекъ, узорчато-выложенныхъ аграмантовъ, рублевыхъ бумажекъ, пищащихъ резиновыхъ уточекъ, зайчиковъ и т. д. Въ случаѣ болѣзни какого-нибудь ребенка, неуклюжій Петръ съ неумолимымъ деспотизмомъ и въ полночь, и за полночь стаскивалъ меня съ постели и тащилъ къ

самой, во-первыхъ, для вѣрнаго опредѣленія болѣзни дитяти и, во-вторыхъ, — для указанія дѣйствительнѣйшаго медицинскаго средства, могущаго въ самый короткій срокъ поставить ребенка на ноги.

И въ двѣнадцать лѣтъ я до того успѣлъ свыкнуться и, что называется, набить руку въ исполненіи возложенныхъ на меня обязанностей, что отъ рецептовъ, почерпнутыхъ мною изъ разныхъ лѣчебниковъ, усовершенствованныхъ материнской любовью самой Маслобоихи, ребятишки наши бѣгали какъ встрепанные . . . Тѣ же рѣдкіе, впрочемъ, къ счастью, случаи, когда лѣкарства наши не имѣли должнаго дѣйствія, то есть когда ребенокъ умиралъ, я и кума принимали смерть его со слезами и съ теплой вѣрой въ Провидѣніе, имѣвшее съ теченіемъ лѣтъ вознаградить сторицею понесенную семействомъ купческаго брата убыль . . .

Благодаря этимъ слезамъ и вѣрѣ, какъ Маслобоевы, такъ и я очень скоро утѣшались въ нашемъ горѣ и входили въ тихую и обыденную колею жизни, за исключеніемъ развѣ моихъ, страшно терпѣвшихъ отъ этихъ событій, ногъ; ибо въ числѣ обязанностей, наваленныхъ на меня Маслобоихой, полагался еще христіанскій долгъ — провожать ея умершихъ дѣтей, несмотря ни на какую погоду, на какое-нибудь Ваганьковское или Даниловское кладбище, неся впереди гроба икону, обернутую полотенцемъ, которое, обыкновенно, и поступало въ мою собственность, какъ бы въ награду моего благочестиваго подвига.

Такимъ образомъ я изучилъ цѣлую пропасть удивительныхъ ремедіумовъ, исцѣляющихъ въ мгновеніе ока разнообразныя дѣтскія боли, и пріобрѣлъ штукъ семь, самымъ причудливымъ манеромъ рас-

шитыхъ, полотенецъ — и, слѣдовательно, какъ вы можете судить по сдѣланнымъ мною, эрудитивнымъ и имущественнымъ пріобрѣтеніямъ, я, въ видахъ дальнѣйшаго преуспѣянія на этомъ поприщѣ, сейчасъ же собрался и пошелъ съ Петромъ *разговаривать и отчитывать* пьянаго бѣса, обуявшаго Маслобоева.

Уныніемъ и слабымъ, блѣдноватымъ свѣтомъ многочисленныхъ лампадъ, зажженныхъ предъ иконами, было облито семейство Маслобоева, когда мы съ Петромъ вошли въ комнату, гдѣ оно помещалось. Душный, спертый запахъ этой комнаты давно былъ знакомъ моему обонянію, — окруженные затхлыми струями, мы очень часто спорили съ Маслобоевымъ о разнаго рода *профиранцахъ*, — и потому я нисколько не былъ пораженъ вонью, царившею въ домѣ моего благопріятеля, хотя, надобно правду сказать, что самъ благопріятель удивилъ меня несказаннымъ образомъ.

Иванъ Кузьмичъ выдѣлывалъ уму непостижимыя вещи: когда я вошелъ, онъ сидѣлъ на серединѣ комнаты на корточкахъ и, видимо, желалъ своею собственною персоной олицетворить громко кричащаго пѣтуха. Стучая по бокамъ руками, онъ сиплымъ, надорваннымъ басомъ протяжно шепталъ: «Кукареку! . . . Кукареку! . . .»

Около него въ видѣ цыплячьяго стада, съ радостнымъ, беззаботнымъ смѣхомъ, ползали и бѣгали ребятишки, выхоленные для счастливой жизни моими рецептами; тутъ же сидѣла и жена Маслобоева, держа въ одной рукѣ столовую ложку, а въ другой — бутылку съ водкой. Иванъ Кузьмичъ, вошедши въ пѣтушиную роль, ретиво разгребалъ ногами воображаемый соръ и звонкимъ курлы-

каньемъ приглашалъ свое малолѣтнее потомство поклевать малую толику чего-нибудь изъ того, что могла открыть изъ-подъ навоза его отцовская попечительность для своихъ птенцовъ . . .

— Кукареку! — кричалъ онъ, опустивши внизъ безпомощную голову, вмѣсто того, чтобы съ гордостью поднять ее вверхъ, какъ дѣлаютъ настоящіе пѣтухи, отдавая найденное зерно тѣмъ, кто не умѣетъ находить его. — Жена! — говорилъ онъ, какъ бы разслабленный долгой и мучительною болью. — Покорми пѣтуха-то! Пѣтухъ, братъ, нонѣ тово . . . Очень больно ослабши . . . Не имѣетъ онъ теперича никакого вокругъ себя *профиранцу* . . .

Тихо наклонялась тогда къ мужу-пѣтуху жена и подносила къ его воспаленному рту столовую ложку съ водкой — и, когда онъ глоталъ водку, она шопотомъ говорила ему:

— Голубчикъ! Перемогнись какъ-нибудь, перестань! Лягъ — отдохни!

— Што такое? — величаво бросалъ Маслобоевъ неизменную позицію птицы, обреченной рыться въ навозѣ, становясь при этомъ во весь свой высокій ростъ. — Перемогнись, перемогнись! Всю жизнь мучаемся — слава Богу. Долженъ же я гдѣ-нибудь, хоша, примѣромъ, въ своемъ домѣ, *профиранецъ* имѣть, али нѣтъ? . . Кукареку! — запѣлъ онъ снова по-пѣтушину, опускаясь на полъ и радуя ребятшекъ дѣянiемъ, которе они еще не привыкли видѣть въ папкѣ. — Ну-ка, жена! Нѣтъ ли тамъ гдѣ у насъ по хозяйству стаканчика махенькаго . . . Я бы тово . . . Чѣмъ меня изъ ложки-то мажешь . . . Кукар-реку! Ребята! Клюйте! Вонъ онъ, отецъ-то вашъ, эвона сколько добра-то всякаго . . . Во всю-то жисть, — эвона сколько приспособилъ! . . ха, ха, ха!

— Семей день такъ-то! — прошептала мнѣ кума, указывая глазами на мужа. — Безъ просыпи . . . Говорить, што онъ теперича пѣтухъ сталъ... Каково мнѣ теперича съ нимъ въ такомъ-то положеніи? . . — объясняла она мнѣ свое положеніе деликатнымъ указаніемъ на свою просторную блузу, подготавливая меня такимъ образомъ или къ покупкѣ дѣтской рубашки, выложенной аграмантомъ, вообще, съ золотымъ крестикомъ на шелковой алой лентѣ, или же къ приобрѣтенію осьмага полотенца, которымъ я могъ преувеличить мои домашнія сокровища, проводивши на далекое кладбище ожидаемаго ею въ скоромъ времени ребенка.

Иванъ Кузьмичъ, между тѣмъ, ничуть не видалъ нашей мимики. Онъ пѣлъ, потѣшая ребятъ:

Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
Держитъ саблю на плечахъ,
Лису, лису зарублю,
Свою душу загублю!
И-ха-хо! И ха-ха!
И-хохонюшки мои!

Дѣтишки, слушая эту зазвонистую пѣсню, помирали со смѣху и поминутно приставали къ пѣвцу, чтобы онъ далъ имъ копеечку на гостинчики, видимо, впрочемъ, и помимо гостинчиковъ, очень довольные тѣми «измѣненьями милаго лица», которыя сопровождали представленіе Иваномъ Кузьмичемъ свирѣпаго пѣтуха, идущаго съ саблей на плечахъ на погубленіе лисы столь рѣшительными шагами, что этихъ шаговъ не задерживала даже возможная въ этомъ роковомъ походѣ гибель его собственной души.

Наконецъ, ребяташки примѣтили меня, который былъ для нихъ источникомъ, неизсякаемо

текущимъ карамельками, пряниками, гривенниками и т. д. Живо предали они полнѣйшему забвенію отцовскія представленія и обступили меня радостно шумящею гурьбой.

— Тятинька крестный пришелъ! — кричала дѣтская стая, залѣзая въ мои мокрые карманы своими теплыми рученками, при чемъ нѣкоторые изъ будущихъ «купеческихъ братьевъ и внуковъ» запускали мнѣ въ ротъ свои тоненькіе пальчики, съ цѣлью узнать, не жую ли я чего-нибудь такого сладкаго, что можно бы было безъ особенной траты времени и усилій перенести въ свой собственный ротъ. — Тятинька! — неугомонно взывали ребятки уже къ родителю. — Пришелъ кумъ-то, онъ тебя сичасъ по своимъ газетамъ отчитывать будетъ съ маменькой вмѣстѣ... А то ты все вино пьешь какую ужъ недѣлю!... Маменька-то, видишь, въ какомъ положеніи? Рази она съ тобой сладить? Бабушка-то, вонъ, къ мировому на тебя съ прошеньемъ пошла, — ты ухо ей откусилъ... Ха, ха, ха!.. Платокъ на ней изорвалъ... Ха, ха, ха! Мы изъ платка кукламъ салоповъ нашили... Ха, ха, ха!

Эти возгласы обратили, наконецъ, на меня пѣтушиное вниманіе Ивана Кузьмича. Хлопая по бокамъ крыльями, онъ бойко подпрыгнулъ ко мнѣ, выпучилъ на меня мутные, блуждающіе глаза и прокричалъ: «Кукареку!...».

Долго мы такимъ образомъ смотрѣли другъ на друга въ какой-то, для меня, по крайней мѣрѣ, рѣшительно непонятной, строгой и печальной задумчивости; наконецъ, глаза Ивана Кузьмича принялись учащенно и плаксиво мигать, какъ это дѣлается съ дѣтьми, когда они желаютъ плакать и когда передъ

ихъ огорченнымъ и отуманеннымъ лицомъ мелькаетъ большой бѣлый палецъ папы или мамы, который, сверкая золотымъ перстнемъ, гнѣвно кричитъ ребенку: «Тсъ! Не смѣть плакать! Еж-жели ты у меня . . . ».

И долго такъ мигали глаза Ивана Кузьмича; потомъ у него судорожно задергались губы, — и напрасно бѣдный кумъ мой хотѣлъ какою-то шутовскою улыбкой замаскировать это дрожаніе, — губы дрожали еще нервичнѣе, глаза мигали еще учащеннѣе. И вотъ, изъ глазныхъ угловъ вдругъ выкатились двѣ маленькія, круглыя слезинки . . . Иванъ Кузьмичъ попробовалъ отсмѣяться отъ этихъ слезинокъ, загоняя ихъ въ глубь души басовитымъ кашлемъ . . . Кашель почему-то очень скоро высушилъ слезы на волосатыхъ щекахъ, но все это помогло ненадолго: мучительныя судороги опять исковеркали пристально смотрѣвшее на меня лицо, и кумъ закрылъ его грязными пальцами, вѣроятно для того, чтобы люди не видѣли его хозяйскихъ слезъ. Истерически рыдая, онъ преклонился къ моимъ ногамъ головою и молилъ меня:

— Кумъ! Прости, Христа ради! Вонъ куда дошелъ: пѣтухомъ на старости лѣтъ закричалъ . . . И закричишь . . . Курицей заиграешь, а не то што . . . Вотъ она — выставка-то твоя — какимъ меня *профиранцемъ* снабдила: въ семи домахъ теперича у меня крысы гуляютъ. Обои всѣ поглодали, покелича мы ждали, какъ къ намъ на Барабаниху семьдесятъ тыщъ нѣмцевъ прикатятъ. Пустилъ мастерового одного, для прилику, въ сторожку, чтобы противу добрыхъ людей не было стыдно, такъ онъ ворота у меня пропилъ. Бранить его сталъ, онъ говоритъ: «коли, говоритъ, ежели ты меня обижать будешь,

хозяинъ, такъ я и калитку пропью, и собакъ твоихъ пропью, потому мнѣ, говоритъ, подо всякую вещь въ питейныхъ домахъ довѣряютъ». И онъ это въ правилѣ говоритъ, потому ему такой *профиранецъ* даденъ, чтобы онъ, къ примѣру, завсегда пьянъ былъ... Вотъ какія времена пришли! А все ты, братъ — газетина, виноватъ! — совершенно неожиданнымъ обвиненіемъ закончилъ свою рѣчь Иванъ Кузьмичъ. — Ей Богу, ты виноватъ во всемъ! Какъ сталъ ты меня съ весны газетами своими искушать, такъ я лѣтомъ-то нѣтъ-нѣтъ да и запью, потому думаю: можетъ и правда это, што кумъ по газетамъ читаетъ... Пойдемъ-ка, иначе, толканемъ по рюмочкѣ да закусимъ. Петруша! Иди-ка и ты, стакашекъ качни заурядъ...

— Свѣчу завтра за тебя въ церкви поставлю, — шептала мнѣ между тѣмъ кума. — Хоть заговорилъ-то онъ по-человѣчьему при тебѣ, а то, вѣдь, цѣлую недѣлю все пѣтухомъ, все-то пѣтухомъ, куманекъ! Я такъ полагала, што онъ ужъ совсѣмъ ума порѣшимшись...

— Што жъ? — угрюмо и басовито, въ свою очередь, поддерживалъ Петръ хозяйскую рѣчь. — Конечно, мы очень обѣдняли отъ выставки. Сколько одново стыду она на насъ натащила? Ахнешь!

— Какъ же не ахнуть-то? — горячо подхватилъ Иванъ Кузьмичъ. — Теперъ у сволочи у какой-нибудь (Ерупитиху-то знаешь, небось?) вся хижина хорошимъ жильцомъ занята, а мои, напри-мѣръ, почти пустые стоятъ. Почему такъ? Позвольте спросить?..

— Ерупитиху-то я удовлетворилъ, Иванъ Кузьмичъ! Останется она нами очень даже довольна, — серьезно говорилъ Петръ, взглядываясь въ свои гряз-

ные сапожнищи. — Ты, хозяинъ, знаешь флигарекъ-то у ней назади? ..

— Ну?

— Афицеръ какой-то полковой нанялъ его у ней третьяго дня и задатокъ далъ. Цѣну она съ его, стерва, хорошую положила. Такъ я теперича взялъ да трубы-то въ томъ флигарѣ всѣ грачиными гнѣздами и позаткнулъ ... Ну-ко-сь, моль, отгадайте загадку ...

— Вотъ люблю! — кричалъ Маслобоевъ, обнимая Петра. — Выпей!

— Ты бы, Петруша, ночнымъ-то дѣломъ еще бы Ерупитихѣ этой што-нибудь попріятнѣе подсудобиль ... — совѣтовала Маслобоиха, эта, повидимому, тихая и даже апатичная женщина.

— Да на што же лучи? — все болѣе и болѣе одушевлялся Петръ. — Трубы въ акуратѣ обдѣлалъ. Въ отхожія мѣста собакъ напихалъ, подъ полъ драныхъ кошекъ. Да имъ теперича отъ одной крысы житья не будетъ, ну, а по ночамъ стану на крышу лазить и въ трубу выть буду, въ родѣ, будто бы, домовой ... Нонѣ ночь темная, — не скоро запримѣтятъ. Помянутъ они меня ... Ни б-бойся ...

Я ужъ почти и не помню того далекаго времени, когда моя бодрая и наивная юность, какъ говорилось въ старинныхъ романахъ, «въ одно прекрасное утро» вдругъ загорѣлась литературно-плебейскими стремленіями. Яркіе цвѣты моей молодости были безжалостно сожжены бурнымъ наплывомъ какихъ-то огненныхъ, невѣданныхъ мною тогда думъ, которыя, въ видахъ ихъ разрѣшенія, неудержимо повлекли меня на тѣсное закомство съ людьми, отъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ ближніе убѣгаютъ за тысячи верстъ.

И вотъ, съ неизсякаемымъ любопытствомъ, около двадцати уже лѣтъ, я смотрю на разнообразное зло жизни — и досмотрѣлся до такой степени, что, такъ называемая, ея свѣтлыя стороны кажутся мнѣ сентиментальною ложью, придуманною человѣчествомъ для возможнаго смягченія роковыхъ жизненныхъ бѣдъ. Мнѣ самому даже очень видны односторонность и ошибочность моего мышленія, дѣятельность котораго такъ долго возбуждалась все однимъ и однимъ, хотя и безконечно-широкимъ видомъ людскихъ страданій; но тѣмъ не менѣе, я вовсе не расположенъ исправлять эту ошибку моей мысли, потому что тотъ суровый міръ, въ которомъ она вращалась и вращается, безъ остатка выгналъ изъ моего сердца всѣ тѣ злыя движенія, руководствуясь которыми человѣкъ эгоистически около одного себя группируетъ какъ можно больше жизненныхъ благъ, увеличивая тѣмъ массу всеобщаго зла. Въ непобѣдимое терпѣніе заковали тѣло мое печальныя картины страдающаго міра, — и чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ непроглядно-темный фонъ ихъ, тѣмъ больше и больше наплываетъ въ душу мою любви и кротости, безъ свѣтлаго сіянія которыхъ даже и эти картины, такъ одушевленные воплями безконечной гибели безконечнаго множества людей, были бы мертвы . . .

Такимъ образомъ, несмотря на позднюю осеннюю ночь, я продолжалъ сидѣть въ Маслобоевскомъ домѣ. Ребятишки всѣ уже спали, и такъ какъ кума Маслобоиха, благодаря отчасти настойчивости мужа, отчасти своей собственной охотѣ, напилась пьяная, то ребятишки валялись на полу, какъ попало. Вонъ бѣлѣтся въ углу маленькая нога, — вонъ на самой серединѣ комнаты валяется дѣвочка: на ея

тонкомъ личикѣ, заваленномъ густыми, черными волосами, я, несмотря на тусклый блескъ нагорѣвшей лампы, примѣчалъ ту строгую думу, которую можно видѣть подъ темными сводами кладбищенскихъ церквей, когда въ нихъ отпѣваютъ любую отцвѣтшую жизнь, затемненную сизыми волнами ладана и освѣщенную блѣднымъ свѣтомъ тонкихъ восковыхъ свѣчей... У дѣвочки во рту имѣлся закушенный мармеладъ... Она такъ и спала, посасывая его изрѣдка...

Петръ, между тѣмъ, окончательно нарѣзался и бахвалилъ передъ хозяиномъ своимъ неусыпнымъ стараньемъ, какъ бы его, напримѣръ, всячески сбегать.

— Слышь? — говорилъ дворникъ, стоя передъ Маслобоевымъ съ большимъ стаканомъ, изъ котораго плескалась водка. — Я што завсегда всѣмъ говорю: ты знаешь? я говорю: берегите, молъ, хозяина, такіе вы и эдакіе! У насъ, молъ, хозяинъ-то, почитай, што дите! Ей Богу. Вотъ, стакана бы мнѣ не допить.

— Зато я тебя и люблю, Петра! Про што это говорить! — толковалъ Маслобоевъ, устремляя свой стаканъ противъ Петрухина стакана.

— Любишь? — насмѣшничалъ Петръ. — Коли бъ любилъ, не ходилъ бы я у тебя въ такомъ тулупѣ. Вишь рванина какая? А еще двоюроднымъ племянникомъ ты мнѣ приходишься. Облобокъ дядю-то, нечего сказать! Приспособилъ ему добрища за двадцать-то годовъ... Ха, ха, ха! Ну-ко, — командовалъ двоюродный дядя: — перекрестись да выпей, чѣмъ пѣтухомъ-то... Не увидишь, небось...

Храбрость, съ которою Петръ въ описываемое

время относился къ хозяину, въ обыкновенныхъ случаяхъ встрѣчая его низменными поклонами и цѣлованіемъ ручекъ, была, по истинѣ, неизреченна. Его всегдашняя флегматическая и отрывочная рѣчь превратилась теперь въ безобразный гомонъ, имѣвшій цѣлью уяснить хозяину ту великую мысль, что не живи онъ — Петруха — дворникомъ у него, такъ самого Маслобоева давнымъ бы давно не существовало на бѣломъ свѣтѣ.

Это нахальство гнало меня вонъ изъ унылой комнаты, насквозь, такъ сказать, продушенной водкой; но я упорно сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и пристально всматривался въ Петруху, съ большимъ наслажденіемъ ловя на его приниженной и обезображенной звѣриною жизнью фигурѣ тѣ едва примѣтные проблески счастья, или, по крайней мѣрѣ, довольства минутою, которые хотя и были напущены на него водкой, но которые, тѣмъ не менѣе, бодрили его и подвигали на сколько-нибудь человѣческій разговоръ . . .

Невообразимою ерундою, въ родѣ собственно-ручнаго заткнутія Ерупитихиныхъ трубъ грачиными гнѣздами или своей непоборимой защитой хозяйскихъ интересовъ, Петръ бойко ссылался на мой авторитетъ кума, отчитывальщика и газетчика, какъ на такого рода штуку, которая всегда имѣетъ должный вѣсъ въ глазахъ его хозяина, особенно, когда глаза эти пьяны. И мнѣ, увѣряю васъ, было особенно пріятно видѣть, какъ онъ, проворно подскочивши ко мнѣ, съ большимъ умомъ освѣдомлялся у меня, такъ ли онъ говоритъ? Вѣрно ли это выходитъ?

И я, любя его даже искусственное, минутное счастье, отъ котораго завтра же страшно затре-

щитъ и склонится въ навозъ поднятая теперь вверхъ голова, отвѣчалъ ему:

— Чего вѣрнѣе, Петруша! Ужъ это ты, другъ, такъ отрѣзалъ . . . Такъ отрѣзалъ . . .

— То-то вотъ и есть, — какъ бы захлебываясь отъ довольства, говорилъ Петръ. — Вонъ, посмотри, — училъ онъ поникшаго на столъ головою Маслобоева и по этому случаю, можетъ быть, его совершенно не слушавшаго: — посмотри-ко-сь, какъ про насъ умные да ученые люди доказываютъ . . .

И въ всклоченныхъ волосахъ Петра, и на его рваной пестрядинной рубахѣ, и даже по грязнымъ сапожищамъ, такъ и сверкали, такъ и лились свѣтлые лучи счастья. Чтобы не спугнуть съ Петрухи этого счастья, я даже всячески старался смягчать непогрѣшимость мнѣній, которыхъ не дала ему судьба и которыя онъ моментально выработалъ, подъ вліяніемъ осушенныхъ имъ на чужой счетъ двухъ полуштофовъ . . .

Онъ говорилъ мнѣ, наклоняясь къ лицу моему жарко пышавшимъ ртомъ:

— Баринъ! Слышь? Н-нѣ-тъ — ты меня раскуси только . . .

Я ему, въ свою очередь, говорилъ:

— Петръ! Аль я тебя не знаю? . . Кажется, ужъ сколько годовъ прошло . . .

— А-а! — протяжно радовался Петръ и, неизвѣстно почему, тыкалъ меня большущимъ пальцемъ въ больную грудь. — Вотъ то-то и есть-то . . . Я говорю! Возьми-ка вотъ, раскуси . . . Больше ничего . . . Намъ што же? Насъ, слава Богу, Христосъ истинный Спаситель — милуетъ покелича . . . Поди, другъ, выпей сообча съ нами, а то ты такой унылый сидишь: настоящая хорошая дѣвка ежели на

тебя теперича взглянетъ, ее непременно стошнить, — ей Богу!... Иди-ко-сь, колупни столбуху на сонъ грядущій, — тебя-то, небось, и сонъ клонить, ну а мы, мужики, посидимъ, покалякаемъ. Вѣдь, онъ нашъ же, деревенскій, — подъ глубокимъ секретомъ сообщалъ мнѣ Петруха черты изъ жизни Маслобоева, мигая на него лѣвымъ глазомъ. — Вѣдь, я ему двоюродный дядя, — вотъ глаза лопни! Это онъ только не велить мнѣ разговаривать-то... На-ка вотъ, чикни, — время теперь не раннее... На дворѣ-то теперича, поди, пѣтухи скоро закукарекаютъ. Такъ-то! Кушай-ко-сь!...

И все болѣе и болѣе глупыми и пьяными разговорами наполнялась унылая комната. Дѣти по временамъ просыпались отъ нихъ и бредили; даже часовой маятникъ остановился, не могши разсѣчь какъ бы одурѣвшей отъ жару вонючей, комнатной атмосферы. Сидѣть, наконецъ, живому человѣку въ этомъ воздухѣ становилось не подъ силу, — хотѣлось выйти на улицу — и глубоко вздохнуть; но я все сидѣлъ, вслушиваясь въ музыку человѣческаго горя, властительно гремѣвшую, по крайней мѣрѣ, для моихъ ушей въ опьянѣлой комнатѣ.

По временамъ я, какъ сквозь сонъ, слышалъ:

— Ты дворникъ, — оралъ Маслобоевъ: — такъ ты, выходить дѣло, и ступай въ каморку спать... Тебѣ каморка дадена аль нѣтъ, — говори?

— У насъ каморка завсегда будетъ, — какъ бы въ глубокой дали раздавался голосъ Петра. — Но все же я тебя долженъ сейчасъ связать, потому штобы буйства не было... Што же это будетъ, ежели самъ хозяинъ да бунтовать примется? Оттого у тебя, Иванъ, — слышь? — оттого у тебя и жильцы хорошіе не живутъ, што ты всякаго въ усь наро-

вишь — и все съ дуботолку . . . Ты, вѣдь, хитрый: ты, вонъ, и посичасъ взялъ да мой стаканъ и выкатилъ на лобъ себѣ. Я себѣ стаканчикъ налилъ, перекрестилъ его и закусочки припасъ (хлѣбушка вотъ съ сольцою!), а ты его взялъ и вылопалъ . . . Ну, какъ же ты послѣ этого не аспидъ? . .

— Петръ! — оправдывался Маслобоевъ. — Это ты напрасно. Петруша! Не для чего вамъ такъ объ своемъ хозяинѣ понимать . . . У тебя, братъ, свой *профиранецъ*, а у хозяина свой . . .

— Никакого у тебя *профиранцу* нѣтъ! — резонировалъ Петръ. — А такъ это ты . . . Съ жиру больше . . . Куда ты теперича, голова еловая, солонину дѣнешь, для выставки-то какую насолилъ? Думалъ — нѣмецъ наѣдетъ и поѣстъ у тебя солонину. Нѣмецъ, братъ, зайца ѣстъ, либо дичину какую нѣжную, а ты его вдругъ солониной . . . Дубъ москворѣцкій! Вѣдь, тебя нѣмецъ-то ежели настоящій . . . вить онъ сичасъ чаны-то эти твои съ убойною ежели увидить, сичасъ запечатаетъ ихъ — къ мировому; вить, онъ грамотный, — всякій законъ у него на зубу торчитъ, мочалка! . .

— Такъ, такъ, Петруша! — стыдливо соглашался Маслобоевъ. — Это я и самъ думалъ, да все думаю . . . Можетъ, думаю, и съѣстся когда-нибудь по хозяйству . . . только я братъ, твоего стакана не пилъ, не грѣши! Вотъ, и кусочекъ твой съ сольцою я нашелъ на столѣ, а стаканчика не видалъ . . . Мнѣ, другъ, душа надобна! . .

— Чудакъ! — вдребезги разбивалъ Петръ хозяйскую уступчивость. — Я про што же говорю, не поймешь рази! Вить, я тоже про душу . . . Ты какъ ее понимаешь? Вонъ, Ерупитиха-то, какъ слышала про выставку-то, сейчасъ дочерей нарумянила,

книжки имъ въ руки съ картинками засучила — и къ окнамъ, а въ окна-то цвѣтовъ наставила, канареекъ напускала, — отъ того теперича у ней во всѣхъ покояхъ жилецъ!.. Съ Ходынки жилецъ, не какой-нибудь... А ты што... Ты сейчасъ гнать всѣхъ... Ты, вонъ, кума-то Ликсандру съ фатеры въ ту пору согналъ, а ужъ онъ ли тебѣ не копье? Кажется, ежели бы не онъ да не я, такъ ты давно сквозь землю бы провалился... Вѣрно ли я говорю? — подскакивалъ онъ ко мнѣ за ратификаціей своего трактата.

— Чего вѣрниѣе? Господи! — шепталъ я въ просонѣ, блаженствуя въ мірѣ моихъ созерцаній и глубоко счастливый сознаніемъ, что въ немъ, несмотря на его кажущуюся мертвенность, царствуетъ еще и жизнь, и правда, и слезы, и радости, правда, исковерканныя и звучавшія необыкновенною фальшью, но какъ же можно ожидать, чтобы раздались другіе, болѣе живые и согласные звуки въ комнатѣ, вѣковѣчная затхлость которой способна тушить свѣчи и останавливать маятники?..

Затхлость эта, въ сообществѣ съ осенней бурей, бунтовавшей на улицѣ, и съ проливнымъ дождемъ, надоѣдливо барабанившимъ въ окна, наконецъ галлюцинировала меня — и дикое оранье, происшедшее между Маслобоевымъ и Петромъ, превратилось въ моихъ представленіяхъ въ какой-то неимоверно оглушительный маршъ, гдѣ уродливые, но сильные звуки перемѣшивались съ людьми, которые то раскатисто хохотали, то отчаянно плакали, продолжая все это въ тактъ бѣсновавшейся музыки!

Спалъ я такимъ образомъ и видѣлъ, или, лучше сказать, слышалъ, какъ маршъ на тихихъ флейтахъ и скрипкахъ наигрывалъ золотые, наивно-улыбав-

шіеся мотивы прошедшей весны. Снилось мнѣ нѣжно-зеленая трава, окрашенная и обласканная солнцемъ, — рѣка снилась, прозрачная и, какъ ребенокъ, что-то наивно и весело лепетавшая. По берегамъ рѣки рѣзво и далеко вились мелкія тропинки, представляя собою слѣды человѣка, обрадовавшагося рѣчной красотѣ и фатально устремившагося за нею, неудержимо убѣгающей отъ него . . .

И вотъ, маршъ зашумѣлъ первымъ весеннимъ дождемъ, тѣмъ теплымъ, частымъ дождемъ, который, обыкновенно, льется изъ такой-то невидимой тучи, насквозь прохваченный солнечнымъ золотомъ.

Огороды того московскаго предмѣстья, которое называется Барабанихой, также звучатъ въ маршѣ: музыкальные знаки, по которымъ исполнялся маршъ, на этотъ разъ представляли не карикатурныя ноты, а шумъ старыхъ вѣтвистыхъ дубовъ, карканье молодыхъ бѣлоротыхъ грачей и воронъ и, наконецъ, страстное и ароматное дыханіе только что распустившейся сирени . . .

Женскій тихій плачъ слышится въ этомъ огорождѣ. Тамъ, въ густыхъ поросляхъ вишняка и смородинника, сидитъ молодая дѣвушка и плачетъ. Около нея увивается мать — Ерупитиха, сѣдая поджарая старушонка; на нижней губѣ ея красовалась большая красная бородавка, изъ которой торчалъ пучекъ длинныхъ сѣдыхъ волосъ.

Ерупитиха страстнымъ шопотомъ говорила своей дочери:

— Милая! Да сходи ты къ нему на часокъ. Али тебя убудетъ отъ этого? Вить, онъ, почитай, полковникъ! . . . Можетъ, замужъ возьметъ съ теченіемъ лѣтъ, — полковницей будешь . . . Вѣдь, онъ на выставку-то пріѣхалъ, — на сто тысячъ, гово-

рятъ, товару всякаго на показъ только на одинъ приволокъ . . . Подумай, какой тебѣ *профиранецъ* въ руку идетъ. Въ кои вѣки ты такой *профиранецъ* въ свои руки залучишь?.. Въ нонѣшнія ли времена, ничего не видя, двѣ сотенныхъ вбухать да платокъ въ пятьдесятъ серебра.

И лишь только музыка проиграла невнятный отвѣтъ дѣвушки, лишь только въ могучемъ, дрожавшемъ неизмѣримымъ горемъ финалъ, исчезли дѣвичьи слезы, маршъ раскатился нервическими, хохочущими звуками.

То будто бы хохотала разрушенная недавно выставка. Она въ это время приняла на себя скарденый образъ разухабистой бабы, производящей и теперь на Средней Прѣснѣ безпатентную торговлю водкой и вареной печенкой, — хохотала эта корчемница надъ Маслобоевымъ, который спрашивалъ ее:

— Значить, теперича мои дома пустовать должны?

— Значить, пустовать . . . — дразнила его баба, скрывая свои толстыя, дрожащія отъ смѣха губы, въ грязный ситцевый фартукъ.

— И не будетъ мнѣ никакого отъ тебя *профиранцу*? — тревожно допытывался Маслобоевъ.

— Какой же тебѣ *профиранецъ* еще? — хохотала баба. — Ты и такъ купеческій братъ!.. Не съ нами сравнять, съ убогими . . .

— Послушай, милая женщина, — уже умаливалъ Маслобоевъ. — Стой! Пойдемъ въ «Аѳины», чайку попьемъ. Я тебѣ, слышь? Подарокъ, во какой, сооружу, только ты пошли мнѣ жильца какого-нибудь. Можетъ, съ выставки-то еще не всѣ разѣхались . . .

— Всѣ до одного человѣка уѣхали, а то бы я съ радостью, — отнѣкивалась баба, съ большимъ трудомъ, однако, устайвая противъ искусительнаго приглашенія въ «Аѳины» и еще болѣе искусительнаго обѣщанія «во какого подарка».

— Сволочь же ты послѣ этого! — загвоздилъ ей горячій Маслобоевъ.

— Ка-акъ? Я сволочь? Мужняя жена — сволочь? — завопила разухабистая баба. — Пра-аславные! Засвидѣтельствуйте! Вдругъ теперича замужнюю жену — сволочью... А! Я тебѣ задамъ *профиранцу!*...

Въ это время скрипки снившагося мнѣ оркестра продолжительно и мучительно громко протянули соло на обыкновенную въ московскихъ переулкахъ тему: кр-рау-улль!...

Скоро негодующіе баски покрыли собою это пронзительное соло. То полицейскій ундеръ-офицеръ, разнимая драку, строгимъ баритономъ спрашивалъ:

— Это што еще тутъ за *профиранцы* такіе, въ ночное, напрімѣръ, время? А? Мало вамъ дня-то — паскудникамъ?..

Аховскій посадъ.

(Степные нравы стараго времени.)

1870
The following is a list of the names of the persons who have been elected to the office of the President of the United States since the year 1789. The names are given in the order in which they were elected, and the year of their election is given in parentheses. The names are given in the order in which they were elected, and the year of their election is given in parentheses.

George Washington (1789)
John Adams (1797)
Thomas Jefferson (1801)
James Monroe (1817)
James Madison (1821)
Andrew Jackson (1829)
Martin Van Buren (1837)
William Henry Harrison (1841)
John Tyler (1845)
Franklin Pierce (1853)
Abraham Lincoln (1861)
Andrew Johnson (1865)
Ulysses S. Grant (1869)
Rutherford B. Hayes (1877)
James A. Garfield (1881)
Chester A. Arthur (1881)
Grover Cleveland (1885)
Benjamin Harrison (1889)
William McKinley (1897)
Theodore Roosevelt (1901)
William Howard Taft (1909)
Woodrow Wilson (1913)
Warren G. Harding (1921)
Calvin Coolidge (1925)
Herbert Hoover (1929)
Franklin D. Roosevelt (1933)
Dwight D. Eisenhower (1953)
John F. Kennedy (1961)
Lyndon B. Johnson (1963)
Richard M. Nixon (1969)
Jimmy Carter (1977)
Ronald Reagan (1981)
George H. W. Bush (1989)
Bill Clinton (1993)
George W. Bush (2001)
Barack Obama (2009)
Donald Trump (2017)

(Continued on page 2)

The following is a list of the names of the persons who have been elected to the office of the President of the United States since the year 1789. The names are given in the order in which they were elected, and the year of their election is given in parentheses. The names are given in the order in which they were elected, and the year of their election is given in parentheses.

George Washington (1789)
John Adams (1797)
Thomas Jefferson (1801)
James Monroe (1817)
James Madison (1821)
Andrew Jackson (1829)
Martin Van Buren (1837)
William Henry Harrison (1841)
John Tyler (1845)
Franklin Pierce (1853)
Abraham Lincoln (1861)
Andrew Johnson (1865)
Ulysses S. Grant (1869)
Rutherford B. Hayes (1877)
James A. Garfield (1881)
Chester A. Arthur (1881)
Grover Cleveland (1885)
Benjamin Harrison (1889)
William McKinley (1897)
Theodore Roosevelt (1901)
William Howard Taft (1909)
Woodrow Wilson (1913)
Warren G. Harding (1921)
Calvin Coolidge (1925)
Herbert Hoover (1929)
Franklin D. Roosevelt (1933)
Dwight D. Eisenhower (1953)
John F. Kennedy (1961)
Lyndon B. Johnson (1963)
Richard M. Nixon (1969)
Jimmy Carter (1977)
Ronald Reagan (1981)
George H. W. Bush (1989)
Bill Clinton (1993)
George W. Bush (2001)
Barack Obama (2009)
Donald Trump (2017)

I.

Улицы Аховскаго посада, будто бы нарочно убираемыя чьей-нибудь искусною рукой въ лившіеся на нихъ тонкіе лучи ранняго солнца, весело привѣтствовало тихо слетавшее къ нимъ воскресенье. Что-то въ высшей степени мягкое и покойное налетало на посадъ вмѣстѣ съ святымъ днемъ отдыха отъ будничныхъ трудовъ, — носилось это что-то умиряющее одинаково свѣтло и радостно и надъ высокими кирпичными хоромами второ-гильдейскаго купца Василья Ильича Пестрыхъ, и заглядывало въ задымленные окна угрюмо уткнувшейся въ землю избушки стараго дьячка Селиверста Анапестова. На всемъ, что только видѣли глаза, лежали какіе-то необыкновенно радующіе, радужные цвѣты.

— Должно, нонѣ въ Аховѣ воскресенье, али бы другой какой праздникъ, — справедливо предполагали камышинскіе торговцы солью, всегда забывавшіе въ своихъ постоянныхъ кочевьяхъ про то, какъ, именно, называется тотъ бѣлый, хорошій день, которымъ молчаливо и безсознательно любитъ всякій человѣкъ, обязанный ѣхать не двое и не трое сутокъ, а цѣлые мѣсяцы. Сказавши такимъ образомъ, камышинцы порѣшили: — давай-ка и мы, братцы, помолимся кстати, — благо выдался такой случай хорошій. — И тутъ же молодцы-камышин-

цы распрягли лошадей на базарной площади, установили полукругомъ свои кибитки и отправились въ церковь, оставивъ при обозѣ кашевара съ тѣмъ, чтобъ онъ наварилъ имъ къ послѣобѣднѣмъ молочнаго пшеничнаго кулеша.

И опять на обожженные солнцемъ лица камышинцевъ, на ихъ покрытыя бѣлою пылью кибитки, на усталыхъ коней и, вообще, на весь таборъ, вмѣсто обыкновенной печати труда и всякихъ лишеній, выносимыхъ только по долгой привычкѣ, легла радостная печать лѣтняго воскресенья.

Отъ трехъ посадскихъ колоколенъ лежали длинныя косыя тѣни, — отчетливо отражались на дорогѣ ихъ прорѣзи и пролеты съ крутыми лѣстницами, съ зубчатыми деревянными крестами и елками, уставленными въ эти прорѣзи и пролеты на случай святовскихъ иллюминацій, со всѣми колоколами — и маленькими, которые тонкими печальными голосами зовутъ къ печальнымъ похороннымъ или поминальнымъ обѣднѣмъ, — и большими, звучно гремящими окрестнымъ селамъ про наставшій праздникъ. Сверху и донизу расписанныя строгими лицами святыхъ подвижниковъ, обрамленныхъ длинными сѣдыми бородами, съ золотыми вѣнцами на головахъ, поникшихъ долу въ благоговѣйныхъ мысляхъ, церкви эти, почти во всѣ дни обыкновенно запертыя и потому какъ бы неприступныя, теперь останавливаютъ на себѣ всякій глазъ мягкостью тѣхъ красокъ, которыя и на ихъ святую величавость наложило праздничное утро.

Крупныя старо-славянскія надписи, испещрявшія своими черными ломаными буквами церковныя стѣны, говоря о прошлой посадской жизни, полной безчисленными пожарами, разореньями отъ своихъ

разбойниковъ, погромами отъ татаръ и всякими смутами, тяготами и бѣдами, выглядываютъ этимъ добрымъ утромъ какъ разъ въ ладъ всѣмъ этимъ мѣщанскимъ хороминамъ, мужицкимъ избамъ, разломаннымъ плетнямъ и раскрытымъ сараямъ, всегдашнюю сиротливость которыхъ расцвѣтилъ праздникъ, спустившійся съ всегда прекраснаго неба.

Не пугая, а какъ бы поучая посадскій народъ, черныя церковныя надписи говорили теперь, съ высоты ярко выбѣленныхъ стѣнъ, о прошедшемъ горѣ родной стороны, объ ея испытаньяхъ великихъ, о томъ, какъ крѣпкіе, старинные люди отстаивали русскую землю и русскую честь, не поддаваясь «ни прелестнымъ рѣчамъ пришлыхъ сверху, отъ Москвы, разныхъ лиходѣйныхъ людей, ни лютomu мечу злочестивыхъ поганскихъ татаръ».

«И прииде князь татарскій Бетлибей-Мизгиръ съ низу изъ-подъ Шатцка», рассказывала одна надпись, «и нападе съ ратью многою на селище. И бѣ въ селищѣ томъ воевода храбръ зѣло и нравомъ лютъ, подобяся дивію звѣрю. И возрыкаше воевода, егда услышалъ есть отъ вѣстникъ своихъ про нашествіе Бетлибеево, и рече воямъ предстоявшимъ: — полоните мнѣ князя Бетлибея татарскаго, да узрю его живымъ и кровь изъ тѣла его идоляскаго малыми каплями истощу. — И изняли вои князя Бетлибея татарскаго, и предаде его воевода злой смерти, а по церкви сей, Спасъ-Преображеніе, въ крѣпости что, изстари зомовой, иконное писаніе и науку гишторію въ лицахъ, съ позолотою и съ живописными хитростями, отъ грекъ и иныхъ заморскихъ людей перенятыми, знатно пустилъ при Тифинской Божіей Матери церкви попъ Михайло Ангеловъ съ сыновьями: Михайломъ, Агаѳангеломъ,

да Борисомъ, да Львомъ — папою Рымскою, да Борисомъ же, по прозванію Могутайся, да Ильею, именуемымъ Ерусланъ, да съ молодою дочерью Пульхеріей, яже сконча животъ свой дѣвичій на трудѣ Божіемъ, сверженѣ будучи съ церковныхъ лѣсовъ нѣ-
какимъ молодымъ живописныхъ дѣлѣ подмастерьемъ Яковомъ Царскимъ, зане та дочь попа Михайлы Пульхерія на беззаконную любовь онаго Якова Царскаго отвѣща веселымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и драла того подмастерья за чупрунъ» . . .

«Лѣсъ! — заговорила бѣлая церковь вѣковымъ дубамъ, выстроившимся на противоположной сторонѣ рѣки: — на твоей ли памяти случилась исторія та? Ты помнишь ли, старый, про Пульхерію-то; про дочь-то поповскую, что попъ Михайло на моихъ бѣлыхъ стѣнахъ написалъ?».

«На моей памяти исторія случилась!» — отвѣчалъ лѣсъ, просыпаясь.

Безчисленные капли свѣтлой росы осыпались, при этомъ отвѣтъ съ нестарѣющихъ кудрей лѣса, сѣдые туманы, будто нечаянно вспугнутыя птицы, разлетѣлись тогда съ его могучей головы. Веселымъ такимъ и зеленымъ сдѣлался всегда сердитый старичина-лѣсъ и принялся онъ, рѣдко когда смолкающій рассказчикъ, говорить съ окликнувшей его церковью.

«Какъ же не на моей памяти-то? — говорилъ лѣсъ, зачиликавшій и засвиставшій въ это время милліонами голосовъ вмѣстѣ съ нимъ проснувшихся птицъ. — Я эту Пульхешу-то, Михайлину дочь, зналъ вотъ какъ! Все равно, какъ тебя теперь, Господнюю бѣлую церковку, вижу, такъ и она мнѣ, Пульхеша эта самая, сейчасъ представляется. Я самъ изъ-за рѣки видѣлъ, хотя и въ тѣ поры, при-

знаться, я очень уже на одинъ глазокъ ослѣпши былъ, какъ ее злодѣй — Яшка Царскій — съ лѣсовъ скovyрнулъ. Лѣса тѣ построены были вокругъ твоей главушки, — крестъ въ нее водружать собирались. Ну, а Пульхеша-то по главѣ по твоей серебряныя звѣзды живописью пушала. Онъ ее оттуда и шарахнулъ — «потому», говоритъ, «ежели мнѣ не досталась, красная дѣвка, такъ не доставайся же ты никому». Силенъ былъ въ тѣ времена народъ, гнѣвенъ и крутъ: за всякую обиду дрались другъ съ другомъ смертнымъ боемъ — либо ножами острыми, либо кистенями тяжелыми, потому въ глухихъ степяхъ и лѣсахъ нашихъ судовъ тогда даже званія не было. Такъ развѣ кое-когда наѣдетъ подъячій изъ города, пристращаетъ огнищанъ царскихъ, соберетъ съ нихъ кое-чего по мелочи — и опять къ себѣ домой въ *крѣпость* укатить . . . »

«Какъ же мнѣ не помнить-то этого? — передавало церкви тихое утро неслышныя людямъ рѣчѣ лѣсныя. — Не Богъ знаетъ какая старина: всего-то, можетъ, этой старинкѣ годковъ какихъ-нибудь сотни съ двѣ прошло. Мы, матушка ты моя, съ покойникомъ Михайлой-попомъ большими друзьями считались. Мужчина былъ ростомъ въ косую сажень; лица его подъ черными, какъ уголь, волосами совсѣмъ не было видно, а горѣли только одни желтые глаза, да сурьезился большой горбатый носище. Всю весну, цѣлое лѣто и осень я его, бывало, ни подъ какимъ видомъ изъ моихъ тихихъ хороминъ не выживу. Надоѣстъ онъ мнѣ, бывало, щатаючись по моей тихой избѣ и въ полночь, и за полночь, такъ я въ него свистомъ лѣшачинымъ пушаль, сотней волковъ на разные голоса жестоко взывалъ; медвѣдя ему представлялъ на заднихъ лапахъ, съ боль-

шимъ дубьемъ на плечѣ, но попу Михайлѣ все ни-почемъ. Сниметъ онъ только съ головы плисовую шапочку, съ нашитымъ на ней парчевымъ крестикомъ, перекрестится, — и опять за свое: травку-муравку рветъ, ягоды, какихъ люди не ѣдятъ, собираетъ, а самъ все что-то про себя бормочетъ. Нашеѣ у него, дружокъ, вмѣстѣ съ чугуннымъ крестомъ, на черномъ шелковомъ гайтанѣ висѣла мѣдная чернильница, съ крылатыми узорочными змѣями по бокамъ, а въ чернильницу орлиное перо воткнувши было. Такъ вотъ я, старикъ одинокій, и привыкъ къ нему, Михайлѣ, и полюбилъ его. Да его, братъ ты мой милый, всѣ люди любили. Его самъ царь Петръ Алексѣевичъ, отпуская изъ Москвы съ барономъ Розовымъ въ нашу глушь, цѣловалъ. Цѣлующи попа въ уста, прямо, царь Петръ спрашивалъ у него: «Попъ Михайло! Хоша и въ Москвѣ ты мнѣ, по своей грамотѣ, надобенъ, но отпускаю тебя въ лѣсъ-дубраву, въ Липецы, чугунную руду копать и надъ стройкой, къ примѣру, моихъ царскихъ кораблей приглядывать. Скажи же мнѣ попъ Михайло, какъ ты въ той лѣсъ-дубравѣ орудовать станешь?» Отвѣчалъ царю попъ Михайло: «А стану, я ваше царское величество, въ той лѣсъ-дубравѣ орудовать — кое мѣсто крестомъ, а кое — пестомъ» . . . — Принялся царь цѣловать попа за такой его отвѣтъ пуще прежняго и на дорогу ему изъ своихъ рукъ три голландскихъ червонца отвалить изволилъ. Такъ-то вотъ! Попадья Михайлина тѣ червонцы въ свое приданое — янтарное ожерелье — внизала, и я самъ видѣлъ на попадѣ царскія деньги, когда въ Троицынъ день она, бывало, прихаживала ко мнѣ, вмѣстѣ съ сельскими дѣвками и бабами, вѣнки завивать. Да што? Ежели тебѣ рассказать-

то все... Вѣдь ты на моихъ глазахъ и созидалась-то Михайлой попомъ. Изъ моихъ трущобъ попъ Михайло и прихожанъ-то твоихъ помаленьку собралъ. А допрежь тебя на твоємъ мѣстѣ стояло на бережку строеньице одно маленькое — избушечка кирпичная, небѣленая, соломою крыта: въ ту солому деревянный крестикъ былъ воткнуть; а звали то махонькое строеньице часовенкой Божьей, — вотъ и вся недолга!... Въ эти давнишнія времена шло къ намъ отъ часовенки той утѣшеніе большое, потому на окошечкѣ у нея, въ углушкѣ темномъ, стояло старинное, изъ чернаго дерева, самой аккуратной работы, изображеніе Спасителя; какъ, кѣмъ и когда оно завезено къ намъ въ лѣсъ — одному Богу да Царицѣ Небесной извѣстно. И было то изображеніе одѣто въ погребальныя бѣлыя пелены, длинныя такія и широкія, такъ что складки отъ нихъ шли по всему окну часовни и потомъ на полъ падали. Головку Спасову окружалъ терновый вѣнецъ. Изъ жести тотъ вѣнчикъ былъ сдѣланъ однимъ нашимъ мужичкомъ, который, ходивши на поклоненіе къ Сергію-Троицѣ, выучился въ тамошней обители такіе вѣнцы дѣлать; ободокъ вѣнца черною краскою былъ вымазанъ, а изъ ободка снаружи торчали сѣрые чешуйчатые хвосты змѣй, которые вострыми красными языками впились въ голову Божьяго Сына... Какъ только Господь Богъ-батюшка такіа дѣла попускаетъ!».

Недоумѣніе старика-лѣса относительно многочисленныхъ и простому, человѣческому уму непонятныхъ скорбей, которыя допускаются Господомъ Богомъ на несчастную землю, разбито было въ это время мощными колокольными звуками, поколебавшими разговаривающій съ лѣсомъ храмъ, отъ са-

маго его широкаго основанія до святыхъ крестовъ, чуть видныхъ въ сизыхъ, утреннихъ туманахъ. На эти звуки откликнулись колокола двухъ другихъ посадскихъ церквей: сначала ударили въ «соборъ». И хотя, по общепринятому по всей Россіи обычаю, соборный колоколъ долженъ и ранѣе, и голосистѣе подвѣдомственныхъ ему голосовъ возвѣщать наступленіе радостныхъ, праздничныхъ дней, но въ настоящемъ случаѣ дѣло произошло иначе: соборный благовѣстъ былъ предупрежденъ благовѣстомъ приходскимъ, и предупрежденъ такъ, что двухсотпудовый басъ приходскаго колокола, гремя надъ лѣсными, зарѣчными дубравами и даже какъ бы волнуя ихъ, насквозь пронизывалъ дремучія чащи и будилъ ихъ; между тѣмъ какъ жидкій, металлическій теноръ, пѣвшій съ соборной колокольни, падая мелкою рябью въ волны широкой рѣки, тонулъ тамъ, и только рѣдкія его ноты перелетали черезъ рѣку, достигая такимъ образомъ до заповѣдныхъ чащей лѣсныхъ, гдѣ навсегда и замиралъ ихъ какъ бы на что-то жалующійся стонъ.

По поводу этихъ двухъ различныхъ колокольных голосовъ въ зарѣчныхъ и залѣсныхъ деревняхъ, которыя не имѣли своихъ церквей, проснувшіеся мужики и бабы освѣщали сѣрую, предутреннюю мглу своихъ избъ тонкими свѣчками изъ желтаго воска. Тогда изъ этого свѣта выступали предъ благоговѣющими глазами хозяевъ избъ сумрачные лики иконъ, тускло сверкавшихъ полинялыми вѣнцами изъ сусальнаго золота. Предъ ними хозяева, чаще всего колѣнопреклоненные и повергнутые ницъ на земляной полъ, совершали тихія молитвы, перемѣшивая очень часто святые молитвенные слова такого рода суетными возгласами:

— Не колоколь у Спаса-Преображенія, а благодать! . . . «Приидите поклонимся и припадемъ . . . ». Съ нимъ, съ батюшкой, заутрени не проспихъ, — небось! Эна какой онъ, отецъ, голосистый! «Ко Христу, Цареву и Богу нашему . . . » Не то, что въ соборѣ! «Очищающаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія . . . » Тюкаютъ, тюкаютъ въ соборѣ-то — словно не въ посадь, а въ селишкѣ какомъ неимущемъ . . .

Въ самомъ посадь, въ группѣ камышинцевъ, расположившихся на паперти еще неотпертой церкви, такъ же примѣчалось очень оживленное стараніе уяснить себѣ причину необыкновеннаго въ степныхъ губерніяхъ явленія: такіе тихіе звуки несутся съ соборной колокольни, — опоздавшіе звуки, больные, жалобные, надтреснутые; между тѣмъ какъ приходская церковь первая заставила вздрогнуть спавшія окрестности и продолжаетъ неотступно и громко будить ихъ и призывать къ бодрственной встрѣчѣ наставшаго праздника.

— Однако, порядки въ Аховѣ! — слышится между камышинцами насмѣшливый голосъ! — Соборъ, и теперича вдругъ—во вторыхъ! . . . Хе-хе-хе! Да я отъ роду моего такихъ порядковъ не видывалъ, а на свѣтѣ годовъ побольше съ полста ужъ успѣлъ проканючить . . .

— Да ты што? — отзывается на эту рѣчь другой человѣкъ: уже негодуя. — Ты вслушайся въ голосъ . . . Подобаешь рази такой голосъ собору, а? . . .

— Не будемъ про то толковать, что слабъ на звонъ колоколь, потому, можетъ, прихожане — бѣдность, али скареды, — настоящаго колокола осилить не могутъ; но я какъ къ тому собственно за-

говорилъ, что соб-боръ — и вдругъ теперича — во втор-рыхъ. Хи-хи-хи-хи! На бахчахъ такъ-то можно спать, а соборнымъ-то, пожалуй, и грѣшновато, будто бы, будетъ... Такъ ли я говорю? Хи-хи-хи-хи! Вотъ такъ соборные въ Аховѣ!..

Къ паперти приходской церкви въ это время бойко подкатила пролетка, запряженная парой породистыхъ жеребцовъ, — пролетка, звонко громыхавшая желѣзными винтами и скрипѣвшая плохо смазанными колесами. Съ пролетки, вплоть причалившей къ каменной церковной паперти, юрко соскочилъ какой-то маленькій человѣчекъ, который, на подобіе птички, взлетѣвъ на паперть, тотчасъ же схватилъ съ себя картузь и упалъ ницъ предъ строгими изображеніями Зосимы и Савватія, стоявшими по обѣимъ сторонамъ церковныхъ дверей. Кратковременная но, видимо, жаркая и порывистая, молитва юркаго человѣка дала возможность стоявшимъ на крыльцѣ камышинцамъ разсмотрѣть сквозь утреннюю мглу, что человѣкъ былъ одѣтъ въ синюю, самага дорогого московскаго сукна чуйку, съ большимъ воротникомъ изъ гранатнаго бархата, подпоясанную узорчатымъ бухарскимъ кушакомъ. Сапоги на человѣчкѣ были козловые, ярко блестѣвшіе, *трубою*, которые, когда человѣчекъ всталъ, издали мягкій и нѣжный скрипъ; гранатный бархатный воротникъ подѣхавшаго мѣстами блестѣлъ яркимъ свѣтомъ отъ развѣшенной по немъ толстой золотой цѣпочки. Выраженіе необыкновенной озабоченности и тоненькія, но серьезныя и даже, какъ будто, злыя, морщины лежали на востренькомъ личикѣ человѣчка, заканчивавшемся, такъ сказать, у одного полюса розоватою лысинкой, а у другого — жидкой и какъ смоль черною бороденкой, которая,

несмотря на всю ея ничтожность, придавала всему личику характеръ суровой и непобѣдимой злости, готовой во всякую минуту столкнуть съ своей дороги встрѣчныя препятствія, какъ бы они ни были сильны.

По всѣмъ этимъ признакамъ камышинцы скоро узнали, что распростертый предъ Зосимомъ и Савватіемъ человѣчекъ есть не кто другой, какъ аховскій хлѣбный торговецъ, у котораго находится безчисленное множество хлѣбныхъ складовъ въ Москвѣ, въ приходѣ Николы Заяицкаго. Слава объ этомъ купцѣ, неустанно шатаясь по степнымъ городамъ и селамъ, очень часто доходила до Москвы и даже, временами, залетала въ самый, какъ говорили въ Аховскомъ посадѣ, въ «Сантпитинбурхъ». Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ юркій человѣчекъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Ильи Сидорыча. Узаконенная и унаслѣдованная отъ предковъ фамилія Ильи Сидорыча — Чернолобовъ — была рѣшительно позабыта всѣми людьми, имѣющими къ нему какія-либо отношенія: но, тѣмъ не менѣе, люди эти, принимая въ соображеніе тотъ особенный образъ дѣйствій, который всегда отличалъ Илью Сидоровича отъ прочихъ смертныхъ, сочинили въ честь его стишокъ, замѣнявшій собою для купца самымъ лучшимъ образомъ его, всѣми забытое, отцовское прозвище. Вотъ какой былъ этотъ стишокъ:

Избави насъ, Боже, отъ огня и меча —
И отъ Ильи Сидорыча!...

Въ тридцатыхъ годахъ бѣденъ былъ на хорошую, складную риѣму степной русскій народъ — и это не особенное диво, потому что чѣмъ дальше мы отойдемъ въ глубь нашей старинной жизни, съ цѣлью по-

любоваться великими сокровищами древности, тѣмъ все бѣднѣе и бѣднѣе будетъ показываться намъ «даль сѣдыхъ временъ», подернутая теперь тѣми туманно-волшебными красками, которыми вообще принято рисовать бушующія и въ наше время, какъ и въ старину, съ одинаковою силою бурныя невзгоды отечественной жизни . . .

Да, въ высшей степени не музыкально созвучіе, придуманное степнымъ населеніемъ въ тридцатыхъ годахъ: «отъ меча — и Сидорыча»! . . . И никакой, даже самый крохотный, поэтикъ не поробѣлъ бы за свою поэтическую славу, въ виду этой грубой рифмы, такъ же неуклюжей, какъ неуклюже населеніе, создавшее ее; но, тѣмъ не менѣе, стихъ, заостренный словами: «меча — и Сидорыча», производилъ большое обаяніе на многія мѣстности.

Эти мѣстности, разбросанныя на необъятныхъ степныхъ пространствахъ, — имѣли ли онѣ пустынный характеръ степного поселка, населеніе котораго, вмѣстѣ съ курами и телятами, не превышало десяти душъ мужского пола и семнадцати женскаго, — величались ли онѣ славой многолюднаго села, освѣщавшаго сонныя степныя дороги крестами своихъ церквей и гремѣвшаго многотысячною жизнью, — были ль онѣ извѣстны по далекимъ окрестностямъ роскошными помѣщичьими усадьбами, съ воздушными балконами и террасами, повитыми зеленью, съ нескончаемыми садами, съ свѣтлыми рѣками, — вездѣ, въ перечисленныхъ мѣстностяхъ, знали наизусть немудреный и неуклюжій стихъ, и вездѣ этотъ стихъ производилъ одинаковое впечатлѣніе съ правдой великихъ поэтовъ, которая, наподобіе грома и молніи, гремя и сверкая, заставляетъ содрогаться загрубѣлыя души, и вездѣ

одинаково ужасались человѣка, немногосложная поэма котораго во всѣ времена года — и надъ обожженными солнцемъ селами, и надъ вымороженными полями — безустанно летала и гнусливо, но ужасающе пѣла:

„Избави насъ, Боже, отъ огня и меча —
И отъ Ильи Сидорыча!“

И была та поэма, какъ говорится въ степяхъ, сшита хотя и неладно, да здорово, — хотя и не складно, да рядышкомъ. И дѣйствительно, степная поэма сдѣлала великое дѣло, сжавши въ двѣ строчки тотъ длинный рядъ уму непостижимыхъ чудесъ, которыя натворилъ степной купецъ Чернолобовъ въ продолженіе своей почти столѣтней жизни.

Лишь только кончилось прошлое столѣтіе, Илюткѣ Чернолобову уже было около двадцати лѣтъ, — и уже въ это время его не иначе называли, какъ «огонь-парень, парень — убить да уѣхать», хотя способности Илютки въ это столь отдаленное отъ насъ время выражались въ однихъ только ночныхъ шатаніяхъ съ шумными ватагами пріятелей, вооруженныхъ звонкими бубнами, рожками и балайками, по посадскимъ улицамъ, переставленіемъ на мужицкихъ огородахъ вверхъ тормашками капустныхъ кочановъ, рѣпы и моркови, стуканьемъ и полоумнымъ гарканьемъ въ окна мирныхъ гражданъ, плотно закрытыя толстыми дубовыми ставнями, и т. д.

Да, очень и очень нужны были, даже и въ то время, когда купеческому сыну Илюткѣ Чернолобову минуло только двадцать годковъ, и толстыя дубовыя ставни къ окнамъ, и надежные желѣзные за-

поры къ сѣннымъ дверямъ, особенно въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ, по слухамъ, въ тайномъ уголкѣ, уютно сооруженномъ подъ громадными кирпичными печами, прятались кое-какіе цѣлковики, талерчики, крестовички, платинки и лабанчики, и въ которыхъ, на самыхъ печахъ, безмятежно возлежали посадскія красныя дѣвицы, разметавшія по хрущатымъ печнымъ кирпичамъ бѣлыя руки и волнистыя косы . . .

Приходили тогда въ такіе дома, преимущественно предъ зорькою, когда разморится человѣкъ въ тепло нагрѣтой постели, удалые ребята, о доблестныхъ характерахъ которыхъ мы можемъ имѣть только самое смутное и неопредѣленное понятіе изъ оставшихся послѣ нихъ пѣсенъ и сказокъ. Въ тѣхъ пѣсняхъ и сказкахъ удалые ребята самымъ успокаивающимъ образомъ рекомендуютъ себя намъ, ихъ отдаленному потомству, «удалыми, добрыми молодцами, не ворами, не разбойничками»; но, тѣмъ не менѣе, ночные визиты добрыхъ молодцовъ въ выше характеризованные посадскіе и сельскіе дома, по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ, далеко не соотвѣтствовали ихъ мирнымъ рекомендаціямъ; ибо, говорятъ эти свѣдѣнія, въ старину часто случалось такъ, что молодцы, затесавшись въ высокіе хоромы, будили хозяина и хозяйку и спрашивали у нихъ, обезумѣвшихъ отъ страха, при видѣ темной степной полночи, освѣщенной лучинами и фонарями нежданныхъ гостей:

— Здравствуйте, хозяинъ съ хозяйскою! — съ хохотомъ и поклонами привѣтствовали хозяевъ молодцы. — Какъ васъ, милостивцевъ нашихъ, Господь Богъ милуетъ? Ха-ха-ха-ха!

Трудно и даже, въ виду неумолимыхъ ужасовъ,

представленныхъ глухою ночью, невозможно было хозяину съ хозяйкою сослаться на особенное благоволеніе Господа Бога къ ихъ грѣшнымъ душамъ; но, тѣмъ не менѣе, учтивость того страннаго времени требовала отвѣчать посѣтителемъ, что де «слава Богу, кормильцы наши! Вашими святыми молитвами кое-какъ попрыгиваемъ»!... И отвѣчать такимъ образомъ нужно было съ весельемъ сердечнымъ, съ незлобивой улыбкой на устахъ, — и больше всего имѣлъ успѣхъ подобный отвѣтъ тогда, когда онъ не соединялся съ ненарочитымъ какъ бы прикосновеніемъ къ «мушкатанту», висящему надъ кроватью, или къ татарскому кривому ножу, обыкновенно лежавшему у хозяйскихъ возглавій въ добрыя старинныя времена...

Въ такихъ только исключительно случаяхъ «не воры, не разбойнички» дозволяли себѣ имѣть съ хозяевами разговоръ мирнаго свойства, преимущественно въ такомъ родѣ:

— А что же, любезные хозяева, пріютите насъ темною ночью да покажите намъ единоутробную дочь вашу Минодору Данильевну, потому какъ, съ общаго нашего согласія, желаемъ мы ее взять съ собою въ лѣсъ, въ хозяйки... Ха-ха-ха-ха! Штобы она, то есть, къ примѣру, хлѣбы намъ пекла про весь нашъ лѣсной приходъ... Ха-ха-ха-ха! Хозяинъ вотъ есть у насъ свой, — однимъ тумакomъ хотъ кого въ прахъ расшибетъ, — работники тоже есть, ну, и все эдакое. А хозяйки-то и нѣтъ! Што прикажешь дѣлать съ такою бѣдою!... Ха-ха-ха-ха! Одначеже ты, старый хрѣнь, не кобенься, выводи поскорѣй царевну твою; намъ проклажаться съ тобою, дружокъ, некогда: слышишь, третьи пѣтухи кукурекаютъ, — и по эфтимъ случаямъ намъ, лѣс-

нымъ демонамъ, время приходитъ въ нашъ адъ отправляться . . . Ха-ха-ха-ха!

Наперекоръ установленнымъ вѣками степнымъ обычаямъ — спать по ночамъ, имѣя двери затворенными и огни погашенными, домъ, такъ неожиданно посѣщенный нуждающимися въ молодой хозяйкѣ гостями, переворачивался ими въ такія времена вверхъ дномъ, и переворачивался при томъ такимъ таинственнымъ образомъ, что даже самые близкіе сосѣди ничуть не догадывались о томъ, что неизвѣстные молодцы хозяйничаютъ въ немъ на манеръ, рѣшительно противоположный всеобщей степной манерѣ хозяйственного скопидомства. Такой таинственности очень много способствовали крытые наглухо соломенные сараи, окружавшіе дворъ, бревенчатые заборы, непроницаемые ставни, рослая деревья и прочія принадлежности тогдашняго степного быта, который какъ нельзя болѣе облегчалъ весьма развитое въ тѣ времена почтенное ремесло срыванія головъ, раздробленія череповъ, запусканія подъ мирныя сельскія кровли краснаго пѣтуха и т. д., и т. д. Степныя курчавыя собаки, жалкое подражаніе которымъ мы видимъ теперь въ громадныхъ собакахъ, называемыхъ овчарками или гуртовыми, такъ даже и тѣ, несмотря на свою знаменитую чуткость, никакъ не могли предупреждать своихъ хозяевъ о посѣщеніи ихъ миролюбивыми молодцами, потому что басистое рокотаніе собакъ, сопряженное съ звонкимъ бряцаньемъ желѣзныхъ цѣпей, всегда предупреждалось или неотложнымъ задаваніемъ неугомонному псу такъ называемаго «карачуна», или же какимъ-то *словцомъ*, волшебное значеніе котораго и теперь еще должнымъ образомъ не уяснено въ Аховскомъ посадѣ, не взирая на тѣ глубокіе и не-

сомнѣнно важные успѣхи, которые сдѣлалъ посадь въ области наукъ, искусствъ и художествъ въ наше текущее тревожнымъ прогрессомъ время . . .

Странныя вещи дѣлало это слово со степными собаками! Оно ужасающимъ посадскихъ жителей образомъ обезсиливало ихъ могучій организмъ, снабженный всѣми средствами сламывать въ одиночной борьбѣ овсяниковъ-медвѣдей, — оно же лишало ихъ и природной способности проводить безсонныя ночи въ разсматриваніи свѣтлыхъ звѣздъ небесныхъ, сопряженномъ то съ заунывнымъ протяжнымъ воемъ, то съ громкимъ и отрывистымъ лаемъ. Покорнымъ, безмолвнымъ и хилымъ дѣлался никогда неугомонный домовый сторожъ, когда къ нему подходилъ молодецъ, владѣвшій секретнымъ словомъ, и уставлялъ свои сверкающіе, одичалые въ лѣсной жизни буркулы въ узкіе, завѣшенные густою шерстью, глаза пса, отвлекая такимъ образомъ его вниманіе отъ ночного синяго неба. Привидѣ такого необыкновеннаго явленія, песъ, какъ бы вдумываясь въ него, мгновенно затихалъ и переставалъ метаться. Начиналось тогда взаимное, молчаливое разсматриваніе человѣка и собаки, въ концѣ котораго обыкновенно дѣлалось то, что собака, во все это недлинное время яростно, но молчаливо царапавшая землю своими когтями; начинала жмуриться, какъ бы отъ какого яркаго свѣта, отряхиваться и понемногу присѣдать на переднія лапы. Между тѣмъ, человѣкъ съ лицомъ, заросшимъ волосами, съ широкимъ, что-то шепчущимъ и надъ чѣмъ-то смѣющимся ртомъ, надвигаетъ на собаку все ближе и ближе, заставляя ее нервически вздрагивать и пятиться все дальше и дальше отъ его неподвижныхъ и блестящихъ глазъ. И надвигалъ такой

человѣкъ на собаку не съ непривычною для нея палкой, одинъ видъ которой заставлялъ ее брехать до удушливаго хрипѣнія въ горлѣ, становиться на дыбы, грызть зубами гремящія кольца цѣпныя, — нѣтъ, всѣ привычки собаки, которая самымъ къ ней близкимъ людямъ дозволила подходить къ себѣ съ горшкомъ щей не иначе какъ на разстояніи длиннаго ухвата, нарушены теперь этимъ неизвѣстнымъ, косматымъ человѣкомъ, который наступалъ на нее тихими, но настойчивыми шагами, не стращая ее не только палкой или увѣсистымъ камнемъ, а, напротивъ, заложивши за пазуху руки и не издавая ни одного угрожающаго звука.

И вотъ, все смиренѣе и смиренѣе дѣлается собака; вотъ, она совсѣмъ уже отказалась *переглядѣть* неизвѣстнаго ей человѣка, — она отвела отъ него свои какъ бы просившіе о пощадѣ глаза, прилегла на переднія лапы и, уткнувши въ нихъ свою громадную курчавую голову, завывала тихимъ и страдающимъ стономъ . . .

— Такъ-то вотъ лучше! — говоритъ молодецъ, обладатель волшебнаго *словца*, и вслѣдъ за этимъ онъ издаетъ знаменательный свистъ, сопровождаемый команднымъ возгласомъ: — Гайда, ребята, въ хоромы! Угомонилъ дьявола. Все равно, какъ овца безсловесная, на плечахъ у меня теперича псище. Такого людоѣда отъ роду не видалъ. Безпремѣнно я эту злющую штуку въ лѣсъ съ собою поведу . . . Я съ ней въ жисть мою не разстанусь . . . Д-да, тамъ она у меня пуще тово въ тысячу разъ одичаетъ, — ей Богу! . . .

Вотъ какого рода способностями одарены были люди, величавшіе себя скромнымъ именемъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ и навѣщавшіе по полночамъ по-

сады и деревни съ покорнѣйшими просьбами прію-
тить ихъ темною, непроглядною ночью, — дать имъ
деньжишекъ займы на раззаводъ до первой получ-
ки, или отпустить къ нимъ на правильное лѣсное
хозяйство дочь, молодую жену, или и ту и другую
вмѣстѣ — «не для чего иного прочаго», какъ они
говорили, «а для того только и всево, что маменькѣ
съ дочкою вмѣстѣ самъ батюшка Господь Богъ
жить повелѣлъ»! . . .

И въ Аховскомъ посадѣ, и въ сосѣднихъ съ нимъ
деревняхъ и селахъ находились люди, какъ старин-
ныя метрическія книги повѣствуютъ о нихъ, «муж-
ска и женска пола», которые загубляли свои добрыя
христіанскія души и уходили съ вышеописанными
добрыми молодцами отвѣдать ихъ раздольной лѣс-
ной жизни. . .

Грезился этимъ погибельнымъ людямъ, вмѣсто
тѣнистыхъ и туманныхъ береговъ Воронежа, на ко-
торыхъ маячили они свою непокойную жизнь, тихій
Донъ, съ его зелеными косовицами, съ его высоки-
ми, блистающими мѣломъ горами. И увлекала этихъ
людей краса свѣтлаго Дона все дальше и дальше:
вела она ихъ къ пустыннымъ побережьямъ Дон-
скимъ, издали свѣтилась имъ ослѣпительно сверкав-
шими верхами каменистыхъ горъ, ласкала ихъ ти-
хостью жизни на этихъ неоглядныхъ косовицахъ,
на этихъ безлюдныхъ горахъ и оврагахъ . . . Звон-
кій крикъ дикихъ гусей и лебедей, рѣявшихъ въ вы-
сокомъ небѣ, затопленномъ солнечными лучами,
предшествовалъ такимъ людямъ и, наконецъ, при-
водилъ ихъ къ гулко шумѣвшимъ зелеными камы-
шами побережьямъ широкаго Азовскаго моря . . .

Тоску людей, пришедшихъ такимъ образомъ въ
страну, въ величайшей тишинѣ которой царило одно

только беззаботное птичье пѣнье, опять таки раз-
влекали тѣ же «добрые молодцы», которые, когда
увлеченные ими принимались горевать по вѣтви-
стымъ дубамъ своей покинутой родины, безъ умол-
ку говорили имъ о непроходимыхъ соснякахъ зем-
ли Пермской, о лѣсистыхъ пустыняхъ при-соловец-
кихъ и о могучихъ кедрахъ сибирскихъ.

— Вѣдь и туда можно, напимѣрь, махануть! . .
Крылья у насъ, покуда Богъ грѣхамъ нашимъ тер-
питъ, еще не подрѣзаны! . . — утѣшали молодцы
заскорбѣвшія по родинѣ души. — Ахъ, и стороны
же только въ тамошнихъ мѣстахъ, милые братцы!
День тамъ ежели идешь, другой идешь, — только
тебя одна бѣлка какая-нибудь снѣгомъ осыплетъ съ
высокой сосны, да дымокъ изрѣдка, Богъ его зна-
етъ изъ какой тайной дали, завиднѣется . . . Чи-
стота Божья и свѣтлынь повсюду стоятъ днемъ и
ночью, морозъ до костей пробираетъ, а все ничего
не боишься: разложилъ такъ-то огоньку гдѣ-ни-
будь, — ну, тамъ насчетъ пищи, что Господь по-
шлетъ доброму человѣку, — и заснешь себѣ не въ
обидѣ людской, а такъ, насупротивъ того, пола-
гаешь въ своемъ умѣ, что бережетъ тебя Господняя
сила въ этомъ лѣсу непроходимомъ и отъ звѣрья не-
насытнаго, и отъ всякой силы нечистой . . .

II.

Одни только эти рассказы знакомили темный
людъ, разбросанный по глухимъ, степнымъ и лѣс-
нымъ трущобамъ съ необъятными раздольями род-
ной земли и ея разнообразными дивами. Не знав-
шее никакого удержа воображеніе рассказчиковъ
громоздило на далекомъ сѣверѣ другъ на друга ги-

гантскія горы, на горахъ растило дремучіе, безконечные лѣса, за ними разливало грозное море, въ нестерпимо холодныхъ волнахъ котораго плещутся, будто бы, милліоны грѣшныхъ людей. Цѣлые вѣка раздаются въ омертвѣлой ледяной пустынѣ страшные вопли этихъ людей, просящіе милости и пощады, но ни разу еще, отъ самаго сотворенія міра, не сжалилось надъ ними мрачное сѣверное небо, глядящее вѣчною ночью... Ни однимъ солнечнымъ лучомъ ни разу не освѣщена была эта печальная сторона, — и отъ того въ ней, говорили рассказы, сдѣлалось все черно, какъ березовый уголь: и люди, и камни, и звѣри, и даже вода съ плавающими въ ней, на подобіе высокихъ горъ, льдинами... Каменные горы, покрытыя темными лѣсами, тоже, въ свою очередь, вмѣщали въ своихъ тайныхъ нѣдрахъ не менѣе ужасныхъ жильцовъ: любопытные люди, которые доходили до нихъ, видѣли широкія окна, прорубленныя въ каменныхъ горныхъ пластахъ; изъ-за толстыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ, загораживавшихъ окна, выглядывали тысячи одноглазыхъ лицъ, искалѣченныхъ невыразимыми муками. Наперерывъ другъ передъ другомъ, эти несчастные заключенники стремились къ окошкамъ и, отпихивая отъ нихъ другого, съ звѣринымъ воємъ кололись острыми ножами. Съ кровавыми слезами молили эти люди любопытныхъ пришельцевъ, чтобъ они дали имъ хлѣба и соли, и когда пришельцы, сжалившись надъ ихъ мучительнымъ голодомъ, хотѣли бросить имъ въ пещеры хлѣба, — хлѣбъ мгновенно превращался въ рукахъ ихъ въ жесткій камень...

Такъ отъ вѣка мучилось въ тѣхъ горахъ самоѣдское племя, происходившее, по рассказамъ, отъ Каина, — и такъ какъ родоначальникъ этого пле-

мени убилъ своего брата, то Божье правосудіе заточило потомковъ убійцы въ неприступныя каменные горы, гдѣ они, для утоленія своего голода, принуждены пожирать другъ друга, напрасно выманивая у странниковъ, рѣдко и случайно приходившихъ къ нимъ, самый маленькій кусочекъ хлѣба . . .

И другое чудо таили въ себѣ эти сказочныя горы: въ ихъ потаенныхъ твердыняхъ, за двѣнадцатю дверями чугунными, за двѣнадцатю замками желѣзными, заключенъ былъ, рожденный отъ проклятаго самоѣдскаго племени, антихристъ, который, когда исполнится мѣра долготерпѣнію Божьему, то есть когда ударить часъ «Страшнаго суда», расторгнетъ свои несокрушимыя цѣпи, стряхнетъ съ себя, какъ легкій пухъ, гранитныя горы и, окруженный чудовищными родичами, нагрянетъ на казнимый Богомъ міръ, имѣя въ своихъ многочисленныхъ рукахъ мракъ и холодъ «полночи», посредствомъ которыхъ онъ затушитъ свѣтлое солнце и мучительно сокрушитъ все живущее на землѣ . . .

Разнообразныя сказанія, въ разныя времена созданныя народнымъ воображеніемъ про страшилища полночныхъ горъ, вѣроятно, въ видахъ какъ можно подальше отодвинуть страшный приходъ антихриста, — всѣ единогласно утверждаютъ, что «ему теперь только еще семь годовъ»; но несмотря на такой нѣжный возрастъ, злость и сила сатанинскаго отродья, по свидѣтельству этихъ же рассказовъ, столь велики, что и теперь уже будущій губитель міра, по временамъ, порывается вырваться изъ своихъ оковъ, чтобы сокрушительною бурей пролетѣть по безсильной предъ его мощью землѣ. Безпомощно колыхаются и дрожатъ во время этихъ усилій каменные громады горъ, зловѣще шумятъ лѣсныя

дубравы, съ трескомъ валятся на землю вѣковые дубы и испуганныя птичьи стаи, въ видѣ окрыленной тучи, носятся надъ покинутыми гнѣздами, оглашая суровую и молчаливую пустыню тревожными криками, полными боли и отчаянія . . .

Едва ли бы выдержали каменные горы и желѣзные цѣпи натиски малолѣтняго даже антихриста, ежели бы, по-близости этихъ мѣстъ, какъ разъ на самой дорогѣ, по которой суждено ему идти на поруганье и гибель крещенаго люда, не разстилалось бурливое море. Тамъ, на пустынныхъ волнахъ этого моря, красуется островъ, окаймленный лѣсомъ, изъ-за высокихъ вершинъ котораго въ глаза измученныхъ мореходовъ такъ привѣтливо свѣтятъ золотыя главы многочисленныхъ церквей Соловецкаго монастыря. Временами, когда усилія антихриста — выйти изъ своей темницы — особенно бурно волновали ледяное полночное море и потрясали горы въ ихъ вѣковыхъ основаніяхъ, почивающіе въ монастырѣ святыя отцы Зосимъ и Савватій, въ виду всѣхъ благочестивыхъ душъ, высоко рѣютъ надъ монастыремъ, поддерживаемые туманными облаками, — и, обратившись въ сторону заключенія страшилища, грознымъ мановеніемъ рукъ приказываютъ ему усмириться, потому что «время его еще не настало» . . .

Подобные рассказы блистали и другими красками: отъ дикихъ красотъ великаго сѣвера они, могуче окрыляясь, летали по горящимъ румяными плодами садамъ Малороссіи, по ея хуторамъ, тихимъ и свѣтлымъ, какъ рай, — оттуда либо пускались черезъ обожженные солнцемъ новороссійскія степи къ только что стертому съ лица земли Крымскому царству, либо стремились по другой сторонѣ Чернаго

моря къ прикавказскимъ границамъ, гдѣ, какъ всѣмъ въ описываемое время извѣстно было, текли «молочныя воды», лакомыми струями которыхъ не дозволяли, впрочемъ, безнаказанно наслаждаться постороннимъ людямъ острия черкесскія шашки.

Переходя изъ устъ въ уста и цѣлые вѣка все больше и больше расцвѣчаясь «сладкими» рѣчами различныхъ бывалыхъ людей, рассказы дѣлались, наконецъ, какою-то летучей, волшебною сказкой, которая съ изумительною быстротой облетывала не только всю широкую Россію съ разноплеменнымъ людомъ, населяющимъ ее, но даже и сосѣднюю бурсурманскую погань, въ которой въ недавнія только времена успѣли разглядѣть болѣе или менѣе дружески расположенныхъ къ намъ народовъ. Омытая волнами Волги и Каспія и, слѣдовательно, побывавши и въ торговомъ Саратовѣ, и въ буйной, безпаспортной Астрахани, сказка та, прилетѣвъ въ свою родную глушь, забавляла ея досуги смѣшливымъ изображеніемъ какого-нибудь «хана-Ахметки, который жретъ коневье мясо, какъ звѣрь какой, не вѣруетъ въ Господа Бога и, кромѣ всего этого, имѣетъ при своихъ войскахъ, въ родѣ будто фитьмаршала, одного отставного русскаго солдата, по имени Епифана Гвоздева» . . .

Тщательно скрывая отъ непосѣдливыхъ людей, готовыхъ каждую минуту перебѣгать изъ одного царства въ другое, тѣ края, въ которыхъ царилъ державный Ахметка, сказка, тѣмъ не менѣе, съ строгою опредѣленностью очевидца, говорила, что Ахметъ весьма милостивъ къ Епифану Гвоздеву, который, въ свою очередь, былъ очень полезенъ ему при покореніи имъ нѣкоторыхъ непокойныхъ сосѣдей, имѣвшихъ глупость шлаться по бѣлу свѣту

въ какихъ-то дурацкихъ войлочныхъ колпакахъ съ кисточкой на остромъ верху.

«За колпаки-то за эти да за кисточки и не взлюбиль ихъ Ахметъ, — сверкая насмѣшливой улыбкой, поучала сказка беспокойный народъ. — А кисточки эти они дергаютъ изъ верблюжьихъ хвостовъ» . . .

Улыбаясь такимъ образомъ и повертывая въ лилейныхъ рукахъ кисточкой, выдернутой кѣмъ-то изъ хвостовъ терпѣливыхъ верблюдовъ, волшебница-сказка все больше и больше раззадоривала своихъ слушателей къ безотлагательному походу туда, гдѣ землякъ ихъ, Епифанъ Гвоздевъ, такъ ловко пробирается разную невѣрную сволочь . . .

— Куда жъ это? Гдѣ жъ, напримѣръ, земли такія? — тоскливо метались по своимъ глухимъ лѣсамъ и полямъ горячія степныя головы; а сказка, между тѣмъ, подгвазживала имъ другое слово:

— Онъ, вонъ, — щебетала она: — Епифанъ-то этотъ три бочки золота солдаткѣ своей прислалъ, потаежно, значить . . . Старуха-то его и по сіе мѣсто жива: живетъ себѣ поживаетъ въ сельцѣ Козьемъ, Чембарской округи . . .

— Три бо-оч-чки? — удивлялись люди, которые любятъ слушать сказки.

— А то какъ же иначе-то? По его чину-то развѣ можно меньше послать? — дразнить ихъ все больше свѣтлый сказочный лучъ. — Онъ, Епифанъ-то, и сытъ, и пьянъ по самое горло круглая сутки. Развѣ ему не житье? Ахметъ ему слово, а онъ ему десять наоборотъ . . . Ахметъ ему говоритъ: «Ты такъ дѣлай, фитьмаршалъ»; а Гвоздевъ ему насупротивъ того отвѣтъ держитъ: «Нѣтъ, — гово-

рить: — ты по-нашему поступай, по-русскому, не-крещеная твоя душа!» — Пожелалъ однажды ханъ женскою частью искусить солдата — и толкуетъ ему: «Возьми ты, — говоритъ, — выбери для себя изъ моего царства семь женъ и семь наложницъ»: но Епифанъ надсмѣялся надъ нимъ и сказалъ ему:— «Развѣ я, — говоритъ, — могу законъ свой нарушить, а?... Чудакъ ты, — говоритъ, — а еще про-зывается ханомъ турецкимъ» . . .

Рѣдко, впрочемъ, улыбалась рѣзвая сказка. Чаще всего на лицѣ ея примѣчалась задумчивая грусть и, какъ сама она нерѣдко говоритъ, горячія слезы. Тихимъ, исполненнымъ тоскливаго унынія, плачемъ оплакиваетъ она тогда гибель людей, приключенія которыхъ породили ее на свѣтъ, надѣливши завидною долей — учить человѣчество радоваться вмѣстѣ съ его радостями и неутѣшно скорбѣть, когда его ломаютъ и сокрушаютъ бурные налеты многочисленныхъ жизненныхъ бѣдъ. Въ этомъ случаѣ еще жаднѣе прислушивались безпокойныя степныя головы къ рѣчамъ сказки, потому что, когда обуреваютъ ее приливы тоски и горя, она, вообще съ сестрой своей — пѣсней, съ тяжкими вздохами и рыданіями, шепчетъ о желтыхъ, хрущатыхъ пескахъ безлюдныхъ пустынь, на которыхъ тлѣли бѣлыя молодецкія кости, не оплаканныя родными слезами. Около одинокихъ ракитовыхъ кустиковъ, безпомощно растущихъ въ дикой степи, печально стояли рѣзвые кони, тщетно ожидая, когда проснутся и встанутъ съ зыбучихъ песковъ удалые сѣдоки и громкимъ посвистомъ снова ринутъ ихъ навстрѣчу великихъ чудесъ великой земли-матери . . . Тихи и заунывны слова сказки, тихи и заунывны тоны пѣсни, когда они рассказываютъ и поютъ про эту

страшную картину одинокой, никому неизвѣстной человѣческой могилы, прибавившей къ безжизненному степному песку представленіе «о выклеванныхъ вороньемъ свѣтлыхъ очахъ, о буйной головушкѣ, въ которой, вмѣсто огненныхъ думъ, пріютилась теперь холодная, черная жаба, спасаясь отъ палящаго зноя» . . .

Вѣтъ сказка холодомъ, отъ котораго дыбомъ вздымаются волосы на безстрашныхъ головахъ, когда она рассказываетъ имъ про ужасы, на каждомъ шагу стерегушіе человѣка на широкой и неизвѣстной «путь-дороженькѣ»: не разъ ей приходилось видѣть, какъ въ одичалыхъ придорожныхъ буеракахъ звонко щелкали тяжелые кистени о желѣзную косу мужика, пробиравшагося на косьбу въ донскія станицы; не разъ она слышала, какъ изъ-подъ мостовъ, перекинутыхъ надъ высохшими отъ лѣтнихъ жаровъ ручьями, неслись пронзительные стоны праведнаго богомольца, пробужденнаго и вновь навѣки уже усыпленнаго ножомъ дорожнаго лиходѣя; сама она такъ же весьма часто, вмѣстѣ съ вольнымъ вѣтромъ, изъ свѣтлыхъ хохлацкихъ хуторовъ и изъ раздольныхъ казачьихъ станицъ приносила на берега Воронежа послѣдніе поклоны и прощанья аховцевъ, сраженныхъ тамъ невыносною работой, — и вотъ, припоминая все это, сказка звучитъ стономъ внезапно зарѣзаннаго человѣка, ограбленнаго и брошеннаго душегубомъ на зеленой травѣ, которая вся залита алою теплою кровью; явственно разбирается въ ея словахъ тихій плачъ умирающаго косца, забытаго чужою семьею въ какой-нибудь пустой клѣти, — и нѣтъ теперь вблизи этого горемыки никого, кто бы положилъ ласковую руку на его пышущій горячечнымъ жаромъ лобъ, кто бы освѣжилъ

его запекшіяся отъ жажды губы ковшомъ холодной воды.

«Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать!» — азартно говорили степняки, когда сказка рисовала имъ унылый образъ жизни, безнадежно тающей на чужой неласковой сторонѣ. Съ пугающей очевидностью представляетъ сказка впалыя свѣтящіяся смертью очи, тоскливо обращенныя къ родинѣ: видятся имъ теперь, почти уже померкшимъ, какъ на оставленной родинѣ, исполненные роскошною лѣтнею жизненностью, шумятъ зеленые лѣса, и, освѣтленные разноцвѣтными солнечными огнями, стремительно бѣгутъ куда-то задумчивые Воронежъ и Донъ; летучіе туманы витаютъ надъ цвѣтущими берегами этихъ рѣкъ, и, сквозь нихъ, несмотря на дальнія пространства, человѣкъ, заброшенный на чужбину, явственно видѣлъ знакомыя стада, звонкіе колокольчики которыхъ веселыми голосками щебечутъ про беззаботное дѣтство, проведенное на донскихъ и воронежскихъ берегахъ вмѣстѣ съ стадами; вотъ, будто самъ онъ уже изъ всѣхъ силъ поспѣшаетъ къ знакомымъ избамъ по извилистой дорогѣ, проложенной въ лѣсной трущобѣ; кончился высокій сосновый лѣсъ—и въ глаза возвращающемуся страннику блеснулъ яркій свѣтъ, лившійся съ креста сельской церкви, предъ которой такъ часто преклонялся странникъ, прося у ней или защиты отъ разныхъ бѣдъ, или благодаря за посланную радость...

Въ виду такой картины стихаютъ предсмертныя боли, и вмѣсто томительной тоски, овладѣвшей засыпающимъ сердцемъ, по немъ распространяется какая-то благодатная теплота, которая служитъ источникомъ слезъ, необыкновенно облегчающимъ тяжкіе часы разставанія души съ тѣломъ.

«Все равно умирать-то: что здѣсь на соломѣ, что тамъ гдѣ-нибудь!» — упорствовали степняки въ намѣреніи оставить свою однообразную, вѣчно трудящуюся родину, несмотря на то, что сказка про косца закончилась сейчасъ его страшно болѣзненнымъ воплемъ-жалобой на судьбу, отказавшую ему въ счастья умереть въ той же избѣ, въ которой онъ родился.

И вотъ, передъ людьми, не взлюбившими покоя и тишины родныхъ полей, наяву уже разстилаются необъятныя степи, манящія ихъ все дальше и дальше въ свои тайныя глубины, и плещутся широкія рѣки, пугая непривычныхъ людей сердитыми бурями, которыя вздымаютъ рѣчныя волны наподобіе высокихъ сѣдыхъ горъ.

И тутъ, и тамъ пропасть погибало непосѣднаго народа. Пугливый шумъ шаговъ ихъ будилъ молчаливые и, какъ будто, постоянно спящіе овраги и перелѣски степные. Изъ нихъ, навстрѣчу непрошеннымъ гостямъ, часто сыпались злобно-жужжавшія пули, а иногда, во времена болѣе отдаленныя, съ дикимъ гиканьемъ выскакивала на нихъ съ острыми саблями татарская конница и, заарканивши, угоняла ихъ въ свои далекія кочевья.

Широкія рѣки также не были особенно ласковы къ проходивцамъ: тамъ они, съ несказаннымъ ужасомъ, прислушивались къ реву никогда ими не виданныхъ въ своей родной глуши пушекъ, изъ которыхъ съ разгульныхъ лодокъ палили удалые чернорусые атаманы. Здѣсь тѣ изъ молодцовъ, которые имѣли буйныя души и сговорчивыя совѣсти, присоединялись къ рѣчнымъ вольницамъ этихъ атамановъ, и тогда они, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шатаній по далекимъ водамъ, гибли отъ дальнобойныхъ мушке-

товъ, которыми огрызалось какое-нибудь купеческое судно въ отвѣтъ на разбойничій крикъ: «сдавайся, посуда рогожная!» Укладывали ихъ также на вѣчный сонъ въ «невѣрныхъ» сторонахъ узорочные персидскіе кинжалы и сабли; но чаще всего на долю отважныхъ людей выпадала дубовая висѣлица, на которой долго качались они на страхъ и поученье шумной базарной площади какого-нибудь большого города . . .

Въ цѣломъ свѣтѣ, кажется, не было такого далекаго мѣста, изъ котораго не прилетѣла бы въ степь крылатая сказка и не принесла вѣстей о людяхъ, погибшихъ въ чужихъ краяхъ. Разукрашивая постыдные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательные концы разбойниковъ пѣснями про различныхъ прекрасныхъ царевенъ, полоненныхъ ими въ «ненашинскихъ» земляхъ, про алыя бархатныя одежды, поддавшихся грѣху молодцовъ, про ихъ несмѣтную золотую казну, — сказка, въ то же время, извѣщала и о такихъ мужахъ, которые твердою вѣрою побѣдили обольстительный соблазнъ чужого богатства и необузданной воли и, благодаря своей мощной, душевной и тѣлесной, крѣпости, съ великою славой поспорили съ буйнымъ атаманомъ, звавшимъ ихъ въ свою шайку.

Несказанно-яркимъ свѣтомъ покрываетъ сказка голову какого-нибудь Макея Ѳедосеева, когда онъ стоитъ предъ черноусымъ начальникомъ разбойничьей лодки, на которую бросила его злая судьба. Толстыми веревками связанъ онъ по рукамъ и ногамъ, между тѣмъ какъ атаманъ, предъ которымъ стоитъ его плѣнникъ, щеголяетъ высокою собольею шапкой, одного чуть примѣтнаго кивка которой слушается цѣлая сотня головорѣ-

зовъ. Одна рука атамана заложена за цвѣтной, блестящій драгоцѣнными каменьями, поясъ, весь утыканный разнымъ свѣтлымъ оружіемъ, — другая спрятана за пазуху парчевого кафтана.

Постукивая объ полъ сафьяновыми сапогами, подкованными серебряными подковками, атаманъ говоритъ плѣннику:

— Ну, Макей Ѳедосеевъ! Не хотѣлъ ты вчера въ есаулы ко мнѣ поступить, — отказался, такъ будь же ты теперь моимъ братомъ младшимъ, потому дюже я полюбилъ тебя за твой справедливый нравъ . . . Подойди — поцѣлуемся! Товарищи! подайте ему мою камчатную шубу и принесите сюда турецкую саблю булатную, ножны у которой изъ барсовой кожи. Самъ я эту саблю изъ рукъ персидскаго корабельщика вырвалъ, самъ же я теперь и надѣну ее на милаго брата . . .

Тихо усмѣхнулся Макей Ѳедосеевъ, слушая эти безумныя рѣчи. Ему вспомнился въ это время старецъ — отецъ его, давно уже ослѣпшій теперь, а встарину бывшій великимъ грамотникомъ, слава о которомъ летала по самымъ глухимъ степнымъ за-коулкамъ.

— Значить, люби тебѣ, Макей, мое братство и мои подарки, что ты выслушалъ меня и улыбнулся? — самодовольно спрашивалъ атаманъ, радуясь, что ему удалось, наконецъ, переломить упрямство крѣпкаго человѣка.

— Какъ же я могу быть тебѣ братомъ, когда ты есть «пристанище всякаго нечистаго духа»? — заговорилъ Ѳедосеевъ, неотлучно имѣя въ умѣ своего стараго отца, который часто говаривалъ соблазнявшимъ его на неправедныя дѣла богачамъ: «въ одинъ часъ погибнетъ богатство ваше — и

возвеселится объ этомъ небо со святыми апостолами и пророками» . . .

Поетъ сказка и, вмѣстѣ съ Ѳедосеевымъ глубоко страдая, кровью исходитъ, когда рассказываетъ о томъ, какъ атаманъ за каждое грубое слово, выговоренное имъ, приказывалъ рубить у него то руку, то ногу, и какъ Макей, во время своихъ нестерпимыхъ мукъ, указывалъ шайкѣ, какъ бы оцѣпенѣвшей при видѣ его твердости, на мучителя и протяжно, какъ и отецъ его встарину, говорилъ: «Истинны и праведны суды Господа, ибо Онъ взыщетъ кровь рабовъ Своихъ, пролитую руками хищныхъ и яростныхъ» . . .

Многіе изъ шайки, пришедши въ ужасъ отъ вѣщихъ словъ праведника, подошли къ атаману и укорили его въ совращеніи душъ ихъ на путь гибели, за что жестоко изумленные, они, вмѣстѣ съ челоувѣкомъ, образумившимъ ихъ, были брошены въ глубокія рѣчныя пучины.

Такимъ образомъ, увлекаемые этими, то устрашающими, то разманивающими челоувѣческую удалъ, разсказами «добрыхъ молодцевъ», люди Аховскаго посада вылетали, вслѣдъ за разсказчиками, изъ насиженныхъ гнѣздъ; но прежде чѣмъ они оставляли эти гнѣзда, въ Аховѣ случались такого рода исторіи.

Непробудная, поздняя ночь царить надъ дремучими лѣсами, окружавшими посадъ. Какимъ-то ужасающимъ шумомъ клопочуть воды широкой, незапруженной рѣки. И на лѣса, и на рѣку, и на скрытыя въ деревняхъ избы — льется тихій свѣтъ полного мѣсяца. Все покрыто строго-задумчивыми тѣнями глухой полночи, и вотъ, вдругъ, это величавое спокойствіе ночной картины разбили — ро-

котъ ружейныхъ выстрѣловъ и трескучее пожарное зарево, на багровыхъ крыльяхъ летавшее по посадскимъ соломеннымъ крышамъ.

Первый, кто услышалъ выстрѣлы и завидѣлъ пожарное зарево, былъ давнишній обыватель и торговецъ посада, Ефимъ Костыгинъ, которому въ эту ночь приснилось, что будто его третья молодая жена ушла отъ него съ молодымъ работникомъ, ограбивши напередъ его каменную, съ толстыми сводами, кладовую о двухъ желѣзныхъ дверяхъ. Не нашедши около себя жены, старый Костыгинъ, съ тяжелымъ безменомъ въ рукахъ, выбѣжалъ на дворъ, гдѣ помѣщалась кладовая; она была растворена настежь, и въ ней тускло горѣлъ еще забытый жестяной фонарь, освѣщавшій кражу. По лихимъ пѣснямъ, донесшимся съ рѣки до слуха старика, онъ понялъ въ чемъ дѣло: заткнулъ онъ тогда за поясъ тяжелый безмень, въ руку схватилъ длинный ножъ — и скоро, вызванныя его крикомъ, забѣгали по посадскимъ улицамъ людскія тѣни, вооруженныя фонарями, за тѣнями и впередъ ихъ, звонко брянча цѣпами, съ яростнымъ лаемъ неслись лохматые овчарки. Всякій, кромѣ фонаря, имѣлъ либо острые вилы, либо длинное ружье, либо топоръ.

«Грабятъ, грабятъ!» — кричалъ встревоженный народъ, направляясь къ рѣкѣ. По временамъ, въ непроглядной темнотѣ степной ночи, сталкивались другъ съ другомъ два человѣка и торопливо спрашивали: ты кто? — А ты кто? — Это чей такой у тебя сундукъ? Сюда братцы! Вотъ грабитель-то, сундукъ у кого-то укралъ... Затѣмъ раздавалось глухое и частое лясканье желѣзныхъ головокъ кистеней, или скрежетаніе ножевыхъ лезвій,

а черезъ минуту слышался громкій стонъ и потомъ удушливое хрипѣніе . . .

Пустыми, не достигавшими цѣли, выстрѣлами провожали аховцы лодки, на которыхъ уплывали разбойники, запустившіе на ихъ крыши «краснаго пѣтуха», между тѣмъ какъ съ лодокъ знакомые голоса, соединенные съ буйными пѣснями и хохотомъ, часто такъ прощались съ посадомъ:

— Прощай, Ефимка Костыга! Не поминай меня лихомъ! — вслухъ всего посада звонко и насмѣшливо кричала молодая жена Костыгина. — Эхъ! какъ бы я, старый ты чортъ, да стрѣлять горазда была, сейчасъ бы я тебѣ въ буйную голову прощальный гостинецъ послала . . . Таково-то ты мнѣ, молодой, доброце, старый песъ, подсудобилъ! . . . Жениться будешь, извѣстіе дай, — я къ тебѣ въ гости пріѣду.

Еще насмѣшливѣе хохоталъ надъ обезумѣвшимъ отъ горя и злобы Костыгинымъ его бывшій работникъ. Въ виду всего посада, онъ обнималъ свою молодую хозяйку и, цѣлуя ее, нахально кричалъ:

— Вотъ какъ мы, добрые люди, со хозяйкой на глазахъ у стараго лѣшака года съ три ужъ милуемся! . . . Эхъ ты, пташечка моя, сизокрыленькая! . . . Ха-ха-ха-ха!

Все больше и больше разростался пожаръ надъ посадомъ, а рѣдкіе только изъ обывателей поспѣшали спасти отъ него свои жилища, потому что со многими изъ нихъ, какъ и съ Ефимомъ Костыгинымъ, прощались съ разбойничьихъ лодокъ.

— Прощайте, тятенька съ маменькой! — не то смѣялись, не то плакали на одной лодкѣ. — Не

пеняйте, потому не хватило у меня силушки-мочи вашу неволю терпѣть . . .

— Эй, эй! братъ Га-расимъ! — издали уже услужливыми волнами рѣчными приносился къ аховцамъ еще новый крикъ. — Напрасно ты, братъ, на сосѣда думалъ вчера, что онъ у тебя изъ тайника деньги повырылъ и скралъ. Не грѣши на него! Я у тебя ихъ взялъ: я давно ужъ сговорился съ «молодцами» удрать отъ тебя — отъ медвѣдя лѣсного! И шубу твою нонѣ я взялъ, и астраханскую шапку, и двухъ коней со двора свелъ и ворами продалъ, — все я же . . . Жену твою онамедни пьяную напоилъ и ребятамъ молодымъ безъ сарафана показывалъ, — слышишь, а? Ха-ха-ха-ха! Это тебѣ за мои слезы сиротскія, за гибель мою, можетъ статься, за вѣчную, анаѣма ты эдакая, езуить ты рода христіанскаго! . . . Свижусь же я съ тобой, съ Пилатомъ, когда-нибудь, только бы Богъ грѣхамъ моимъ маленьчко потерпѣлъ, — по-ог-годи! . .

Обогнувъ мрачную купу высокихъ дубовъ, рѣка скрыла за ними лодку и заглушила угрозы, къ которымъ съ трепетомъ прислушивался раззоренный братъ Герасимъ, стоя на пустынномъ берегу . . .

III.

Въ такомъ-то странномъ мірѣ причудливыхъ сказокъ, разбивавшихъ скуку глухого степного поселя, запрятаннаго въ дремучемъ лѣсу, родился Илья Сидоровичъ Чернолобовъ, вошедшій сейчасъ въ Преображенскую церковь.

Въ настоящее время въ цѣлой Россіи, за исключеніемъ развѣ сибирскихъ тайгъ или архангельскихъ волоковъ, нигдѣ невозможно найти такой мо-

гучей и суровой природы, которая дивила собою дѣтскіе глаза Илюши: даже лѣтомъ непроходимыя дубравы посада, прорѣзанныя рѣчными рукавами, сверкали тою гнѣвною и таинственною прелестью пустыни, которая такъ влечетъ къ себѣ опечаленныя человѣческія души.

Зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью, на обширной прародительской усадьбѣ Илюши лежалъ одинъ и тотъ же характеръ какой-то дремлющей тишины. Въ незапамятную старину сооруженная въ глуши предприимчивымъ родоначальникомъ Чернолобовымъ усадьба, послѣ своего строителя, служила превосходнымъ гнѣздомъ для послѣдующихъ поколѣній, которыя всѣ, наперекоръ окружавшей ихъ степной неподвижности, отличались торговыми стремленіями. Наслѣдственныя хлопоты взрожденныхъ усадьбой людей постепенно расширяли ее съ тою ничѣмъ нестѣсняемою свободой, съ которой старина любила заносить около своихъ жилищъ длинныя темныя сараи и загромазживать свои широкіе дворы разными амбарами, кладовыми, хлѣвушками, пристроечками, курятниками, голубятнями и т. д. Въ эпоху, ознаменованную рожденіемъ Илюши, усадьба раскидывалась по рѣчному берегу почти на цѣлую версту, и разрозненныя кучки разнообразныхъ избушекъ, составлявшихъ ее, дѣлали ее похожею на одну изъ тѣхъ уединенныхъ слободокъ, которыя и теперь еще, хотя уже не въ такомъ дремучемъ видѣ, попадаются кое-гдѣ въ далекихъ степныхъ захолустьяхъ.

До самаго начала пятидесятихъ годовъ усадьба сохранила свой старинный, патріархальный характеръ — и только по смерти Ильи Сидоровича на ея развалинахъ, какъ бы по мановенію волшебни-

ка, воздвигались громадные бѣлокаменные корпуса свеклосахарнаго завода съ трубами, переросшими самыя высокія сосны стараго зарѣчнаго лѣса. Вѣчный дымъ, съ непрерывнымъ клокотаніемъ, валилъ изъ этихъ трубъ какими-то плавными, наподобіе большой змѣи, извивавшимися волнами, и долгое время въ окольномъ народѣ ходила молва, что дымъ этотъ, по временамъ освѣщаемый яркими летучими искрами, извергаетъ изъ себя какое-то неизвѣстное, страшное чудовище, отъ шумныхъ усилій котораго вырваться изъ каменныхъ корпусовъ, какъ человѣкъ въ злой лихорадкѣ, дрожали ихъ толстыя, только что отстроенныя стѣны.

Изъ вѣковыхъ дубовыхъ и сосновыхъ порослей, окружавшихъ нѣкогда старинное жильѣ Чернолобовской фамиліи, нынѣшній ея представитель, построившій заводъ, выкроилъ паркъ, съ прямыми, прозрачными дорожками, упиравшимися въ рѣку. На концахъ дорожекъ стояли граціозныя статуи, которыя задумчиво-мертвенными глазами вглядывались въ блески неустаннаго рѣчного теченія. По временамъ изъ заводскаго дома выходили въ паркъ разодѣтые люди — мужчины и женщины: мужчины становились на берегу и стрѣляли изъ ружей въ лѣсъ черезъ рѣку для того, чтобы узнать и счесть, сколько разъ повторить ихъ выстрѣлъ старый лѣсъ; женщины, для той же цѣли, пѣли пѣсни, а иногда просто выкрикивали звонкое «ау!». И при всемъ томъ что лѣсъ уже очеркнуть мною старымъ-престарымъ старичиной, но пѣснямъ женщинъ и ихъ тоскливому ауканью онъ отзывался съ такою неуклонною внимательностью, какой, быть можетъ, онѣ напрасно искали въ окружавшихъ ихъ молодыхъ мужчинахъ . . .

Нѣжнѣе дѣлались женскія пѣсни и унылѣе протяжное ауканье, когда все это, перелетѣвши черезъ рѣку, достигало лѣса и звенѣло въ его пустынномъ просторѣ, sprыснутое лѣсными благовоніями и омытое прохладными росами, вмѣстѣ съ свѣтлыми солнечными лучами, съ неба прямо павшими на зеленые листья . . .

Ужасающими залпами ревѣлъ лѣсъ въ отвѣтъ ружейнымъ выстрѣламъ мужчинъ, словно бы стараясь перещеголять военныя поползновенія свеклосахарнаго завода своею, вѣками нажитой, силой . . .

Съ каждымъ вновь прибывавшимъ днемъ все меньше и меньше было покоя старому лѣсу: въ тайные даже часы полночи будилъ его пронзительный крикъ заводскихъ паровиковъ — и передъ утреннею зарей, когда, наконецъ, и его смаривалъ всепобѣждающій сонъ, по лѣснымъ чащамъ, гремя и сверкая, проносились желѣзнодорожные поѣзда, распугивавшіе съ сонныхъ рѣчныхъ заводовъ пріютившихся на нихъ дикихъ гусей и утокъ.

Не таковы были картины, воспитавшія дѣтство Илюши. Только по вечернимъ и раннимъ утреннимъ зарямъ усадьба нарушала свое обычное молчаніе, оглашаясь криками и трепыханьемъ крыльевъ безчисленнаго множества дикихъ и домашнихъ птицъ, которыя отовсюду слетались и сплывались на ея тихія заводи послѣ своихъ плаваній по дальнимъ рѣчнымъ рукавамъ. Стономъ стонала рѣка отъ шумнаго гоготанья птицъ и отъ ихъ громкихъ всплесковъ. На маленькія, поросшія высокими камышами, болотца усадьбы залетала даже вольная дичь, мѣшаясь съ домашними утиными и гусиными стаями.

Вотъ, Илюшу, спящаго съ дѣдомъ въ какомъ-

нибудь прохладномъ амбарѣ на большомъ ворохѣ мягкаго сѣна, будить заботливый пискъ какой-то маленькой пташки. Повторяясь съ монотонностью и аккуратностью маятника, пискъ этотъ крѣпче всѣхъ другихъ утреннихъ криковъ касается слуха Илюши. Разбуженный имъ, ребенокъ живо вскакивалъ съ теплой постели, и лишь только успѣвалъ онъ отворить дверь темнаго амбара, какъ всего его въ ту же минуту охватывало величавое движеніе проснувшейся жизни. Вотъ, на ближнемъ просяномъ полѣ, застланномъ прозрачными туманами, шумливо курлыкаютъ и танцуютъ длинноногіе журавли; со двора усадьбы видно было даже, какъ подъ румяными лучами только что показавшагося солнца сверкали ихъ сѣрыя крылья, плавно колыхавшіяся подъ ладъ ихъ криковъ; почти подъ самыми ногами Илюши юрко шныряли въ густой травѣ сѣрые перепела, бойко отчеканивавшіе каждый слогъ своихъ незатѣйливыхъ пѣсень; еще не разгулявшійся сѣроватый воздухъ весь былъ наполненъ тревожными воплями гусей, всячески старавшихся поскорѣе поднять съ ночныхъ становищъ своихъ лѣнивыхъ птенцовъ; надъ гусями вились и мелькали какіе-то чуть примѣтныя черныя точки, которыя какъ бы мелкимъ дождемъ осыпали землю нѣжными звуками, звенѣвшими наподобіе золота; а дальше — съ высоты, недоступной глазу, ужасомъ, пугавшимъ всеобщее ликование лѣтняго утра, слеталъ на землю клѣкотъ хищныхъ орловъ . . .

И такова была дѣйствительная первобытность Чернолобовской усадьбы, что на ея тихихъ водахъ, на ея старинныхъ деревьяхъ, въ густой травѣ ея и вообще во всемъ этомъ добромъ и мирномъ уютѣ, представляемомъ ея безчисленными пристроечками,

какъ въ спасительномъ ковчегѣ праотца Ноя, непременно питались и находили себѣ дружбу и покровительство многіе представители перечисленныхъ сейчасъ пернатыхъ породъ: отстанетъ ли какой-нибудь ослѣпшій птенецъ отъ своего выводка, перешибетъ ли ему крыло мѣткій камень мальчишки, перегрызетъ ли ему тоненькую лапку жадная кошка,—будь птенецъ аппетитнымъ гусенкомъ или бѣлогубымъ галченкомъ, ни для чего негодящимся человѣку, — онъ, попискивая, прихрамывалъ къ какому-нибудь усадебному уголочку, и уголочекъ оказывался непременно обладавшимъ такими цѣлебными свойствами, которыя наилучшимъ образомъ вылѣчивали перебитое крыло, окривѣвшій глазъ, а иногда даже становили на плеча какую-нибудь маленькую утиную головку, совсѣмъ было отгрызенную зубастыми хорьками. По этому случаю въ усадьбѣ кишѣли различныя «азорки» и «шарики», кошки-«машки» и «смирены», изъ которыхъ каждый и каждая умѣли позабавить чѣмъ-нибудь усадебный людъ: собаки, напримѣръ, до такой степени одомашнивались, что, для потѣхи многочисленныхъ чернолобовскихъ челябинцевъ, ѣли сѣно, морковь и прочіе овощи; различныя тихія «машки» и «смирены» приучены были неотлучно шататься по людскимъ пятамъ и, по свисту, всегда находились въ полной готовности, выгнувши спину и встопорщивъ шерсть, съ фырканьемъ и ворчливымъ, похожимъ на лай, мяуканьемъ, вцѣпиться во всякое живое существо, не принадлежащее усадьбѣ.

Но такія кошки и такія собаки и теперь еще не рѣдкость въ степяхъ, и не онѣ составляли славу усадьбы. Помимо всѣхъ этихъ умныхъ и необыкновенно преданныхъ интересамъ усадьбы челябинцевъ,

въ ней проживалъ, лѣтъ за двадцать до описываемыхъ событій, прилетѣвшій въ нее раненый журавль. Усадебные старожилы помнятъ, какъ однимъ лѣтнимъ вечеромъ, изъ звонко кричавшей подъ облаками журавлиной стаи, словно бы вмѣстѣ съ косыми лучами заходившаго солнца, то безпомощно кувыркаясь, то снова взмахивая обезсиленными крыльями, отдѣлилась большая птица и тяжело шлепнулась въ траву двора. Брюхо птицы и ея длинныя ноги были растерзаны кусками рубленнаго свинца, которымъ выстрѣлили въ нее вмѣсто дробы. Весь дворъ изузорила она кровавыми слѣдами волочившихся за нею внутренностей, прежде чѣмъ поймалъ ее Акимъ Шароваровъ, закадычный другъ и правая рука Илюшина дѣда. Онъ вправилъ внутренности птицы, зашилъ ей брюхо тонкими нитками и забинтовалъ въ лубки длинныя ноги. Поправилась птица, приглядѣлась къ усадьбѣ, попривыкла къ Акиму Шароварову — и теперь, благодарная, готова долбить своимъ твердымъ клювомъ всякаго, на кого только укажетъ ей ея повелитель. Подъ его пѣсни, на безконечное дивованье заѣзжавшаго и захаживавшаго въ усадьбу народа, журавль очень бойко плясалъ, махая крыльями и громко курлыкая, при чемъ умъ птицы высказывался тѣмъ особеннымъ образомъ, что она движенія свои отлично сообразовала съ словами пѣсни, принимаясь учащеннѣе курлыкать и усиленнѣе подпрыгивать въ то время, когда Шароваровъ, подщелкивая пальцами, пѣлъ скороговоркой пѣсенный припѣвъ:

„Журушка, попляши,
Кружкомъ, бочкомъ повернись!“

Но пляска журавля и его умѣнье доставать изъ ушей Акима Шароварова горошины казались совер-

шенными пустяками въ сравненіи съ тѣми изумительными фокусами, которые продѣлывала Шароваровымъ же обученная галка, по имени «солдаты Яшка — красная рубашка». Привольное кормовое житѣе въ усадьбѣ налоснило перья «Яшки» дымно-сизыми, переливчатыми тѣнями, а всеобщія ласки людей дали ему величественную, самоувѣренную осанку, которую онъ изрѣдка только позволялъ себѣ замѣнять легкомысленнымъ и малодушнымъ скаканьемъ на одной ножкѣ. Впрочемъ, вседневная серьезность «Яшки» была до такой степени невозмутима, что, глядя на него, всякій сразу отгадывалъ настоящую причину, побуждавшую степенную птицу къ прыжкамъ, достойнымъ какого-нибудь несмысленнаго дикаго щегленка. Причина эта заключалась въ красныхъ суконныхъ брюкахъ, которыми Шароваровъ собственноручно обшилъ ножки своего воспитанника, а также въ маленькихъ мѣдныхъ погремушкахъ, привѣшанныхъ къ его лапкамъ. Всѣми силами души своей ненавидѣлъ «Яшка» красныя брюки, и часто можно было видѣть, какъ онъ, нагнувши головку, долго и пристально разсматривалъ свои яркіе штанишки, съ какимъ-то задумчивымъ ожесточеніемъ поклеывая и пощипывая ихъ своимъ носомъ. Съ неимовѣрною злостью, сопровождаемою яростнымъ крикомъ, принимался «Яшка» прыгать и махать крыльями, когда толстыя нитки не поддавались его усиліямъ и не позволяли ему, на стыдъ и соблазнъ многочисленной публики обоего пола, стащить съ себя ненавистные штаны. Учащенный звонъ погромковъ еще болѣе увеличивалъ злость птицы, и только ласковыя зазыванья Акима Шароварова успокаивали ее и заманивали въ теплую пазуху его подпоясаннаго халата, гдѣ она

совсѣмъ уже приходила въ себя, не слыша болѣе ядовитыхъ людскихъ насмѣшекъ надъ ея солдатскимъ прозвищемъ, надъ красными штанами и т. д.

Какъ же хорошо зналъ зато «солдатъ Яшка» пестрядинный полосатый халатъ Акима Шароварова! Въ самыя горькія минуты своей галчьею жизни, когда надъ его бѣдною головенкой, украшенной позументнымъ колпачкомъ, гремѣлъ безпощадный хохотъ людской или еще болѣе ужасный громъ небесный, катившійся по небу въ предшествіи молніи, бурь и дождей, которые, не щадя даже сизо-дымчатыхъ перьевъ «Яшутки», колыхали несчастную землю, — онъ всегда находилъ надежный пріютъ въ широкой пазухѣ этого халата. Тамъ, стѣна обѣ стѣну съ холстинной халатною подкладкой, всегда ровно, тихо и тепло трепетало Акимово сердце, и всѣмъ своимъ чернымъ носомъ утыкалась измученная галка въ эту теплынь и засыпала тамъ, между тѣмъ какъ Акимъ, довольно улыбаясь и потихоньку поглаживая оттопыренную пазуху, шепталъ про себя:

— Ишь, какъ глупый птенокъ уморился, — даже въ сонъ вдарило! Сколько разъ, вѣдь, я тебѣ говорилъ: не серчай на шутку, не бойся грозы... А онъ все это не слушается... А?.. Махонькій ребенокъ словно! Ровно неученый какой!.. О, Боже мой! Боже Ты мой милостивый!..

Благоговѣйно и громко взывать: «Боже мой, Боже ты мой!» старикъ Шароваровъ имѣлъ привычку во всѣхъ случаяхъ своей жизни: звали ли его, единственного грамотника во всемъ околоткѣ, въ горницу къ Илюшину дѣду — подводить его немудреные торговые счета, угощали ль гдѣ-нибудь поминальнымъ обѣдомъ за жалобное чтеніе надъ покойни-

комъ псалтири, — онъ всегда говорилъ, крестясь медленнымъ и широкимъ размахомъ: «Боже мой! Боже Ты мой!».

Точно такъ же, приученный торговою усадьбою, старикъ твердилъ свою постоянную молитву, когда, наподобіе древнихъ праведниковъ, презрѣвшихъ сокрушительныя заботы міра, сидѣлъ онъ на порогѣ своей избушки и, въ безмятежномъ забытіи, смотрѣлъ на тихій вечеръ, въ золотомъ пламени котораго толкались рои летучихъ мошекъ, лѣниво витали птицы, утомленные долгимъ лѣтнимъ днемъ, и въ величавомъ покоѣ неподвижно стояли высокія деревья, блистая солнечными лучами, игравшими въ ихъ густыхъ вершинахъ, и съ каждою минутой, по мѣрѣ большого усыпленія, удлиняя свои тѣни, которыя какъ бы сторожили ихъ глубокой сонъ . . .

Несмотря на старческую хилость старика Шароварова и кажущуюся бесполезность его питомцевъ, усадьба ни въ комъ такъ крѣпко не нуждалась, какъ въ этихъ трехъ личностяхъ. Онѣ, вмѣстѣ съ разными птицами, наполнявшими избенку Шароварова, были ея неустанными и вѣрными духами-охранителями. Такъ, усадьба, заслышавъ суетливую бѣготню и пискъ шароваровскихъ цыплятъ, вѣрно угадывала, что вотъ-вотъ сейчасъ налетитъ на нее дождливая громоносная буря, которая пробьетъ дождемъ и градомъ густые листья осѣнявшихъ ее деревьевъ, пронизетъ яркими молніями ихъ возмущенныя бурею чащи и окутаетъ мрачнымъ ужасомъ всѣ эти безчисленные усадебныя пристройки, глядящія въ обыкновенное время съ такой несмущаемою веселостью.

Обыкновенно бѣготня и пискъ шароваровскихъ цыплятъ заставляли усадьбу закрывать скрипучіе

оконные ставни, сдергивать съ веревокъ и деревьевъ бѣлье, перетаскивать подъ темные сараи сѣно и хлѣбъ, раструженные было для просушки по широкому двору. Внутри же самихъ домовъ, по безпомощному писку желто-пушистыхъ волшебниковъ, завѣшивались наглухо зеркальца, ежели они гдѣ были, и зажигались восковыя свѣчки и лампадки предъ иконами, серебряные и золоченые которыхъ молніи обливаютъ такимъ ужасающимъ, мертвенно-блѣднымъ свѣтомъ.

Безконечно-малы и какъ-то грустно-глупы были шароваровскіе цыплятишки; но, тѣмъ не менѣе, мощный громъ раскатывался по небу не иначе какъ вслѣдствіе ихъ чуть слышныхъ писковъ; зато, когда громъ, хотъ одинъ разъ, успѣвалъ всколыхнуть землю, разсыпавши по ней, оторопѣвшей отъ его яростнаго гнѣва, милліоны гулкихъ звуковъ, рыщущихъ молній и шумливыхъ дождевыхъ струй, они непробудно-спящими стаями обсаживали уютныя насѣсти, которыя Шароваровъ въ безчисленномъ множествѣ настроилъ для нихъ и въ избѣ, и около избы. Сидя въ теплой темнотѣ этихъ насѣстей, птенцы утыкали подъ крылья свои головы и впросонѣ потихоньку пропискивали людямъ, встревоженнымъ налетѣвшею бурей:

«Мы вотъ заранѣе сказали вамъ, что будетъ гроза: ну, а сами вынести ее ни подъ какимъ видомъ не можемъ, потому у насъ ножки тоненькія, глазки маленькіе . . . »

«Конечно! — снисходительно соглашался съ ними журавль, точно такъ же, какъ и маленькія пташки, бредя и уткнувши подъ крыло сонную голову. — Конечно! — лѣниво курлыкалъ длинноногій. — Гдѣ же вамъ, пискунамъ, грозу перенести?»

Я, вотъ, ужъ на что великъ выросъ, а и то, когда застигнетъ меня въ полѣ свѣтлая молнія, такъ я передъ ней въ прахъ упадаю и голову прячу не подъ крыло уже, а подъ брюхо, да и подъ брюхомъ-то стараюсь ее еще въ самую землю уткнуть . . . Вотъ, что значитъ гнѣвъ-то Господень!»

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится! — благоговѣйно молился Шароваровъ псалмомъ, спасающимъ кромѣ многочисленныхъ бѣдъ и отъ громовыхъ ударовъ. Крестясь въ виду молніи, насквозь пронизывавшей его тихую хату, старикъ присоединялъ ко кресту свою всегдашнюю молитву: «Боже мой! Боже Ты мой!»

«Боже мой! Боже Ты мой!» — раздавался, вслѣдъ за стариковскимъ возгласомъ, другой гортанный, неразборчивый голосъ, сопровождаемый дребезжаніемъ маленькихъ бубенчиковъ и взмахомъ крыльевъ.

Старикъ подходилъ тогда къ переимчивому «Яшуткѣ», тоже поникшему головенкой передъ гнѣвною грозой, гладилъ его, и ежели «Яшутка», послѣ этого глаженья, принимался расхаживать по полу съ свойственной ему величавою осанкой и каркать, то Шароваровъ говорилъ хозяйскому Илюшѣ, почти постоянно находившемуся въ его обществѣ и въ обществѣ его друзей:

— Слышь, Илюшенька, что «Яша»-то рассказываетъ? Рассказываетъ онъ, что гроза скоро минетъ. Летите тогда, дружки, сообща плотины запруживать на ручьяхъ. Вотъ журушка съ вами вмѣстѣ пойдетъ.

То ли ободренный веселымъ тономъ своего стараго покровителя — Акима, то ли разбуженный карканьемъ «Яшутки», то ли, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ надѣленный способностью предчувствовать на-

ступленіе и конецъ грозъ, журавль, при этихъ словахъ, выходилъ изъ своего оцѣпенѣнія, шумливо встряхивался и начиналъ клевать мухъ, внимательно по временамъ посматривая въ крошечное окошко, какъ бы стараясь отгадать, скоро ли просохнетъ дворъ до такой степени, чтобъ ему можно было выйти туда на прогулку безъ боязни промочить и загрязнить свои длинныя франтовитыя ноги.

IV.

Чѣмъ больше выросталъ Чернолобовскій Илюша, тѣмъ онъ болѣе и болѣе сдружался съ избой Шароварова и ея обитателями, отдаваясь, въ то же время, все дальше и дальше отъ наслѣдственныхъ хоромины дѣда и отца. Младенческіе глаза его начинали мало-по-малу видѣть, что не чиликаютъ и не летаютъ тѣ бисерные воробы, которые вѣчно низала изъ разноцвѣтныхъ бисеринокъ его мать, маленькая морщинистая старушка, постоянно о чемъ-то вздыхающая глубокими вздохами, — онъ сталъ примѣчать, что парчевыя шубки, стаметныя сарафаны, гарнитуровыя тѣлогрѣйки, янтарныя ожерелья и золотыя висюльчатыя серьги, которыя показывала ему мать въ праздничные дни, съ каждымъ показомъ блекнуть все больше и больше, — наконецъ, онъ увидѣлъ, что тѣ необыкновенно горячія слезы, которыми кипѣло его ребячье сердце въ отвѣтъ слезамъ матери, ничуть не осушали ея слезъ, не облегчали тяжелыхъ вздоховъ и не прерывали ея долгихъ ночныхъ молитвъ. И вотъ, ребенокъ не то чтобы разлюбилъ свою мать, но просто-напросто пересталъ уже безотлучно просиживать съ нею цѣлыя сутки, пересталъ вѣчно шататься съ нею, дер-

жась за подоль ея юбки, такъ что старушка могла теперь свободно скликать своихъ куръ на утренній и вечерній кормъ, не страшась, что сынишка зацѣлуетъ до смерти какую-нибудь хохлушку, или пѣтушка, красный какъ кровь гребешокъ котораго говорилъ ей объ изумительной силѣ и храбрости ея любимца, намѣченнаго женскою домовитостью «на племя». Съ тою же свободой старушка мѣсила теперь тѣсто на хлѣбы или на праздничные пироги: сынокъ ея сидѣлъ въ эти часы у старика Шарова и, забывшись въ многотрудномъ дѣлѣ сооруженія клѣтки для только что пойманнаго чижа, уже не старался облегчить бремя хозяйственныхъ заботъ матери, всыпая тихонько въ ея квашню рѣчной, бѣлый какъ снѣгъ, песокъ съ дѣловитою цѣлью — угостить хозяевъ и домочадцевъ усадьбы хлѣбомъ, который «штобъ са-ам-мый, сам-мый хорошій былъ . . . »

Всю эту ребячью любовь къ своей матери (которой, мимоходомъ сказать, нѣтъ ничего надежнѣй и драгоцѣннѣй на всемъ бѣломъ свѣтѣ) Илюша замѣнилъ однимъ дѣйствіемъ, именно: ежели бы, сообразно съ сказками, рассказываемыми ему Шароваровымъ, выплылъ кто-нибудь изъ рѣки, или слетѣлъ съ дерева, или выползъ изъ шумящихъ всякимъ добромъ хлѣбовъ, для того, чтобъ обидѣть его мать, — онъ, Илюша, несмотря ни на что, всталъ бы, какъ разъ, прямо передъ этой обижающею силой и сразился бы съ нею . . .

Во всей усадьбѣ не могло быть у Илюшиной матери обидчиковъ, кромѣ мужа и свекра, а самъ Илюша тоже не видалъ еще въ свою жизнь людей, которые были бы такъ сильны, какъ его дѣдъ и отецъ, но и съ ними онъ входилъ, по поводу ма-

тери, въ большія препиранія, чувствуя ихъ тѣми же словами, которыхъ онъ наслушался отъ разнообразныхъ усадебныхъ жильцовъ.

— Сѣдырь ты, сѣдырь! — протяжно и укоризненно, совершенно такъ же, какъ Шароваровъ, говорилъ малышокъ старому дѣду, когда онъ налеталъ на невѣстку съ своими упреками. — Не пора ли намъ съ тобою, слѣпымъ сѣдырямъ, на насѣсть, — время-то, вѣдь, теперь вечернее, дружочекъ ты мой! . . . О, Боже мой! Боже Ты мой!

Доброй усмѣшкой встрѣчалъ дѣдъ рѣчь малолѣтняго внука и молча садился обѣдать, забывая тѣ страшныя ругательства, немилости и даже лютыя казни, которыя онъ такъ щедро раздавалъ сейчасъ своимъ многочисленнымъ «батракамъ» и которыя онъ, въ порывѣ еще не остывшаго гнѣва, обрушилъ было на свою безотвѣтную невѣстку.

— Бери вотъ ложку-то! Ышь, не разорви тебя, сѣдуна! — продолжалъ Илюша, щеголяя другимъ словомъ, подслушаннымъ имъ уже въ рабочей избѣ у стряпухи.

По временамъ эти ребячьи выходки раздражали дѣда, и онъ вспыхивалъ тогда, какъ молнія, спастись отъ которой Шароваровъ только что научилъ ребенка псалмомъ: «Живый въ помощи Вышняго!» Обрушивался тогда старикъ на невѣстку и, поднявши костыль, грозно шамкалъ трясущимися синими губами:

— Ты все это его навастриваешь на такія дѣла противъ дѣда! . . . погоди! Вотъ ужъ я по твоей по спинѣ костылемъ похожу; а то онъ давно, касатикъ, не гулялъ по тебѣ, костылекъ-то! . . . Забыли вы съ мужемъ-то, что онъ у меня стоеросовый . . .

И вотъ въ сердцѣ ребенка, глубоко запомнив-

шемъ поученіе Шароварова, шепчется никому неслышная молитва, отводящая отъ несчастной головы человѣческой громы и молніи. Оно бьется и живетъ теперь тѣмъ благоговѣйнымъ, восторгающимъ убѣжденіемъ, съ которымъ молится Шароваровъ, говоря: «Живый въ помощи Вышняго . . . ». Между тѣмъ самъ ребенокъ кипитъ и трясется, какъ дѣдъ. Вотъ онъ вскочилъ со скамьи и кричитъ:

— Ты мать костылемъ хочешь? Нѣтъ, ужъ это надо тебѣ погодить, дружочекъ ты мой! Мы, слава Богу, и не такихъ еще укорачивали . . . Это ты вотъ чего не хочешь ли, вмѣсто костыля-то? — страшаетъ Илюша дѣда, грозя ему кулачишкомъ и воображая, что этотъ кулачишко точно такъ же можетъ расшибать крѣпкія стѣны масляничныхъ и рождественскихъ кулачныхъ боевъ, какъ расшибалъ ихъ нѣкто Евстигней, проживавшій въ усадьбѣ и разрушавшій всѣ свои житейскія непріятности медленнымъ вставаніемъ съ кухонной лавки и сжиманіемъ громаднаго кулака, увѣренно убѣждая при этомъ, кого слѣдовало, что «онъ, Евстигней, съ эвтимъ дружкомъ и не такихъ еще, слава Богу, укорачивалъ и что въ случаѣ чего, Боже упаси, кто захочетъ потягаться съ Евстигнеемъ, такъ тотъ не хочетъ ли вотъ этого дружка-то, закусочки-то этой не пожелаетъ ли? . . . »

— Ну, ужъ ты воинъ! — смѣялся дѣдъ, обнажая красныя беззубыя десна и довольно разглаживая сѣдую рѣдкую бороду. — Извѣстно: вѣдь, ты у меня Аника храбрый! Эхъ, зеленое масло! Былъ тутъ у меня гдѣ-то гостинецъ, — узюмъ, што ли, позабылъ! . . . Не знаю теперь, куда онъ у меня запропастился, а то бы я тебя досыта угостилъ имъ . . . Ну, да все равно: вотъ, ужо когда-нибудь праздни-

чекъ придетъ, такъ я тебѣ этого гостинца полныя горсти насыплю . . .

Точно такія же исторіи Илюша продѣлывалъ и съ отцомъ.

Только неробкой ребячьей душѣ можно было ладить съ этимъ отцомъ: почти постоянно онъ жилъ въ небольшомъ пчельникѣ, въ дремучемъ лѣсу. Когда пріѣзжалъ домой, такъ непременно съ большими березовыми кадушками, а иногда на его телѣгѣ лежалъ бурый медвѣдь, въ широко-пропоротой груди котораго зіяла ярко-красная рана.

Во всемъ околоткѣ Илюшинъ отецъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Сидора Длиннаго, и онъ былъ, дѣйствительно, длиненъ, какъ береза, и хмуръ, какъ дубъ осенью. Его длинный казакинъ весь былъ пропитанъ медомъ, масломъ и багровыми, кровавыми пятнами.

Къ хозяйскому сыну, пріѣзжавшему съ тяжелою кладью, обыкновенно выбѣгали изъ рабочей избы на подмогу различные Евстигней, Марки Рыжіе, Мишутки Алелюковы и т. д. Не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, хозяйскій сынъ снималъ съ головы облѣзлую баранью шапку, какъ-то особенно скоро крестился раза три на хоромы и потомъ, взявши лошадь подъ уздцы, велъ ее къ какой-нибудь пристройкѣ, гдѣ, по его мнѣнію, удобнѣе было лежать привезенной имъ поклажѣ.

— Отойди, отойди прочь, парень! Не твое это дѣло . . . Когда до тебя придетъ нужда, — самъ кликну . . . — урчащимъ, по-медвѣжьему, басомъ говорилъ Длинный, стаскивая съ телѣги кадушки или вздергивая тяжелаго медвѣдя на высокое свѣжевальное правило.

Подходилъ затѣмъ Сидоръ Длинный къ крыльцу

хоромъ, плескалъ себѣ на руки нѣсколько капель воды изъ горшечнаго рукомойника, висѣвшаго около крыльца, и ежели здѣсь же не висѣло полотенца, онъ своимъ обыкновеннымъ, рѣдко когда мѣнявшимся, басомъ спрашивалъ, ни къ кому собственно не обращаясь:

— Гдѣ жена?

— А что? — спрашивали его, въ свою очередь, сѣдой дѣдъ и Илюша, обыкновенно выходившіе на крыльцо, когда на дворъ въѣзжала телѣга знакомаго пчелинца.

— Да вотъ утирку... тутъ... Утирка бы на эвтомъ мѣстѣ... Вотъ здѣсь бы ей... Какъ же? я сто разъ...

— Сбѣгаю, сбѣгаю за утиркой тебѣ... — суетился дѣдъ, конфузливо топчась на одномъ мѣстѣ. — Илютка! Поди-ко-сь! Сбѣгай-ка-сь... Утиральничекъ тяткѣ...

— Надо опять разутюжить! — тихо рѣшалъ Длинный, направляясь въ рабочую избу, гдѣ, по его соображеніямъ, должна быть теперь жена вмѣстѣ съ утиркой, узорочные концы которой слѣдовало бы развѣсить на веревочкѣ, какъ разъ рядомъ съ рукомойникомъ.

Удивительныя, совсѣмъ непонятныя теперь, штуки продѣлывалъ Длинный съ своей женой по поводу утирки: когда онъ отворялъ дверь рабочей избы, и отворялъ тихо, ничего никому не говоря, — ужасъ какой-то, котораго и самъ онъ боялся, нападалъ на всѣхъ домочадцевъ, не исключая даже и могучаго Евстигнея. Мужчины всѣ вставали, закладывая руки за пояса или угрюмо почесываясь; женщины горемычно подпирали ладонями лѣвыхъ рукъ правыя щеки. Чуть живая, трепеща и ужасаясь пуще всѣхъ,

тутъ же стояла хозяйка съ длиннымъ бѣлымъ полотенцемъ.

— Здравствуйте! — говорилъ хозяинъ, перекрестившись, по своему обыкновенію, наскоро, раза съ три. — Гдѣ это тамъ утирка-то? .. — обращался онъ къ обомлѣвшей отъ ужаса женѣ.

— Новенькая! .. Вотъ вышили тутъ безъ тебя... Не успѣла ...

— Задрожала! .. — чуть примѣтно колыша свой густой басъ, говорилъ мужъ и ударялъ супружницу пальцемъ, либо двумя, по щекѣ.

— Молись Богу да ѣсть давай! — командовалъ онъ послѣ этого, какъ бы въ глубокой задумчивости усаживаясь за столъ.

— Агаѣя! — уже поѣвши щей или студеня съ квасомъ и хрѣномъ, приказывалъ хозяинъ какой-нибудь женщинѣ, суетившейся, вмѣстѣ съ хозяйкой, у печки. — Отнеси на мѣсто утирку-то, повѣсь!

Многочисленные усадебные личности, тревожно шнырявшія во время хозяйскаго обѣда около рабочей избы, тихонько подбѣгали къ Агаѣѣ, развѣшивавшей полотенце, и, болѣе украдчивыми знаками, чѣмъ словами, спрашивали у нея:

— Ну, што? Какъ? Бурень пріѣхалъ?

— Ничего! Слава Богу! — утѣшительно шептала имъ Агаѣя. — Только всего и было, что легохонько по личику двумя пальцами смазалъ ...

— Ну, слава Богу! Ну, и слава Тебѣ Господи! — радостно говорили личности, крестясь, и затѣмъ, подкарауливши минуту, когда хозяйскій сынъ оканчивалъ свой обѣдъ, онѣ налѣзали уже въ избу къ Длинному, всегдашнему заботчику и разрѣшителю ихъ разнообразныхъ житейскихъ нуждъ.

Но иногда эти наѣзды суроваго пчелинца на

усадыбу баламутили ее до послѣдней степени. Съ громкими воплями выбѣгали тогда изъ рабочей избы Евстигней Марки, Агаѣи и Марины и прятались по разнымъ темнымъ угламъ; тѣ же, которые были похрабрѣе, стремглавъ летѣли въ избу Шароварова и, распугивая привыкшихъ ко всегдашней усадебной тишинѣ птицъ, кричали:

— Батюшки, бѣтъ! Родимые, колушматить. Мать Пресвятая Богородица! Заступи и помилуй! Остервенился медвѣжатникъ-то, бѣда какъ! Батюшка-Шароварушка! Поди скорѣй въ избу, отбей хозяйку-то. Да нельзя ли какъ-нибудь самого изъ хороминъ позвать?

Быстрѣе, кажется, вѣтра, трепыхавшаго длинныя, сѣдыя космы Шароварова и его бѣлую льняную рубаху, летѣлъ тогда на заступу ни передъ чѣмъ не трепетавшій старикъ. Вбѣжавши въ рабочую избу, онъ храбро спрашивалъ у великана, такъ же угрюмо-величаваго, какъ лѣсъ, выростившій его крѣпкую силу.

— Это што такое? Это на то-то тебѣ, кровопивцу, Господь Богъ супругу-то далъ?

Великанъ какъ будто опѣшивалъ отъ этихъ вопросовъ. Онъ отвертывался тогда отъ жены, которая, лежа на полу, со слезами цѣловала его пыльные сапоги, и, выходя изъ избы, потихоньку шепталъ:

— Квасъ, напимѣрь, теперь съ мятой... Самъ я мяту въ лѣсу собиралъ, сюда ее привозилъ... И теперь вдругъ въ квасу муха... тварь нечистая!.. Это што же за порядки такіе! Не такъ еще надо было разгладить...

Отца, махавшаго костью и топавшаго безсильными ногами, Сидоръ Длинный даже не слушалъ

нисколько, когда тотъ, весь трясясь отъ бушевавшего въ немъ на сына гнѣва, шамкалъ ему:

— Ну, дѣтки нонѣ пошли! Вотъ выростилъ коего лѣшаго, — прости Господи мою грѣшную душу! Поартачился бы такъ-то, разбойникъ, у моего батюшки у покойника, когда мы съ нимъ хаживали на рѣку Хоперь табуны казацкіе угонять, онъ бы тебѣ, шельмецу, показалъ! Онъ бы тебя, распрошельму, не на дубъ, а на осину трясучую вздернуть велѣлъ, али бы изъ поганого ружьишка какого, какъ щенка, изъ своихъ рукъ пристрѣлилъ...

— Ужъ вы на Хопрѣ рѣкѣ!... — презрительно шепталъ Длинный, запрягая своего битюга. — Надѣлали вы дѣловъ на Хопрѣ рѣкѣ... Пропастъ добрища тамъ нажили... Свое-то все размытарили... Квасъ, напрімѣръ, съ мятой... муха это въ немъ — Божій даръ, и тутъ, поди-ка... вдругъ въ немъ тварь... муха дохлая... развалила лапы-то, стерва... плыветъ тоже въ квасу-то... Тьфу! Илютка! Подъ сюда! Што же ты, подлецкая твоя голова, шапку съ собой не берешь? Думаешь весь вѣкъ у матерняго хвоста просидѣть? Эхъ, бить тебя некому остолопа!..

— Куды, куды онъ Илютку-то съ собой тащить? — кричала мать, забывая обыкновенный страхъ, внушаемый ей мужемъ. — Возьми хоть рубашонокъ-то ему, душегубъ! Лаптенки-то ему прихвати по лѣсамъ-то съ тобой, съ людоѣдомъ, шататься... Сапожонки тоже вонъ праздничные.

— Стой, стой! Не бери дите въ лѣсъ, — дитю дома лучше! — вторили матери Шароваровъ и дѣдъ, хватаясь за задокъ телѣги.

— Трогай! — уже опять своимъ ровнымъ, урчащимъ басомъ говорилъ лѣсной великанъ, наматы-

вая на руку ременные возжи, и затѣмъ, послушный хозяйской командѣ, грудастый битюгъ, звеня «на малиновый манеръ» наборною сбруей, трогался со двора тою павною, сильною рысью, которая не разъ уносила буйную голову Сидора Длиннаго отъ нѣкоторыхъ людей, часто темными ночами спрашивавшихъ у него на большихъ дорогахъ: «что, господинъ честной, сколько тутъ считается верстъ до Ереминыхъ выселковъ?» . . .

Увозя съ собой изъ дома малолѣтняго сынишку, Длинный, когда не дремалъ, училъ его, во время проѣзда какимъ-нибудь глухимъ проселкомъ, сокращавшимъ путь, познаванію небесныхъ звѣздъ, выводящихъ на должную дорогу даже такого чело-вѣка, который вдругъ почему-то очутился въ Самарскихъ степяхъ, гдѣ «сто верстъ рысью проѣдешь, а дыму ни изъ одной избы не увидишь».

— Эхъ, Илютка! Дикіе борти на деревьяхъ въ тамошнихъ мѣстахъ ужаси какъ хороши! Не то што въ нашихъ ульяхъ. Али теперь вдругъ пчела возьметъ и загнѣздится въ какомъ-нибудь валу земляномъ, въ кочечкѣ какой-нибудь, около дерева, на солнышкѣ, будемъ такъ говорить . . . Эхъ! меда тамъ — одно слово! . . . А ты вожжи-то крѣпче держи, дурачина! . . . У меня, братъ, не съ дѣдомъ тебѣ и не съ матерью . . . Ушми слушай, а то, эва, слюни-то распустилъ . . .

Говоря это, великанъ лежалъ на душистомъ сѣнѣ, наваленномъ въ телѣгѣ, и хотя его могучее тѣло нуждалось во снѣ очень мало, но все-таки и оно, вспоминая о медѣ дикихъ самарскихъ бортей и о томъ, какъ свѣтлыя звѣзды небесныя спасли его отъ смерти на песчаныхъ и камышистыхъ побережьяхъ Волги, сладко вздрагивало и готовилось уснуть сво-

имъ короткимъ сномъ, вѣчно бредившимъ ревомъ медвѣдей, жужжаніемъ пчелъ и ароматною прохладой непроглядно синей степной ночи со всѣми ея непобѣждаемыми человѣческою силой чарами.

И ѣдутъ такимъ образомъ отецъ съ сыномъ: безмолвная полночь царить надъ ними, такая тихая, что ежели битюгъ фыркалъ, потрясая мѣдными кольцами, привѣшенными къ уздѣ, такъ фыркание это и дребезжанье колецъ повторялось, будто бы, гораздо-гораздо дальше далекаго перепелинаго «чваканья», раздававшася въ придорожныхъ «просахъ». Кромѣ этого, изрѣдка, впрочемъ, разбивали разговоръ ночныхъ путниковъ бряцанья цѣпей, которыми примкнуты были къ задку телѣги двѣ любимыхъ овчарки Сидора Длиннаго, и ихъ дружеская между собою грызня, какая только возможна при скоромъ ходѣ телѣги, обязательномъ для собакъ, прикованныхъ къ ней...

— Вотъ, Илютка, сейчасъ ты подъ взволокъ скатишься, — поучалъ дремлющій родитель. — Тамъ, версты съ три въ горку поднимшись, подойдетъ къ тебѣ буеракъ кустарный, а черезъ буеракъ мостъ переброшенъ. Тутъ ты меня и разбуди, ежели сонъ меня задолѣетъ, потому за мостомъ за этимъ какъ разъ и будутъ Еремины выселки. Я, грѣшный человѣкъ, изъ тамошнихъ мужиковъ много народу погубилъ кистенемъ и изъ мушкатанту тоже пострѣлялъ еще тово больше... Они, Илютка, разбойники. Приѣдетъ кто къ нимъ ночевать на ночь, они всѣмъ поселкомъ собираются. «Идите, — говорятъ, — ребята, барана рѣзать»... А-ах-хма! — протяжно и громко зѣвнулъ великанъ, къ которому заревой сонъ начиналъ даже заби-

ратся подъ одѣяло изъ лохматыхъ курдюцкихъ барановъ.

Ѣхалъ Илюша, любуясь на звѣзды, ужасаясь рогатыхъ кустовъ, торчавшихъ по бокамъ дороги, думая о матери, о Шароваровѣ, о дѣдѣ, о галкѣ «Яшуткѣ», о журавлѣ, и, наконецъ, подходилъ къ нему, какъ обѣщаль отецъ, пересохшій кустарный буеракъ съ своимъ страшнымъ мостомъ.

— Почему такъ поздно? — вскрикивали съ моста двѣ большія тѣни съ толстыми дубинами на плечахъ, установившись такимъ манеромъ, чтобы загородить дорогу грудастому битюгу. — Въ не-указанные часы, напримѣръ, за полночь?... За какими это дѣлами, и какая эта такая разѣзжаетъ вильможа?..

При этомъ неожиданномъ окрикѣ по жиламъ Илюши пробѣгали какія-то быстрыя морозныя струйки, которыя поднимали дыбомъ волосы на его головѣ и мѣшали ему удовлетворительно рассказать незнакомцамъ, что онъ вовсе не вельможа, но просто-напросто сынъ и внукъ торговыхъ людей, у котораго есть «маменька», галка «Яшутка», ученый журавль, три клѣтки съ скворцомъ, перепеломъ, двумя чижиками и, помимо всего этого, еще другой дѣдушка, не родной, по имени Акимъ Шароваровъ. И, по всей вѣроятности, лепетъ ребенка объ его неисчислимыхъ богатствахъ очень бы развлекъ ночные досуги незнакомцевъ, если бы на окрикъ ихъ не поднимался въ телѣгѣ самъ Сидоръ Длинный, тѣнь котораго, падая черезъ мостъ, за-слоняла собою фигуры встрѣчныхъ людей и ужасала ихъ такъ же, какъ Илюшу ужаснули ихъ голоса, раздавшіеся среди тихой полночи.

— Какая вельможа ѣдетъ? — кричалъ Длинный,

наматывая на кисть правой руки длинный сыромятный ремень, къ противоположному концу котораго была привязана двухфунтовая желѣзная гирька. — Мало я утюжилъ васъ, шельмецовъ, што вы до сихъ поръ еще не знаете, какая я такая вельможа? — спрашивалъ онъ, проворно выхватывая лѣвою рукой широкій ножъ, спрятанный за длиннымъ поленищемъ. — Сколько васъ тутъ, олуховъ, собралось, сказывайте! Насъ вотъ только двое съ сынишкомъ... Прочь съ мосту, сволочь! Измелю лошадыю мельче, чѣмъ жерновомъ мельница мельетъ...

Въ это время тѣни быстро бросались подъ мостъ и, между тѣмъ какъ по мосту раздавался тяжелый стукъ желѣзныхъ подковъ рысакъ, изъ непроглядной чащи кустистаго оврага кричали:

— Ну, Длинный, не тебя, признаться, мы поджидали. А ежели бы знамо да вѣдомо, што ты проѣзжать станешь, мы бы на тебя сбили побольше народа... Ну, да не взыщи. Нашихъ рукъ по времени не минешь...

— Вашихъ рукъ!.. — раззадоривалъ Длинный неизвѣстныхъ людей. — Руки-то ваши гужей натянуть не умѣютъ, не то что купца убить, настоящаго ежели... Гужеѣды! Вы, вонъ, бабьи поневы для начинки въ пироги искрошили да слопали... Ха-ха-ха!

Этотъ рѣдкій смѣхъ Длиннаго былъ такъ заразителенъ, что ему смѣялись — и глубокій, поросшій кустарникомъ, оврагъ, и трепещущія доски перекинутаго черезъ этотъ оврагъ моста. Росистые лугъ и поля, разстилавшіеся по сторонамъ дороги, и даже самая дорога тоже смѣялись своими желто-

золотыми песчинками, облитыми сіяніемъ мѣсяца, этому звонкому и раскатистому: «ха-хха, х-хо-о-о!...».

Въ разнообразныя улыбки многочисленныхъ людей и предметовъ, знакомыхъ Длинному, складывались въ его глазахъ эти искристыя мерцанія придорожныхъ песковъ, — и лѣсной великанъ, въ свѣтлыхъ звѣздахъ, въ лугахъ и поляхъ, въ блесткахъ дорожнаго песка и въ молчаніи властительной полночи, осязательно видѣлъ, какъ, болѣзненно воя, покорно и задумчиво склонялъ къ его ногамъ свою мохнатую широколобистую голову бурый медвѣдь, насквозь пропоротый его рогатиной, — какъ, валяясь въ песокъ и пыли, весь залитый кровью, молилъ его о пощадѣ мужикъ изъ какихъ-нибудь Ереминыхъ выселковъ, голова котораго была разбита мѣткимъ кистенемъ торговца.

— Н-нѣ-ѣтъ, черти! Мало, мало я васъ утюжилъ! — оралъ Длинный, надрывая, какъ говорится, животики отъ обуявшей его веселости, при представленіи разнообразныхъ улыбокъ, на которыя тяжелая рука его наложила тоскливую, смертную печать... — Нѣтъ, по-настоящему-то ежели, васъ не такъ бы еще... Ха-ха-ха!... Не эдакъ, а, вонъ, эндакъ бы... Ха-ха-ха!...

Захлебывался даже Длинный въ какой-то дикой радости, смѣясь такимъ образомъ, вслѣдствіе чего изъ глубины оврага слышались миролюбивые, напуганные голоса:

— Экъ, ореть-то, лѣшій! Благо на добрыхъ людей наткнулся... Тебѣ же, вѣдь, чорту, русскимъ языкомъ сказываютъ: не тебя поджидали... Останови лошадь-то, дай хоть табачку-то понюхать... Стоишь-стоишь тутъ въ самъ-дѣлѣ... въ

трясинѣ-то, подѣ мостомъ . . . всю ночь, вѣдь, тоже стоишь . . .

— Вонъ онъ табакъ-то какой у меня для васъ припасень! Ха-ха-ха! — еще пуще грохоталъ Сидоръ Длинный, сидя на грядущкѣ и повертывая кистенемъ такъ, что онъ вился и жужжалъ около телѣги, какъ рой разозленныхъ пчелъ. — Это вотъ такъ табачекъ будетъ: нюхнешь — упадешь, вскочишь — опять захочешь . . . Сразу весь хрящъ въ носу перешибается! . . . Ха-ха-ха! Гуж-же-ѣды! — послѣднимъ насмѣшливымъ возгласомъ провожалъ купецъ напавшихъ на него разбойниковъ. — Понёву, напримѣръ, бабью . . . вдругъ во щи ее, али въ пирогъ, напримѣръ. Тьфу! . . . Ха-ха-ха!

Илюша, въ свою очередь, поддавался обаянію отцовскаго смѣха. Стоя въ телѣжномъ сѣнѣ, онъ хохоталъ, какъ полоумный, и спрашивалъ у отца, довольно трясясь всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ:

— Ай они, въ самъ-дѣлѣ, тятка, въ пироги это крошатъ — понёвы-то бабы, а? У насъ, вонъ, маинька въ пироги-то говядину, куръ опять . . . Ха-ха-ха! И гужи ременные они ѣдятъ, тятенька?.. А?..

— Жрутъ и гужи! . . — коротко отрезонивалъ Длинный, мгновенно принимая свой обычный, невозмущаемый образъ. — Тутъ всяко пожрешь . . . Кое мѣсто съ масломъ, кое — съ квасомъ . . . — бурчалъ онъ уже какъ бы про себя. — А ты лошадь-то не пужай, дурья твоя голова! Лошади тоже спокой надобенъ . . . Сиди смирно да посматривай: волкъ какъ бы . . . Ишь, сторона-то!.. Я вотъ поприусну чуточекъ . . .

Часто еще большая разговорчивость и даже ве-

селость обueвали Длиннаго во время его ночныхъ путешествій изъ какого-нибудь Ефремова, «Анбура» или «Старокола», куда онъ часто таскался съ своимъ Илюткой, провожая на тамошнія ярмарки снаряженные имъ партіи меда, сала, кожъ и щетины.

Большущая красная «укладка», окованная желѣзными полосами, съ висячимъ замкомъ на боку, становилась великаномъ на передокъ телѣги послѣ его ярмарочныхъ оборотовъ; жестко и неудобно было Илюшѣ сидѣть въ телѣгѣ на сѣнѣ, которое прикрывало собою длинные, изъ смураго холста, мѣшки, наполненные тяжеловѣсными «мѣдюками».

Остановившись въ какомъ-нибудь знакомомъ постояломъ дворѣ на ночлегъ, Длинный, на вопросъ услужливаго хозяина: «каковы были въ нонишномъ году торги въ Анбурѣ», самодовольно отвѣчалъ, распрягая битюга:

— Торги были настоящіе!... Вѣсилъ вонъ на вѣсахъ въ Анбурской думѣ¹ укладку, — двѣнадцать пудовъ съ маленькимъ походцемъ вытянула... Серебро тутъ да лобанчиковъ малость... — протяжно говорилъ онъ, толкая укладку въ бокъ своимъ какъ бы смолянымъ кулакомъ. — Мѣдь, хозяинъ, не вѣсилъ... Пудовъ въ сорокъ тоже, надо полагать, встанетъ иначе, потому что мѣшки эти намъ извѣстны: отъ прошлогодней ярмарки еще не истерлись... Сказывалъ батюшка, старичекъ, сосчитамши, што, будто, закладывается въ нихъ сорокъ пять пудовъ, — ну, а вѣрно не могу сказать... На твой взглядъ ты какъ полагаешь? — задумчиво и глубокомысленно спрашивалъ великанъ, потрясая

¹ Думой на уѣздныхъ рынкахъ называются досчатая постройка на базарныхъ площадяхъ, арендаторы которыхъ, за извѣстную плату, отпускаютъ торговцамъ мѣры, хранящіяся въ этихъ постройкахъ, также дозволяютъ пользоваться вѣсами и безменами.

за колесо телѣгу, громыхавшую мѣдюками и звенѣвшую золотомъ и серебромъ, которая гулко пересыпались въ сундукъ, встряхнутомъ могучею пятернею Длиннаго.

Желая провѣрить вѣроятность купеческихъ соображеній, хозяинъ постоялаго двора тоже хватался за телѣжное колесо и старался «по рукѣ» опредѣлить настоящее качество торговъ, только что кончившихся въ Анбурѣ; но, вѣроятно, вслѣдствіе того, что анбурскіе торги были «очень дюже здоровые», телѣга еле-еле колыхалась на мѣстѣ, звеня разнообразнымъ металломъ, уложеннымъ на ней такимъ неопредѣленнымъ образомъ, что содержатель постоялаго двора становился въ совершенный тупикъ предъ трудной ариѳметическою задачею — сколько, именно, пудовъ заложено въ ней «этого самаго купецкаго добрища» . . .

— Эге! — знаменательно побряхтывалъ хозяинъ, безсильный предъ непоколебимою важностью телѣги. — Я вотъ, ваша милость, четырнадцать-то ежели пудиковъ, такъ одною ручкой, покелева Богъ грѣхамъ моимъ терпитъ . . . На спину себѣ прямо, къ примѣру, хошь два куля крупчатки возьмемъ . . . Уемиста мучица, а все жъ ничево! . . . Куль на куль, значить . . . Берешь ровно . . . Держишь тоже не токма штобы, значить, съ подвохомъ съ какимъ-нибудь, какъ иной, на примѣръ, на базарѣ для бахвальства обовьючивается, ноги это раскарячимши и глаза кровью налимши, а такъ, прямо надо говорить, держись на себѣ два куля, въ сутерпѣ штобы было . . . по-Божьи . . . Ну, а эфтакое дѣло . . . — усиливаясь приподнять телѣгу, растолковывалъ хозяинъ. — Эфто, на примѣръ . . . чижельше, будто бы, словно . . .

— Извѣстно — чижельше, — нимало не сомнѣваясь, утверждалъ Длинный и затѣмъ спрашивалъ: — утирку бы у тебя?... Гдѣ она тутъ?... Да вели женѣ ѣды намъ какой-нибудь съ парнишкой плеснуть.... Малость.... Щей бы, што ли? Али лапша, можетъ, есть?

Ходовить былъ грудастый битюгъ Длиннаго, везшій знаменитую телѣгу; но въ тѣхъ селахъ, по которымъ надлежало проходить ей, летали про нее различные слухи гораздо ранѣе летучихъ звуковъ, которыми осыпали широкія улицы тѣхъ селъ сквозные погромы, въ большомъ количествѣ привѣшенные къ уздѣ и къ дугѣ битюга.

Заслышавши звонъ этихъ малиновыхъ погромковъ, сельскія бабы торопливо поднимали окна и, любуясь на узорныя мѣдныя бляхи шлеи и на мохры изъ тонкихъ ремней, въ видѣ бороды висѣвшія подъ мордой сытаго рыжаго жеребца, тоскливо говорили:

— Гляди-ка, гляди-ка: какая птица пропущена на лубкѣ, у задка у телѣжнаго? Зеленая вся, милые вы мои, а изо рта красное полымя у ней пышетъ. Эна — красочка-то какая, ровно «твѣтъ» весенній твѣтеть.... И собаченки тоже за телѣжкой идутъ.... Сколько одного хлѣба сожрутъ экіе идолы здоровенные! Вишь: шерстища-то какая! У домового словно!...

— А мальчишечка-то, взглянь-ка, какой! Херуимъ ровно! Съ коихъ поръ къ дѣламъ приучаютъ, — Боже мой! — несказанно умиляясь, указывала другая женщина на Илюшу, ранніе годы котораго не спасали его младенчество отъ людской зависти, падавшей, впрочемъ, преимущественно на его отца.

Мужики, между тѣмъ, завидѣвши купца, стрем-

главъ вылетали изъ избъ, на бѣгу оболочаясь въ полушубки, подпоясываясь, разглаживая головы, бороды и проч.

Подбѣжавши къ телѣгѣ и идя рядомъ съ нею, мужики, вмѣсто своихъ всегдашнихъ хмурыхъ лицъ, вдругъ получали откуда-то ласковыя, добродушно улыбающіяся, которыми они, наперебой другъ противъ друга, старались прельстить Длиннаго, расхваливая ему при этомъ неимовѣрныя удобства, всегда встрѣчаемыя въ ихъ хозяйствахъ и господами проѣзжими, и купцами, и простыми обозчиками.

— У меня вонъ, ваше степенство, надо правду сказать — не въ похвальбу: эвона овесець-то какой! Все село безъ овсовъ сидить, а у насъ вотъ онъ — въ ручкѣ... Проѣзжалъ онамедни Бабарыкиновъ инараль по нашимъ мѣстамъ, сына въ ужби-лишшу везъ (бѣлобрысенькій мальченка такой, сопатенькій! Твой сынокъ не въ примѣръ пріятнѣй инаральскаго на личико выдетъ!...), — такъ инараль-то, безъ обиняковъ, прямо мнѣ наказаль: «Отпусти ты, — говоритъ, — Кузька, мнѣ своихъ овсовъ на сѣмена возика съ три, съ четыре»... Такъ-то передо мной распинался!... «У меня, — говоритъ, — Кузьма Петровъ, все незадача въ овсу»... Да, вѣдь, намъ, ваше степенство, изъ руки, на примѣръ, нельзя хорошихъ сѣмянъ выпускать... Хе-хе-хе! Намъ тоже самымъ хорошее сѣмя-то надобно, чистой гаспадинѣ! Вотъ посморкайте, каково зернушко-то!...

Слова эти частымъ дождемъ сыпались изъ масленистыхъ губъ игриво улыбающагося мужика, который бѣжалъ за телѣгой, держа въ рукѣ полную горсть овса, рекомендуя этотъ продуктъ ничѣмъ не смущаемому Длинному. На второмъ планѣ, отча-

сти затемненная этимъ назойливымъ сладкопѣвцемъ, стремилась цѣлая стая разнообразныхъ лицъ, съ смутными, неразборчивыми рѣчами въ родѣ слѣдующихъ:

— Слушать-то, ваша милость, у эфтова Кузьки нечево, — сичасъ умереть! Ну, какой у него овесъ? Изъ-подъ моихъ же куръ, на бѣгу, сичасъ горсть сцапаль, — ей Богу! . . Въ амбарѣ-то у него давнымъ-давно одинъ только свиеть да крысы гуляютъ.

Другіе изъ этой говорливой стаи старались подѣйствовать на аппетитъ купца описаніемъ тѣхъ «просуковъ», которыхъ для друга можно сейчасъ «пымать, зарѣзать и велѣть бабамъ изжарить». По соображеніямъ этихъ домовитыхъ хозяевъ, просуки ихніе должны были выйти «дюже хрящевитыми и къ жаркѣ, въ теперешнюю ежели пору, очень подходящими» . . .

Споры на скорую руку затѣвались между мужиками по этому поводу.

— Моихъ теперича просятенокъ ежели не жарить, такъ когда же и жарить? Небось, по-сосѣдству, знаете, што я ихъ отъ матери недавно отвалилъ, — всѣ жилушки-то у нихъ теперича молокомъ прососались . . . Х-хо! Когда же я ихъ колоть стану, коли не сичасъ? . . Чуд-дны вы тоже, братцы мои! . .

Какое печальное и задумчивое негодование слышалось въ словахъ длиннобородаго, лысаго мужика, заботы котораго о приличномъ устройствѣ принадлежавшихъ ему поросятишекъ, на его великую досаду, были заглушаемы гадлѣньемъ слѣдовавшей за телѣгой толпы, которая, напротивъ, всѣми силами предстательствовала передъ купцомъ за своихъ цыплятишекъ, курей, утятъ и гусей . . .

На третьемъ планѣ двигались еще мужики босые, безъ шапокъ и въ однѣхъ набойчатыхъ рубахахъ. Заложивши руки за пояса рубахъ, они конфузливымъ хоромъ распѣвали что-то «про свое смиренство, про покой и про то, што ихъ покуда еще, слава Богу, Господь милуетъ»...

— У насъ и родители-то, покойнички, были не кое-какіе! — пѣли мужики. — По телѣгамъ-то по проѣзжимъ не очень-то лазали... Да и намъ не приказывали... А въ иныхъ-то прочихъ мѣстахъ возьмутъ телѣжку-то да на изнанку и выворотятъ... Вотъ ты тогда и гляди на нее!.. Такъ-то-ся!..

Тихонько чмокая и легонько посвистывая на лошадь, медленно проѣзжалъ Длинный между этимъ людомъ, вполне равнодушный и къ зависти инарала Бабарыкинова къ чудеснымъ овсамъ Кузьмы Петрова, и къ жирнымъ просукамъ длиннобородаго мужика. Неуклюжіе ребята, протяжно воспѣвавшіе свое собственное смиренство и доблести покойниковъ-родителей, вложившихъ въ нихъ это похвальное качество, тоже были въ глазахъ его какимъ-то ни для чего не нужнымъ снѣгомъ, который растаялъ и безслѣдно исчезъ куда-то еще въ прошлогоднюю зиму.

— Поперъ, лѣшій! — злобно говорили мужики вслѣдъ телѣги, заглушавшей своими позвонками сельскій уличный разговоръ. — Нѣтъ бы, чорту, остановиться у насъ на селѣ, да хошь бы гривенникомъ стертымъ за постой-то въ глаза плюнуть... Все бы про сиротство про наше годилось крестьянское!.. И куды только эфти купцы свои деньги дѣвають?..

— Видишь, Илютка, какъ нашего брата — де-

нежнаго человѣка — мужичье-то укланиваетъ . . . — весело откровенничалъ съ сыномъ Длинный, пома- хивая отъ скуки ременною плетью съ свинцовой пулькой на концѣ. — Когда вырастешь большой, Илютка, береги деньгу, — изъ-подъ замковъ даже люди ухитряются ее воровать. Такая трава есть — «разрывъ-травой» называется. Мнѣ вотъ денегъ совсѣмъ не надо . . . Постылы мнѣ онѣ — деньги-то. Илютка, черезъ свое зло, потому я безъ нихъ бы . . . какъ-нибудь . . . взялъ бы вонъ на пчельникъ ушелъ, въ лѣсъ. Хлѣба-то и туда мнѣ мужики натаскали бы въ волю, за медъ. Вода тамъ чудесная, ключевая! Такъ-то, Илютка, на пчельникѣ-то! . . . Хорошо! . . .

Наставало продолжительное молчаніе, прерываемое топотомъ битюга да глухимъ дребезжаньемъ телѣжныхъ колесъ, катившихся по мягкой дорогѣ. Изрѣдка самъ Длинный взмахивалъ плетью на молодыхъ галокъ и воронятъ, которые, въ первый разъ вылетѣвши изъ гнѣздъ, удивленно каркали, неуклюже прыгая по самой дорогѣ и съ большимъ любопытствомъ всматриваясь въ наѣзжавшаго на нихъ битюга, въ телѣгу и въ Длиннаго. Видя все это въ первый разъ, глупыя птицы нисколько не думали очистить дорогу двигавшимся на нихъ великанамъ: онѣ только пугливо приникали къ землѣ своими туловищами, растопыривая крылья и пронзительно каркая во всѣ свои бѣлоносые рты.

Такой неразумный образъ дѣйствій молодыхъ птицъ выводилъ Длиннаго изъ его обычной задумчивости, и онъ спугивалъ галчатъ съ дороги свистомъ своей плети, ругая ихъ «глупою швалью, которую, долго ли до грѣха, возьметъ кто-нибудь раздавить телѣгой — и шабашъ!» . . .

Воскликанія эти поощряли Илюшу начинать съ отцомъ новые разговоры.

— Какъ же ты, тятка, говоришь: на пчельникъ уйдешь? А кто же тебѣ тамъ казакинъ сошьетъ, тулупъ опять? Гдѣ ты въ лѣсу-то нанки себѣ купишь, али овчинъ?

— Да для чево мнѣ шить одежду-то? Нанку-то покупать зачѣмъ я буду, когда тамъ зайцевъ однихъ лопатами не прогребешь? — спрашивалъ, въ свою очередь, у сына Длинный, одушевляясь при представленіи своего лѣса, кишатаго зайцами. — А волки-то съ медвѣдями? Што жъ, по-твоему, я имъ по своей волѣ разгуливать дамъ? Какъ же! Держи шире карманъ, а то разроняешь... Ха-ха-ха! Хочешь, Илютка, пшеничной пышки съ яйцомъ? Давеча я ихъ на постояломъ дворѣ десятка съ два купилъ на пятакъ.

При этихъ словахъ дубовое лицо Длиннаго, даже во тѣмъ наступившей ночи, свѣтлѣлось какою-то особенной, угрюмою лаской, свойственной всѣмъ сильнымъ людямъ. Лицо это въ подобныя времена дѣлилось какъ бы на двѣ стороны, совершенно другъ на друга не похожія: одною изъ этихъ сторонъ Длинный обращался къ сыну, держа въ рукѣ пшеничную пышку, — другою же онъ чутко и мрачно вслушивался и взглядывался въ лѣсныя чащи, облежавшія его пчельникъ, въ которыхъ пугливо мелькали зайцы, — воровски посверкивая одичалыми глазами, шатались волки, и въ тревожномъ полуснѣ рыкали по временамъ лѣнныя медвѣди.

— Ъшь пышку-то, — все больше и больше разнѣживался Длинный, глядя Илюшу по головѣ своей корявою рукой. — Дюже много, братъ, въ этой самой пышкѣ масла засажено! Я знаю: ты любишь

такія... А насчетъ медвѣдевъ ты не безпокойся... Я имъ спуску не дамъ, — ха-ххо-о-о! Я, братъ, не то, што вонъ господа: съ собаками на нихъ наѣзжаютъ, съ ружьями, съ мужиками да съ трубами со всякими. Трубятъ-трубятъ по лѣсамъ-то! Тьфу! Только звѣря пугаютъ! Не по-моему это, Илютка! Я съ медвѣдемъ люблю стѣна на стѣну помахаться... Взялъ это, перекрестилъ себѣ лобъ, ножъ потверже въ рукѣ примоталъ ремнемъ, — трог-гай!... Ха-ха-ха, — сичасъ умереть! Какъ это, Илюха, сойдешься съ нимъ вплоть, у него это изъ пасти, первое дѣло, языкъ торчитъ красный и зубищи виднѣются же-ол-лтые-разжелтые, какъ есть у стариковъ, или бо у старухъ, — ха-ха-ха! Тутъ его, стараго шута, саданешь подъ сердце ножомъ — шабашъ!... Сичасъ же онъ передъ тѣмъ, какъ ему на траву упасть, передними лапами очи себѣ закрываетъ, словно бы плачетъ... Такъ-то-ся, Илюша!

Закончивъ такъ уныло свой, поначалу веселый, рассказъ, великанъ опять задумался.

— Н-нѣтъ! Я ихъ, шельмовъ, дюже-здорово пробираю, Илюша, медвѣдевъ-то! — вдругъ заговорилъ великанъ, покидая свое суровое молчаніе — Гляди-ка: ишь, какія они тамъ штуки выкидываютъ подлецы! — забывшись, всею своей страшною мощью поталкивалъ Длинный своего ребенка и указывалъ ему дрожавшею рукой въ ночную даль, которая его отуманеннымъ глазамъ показывала знакомый пчельникъ, окруженный дремучимъ лѣсомъ. Явственно видѣлъ Длинный, какъ въ плетневой огорожкѣ пчельника лежалъ, будто, внизъ головою подручный его пчелинецъ-старикъ, съ свороченнымъ черепомъ, съ окровавленнымъ топоромъ въ

рукѣ, безсильно лежавшей на травѣ, и какъ медвѣди, ухвативши въ переднія лапы самыя лучшіе ульи, съ радостнымъ хохотомъ бросали ими другъ въ друга, разбивая ихъ при этомъ въ мелкія дребезги.

— Видишь вонъ этого бураго-то, Илютка, какой съ косыми глазами-то? — весь трясся отъ злости, спрашивалъ Длинный. — Я у него онамедни, у шельмы, весь задъ отшибъ, — ха-ха-ха! Такъ и поволокъ за собой задъ-отъ, ровно бы соху, — ха-ха-ха! Это я въ него угодилъ пустою колодой... Бросомъ бросилъ въ дьявола, когда онъ къ улейчику къ одному подбирался — къ хорошенькому... Тутъ-то я его, идола бураго, и разукрасилъ... Ха-ха-ха! Вишь, какъ онъ заковылялъ, увидавши меня? Хо-хо-хо? Озирается, шельма!.. Ннѣ-ѣтъ! погоди, косой пузанище, — не уйдешь отъ меня...

— Тутъ, тятенька, нѣтъ никого, — лепеталъ оторопѣвшій Илюша. — Тутъ степь одна глядитъ, а это вонъ сѣна стоятъ... Тамъ собаки лаютъ.

— Господи Іисусе Христе! — крестился Длинный, выведенный изъ своего забытья сынинымъ голосомъ. Мгновенно ободрившись, онъ соскакивалъ съ телѣги и шелъ рядомъ съ нею. — Экъ, вѣдь, меня разморило!.. Навожденіе-то какое случилось! Это оттого, што давно я всѣхъ молитвъ не творилъ... Недосугъ въ дорогѣ-то... Видѣлъ во снѣ, Илютка, будто пчельникъ мой медвѣди разорили... Вотъ чудеса въ самомъ дѣлѣ, кабы тамъ чего и впрямь не случилось... бѣды бы какой-нибудь... А? Надо поскорѣе ко дворамъ поспѣшать. Ужъ покажу я себя этимъ медвѣдямъ, разсажаю я ихъ по воеводствамъ, ежели они тамъ у

меня набѣдокурили! — заранѣе проникался Длинный разымчивымъ удовольствіемъ при мысли о томъ, какъ онъ будетъ сажать на воеводства неуклюжихъ медвѣдей. — Ты, голубиная душа, — спрашивалъ онъ у сына, — видалъ, што ли, какъ я, споимши медвѣдя виномъ, бороться съ нимъ выхожу съ пустыми руками, смѣху для ради! . . . Бычьют только шкуру хорошенько надо тогда присмолить, Илютка, и ею обернуть лѣвую руку . . . Ты приноравливайся въ эфто время, братишка, сцапцарапать его, пьянаго шута, за глотку прямо лѣвшой-то, — слышь, што я тебѣ говорю? Штука эта, парнишка, просто — наше вамъ почтенье! Держи, держи руку-то лѣвую стойче супротивъ себя, разбойникъ! Къ лицу-то смотри, его не пущай! . . . При на него крѣпше, братюга, при, при! . . . Вишь, какъ онъ-то на тебя налѣзаетъ! . . . Эхъ! силенка-то у тебя, парень, куриная, — умереть на мѣстѣ!.. Эт-та сердце у меня, Илюша, чудное какое, — ха-ха-ха! — опамятовавшись, добродушно смѣялся великанъ ласковою стороною своего лица. — Чуюло сичасъ, што это эфто, на примѣръ, ты боролся съ медвѣдемъ, а не я, — ха-ха-ха! Онъ бы тебѣ, братъ, показалъ коку съ сокомъ! . . . Ей Богу, показалъ бы онъ тебѣ . . . Чудесно! Изъ меня-то онъ самую малость выгадаетъ, — вѣрно! . . . Я, братъ, какъ примусь правымъ-то кулакомъ по мордѣ охаживать . . . али гирькой . . . У меня сердись, не сердись, а сто рублей на столъ положи . . . Ха-ха-ха! Дѣдушка Лука, какой со мной на пчельникѣ сидитъ, страсть какъ смѣется, глядучи на нашу борьбу . . . Надоѣстъ ему эта забава, онъ подойдетъ къ медвѣдю съ ружьемъ, шепнетъ ему изъ него въ ухо прямо свинчаткой, — ну, и капутъ, потому какъ же? Цѣлый

вѣкъ мнѣ съ нимъ по пчельнику-то возжаться, што ли?..

— Ну, а какъ ты, тятенька, съ волками?.. Бьешь тоже? — спрашивалъ Илюша, подвигая отца къ новымъ ласкамъ и новымъ разговорамъ.

— Зачѣмъ же я стану объ эфту сволочь руки марать? — презрительно отплевываясь, отвѣчалъ Длинный. — Мнѣ ежели въ капканъ удастся залучить какого-нибудь сѣраго ворищу, такъ я ему тогда коль принимаюсь въ глотку вбивать... Дотуда вколачиваю, покамѣстъ не засмѣется ехидный звѣрь... Пороху жалко, Илюша, на этихъ стервятниковъ, да и топоръ тоже отъ волчиной крови поганится, сказываютъ вонъ постарше-то насъ кто... Я ихъ страсть какъ терпѣть не люблю: воютъ-воютъ ночью-то, проклятые! Медвѣдь вонъ ежели, такъ тотъ, по крайности, простъ хоша... Все это онъ напрямикъ норовить... А што ты, Илюша, зайчиковъ пробовалъ рѣзать когда-нибудь? — вдругъ освѣдомлялся Длинный, повертываясь къ сыну.

— Нѣтъ, тятенька, я боюсь... рѣзать-то... — пугливо отвѣчалъ ребенокъ, вѣроятно воображая, что отецъ выхватитъ сейчасъ зайца изъ травы, поднесетъ къ нему звѣрька, трепещущаго всѣмъ тѣломъ, и скажетъ своимъ сердитымъ басомъ: «А ну-ка, сынокъ, покажи удалъ: прирѣжь-ка вотъ этого... Вотъ и ножикъ тебѣ!»

Представлялось даже ребенку, что отецъ не скажетъ ему даже: «вотъ и ножикъ тебѣ!», а просто только дастъ ему блестящее лезвее и, смѣясь, проговоритъ: «вотъ тебѣ и книга въ руки, — читай!.. ха-ха-ххо!».. Кромѣ того, ребенокъ чувствовалъ какъ на него, не имѣвшаго никакой возможности

исполнить родительскій приказъ, тяжело ложилась рука отца, и въявь видѣлъ, какъ недовольно шуршала бѣлая береза, съ которой Длинный сердито обрывалъ гибкіе прутья, рассчитывая ими вдохнуть въ сына мужество, необходимое для зарѣза зайца . . .

Но, противъ всегдашней привычки Длиннаго — поступать съ своими послушниками не иначе какъ такимъ образомъ, видѣнія ребенка оставались видѣніями, не перешедши въ область дѣйствительности, въ рѣдко когда разсвѣтающей мглѣ которой не только ребята, но даже и взрослые вѣчно наталкиваются на горе и на слезы, запряженные съ нимъ въ одну неразрываемую упряжку.

— Вотъ дурашка-то, братцы мои! Зайца боится прирѣзать, ххх-хе-хе-хе! — удивленно рекомендовалъ Длинный какимъ-то братцамъ трусость своего сынишки, на шагу, впрочемъ, за телѣгой перегибаясь черезъ ея грядущку, съ цѣлью пригладить взлохмаченные вихры трусливой головенки. — Бояться ихъ, пискуновъ, не подобаетъ, братюга ты моя, а все же ты не рѣжь ихъ . . . Я и самъ ихъ никогда не рѣзалъ; но какъ, напримѣръ, шкурки ихнія . . . бабамъ, напримѣръ, на шубейку, али тамъ на опушку. . . такъ я вотъ, Илютка, возьму зайца въ руку, ткну ему въ носъ осокой полегоньку — и сейчасъ же кидаю его, потому зачѣмъ же ножикъ, напримѣръ?.. Ножъ, вѣдь, вонъ онъ какой острый!.. Шароваровъ правду говоритъ, што онъ въ себѣ гласу никакого не держитъ и всякую душу безъ жалости загубляетъ . . . А по-моему: пуцай лучше заяцъ своей смертью забудется . . . Поковыляетъ-поковыляетъ тамъ гдѣ-нибудь, въ кустахъ на пчельникѣ, — выпуститъ изъ себя носомъ всю

кровь — и забудется... По мнѣ такъ-то вдвое слободнѣе для человѣка будетъ, чѣмъ, напрімѣръ, вдругъ за заднія лапы!... Трепыхается штуквинка сѣренькая, бьется, напрімѣръ, своимъ пискомъ все сердце тебѣ на мелкія части рветъ — и вдругъ, путевые, ровно бы въ рожокъ сичасъ: тру-ту-ту! И потомъ кинжаломъ ее... въ горлышко... Не въ разсудкѣ, Илюша, такія дѣла, — ей Богу, не въ разсудкѣ... Не рѣжь!... Оначе, што же ты не крестишься, дубина лѣсная! Аль не видишь, какая молнія-то блеститъ?.. Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ! — крестясь, шепталъ Длинный, въ виду молніи, сверкавшей изъ темной тучи, которая, время отъ времени, сердито пошумливала глухими рокотаніями отдаленнаго грома.

По такимъ временамъ Длинный накрывалъ битюга рогожей, закладывая ее ему подъ шлею, а для себя съ сыномъ устраивалъ въ заду телѣги кибитку изъ смоленой кожи — и выходило какъ нельзя болѣе хорошо, потому что вскорѣ послѣ того, какъ онъ крестился, въ кибиточную кожу начиналъ стучаться дождь рѣдкими, но крупными каплями.

«Токъ, токъ, токъ! Тукъ, тукъ, тукъ!» — стучится дождь въ кибитку въ то время, когда Длинный продолжаетъ свою рѣчь, прерванную молніей. Какъ бы защищая сына отъ убійственныхъ громовыхъ стрѣлъ, Длинный обнялъ его теплыми руками и говоритъ ему: — Чево мнѣ, Илюша, бояться на пчельникѣ? Мнѣ, слава Богу, Господь силу далъ, потому деньги эфти для чево мнѣ?... — спрашивалъ онъ, стуча кулакомъ въ бокъ кладки, звенѣвшей серебромъ и золотомъ. — Я и безъ нихъ бы... Батюшкѣ вотъ только — старичку — везу ихъ да для тебя собираю, потому онъ старъ, а ты малъ. Тебѣ,

по младости твоей, не мудро съ голоду помереть, а ему по старости еще тово не мудрѣе. А и много же, Илюша, дѣдушка нашъ скорбей претерпѣлъ! Девяносто восьмой годъ ему съ прошедшей Ооминой недѣли пошелъ, съ святого Ивана Ветхопещерника . . . Такъ-то-ся! Мнѣ, братишка, Шароваровъ Акимъ много кое-чего по мелочи разсказалъ про дѣдушку-то. Недаромъ онъ передъ сундукомъ своимъ собственнымъ на колѣночки припадаетъ и со слезами его молить: «Дай ты мнѣ,—говорить,—сундучекъ, старичку Божьему, на двѣ недѣльки займы пятьсотъ рублей! . . . Чужимъ людямъ даешь, — дай и мнѣ: я, пожалуй, и закладъ тебѣ дамъ и запись на себя Акиму велю написать, потому очень мнѣ пять сотняжекъ на перевертъ понадобилось . . . Будь я,—плачетъ передъ сундукомъ-то,—анаѳема проклять, коли не заплачу тебѣ деньги *въ строкъ*, съ ростомъ! . . . Тебѣ, сундучекъ, не обидно по грошику за рубликъ съ меня получить? . . .». Бережетъ деньгу старичекъ нашъ, Илютка . . . А съ разсудкомъ подумаешь, какъ же иначе-то ихней милости поступать надоть, потому добро ихнее звѣри расхищаютъ, батраки грабятъ, — излюбленные люди, кромѣ какъ помимо Шароварова, тоже всѣ грабятъ . . . Эхъ, Илютка, малъ-то ты у меня, мошенникъ; а то бы я сейчасъ же остановилъ жеребца — и тутъ же, на этой самой дорогѣ, съ одного маху выучилъ бы тебя, какъ *подъ ножку* сваливать опоенныхъ медвѣдей.

Между тѣмъ дождь разошелся уже какъ слѣдуетъ: онъ обдавалъ непромокаемую кожу кибитки сердито шумѣвшими ручьями; кудлатая шерсть собакъ, слѣдовавшихъ за телѣгой, была насквозь пробита имъ, и онѣ, по временамъ, тоскливо взвизги-

вали, звеня цѣпями и стараясь устроиться такимъ образомъ, чтобъ имъ можно было идти подъ телѣгой, но дождикъ и такъ пробиралъ ихъ, путавшихся между колесами въ грязныхъ дорожныхъ выбоинахъ.

Длинному часто нужно было высовываться изъ кибитки и своимъ басистымъ крикомъ прекращать это тоскливое визжанье собакъ и вытаскивать ихъ изъ-подъ телѣги за цѣпь. Заслышавши хозяйскій глосъ, умные овчары проворно вскакивали передними лапами на задокъ телѣги, нѣсколько времени ковыляли на однѣхъ заднихъ лапахъ и тяжелымъ, учащеннымъ дыханіемъ какъ бы говорили хозяину: «Эхъ, хозяинъ! Скоро ли ты ночевать на какой-нибудь постоялый дворъ въѣдешь? Ужъ и устали же мы, — бѣда! Хорошо было бы теперь нашему брату-овчару соснуть подъ темнымъ сараемъ, въ сухости. Ты гляди, какая гроза-то страшная ходитъ по небу! Глаза намъ всѣ молнія выжгла, громъ оглушилъ . . . ».

Крѣпкій битюгъ все недовольнѣе и недовольнѣе фыркалъ и трясъ погромками, потому что съ каждымъ шагомъ онъ все больше увязалъ въ степномъ черноземѣ, размытомъ дождемъ. Разговоры въ кибиткѣ совсѣмъ прекратились, потому что по темному небу, объятому почти сплошнымъ и необыкновенно яркимъ заревомъ молній, раскатывался громъ, страшныя рѣчи котораго обязываютъ все живущее на землѣ внимать имъ въ молчаливомъ ужасѣ, доходящемъ до оцѣпенѣнія.

Кромѣ этихъ ужасающихъ громовыхъ разговоровъ, ни одного звука не раздавалось на безжизненной дорогѣ, въ томительномъ испугѣ ожидавшей, когда минуетъ гнѣвная сила, въ присутствіи кото-

рой вѣковыя деревья дороги покорно опустили свои вѣтви, всегда стремящіяся къ солнцу, и смолкли веселыя птичьи пѣсни.

Нестерпимо медленно тянулась телѣга, ляская грязью, облипавшей шины ея колесъ; звонкія водяныя брызги вылетали изъ-подъ копытъ битюга, съ досадною аккуратностью вотъ уже нѣсколько часовъ выбивавшихъ изъ жидкой грязи одно и то же непонятное, дробью разлетавшееся слово: чикъ-чокъ-чвокъ!

Назойливо лѣзло въ Илюшины уши это неразборчивое слово, несмотря на то, что онъ всѣми силами старался не слушать его. Всю голову разломилъ ему эти однообразные звуки, — почему-то ему хотѣлось зарыдать во весь голосъ, но онъ сдерживался, тоже неизвѣстно почему, и только изрѣдка всхлипывалъ.

Длинный утѣшалъ ребенка, глядя его по головѣ и перемежая свои утѣшенія отрывистыми молитвами.

— Святъ, святъ, святъ! — шепталъ онъ, крестясь. — Не плачь, Илюша! Вотъ тутъ скоро «Три дворика» придутъ. На горкѣ выстроены... Сичасъ мы туда съ тобой... Спать — чудесно! Ишь, какъ обжигаетъ моланья-то? Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!...

Тоска и какое-то мучительное, разслабляющее сознаніе своего безсилія овладѣваютъ человѣкомъ, застигнутымъ въ безлюдной пустынѣ, на которую властительно налегла суровая тѣма грозы, извергающая на землю яркія молніи и громы...

— Што, братъ, попало?... Ловко вкачено?... — вскрикнулъ кто-то въ этой грозовой тишинѣ, раскатываясь крѣпкимъ и нахальнымъ смѣхомъ. Телѣга

крякнула и закачалась отъ этого смѣха, вмѣстѣ съ которымъ на ея задъ обрушилась тяжела дубина. — Вытаскивайся изъ телѣги-то! Въ кибитку тоже залѣзь... Не найдемъ, думаешь, въ кибиткѣ-то, — ха-ха-ха! Кажи деньги-то, — мы ихъ перечтемъ сейчасъ, — хо-ххо-о!..

Раздремался было Длинный, разнѣжился, утѣшая своего Илютку и чуткою душой вслушиваясь и всматриваясь въ проявленія Бога, ринувшаго грома и молніи на лиходѣевъ безлюдной дороги. Дорожный хохоть слышалъ Длинный тогда, когда его собаки стали грызть свои цѣпи и, воя и визжа, будили его: «Што же это ты все спишь-то, другъ! Обернись на врага-то! Взглянь на него!...».

Какаія-то горячія, потныя слезы скользнули по лицу Длиннаго въ виду всѣхъ этихъ головъ.

«Господи! — шопотомъ плакалъ онъ, незамѣтно отмыкая собакъ со своры. — Што же я трогаю этихъ лиходѣевъ, што ли?... Убью, вѣдь, паче чаянія ежели, Господи!... Пропусти ты грѣхъ этотъ помимо меня»...

Вслѣдъ за этой тихою молитвой раздался уже ярый крикъ Длиннаго, съ которымъ онъ тронулъ хлесткой возжей своего битюга:

— Э! Гей, дитятко, выноси! — гремѣлъ на лошадей сильный человѣкъ. — Обижаютъ насъ!... Трогаютъ!...

Послушный хозяйскому голосу, всею грудью рванулся впередъ выкормленникъ битюцкихъ береговъ. Слышно было, какъ кто-то тяжело грохнулся подъ копыта лошади, опрокинутый ея натискомъ; почти въ то же мгновенье раздался страшный вопль человѣка, пораженнаго смертнымъ ударомъ, и, на-

конецъ, все это было заглушено трескомъ колесъ и погромками, тревожно загромыхавшими на гордой головѣ выносливаго жеребца . . .

Будто сквозь сонъ слышалъ Илюша, какъ вдали гдѣ-то заливались овчары тѣмъ оглушительнымъ злобнымъ лаемъ, съ которымъ онѣ, по рассказамъ Шароварова, давятъ волка, и какъ отецъ его гаркалъ на безмолвной дорогѣ:

— До сихъ поръ еще не знаете, разбойники, когда, напримѣръ, Сидоръ Длинный съ торговъ проѣзжаетъ?.. Мало утюжилъ?.. О! о! о! Полкаша, Полкаша! Почеши ему глотку-то волчью . . . Волчокъ! Фью! Што задремалъ? Дѣйствуй въ аккуратѣ, шельма, у Длиннаго! . . . Не дремать штобы . . . А то я давно за тобой примѣчаю . . . Нерадѣніе, напримѣръ . . . Смотри, а то вѣдь я уши у тебя и хвостъ . . . все топоромъ да въ дрова . . . Илюха! Ты живъ? — слышался иногда обомлѣвшему отъ ужаса Илюшѣ свирѣпый хохотъ отца. — Я ихъ, шельминныхъ дѣтей, вставилъ въ оправу, — ха-ха-ха, — въ чудесную! . . . Будутъ теперича помнить они, каковъ кистенекъ у Сидора у Длиннаго . . . Трогай!

— Купецъ степенный! Гостекъ, милый человекъ! — стоналъ кто-то въ отвѣтъ буйнымъ возгласамъ Длиннаго. — Отдерни, Бога для, собачку-то отъ меня! . . . На слободу штобъ мнѣ отъ ней . . . Што же это, Господи? Вить, она сейчасъ вдосталь покончить съ моимъ животомъ? Эй, отгони собачку, честный купецъ! Не то грѣхъ большой на твою душу падеть, потому у меня ребята махонькіе дома сидятъ. Отпусти душу на покаянье для махонькихъ-то! Они за тебя Бога помолятъ . . .

V.

Обыкновенно, послѣ этихъ страшныхъ сценъ грозовой ночи, Илюша заболѣвалъ. Онъ бредилъ тогда спасительными «Тремя двориками», куда отецъ примчалъ его чуть живого; въ его воспаленныхъ глазахъ мелькала какая-то морщинистая старуха, которая обмывала Длинному окровавленную голову и накладывала на его многочисленные раны и ссадины какія-то мази. Совершенно не зная, кто эта старуха, больной мальчикъ неотступно просился у матери, дѣда и отца, просиживавшихъ надъ нимъ цѣлыя ночи, чтобъ они отвезли его къ старухѣ — Аграфенѣ, у которой, вдругъ ему вспомнилось почему-то, есть холодная-прехолодная вода . . . И самыя рѣчи Аграфенины припомнилъ онъ такъ хорошо, что даже повторялъ ихъ, несказанно удивляя этимъ отца.

— Вода ты холодная-расхолодная, ключевая, пресвѣтлая! — слышалъ онъ, какъ, будто, шептала Аграфена, склонившись надъ нимъ своимъ старческимъ теплымъ лицомъ и брызгая въ то же время на него живительными водяными брызгами. — Бѣжишь ты по тремъ горамъ каменнымъ, пропустилъ тебя Господь скрозь тринадцать темныхъ пещеръ и пропастей, всѣ ихъ тебѣ слѣпые переулочки знакомиты . . . Скатика-сь ты, водицушка свѣтлая, съ головушки раба Божія, младенца Иліи, всѣ его лихія болѣсти — и знобъ, и жаръ, и трясавицу, и сухотницу . . . На весь вѣкъ закуй ихъ желѣзными цѣпями въ каменные горы, въ кромѣшныя пропасти, штобъ онѣ по свѣту не ходили, по тебѣ, по водѣ бы, не плавали, по вѣтру не летали, добрыхъ людей не бездолили . . . Аминь!

И вотъ снится Илюшѣ, будто онъ выздоровѣлъ; вотъ, изъ какой-то страшной, чуть видной дали, изъ непрогляднаго мрака горныхъ пропастей выглядываютъ на него мертвыми, неподвижными глазами костлявыя лица — «зноба и жара, трясавицы и сухотницы», которыя силой Аграфенина шопота скачены съ его головы и безповоротно засажены въ глубокія каменные пещеры. Благодарные могучей волшебницѣ, такъ славно расправляющейся съ «лихими болѣстями», дѣдъ, отецъ и мать Илюши везутъ его теперь «на поклонъ» къ ней. Ребенокъ бѣжитъ около телѣги въ вѣнкѣ, которымъ мать убрала его голову, отчего эта маленькая голова представляется теперь какимъ-то скачущимъ и хохочущимъ цвѣточнымъ снопомъ. Основаніемъ вѣнка было толстое плетенье изъ задумчиво-зеленаго и пахнущаго кипарисомъ «божьяго дерева». Изъ этого зеленаго плетенья уже выглядывали пугливыя «васильки», у которыхъ такіе дѣтскіе, голубые глазки, улыбались нѣжно-розовые колокольчики, трепеща, бѣлѣли тонкіе листочки «горюнчиковъ», жаромъ горѣла желтая «куриная слѣпота» — и, наконецъ, какъ бы оберегая всю эту разноцвѣтную слабость, изъ вѣнка торчали сердитые усы пшеницы...

— А ну-ка, Илютка, обгони битюга-то! — весело и громко хохоталъ Длинный, смотря на мелкіе, но необыкновенно частые шажки цвѣтнаго снопика, когда онъ усиливался нести свою прискакивавшую и хохотавшую головку въ рядъ съ шагистымъ битюгомъ. — Эй, Илютка! — все пуще и пуще надрылся со смѣху Длинный. — Гляди-ка, братишка: въ кустахъ-то у тебя вороны гнѣзда повили...

— Не дразни дитѣ, Сидоръ! — смѣялась въ это

время вѣчно вздыхавшая и слезившаяся Илюшина мать, осмѣливаясь при этомъ легонько толкнуть мужа въ спину. — Вишь, какова паренька-то я тебѣ, молодчика, родила!.. Идѣ, идѣ у него назади твоя лошадь осталась, — ха-ха-ха! Взглянь, дѣдъ, на парня-то: вить, онъ битюга-то Сидорова, хваленый-то какой у него, — вить, онъ его до смерти загналъ, — ха-ха-ха!..

— И есть — загналъ! — согласно шамкалъ дѣдъ, трясая бѣлоснѣжною бородой и, по своему старческому обыкновению, обнажая красныя беззубыя десны вмѣсто того, чтобы засмѣяться. — Эва, сколько онъ, напримѣръ, передо забралъ у Сидоркина коня, — хе-хе-хе! — какими-то дрожащими звуками, весьма, впрочемъ, удовлетворительно изображавшими довольнаго и веселаго человѣка, рассыпался дѣдъ надъ прытью своего внученка, который могъ «эва — сколько забирать у лошади передо»...

Затѣмъ больной Илюша явственнно слышалъ, какъ дѣдъ кричалъ ему вслѣдъ:

— Илютка! Бѣжи скорѣй, садися на телѣгу, пострѣль! Вотъ онъ — узюмъ-то идѣ у меня, въ кошелѣ, — хе-хе-хе! мяконькій. Только намъ его съ тобой, старичкамъ беззубенькимъ, и потреблять...

Ужасно какъ весело было ребенку во время этихъ счастливыхъ видѣній, которыя иногда показываетъ человѣку злая горячка; но зато эти сладкія грезы съ поразительною быстротой смѣнялись другими грезами, такими же буйными и тревожными, какъ тревожна и буйна была ночь, отъ ужасовъ которой заболѣлъ ребенокъ и едва-едва успѣлъ ускакать его крѣпкій отецъ.

Неимоверно муча больной ребячий мозгъ, обжигали его летучія молніи и потрясали громовые раскаты. Тоску и какіе-то гнѣвные укоры видѣлъ Илюша на безконечной, объятой тьмою, дорогѣ; по временамъ тьму этой дороги разрывали молніи, и тогда ребенокъ видѣлъ, какъ его родной отецъ былъ плотно припертъ къ какой-то развѣсистой ветлѣ двумя-тремя мужиками, дико кричавшими что-то и высоко взмахивавшими толстыми руками . . .

Хриплымъ, надорваннымъ голосомъ подкликивалъ тогда Длинный своихъ собакъ, а ребенокъ, при видѣ отцовской безпомощности, безъ чувствъ упалъ въ телѣгу, и ежели по минованіи обморока въ глаза Илюши снова сверкала молнія, то онъ видѣлъ уже другую картину: отецъ его, снова овладѣвши своимъ богатырскимъ басомъ, будилъ степь раскатистымъ смѣхомъ и, вмѣстѣ съ собаками, точно такъ же издѣвался надъ мужиками, какъ они только сейчасъ издѣвались надъ нимъ у развѣсистой ветлы . . .

Все это больше и больше увеличивало болѣзнь ребенка. Созванные кличемъ Длиннаго, со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ богатое купецкое поселье самые знаменитые знахари и знахарки. Нѣкоторые изъ нихъ, чуть-чуть только на синемъ степномъ небѣ начинала заниматься утренняя зорька, на рукахъ выносили соннаго ребенка въ густыя чащи дремавшаго осинника. Тамъ эти бородатые, сѣдые лѣкаря и эти старыя, еле-еле передвигавшія ноги, лѣкарки — съ жаркими слезами молились Богу, прося Его потомъ, чтобъ Онъ снялъ «болѣсть» съ младенца Ильи и перенесъ бы ее, Батюшка милостивый, на этотъ осинникъ, который, какъ давно извѣстно было лѣкарямъ и лѣкаркамъ, трясется весь и дрожить съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ повѣсился

на одномъ изъ этихъ деревьевъ проклятый Іуда Искаріотскій . . .

Другіе знахари клали «дитѣ» въ квашню, наполненную почти горячимъ тѣстомъ, справедливо ожидая, что вмѣстѣ «съ паромъ», какой завсегда идетъ отъ «батюшки-хлѣбушки», уйдетъ и разойдется по небу ребячья болѣзнь . . .

Третьи морозили несчастнаго мальчика въ холодной, какъ ледъ, водѣ, въ которую насыпали уголь. Въ этомъ случаѣ лѣкари полагали, что человѣческія боли, «попавшись промежъ свѣтлой воды и чернаго угля», должны стиснуться между этими противоположными вещами и «тамъ здохнуть» . . .

Несмотря на многое множество другихъ лѣкарствъ, которыми помогали Илюшѣ, онъ все рвался куда-то съ своей постели и кричалъ:

— Бабушка Аграфена! Принеси мнѣ водицы напиться . . . Не вели, тятка, Полкашкѣ чужого мужика грызть . . . Не люблю . . . Слышь, какъ стонетъ! Ты лучше самъ по шапкѣ-то ему развернись кулакомъ . . . Хо-хо-хо! — хохоталъ ребенокъ, какъ попугай, передразнивающій басистаго человѣка. — Прочитай ему, тятка, въ шапку-то . . . Погромчѣй, напрімѣръ . . . Ха-ха-ха! Помнишь, какъ ты на пчельникѣ-то прочиталъ одного мужика?..

Слушая этотъ бредъ Илюши, сѣдой дѣдъ его, тоже какъ бы въ бреду, кричалъ знахарю, медленно похаживая по горницѣ и постукивая въ ея дубовый полъ дубовымъ же костылемъ:

— Загуби, другъ, болѣсть у внученка, — братомъ мнѣ станешь!.. Крестами съ тобою смѣняемся, — сичасъ, вотъ, хочешь?.. Вѣдь наслѣдникъ онъ мой — Илютка-то, слышь?.. Ахъ ты,

братъ! Какъ же это ты горя моего не знаешь, — чуденъ же ты только!.. Передъ Богомъ тебѣ ска- зываю... Хошь мѣру серебра?... На отборъ, а?... Самъ и амбаръ тебѣ отопру... Мало у меня, при- знаться, у самого золотца про старость мою, — вдругъ останавливался старикъ передъ трепетавшимъ знахаремъ, впиваясь въ него своимъ хищнымъ взгля- домъ. — Мало золотца про себя — вотъ тебѣ Богъ! — дрожащимъ шопотомъ божился старикъ и дружески трепалъ знахаря по плечу. — Охъ! без- дѣлица сущая!.. Ну, да тамъ... какъ-нибудь... повремени ежели... я тебя вспомню, другъ — ей-ей! Я тебѣ и золотца тамъ маленечко въ рукавичку всыплю...

Страшенъ былъ Илюшинъ дѣдъ, когда онъ хо- дилъ по горницѣ и говорилъ эти отрывистыя слова. Онъ, какъ нельзя болѣе, походилъ тогда на льва, запертаго въ клѣткѣ; точно такъ же, какъ левъ, медленно расхаживаясь, съ плавностью часового ма- ятника раскачивая изъ стороны въ сторону сѣдую, мохнатую бороду, приюхиваясь по временамъ къ чему-то неожиданному и изрѣдка презрительно- фыркающа...

— А еще тоже лѣкаремъ тебя прозываютъ! — фыркалъ дѣдъ прямо въ носъ знахарю, въ заклю- ченіе своихъ разговоровъ. — Съ эдакой пустою болью ты справиться не умѣешь... Мошенникъ ты, а не лѣкаръ! Попался бы ты мнѣ на Хопрѣ- рѣкѣ въ руки, когда мы тамъ съ батюшкой, съ по- койничкомъ... О-охъ-хо-хо!.. Ну да вотъ што: проваливай отсюдова, шельма, поколѣ не захотѣ- лось мнѣ рукъ объ тебя осквернить...

Еще страшнѣе во время сыниныхъ болѣзней бы- валъ Длинный. Онъ въ угрюмомъ молчаніи смо-

трѣлъ, какъ отецъ его прогонялъ знахаря, «лучче какова, кажись, весь свѣтъ пройди, — не найдешь», и затѣмъ безъ словъ уходилъ въ какую-нибудь лѣсную чащу. Тамъ онъ, закрывши лицо руками, усаживался на поваленномъ бурею дубѣ или соснѣ. Такъ онъ подолгу сиживалъ въ полной неподвижности: изрѣдка только въ груди его хрипѣли какія-то удушливыя рычанія, напоминавшія нѣсколько человѣческой вскрикъ: «эх-хъ ты!» да потомъ — которая-нибудь изъ рукъ великана тяжело упала на гнѣющее дерево, сбивая съ него кору, или сучья, и кроваваясь сама, на что, впрочемъ, Длинный не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Звѣри вырыскивали изъ лѣса, пріютившаго горе сильнаго человѣка; а многочисленные люди усадьбы даже и въ мысляхъ своихъ не могли допустить, чтобы вызвать хозяина «изъ дремы» и утѣшить его...

— Очнется, — самъ придетъ! — уныло перешептывались они. — Про Илютку-то спросить... Какъ же... развѣ онъ стерпитъ?.. Вотъ день другой только намъ перетерпѣть надоть... А то попадись-ка ему въ эдакой часъ...

Однѣ только усадебныя женщины по-своему утѣшали Илюшину мать. Словно бы сговорясь и заранѣе спѣвши съ хозяйкой, онѣ, рыдая, оплакивали съ нею почти одинаковыми словами болѣзнь ея сына: «во всю-то жисть... о-ох-хъ! въ жизненскую»...

Истериическія всхлипыванія, очень часто доходившія до обмороковъ, прекращали этотъ плачущій женскій разсказъ о томъ, что, именно, случилось въ старину съ женщинами купеческаго поселья «во всю ихъ жисть жизненскую»...

Плакалось тутъ о какихъ-то свѣтлыхъ глазуш-

кахъ, которые, прежде чѣмъ всходило солнце и осушало ихъ вѣчныя слезы, обыкновенно были выѣдены уже ѣдкою росой, — горевалось также о ретивыхъ сердцахъ, «отроду-родясь» не знавшихъ радостей, — приравнивались эти несчастныя сердца къ безпомощнымъ цвѣтамъ, которые цвѣли-цвѣли, да взяли вдругъ — и поблекли... Эти такъ неожиданно-скоро гаснущіе цвѣтники давали женщинамъ поводъ, какъ говорилось встарину, «ластить горю» матери, сравнивая съ ними цвѣтущую красоту ея сына. При воспоминаніи о ней, въ надорванныхъ грудяхъ утѣшительницъ затепливался уже, вмѣстѣ съ свойственнымъ всякому человѣку желаніемъ — успокоиться, хоть какъ-нибудь, отъ мучительнаго горя, нѣкоторый лучъ надежды, освѣщавшій горькое плаканье свѣтлыми, утѣшительными словами: «д-да, не згинетъ твой... яс-ной сок-коль»...

— Это што же мы долго такъ будемъ?.. — мгновенно спугнувши плачъ, спрашивалъ Длинный, неожиданно входя въ хоромы. — Гдѣ Илютку-то теперича положили? Куда къ нему? Што это вы все тутъ, ровно по мертвому... голосите, напри-мѣръ?.. И безъ васъ тоска обуяла...

— Илютка! живъ ты? — тихимъ шопотомъ спрашивалъ отецъ, входя въ горницу, въ которой лежалъ его больной сынокъ. — На-ка вотъ: сотикъ я тебѣ въ лѣсу добылъ... слезкой!.. Весь насквозь видно!..

Но рѣдко когда видалъ Илюша эти диковинные *сотики слезкой*; а настоящихъ слезъ, которыя сверкали въ отцовскихъ глазахъ, такъ даже совсѣмъ никогда не видалъ, потому что Длинный стыдился плакать, и ежели когда слезы готовы были пока-

заться на его глазахъ, то онъ строгимъ кряхтѣньемъ непремѣнно задерживалъ ихъ въ своей выносливой груди . . .

Наконецъ, Илюшу выплакали и вымолили у смерти: онъ сталъ выздоравливать, и тогда дѣдъ, отецъ и мать изъ всѣхъ силъ принимались мучить его своими разнообразными ласками. Такъ, старый дѣдъ, побрякивая ключами, висѣвшими у него на поясѣ, поминутно шатался съ своимъ наслѣдникомъ, приглашая его съ собой въ различныя хранилища разнообразныхъ сокровищъ его широкаго хозяйства.

— Вишь вонъ, Илюша, хлѣба-то . . . Эва!.. Одной пшеницы, можетъ, сколько пудовъ . . . Шароваровъ вонъ знаетъ, потому онъ записываетъ . . . Онъ, братчикъ, не то, что мы съ тобой — слѣпые, на примѣръ . . . О! онъ бѣда какъ это все! . . . Ты глядишь ему въ бумагу-то, палочки однѣ видишь да херики какіе-то, а онъ тебѣ сичасъ: «А всего, — говоритъ, — проса въ среднемъ амбарѣ за два года свалено шесть тысячъ триста семь четвертей съ осьминой. Ну, это, — скажетъ, — семь-то съ осьминой четвертей, пожалуй, мышата поѣли», — ужъ вѣрно его слово, Илюша! Онъ, братъ Илья, повертѣлъ таки умкомъ на свсемъ вѣку . . . Такъ-то-ся!

— А это вотъ, — продолжалъ домовитый старчина, подходя къ какой-нибудь постройкѣ, — тутъ это у насъ . . . — шепталъ онъ, тревожно озираясь во всѣ стороны. — Съѣшь-ка вотъ, Илюша, жамочку мятную, я ее у матери для тебя давича скралъ, — хе-хе-хе! . . . Она, дура, думаетъ: не видалъ я, какъ она еще на Духовъ день стащила у меня изъ каморки жамки-то, фунта съ два, пожалуй, выдетъ, да сладкихъ стручьевъ, да орѣховъ грец-

кихъ... Такъ и было — не видалъ я... Какже! Я себѣ въ умѣ, напротивъ тово, думаю: пушай. молъ, прячетъ, — пушай! Вотъ я ихъ теперича и скралъ... себѣ опять... Назадъ штобы... хе-хе-хе! Ты ей, смотри, не сказывай — дурѣ... Я у ей, Илья, хочу и деньги скрасть и это, какъ?... уборы-то ихніе, разные, — хе-хе-хе!... Лучше же я ихъ въ сундукъ къ себѣ спрячу... Будемъ себѣ тогда двое на нихъ поглядывать, а! Такъ вить?

Разговаривая такимъ образомъ съ внукомъ, старикъ лакомо посасывалъ мятную жамку, украденную имъ у снохи. Илюша, тоже закупленный пряникомъ, съ достаточнымъ для ребенка терпѣніемъ посматривалъ на дѣда, какъ онъ, не по-всегдашнему веселый и кроткій, повертывалъ громаднымъ ключемъ въ скрипучемъ, заржавленномъ замкѣ.

— А тутъ у насъ вотъ што! — рекомендовалъ дѣдъ, отворяя тяжелую дверь постройки и вводя внука подъ ея сырые кирпичные своды, гдѣ крѣпко и устойчиво стояли большія, въ ростъ человека, кадушки, доверху наполненныя вѣнскими пятаками, гривнами и т. д. Изъ кадушечекъ поменьше какою-то задумчивой и унылой улыбкой посверкивало серебро, подернутое зеленою плѣсенью.

— Тутъ, Илюша, — растягивалъ дѣдъ какимъ-то недоумѣвающимъ шопотомъ: — тутъ што-то тыщевъ этихъ самыхъ... дюже, будто, много выходитъ... Шароваровъ, вонъ, Акимъ все это прописалъ въ каморочкѣ у меня... Разговѣмшись, мы съ нимъ однова въ Свѣтлое Христово Воскресеніе заперлись въ каморочкѣ и принялись, напримѣръ, орѣхи желѣзками тюкать... Разговариваемъ промежъ себя такъ-то... объ старинномъ все... Ну,

онъ тутъ на стѣнѣ зеленою краской вывелъ . . . У хозяина мово, говоритъ, у Чернолобова, вотъ эстолько-то, напимѣрь, тыщевъ! Да еще вотъ знахари-разбойники меня подкузмили, Илютка, — сморщивался дѣдъ. — Легкое ли дѣло: полтинъ, можетъ, сотни съ три, али куда болѣе тово я имъ за тебя передавалъ. А одинъ изъ нихъ, Илья, слышь, што сказалъ мнѣ: «сыпь, — говоритъ, — полмѣры золота дѣдъ, — вылѣчу внука» . . . Н-ну, я же его сичасъ за такой разбой . . . Хе-хе-хе! . . . И, вить, чутокъ только и дотронулся-то костылемъ до погани . . . А онъ это, значить, не умѣлъ колдовать-то, какъ надоть . . . р-разбойникъ!

Съ страшною завистью смотрѣла мать на власть свекра, ревниво, за однимъ собою, повсюду таскавашаго ея родного, кровнаго сына. Поэтому она очень часто, какъ бы не примѣчая того, что сынишка ея ходить съ дѣдомъ, прикрикивала на него, укоряя въ баловствѣ и въ прочихъ, не подходящихъ къ хорошему человѣку, поступкахъ:

— Вишь, баловень какой зародился, — бурчала старуха, просвѣтленная было выздоровленіемъ сына, но теперь снова возвратившаяся къ своимъ непрестаннымъ и глубокимъ вздохамъ. — Пра, баловень! Нѣтъ бы съ матерью посидѣть да подсобить ей какъ-нибудь . . . У матери-то, можетъ, цѣльный день во рту куска хлѣба не было . . .

— Иди, иди, Илюша! — плутовски подмигивалъ дѣдъ внуку, какъ бы не примѣчая безсильнаго и, какъ онъ называлъ, «безтолковаго бабьяго шаборшанья» своей снохи. — Пройдемъ съ тобой на мельницу, — что тамъ дѣлается, посморкаемъ малость! — трунилъ онъ надъ слезливой старухой, нарочно уводя Илью какъ можно подальше отъ ма-

тери и тѣмъ, какъ будто, желая сказать ей: «Прокараулила жамки-то мятныя, и сына такъ-то прокаркаулишь, и уборы... Такъ-то! Все у тебя, у дуры, скраду и къ себѣ въ сундукъ спрячу, — хе, хе, хе!..».

Разумѣется, Илюша терялся между этими двумя огнями. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: то ли посидѣть съ матерью и помочь ей, то ли продолжать съ дѣдомъ безконечное странствованіе по его безконечнымъ амбарамъ. Такое недоумѣніе ребенка разрѣшалось зычнымъ голосомъ Длиннаго, который, въ свою очередь, тоже обрушивалъ на него свою собственную ласку.

— Илютка! — кричалъ онъ на него такъ же голосисто, какъ и до болѣзни. — Што ты пасть-то разинулъ, — вороны влетятъ. Нашелъ кого слушать! Подъ-ка, вотъ, возьми топорикъ, — нарочно для тебя, дурня, въ Каширѣ сковать велѣлъ онамедни, — да отеши малымъ дѣломъ шуковинку, вонъ, энту кленовенькую... Дюже она мнѣ на пчельникѣ понадобится... Ты на пчельникѣ со мной махнешь, али въ поселѣи останешься да на печь заляжешь, а? Ха-ха-ха!

Вообще, всѣ эти люди, обрадованные выздоровленіемъ своего сокровища, начинали, въ несказанной любви къ ребенку, смотрѣть на него какъ на такого человѣка, который уже совсѣмъ большой, но который, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію дѣда, на «Хопрѣ-рѣкѣ» еще не бывалъ и изъ семи печей хлѣба не ѣдалъ»; по мнѣнію матери, онъ выходилъ тоже здоровымъ и красивымъ парнемъ, но еще «не хлебнувшимъ горюшка-то этого самаго», не знавшимъ, «каково оно — это горюшко-то — живетъ на бѣломъ свѣтѣ»; а Длинный — тотъ просто-напросто

полагалъ, что теперь «пришла самая настоящая пора припрягать парня помалехоньку, поначалу-то хоша въ пристяжку, трусцой . . . А тамъ — што Господь пошлетъ» . . .

Такимъ образомъ, всѣ эти добрые люди считали необходимымъ обучать ребенка всѣмъ тѣмъ полезнымъ вещамъ, которыя самимъ имъ были извѣстны въ завидной тонкости — и потому дѣдъ потчевалъ Илюшу перекраденными жамками и показывалъ ему свои богатства, мать старалась привязать его къ себѣ, вызывая въ немъ ту жалость, которую чувствуетъ всякій мужественный и добрый человѣкъ къ женщинѣ, сломленной до отчаянія всеильнымъ голодомъ, а Длинный всучивалъ въ трепещущія ребячьи руки топоръ и велъ сына въ одиночку на медвѣдя, съ ревомъ оцетинившагося на дѣтскую слабость . . .

До двѣнадцати лѣтъ дожилъ Илюша, а ни разу еще не слыжалъ, чтобы старикъ Акимъ Шароваровъ назвалъ его сокровищемъ или наслѣдникомъ, ни разу не побаловалъ его ни однимъ гостинцемъ, потому что самъ онъ постоянно ѣлъ только одинъ хлѣбъ и запивалъ его квасомъ. По собственнымъ словамъ Акима Шароварова выходило, что онъ, грѣшный человѣкъ, ѣстъ и «убоину», и употребляетъ всякія сласти, но особыхъ «скусу» и «сытости» въ нихъ не находитъ . . . Ёстъ же онъ, Шароваровъ, все это для одного «прилику», чтобы добрые люди не вошли въ грѣхъ, осудивши его «за трезорство». Вотъ-де, скажутъ люди, и трапезы съ нами святой не подѣлилъ. Онъ ли, не онъ ли — Акимка этотъ — и человѣкъ одинъ на всемъ свѣтѣ завелся, а мы-то, по-его, выходимъ, должно быть, окаянные всѣ . . . Точно такъ же Шароваровъ, какъ часто

дѣлали это усадебные мужики, никогда не предлагать сокровищу своихъ хозяевъ:

— Пожалуй-ка, Илья Сидорычъ, смилостивись, хозяйинушка молодой! Сядь ко мнѣ на закорки, я тебя по двору покатаю . . . Хочешь рысью, а хочешь, такъ скокомъ, напимѣрь, пустимъ . . .

Напротивъ, Шароваровъ, когда только слышалъ подобныя предложенія, непременно подходилъ къ услужливому мужику и, покачивая сѣдою головой, тихо говорилъ ему:

— Глупый ты, глупый! Ты ужъ и образъ-то человѣческій задумалъ на лошадиный смѣнить . . . Поди въ избу-то перекрестись тамъ, Божій ты человекъ! . . .

Неуклюже трепыхая широкою, просмоленною рубахой, услужливый мужикъ проворно убѣгалъ въ избу отъ унылыхъ укоровъ Шароварова, злобно шепча по дорогѣ:

— Пр-роказ-за! . . . Иг-гипицкая, напимѣрь . . .

Но, несмотря на то, что большинство усадебныхъ людей, въ глубинѣ своихъ сердецъ, относилось къ Акиму какъ къ египетской проказѣ, Илюша все больше и больше привязывался къ нему. Это, впрочемъ, была даже и не привязанность, а какая-то рѣдкая, почти неразрывная дружба между старымъ и малымъ, которая вѣчно шаталась по лѣснымъ и луговымъ берегамъ Воронежа, собирая лѣкарственные травы, или просто, въ лицѣ одного Шароварова, славословя Бога, «какъ ризой одѣвшаго» въ дивный свѣтъ все это неоглядное раздолье водъ, полей и лѣсовъ. Даже ненастье рѣдко когда беспокоило друзей въ ихъ ежедневныхъ походахъ, потому что распляшутся ли на песчаномъ рѣчномъ откосѣ длинноногія цапли, выползутъ ли изъ своихъ

темныхъ норокъ на свѣтъ Божій земляные черви, начнетъ ли всегда сопровождавшій ихъ журавль печально курлыкать и припадать къ землѣ грудью — Шароваровъ уже зналъ, что будетъ дождь — и дождь не одинъ, а съ сильнымъ вѣтромъ. И вотъ, старикъ, поспѣвая къ какой-нибудь кровлѣ, говорилъ своему питомцу:

— Поспѣхай, поспѣхай, Илюша! Скоро дождикъ пойдетъ. Успѣть бы намъ до него къ Кузьмѣ рыбаку въ шалашъ забраться, — чудесно бы вышло! Вишь, вонъ червь-то земляной наружу выползъ... Ты думаешь, хочется ему потонуть-то?.. Поспѣхай, поспѣхай!

— Ну, а это што же? — спрашивалъ Илюша, поднимая кверху потное, жмурившееся отъ солнца, личико, такъ, чтобъ оно, по возможности, стояло въ уровень съ лицомъ его стараго друга. — Ну, а это цапли-то къ чему жъ... пляшутъ это онѣ, кричатъ тоже?.. — недоумѣвалъ ребенокъ. — Журушка вонъ, крыльями трепыхаетъ въ травѣ... плачетъ...

— Чудакъ ты Илюша! — удивлялся Шароваровъ. — Какъ же ему не плакать? Сичасъ ему буря всѣ перья должна врастопырь пустить... въ разныя, то есть, стороны вздуть... Какъ же? А ты поспѣхай, все поспѣхай, Илья! Видишь вонъ облачко-то: во-во-во! Это оно самое, дитяtko, ровно бы перомъ вокругъ себя опушено... Изъ него-то и полыснетъ сичасъ... Изъ него-то и хлынетъ, — ты не гляди, што оно такое румяное, будто стыдится... Вотъ онъ, журушка-то, и засыпаетъ себя въ песку, штобы дождикъ его до тѣла не пронялъ... Побѣгемъ! Вишь, вонъ, какъ застучалъ!.. — А про цаплю не знаю, — неуклюже,

по-стариковски шлепая босыми ногами, кричалъ на бѣгу Шароваровъ. — Про што не знаю, тово тебѣ не скажу . . . А такъ это она, по моему разуму, къ дождю завсегда пляшетъ . . . Должно, любить такъ-то . . . плясать это . . . крыльями махать . . . Бѣжиты, пострѣль! — поощрялъ онъ ребенка, самъ, между прочимъ, оставшись далеко назади его — Рубаху-то на тебѣ всю измочить. Рубаха-то, вить, на тебѣ, напимѣрь, коломенковая, дорогая . . .

Вздогнули запыленные и засушенные листья деревьевъ и травъ отъ застучавшаго по нимъ *косо*го *золото*го дождя. Его золотыя брызги упали также въ тихую рѣку и развели по ней плавно расходившіеся серебряные круги. Все шумнѣе и шумнѣе слетали на землю дождевые столбы, но изъ рыбачьяго шалаша, повитаго сизоватымъ дымомъ, уже выставилась черная, волосатая голова рыбака Кузьмы, которая со смѣхомъ кричала:

— Акимка! Ты это, братъ? Ахъ, шуты тебя носятъ! Ха, ха, ха! И журавъ съ тобой, — ха-ха-ха! И Илютка, — бат-тюшки! А я заскучалъ было безъ народу, — уху съ досады-то хотѣлъ было наземь вылить . . . чебурахну, молъ, ее въ рѣку, — ну ее! Надоѣла, значить! . . Ну, таперица ничего, — слава Богу! Про всѣхъ хватить ухи. Хлѣбъ-то есть при васъ? — спрашивалъ Кузьма у пришельцевъ, съ размаху, на четверенькахъ вскочившихъ въ низкое отверстіе его шалаша.

— И хлѣбъ есть, и соль! — радостно отвѣчалъ Шароваровъ, растягиваясь на сѣнѣ, устилавшемъ шалашъ.

— То-то! — не менѣе радовался и Кузьма. — Хорошо это, хлѣбъ-то ежели . . . А то меня безъ

него, на одной рыбинѣ, такъ-то ли было тошнить принялось . . .

Домой странники возвращались тоже въ полномъ покоѣ, нисколько не боясь возобновленія только что прекратившагося дождя, потому что гостепріимный Кузьма, проугощавшій имъ всю свою уху и, въ свою очередь, съ голодухи поѣвшій у нихъ весь хлѣбъ, прямо сказалъ:

— Што же, ребята, доколева въ шалашѣ-то у меня вы сидѣть будете? Вамъ домой пора, потому — обмеркнетъ скоро.

— Да вотъ дождь какъ бы . . . опять какъ бы не припустилъ! — сомнѣвался Илюша, жалѣя будить Шароварова и съ боязнью посматривая на далекую сѣрую тучу, порожденную тѣмъ облачкомъ, которое, по словамъ Акима, ровно бы перьями округъ себя было опущено.

— Какой же теперича дождь, малюга? — спрашивалъ Кузьма, видимо, досадуя на нелѣпость ребячьяго предположенія. — Дождю теперича какъ же можно итить? Тучу всю въ даль стащило . . . А кромѣ того, ты ослѣпъ, што ли, хозяйскій ты сынъ? Не видишь, какъ щука-то хвостомъ по рѣкѣ застегала? Вѣдь, это все къ тому подходитъ, што мошкарка надъ рѣкой затолкала . . . Намъ съ тобой ту мошкарку не видать, а рыбѣ — видать, потому она ею кормится . . . Чево на меня зѣньки-то пѣлишь, — я не писанный, а сказываю тебѣ по-божескому, што мошкарка передъ дождемъ толочься на рѣкѣ не захочетъ, потому дождикъ ее съ однова маху засѣчь должонъ . . . Такъ-то-ся! Ты учись, братъ! Не махонькій боровокъ выросъ, — слава Богу! . . . Гей, Акимка, вставай! Мнѣ на лодку пора. Прощайте покамѣстъ. Признаться, надоѣли вы мнѣ таки

съ журавлемъ-то со своимъ . . . Порядкомъ при-
скучили . . . Хлопотъ тутъ безъ нихъ на троихъ,
а они — эва! съ хлѣбомъ пришли . . . Безъ васъ-то
я, можетъ, сколько бы ее теперича, этой рыбины,
нацѣплялъ! Вотъ што! А онъ теперь, можетъ,
Богъ его знаетъ, гдѣ разгуливаетъ — сомъ-то . . .
Вить, я его тоже другой день въ камышахъ-то ка-
раую, братцы! . . . Махонькій онъ кабы ежели
былъ, такъ по мнѣ, сколько вамъ требуется, сиди-
те . . . въ шалашѣ-то . . . Шалашъ про всѣхъ сдѣ-
ланъ.

Такимъ образомъ, удачно избѣгая бурь и непо-
годъ, которыя почти постоянно были предвѣщаемы
птицами родныхъ береговъ, дружба стараго и малаго
совсѣмъ безъ труда, нечувствительно какъ-то, да-
леко еще въ тѣ времена непротореннымъ путемъ
церковно-славянской азбуки домекнулась до того,
что человѣкъ, изрѣдка только могущій любоваться
красными лѣтними днями, долженъ быть «благоче-
стивъ и уповать на Бога». Всѣмъ сердцемъ своимъ,
говорила азбука, должны прилѣпляться къ Богу всѣ
люди, а особенно тѣ изъ нихъ, которые, будучи раз-
бужены свистомъ зяблика, звенящимъ наподобіе
стали, знаютъ уже, что скоро теперь по небу загу-
ляетъ гроза, которая проливнымъ дождемъ зато-
питъ низменные степные посѣвы. И ежели такіе
люди, пробудившись, не слышали роковой пѣсни зя-
блика, то, вмѣсто ея, ихъ лица были облѣпляемы
тонкими летучими нитями, которыя прядутъ «воз-
душные пауки» въ знаменіи того, что солнце цѣ-
лыхъ полмѣсяца будетъ зорко и безъ перерыва
смотрѣть на землю своимъ жгучимъ взглядомъ и
до тла выпалить ея сады и поля и высушить воды . . .

Отъ азбучной истины недалеко было уже и до

Бога, защищающаго человѣка отъ житейскихъ золъ.

Лѣтъ до семнадцати Илюша все еще не зналъ Бога, хотя, подъ руководствомъ Шароварова, онъ разъ десять ужъ успѣлъ прочитатъ Часословъ и Псалтирь. Звонкою скороговоркой читывалъ онъ въ ближайшей церкви «Славословіе» у заутрени и «Часы» передъ обѣднею, такъ что попы, какъ въ тѣ времена называли весь церковный причтъ, слушая его чтеніе, диву давались: «откуда-де, сладкопѣніе такое малому отроку дадено?» Много онъ перечиталъ толстыхъ книгъ, уставомъ переписанныхъ собственными руками Шароварова: зналъ онъ изъ этихъ книгъ, какъ, напримѣръ, нѣкто «Косьма Индикопловъ, Симонова монастыря скорописьменникъ», объяснялъ: «чего для червлено яйцо на великъ день?» Несказанно удивлялся Илюша умственной остротѣ скорописьменника Симонова монастыря, когда читалъ въ начертаной имъ рукописи: «примѣнено бо яйцо ко всей твари: скорлупа — аки небо, плева — аки облацы, бѣлокъ — аки вода, желтокъ — аки земля, а сырость средѣ — аки грѣхъ въ мірѣ, и Господь Іисусъ Христосъ, воскресъ отъ мертвыхъ, всю тварь обнови кровію, яко же и яйцо украси, и сырость грѣховную изсуши» . . .

И въ нѣкоторой другой, тоже рукописной книгѣ, которая называлась «Гранографъ», Илюша, навостриваясь грамотѣ, прочитывалъ такіе вопросы и отвѣты:

«Вопросъ: Повѣждь ми, человѣче: отъ матери своея кто изыде единожды, погребшеся же дважды?

«Отвѣтъ: Сынъ вдовицы Наинской.

«Вопросъ: Вдругорядъ — кто?

«Отвѣтъ: Лазарь убогій».

И изъ Евангелія, которое Илюша слушалъ въ ближнихъ отъ поселя церквахъ, и изъ устныхъ разсказовъ Шароварова онъ отлично зналъ исторіи сына вдовы Наинской и убогаго Лазаря, воскрешенныхъ Спасителемъ; но при всемъ томъ онъ, при известной взрослости и крѣпости, продолжалъ оставаться ребенкомъ, привыкшимъ вопросительно запрокидывать свою голову на Шароварова, ожидая отъ него разъясненія всѣхъ возникавшихъ въ немъ тревогъ.

И вотъ, однажды, когда Шароваровъ ладилъ, какъ онъ говорилъ, «Кеивскую Иже херувимы», подстраивая къ своему шмелиному баску заливной теноръ семнадцатилѣтняго Илюши, — когда уже оба они вдоволь настрадались и наплакались, распѣвая характерный напѣвъ, залетѣвшій въ глухія, степныя равнины изъ-подъ мрачныхъ сводовъ кіевскихъ пещеръ, Илюша, послѣ послѣдняго «аллилуія», задумчиво сказалъ Шароварову:

— А што, дѣдушка Акимъ, давно я собираюсь сказать тебѣ... — стыдливо растягивалъ юноша-ребенокъ. — Давно это я просьбицу къ тебѣ... со слезами хочу...

— Што, што такое, Илюша? — живо встрепетнулся Шароваровъ, испуганный и лицомъ, и голосомъ ребенка, какіе у него постоянно бывали предъ болѣзнями. — Ужъ ты въ хороминахъ чево не сбаловалъ ли?..

— Не про то, дѣда! — хрипло и болѣзненно говорилъ Илья, уставивъ въ Акима неподвижные, стеклянные глаза. — Я говорю, што ты очень гораздъ всему...

— Ну? — все больше и больше тревожился Шароваровъ.

Слезы частыя, какъ весенній ливень, полились въ это время изъ глазъ юноши. Громко рыдая, онъ въ судорогахъ повалился на глиняный полъ стариковой избы и закричалъ:

— Ради Христа, скажи мнѣ, дѣдушка: колдунъ ты али нѣтъ? Всѣ про тебя такъ понимаютъ... Царствія небеснаго тебѣ ни за што не будетъ, — всѣ такъ говорятъ... Легче же, дѣдушка, я за тебя ему заложусь — нечистому-то. Мнѣ бы за тебя въ адъ-то... Я, можетъ, отмолилъ бы какъ-нибудь... Я въ пустынь, дѣдушка, за твой грѣхъ цѣпьми себя къ дереву прикую... на всю жисть... Тебѣ бы только... святымъ быть...

И въ то время, когда такъ страстно бунтовала чернолобовская кровь, Акимъ брызгалъ на нее холодною водой и радостно шепталъ:

— Вотъ, и мое дитя Бога узнало!.. Истинно, што узнало... То-то я гляжу-погляжу на него, какъ это онъ толку все добивается... Шепчетъ все: «кто душу свою, — говоритъ, — положить за други своя»... — Слава Тебѣ, Господи! — крестился Шароваровъ. — Все же, по крайности, и моя теперь копеечка не щербата...

Съ свѣтлой улыбкой утишалъ старикъ судороги юноши и дулъ ему въ воспаленное лицо своимъ сѣдымъ бородатымъ лицомъ, какъ бы стараясь переселить въ него свою беззлобную, любящую душу...

Дѣвичій грѣшокъ.

(Изъ жизни московскихъ мастерицъ.)

Сборник стихов

(Стихи и поэмы)

I.

Назадъ тому лѣтъ тридцать пять неподалеку отъ бѣлокаменной Москвы случилось событіе, вслѣдствіе котораго къ великой семьѣ русскаго народа прибавился новый членъ, съ обязательнымъ для нашего мужицкаго населенія именемъ Ивана.

Принимая во вниманіе тьмущую-тьму отечественныхъ сказокъ, повѣствующихъ о невѣроятныхъ приключеніяхъ нашихъ Энеевъ, и усматривая изъ всѣхъ этихъ эпопей, создаваемыхъ въ Москвѣ книжниками Никольской улицы, что всѣ наши Энеи до одного человѣка должны называться Иванами, можно было бы изъ вышепрописаннаго обстоятельства не дѣлать темы для очерка, ибо однимъ сказочнымъ Иваномъ на свѣтѣ больше, однимъ меньше, ровно ничего не значить.

Такое положеніе, несмотря на его нѣкоторую антигуманность, въ высокой степени практично и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо; такъ какъ наши Иваны, не взирая на свое обиліе, до сихъ поръ еще не могли смыть съ себя взведеннаго на нихъ сказками, прославляющими ихъ подвиги, обвиненія въ томъ, что всѣ они безъ исключенія будто бы поголовные дураки, обреченные въ то же время на такія изумительныя удачи во всѣхъ предпріятіяхъ, что передача ихъ житейскихъ приключеній воз-

можно только для московскаго сказко-производителя и потомъ для балета, гдѣ громозвучныя трубы и литавры такъ торжественно привѣтствуютъ счастливое соединеніе идеала высшаго идиотства съ высшимъ же идеаломъ красоты и ума, то есть сказочный бракъ классическаго «Иванушки-Дурачка» съ классической «Царь-Дѣвицей».

Предстоящая мнѣ работа не имѣетъ въ виду поразить читателя бойкостью сказочнаго хорея, который на радость темныхъ массъ за собранныя съ нихъ двѣ мѣдныхъ *трынки* кружится передъ ними въ дикой пляскѣ, названивая въ зеленые полушторы, привязанные къ его тонкимъ, карикатурнымъ рукамъ, колотя лбомъ въ раскатистый бубенъ, брыкая ногами и взвизгивая отвратительнымъ голосомъ кретина, ежеминутный голодъ котораго удовлетворенъ, наконецъ, красною, мягкою глиной...

Желая представить, возможно вѣрнѣе, безалаберно шумящую и волнующуюся жизненную рѣку, въ которой плещутся Иваны, очеркъ мой не имѣетъ также надобности, вмѣсто бурливаго теченія этой грозной рѣки, рисовать на своихъ страницахъ тѣхъ свѣтлыхъ фей, которыя, вмѣстѣ съ летучими звуками балетнаго оркестра, въ измѣнчивомъ блескѣ разноцвѣтныхъ огней, счастливо и граціозно порхаютъ вокругъ разнохарактерной пары, которую своевольное искусство соединяетъ въ театрѣ на скоро проходящую, но глубоко шумную радость люда, измученнаго дѣйствительнымъ зломъ, имѣющимъ вновь встрѣтить его, лишь только онъ выйдетъ изъ-подъ свѣтлыхъ аркадъ замка счастливаго Иванушки-Дурачка и прекрасной Царь-Дѣвицы.

Итакъ, повторяю: событіемъ, прибавившимъ новаго Ивана, а слѣдовательно, и героя къ русской

семьѣ, можно было бы мнѣ проманкировать, какъ такому человѣку, который лишенъ всякой возможности повѣрить обстоятельству, что какой-нибудь, напримѣръ, самый даже *царьдѣвическій* Иванъ могъ въ одинъ день «версть сто тысячъ отмахать». О состоятельности событія съ точки зрѣнія балетной я даже и говорить не хочу, такъ какъ и всеобщая исторія и всеобщій опытъ очень хорошо доказываютъ, что лилейныя ручки волшебныхъ Царь-Дѣвицъ никогда еще, отъ самаго сотворенія нашего однообразнаго міра, не вытирали неопрятныхъ носовъ Иванушекъ-Дурачковъ . . .

Въ чемъ же, слѣдовательно, имѣетъ выразиться суть обыденнаго отечественнаго событія, прибавившаго новое лицо къ обыденнымъ отечественнымъ типамъ, воспѣваемымъ пошлыми хорями нашей сказки?

Выражается суть моей исторіи въ нѣкоторыхъ весьма крупныхъ, отступленіяхъ отъ общепринятой въ этихъ сказкахъ поэмы, по которой, несомнѣнно, выходитъ, что каждый Иванушка недолго скорбитъ съ нами — простыми смертными — въ нашемъ печальномъ мірѣ, обыкновенно, будто бы улетучиваясь изъ него на крутыхъ горбахъ волшебнаго «Конька-Горбунка» въ свѣтлое царство балета, въ объятія прекрасной и могущественной Царь-Дѣвицы.

Вотъ эти отступленія, имѣющія въ виду начертить глубокую ложь плѣнительныхъ декораций тѣхъ *пейзанскихъ* мѣстностей, изъ которыхъ, на потѣху художественныхъ душъ, выпрыгиваютъ счастливые Иваны, скача и чудодѣйствуя на разные манеры . . .

Октябрьская дождливая ночь, съ которой начи-

нается моя исторія, не нуждается въ жестяной театральной лунѣ. Равномѣрно-проливной дождь этой ночью не болѣе какъ въ какой-нибудь часъ превратилъ бы въ грязный, ничего не стоящій парусинный клокъ самую масляную декорацію, исписанную самыми обаятельными пасторалями.

Мѣстность, по которой несутъ сейчасъ человѣка предлагаемыхъ главъ, напротивъ, такая же плоская, какъ плоско рожденіе описываемаго человѣка, его возрастаніе, жизнь и самая смерть.

Все здѣсь плоско: это конечное московское захолустье, съ бѣдными, безпробудно спящими домиками, надъ которыми гулко шуршатъ вѣковыя деревья, еще не загубленные различными потребностями цивилизаціи; плоска дорога, грязная и, какъ изъ сита, поливаемая холоднымъ дождемъ. По одну сторону дороги идутъ длинные огороды, на черныхъ грядахъ которыхъ однообразно мелькаютъ сѣрыя кочерыжки срубленной капусты, а по другую — нескончаемо тянутся ряды бѣлесоватыхъ, словно бы смѣющихся дикой пустотѣ мѣстности, дровъ, которыхъ сосѣдними фабрикантами навалено здѣсь безчисленное множество.

Временами сквозь дровяныя прогалины сѣрѣетъ Москва-рѣка, на которой лѣтомъ или весною еще можно примѣтить нѣкоторое оживленіе, если только оживленіемъ можно звать весеннее время пригонки въ Москву дровяныхъ плотовъ, когда тысячи сельскаго народа, пришедшаго съ этими плотами, шумливо бранятся между собою около прибрежныхъ кабаковъ. Нельзя также согласиться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы Москва-рѣка кипѣла настоящей жизненностью и въ лѣтнее время, когда московскіе кутилы стараются изобразить на

ея мелководныхъ плесахъ нѣчто такое, что въ старину продѣлывалось удалыми добрыми молодцами, поспѣшавшими къ «развеселому Анютину подворью».

Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ,
По широкому раздолью.

Такимъ образомъ, какъ видите, и Москва-рѣка «не льстила взору и не чаровала его».

Пуста и угрюма была рекомендуемая мѣстность, и тщетно всматривались въ нее съ противоположнаго берега огненные очи громаднхъ фабрикъ: рѣшительно нечѣмъ было имъ, вѣчно работающимъ, развлечься въ этомъ пустынномъ и пугающемъ мѣстѣ.

А, между тѣмъ, именно, по такой дорогѣ, несмотря ни на это безчувственное, хмурое небо, ни на холодный дождь, который безъ перерыва лился и шумѣлъ въ молчащей пустоши, торопливо шель кто-то, ежесекундно скользя и падая въ жидкую грязь.

Болѣзненные, но сдержанные, стоны и всхлипыванія вырывались по временамъ изъ груди этого человѣка. Изрѣдка онъ садился на мокрую и линюю осеннюю траву, и тогда можно было слышать, какъ онъ тихо, но отчаянно, какимъ-то страннымъ, удушливымъ шопотомъ говорилъ:

— Господи! Господи! Что же я теперь буду дѣлать?

Вмѣстѣ съ этимъ шопотомъ слышался тогда, сквозь буйный шумъ осенняго вѣтра, слабый плачь ребенка, — и въ это время пѣшеходъ поднимался и снова брелъ до тѣхъ поръ, пока его измученная душа снова не ощущала потребности прошептать: «Господи! Господи!».

Все больше и больше хмурилась мѣстность: какъ волчьи глаза блистали въ суровой мглѣ ночной маленькіе огоньки, мелькавшіе въ опустѣлой дачѣ, расположенной вправо отъ дороги. Словно стонъ заблудившейся въ садахъ этой дачи души, разносились оттуда по затопленному лугу сторожевые удары о глухую чугунную доску. И вотъ, наконецъ, дорога какъ будто совсѣмъ прекратилась: ея дальнѣйшій ходъ заступили въ этомъ мѣстѣ мрачныя деревья, шумъ которыхъ соединялся съ какимъ-то тупымъ однообразнымъ колоченьемъ, раздававшимся съ сосѣдней фабрики, скрытой за деревьями.

Видимо было, что пѣшеходъ хорошо зналъ мѣстность; онъ смѣло вошелъ въ глухую чащу, скрывавшую бревенчатый мостъ, прошедши который, онъ очутился лицомъ къ лицу предъ ярко освѣщеннымъ и никогда не запирающимся фабричнымъ кабачкомъ.

Изъ кабака слышались гармоника и нестройныя пѣсни; по полянѣ, на которой стоялъ онъ, перебѣгали, то отъ фабрики къ нему, то отъ него къ фабрикѣ, тѣни мастеровыхъ, звучно шлепавшихъ по мокрой травѣ босыми ногами.

Осторожно проходилъ пѣшеходъ мимо этой оживленной мѣстности, прокрадываясь отъ куста къ кусту; но, тѣмъ не менѣе, онъ не ускользнулъ отъ досужаго вниманія нѣкоторыхъ фабричныхъ. Они видѣли, что пѣшеходъ этотъ былъ женщина, и потому кое-какіе изъ нихъ, сдерживая свое мастерское умѣнье свистать оглушительнымъ свистомъ, секретно зыкали на нее и тихо говорили:

— Милая! Ей, голубка! Ш-ши! Фью, фью! Подходи, чайку вальнемъ съ холодку-то. Подъ ку-

сточекъ бы вынести велѣлъ, по-господскому! Фью, фью! Куда же вы, мамзель? Па-асл-ште! . .

— Боже ты мой, Боже ты мой милосердный! — шептала женщина въ отвѣтъ этимъ зазываніямъ, напрягая всѣ силы, чтобы взобраться на Воробьеву гору, на которой невозможно было даже удержаться могучей фантазіи Витберга, взлетѣвшей было на ея вершины съ своимъ тройственнымъ храмомъ . . .

Долго смотрѣлъ мастеровой вслѣдъ женщинѣ, презрѣвшей его приглашеніемъ насчетъ чайку, и, отправляясь на смѣну, которую онъ хотѣлъ было махнуть по-боку, ради удовольствія угостить запоздавшую бабенку, задумчиво говорилъ:

— М-мучители эфти бабы!

Но причисленная къ мучителямъ женщина мучилась все больше и больше, взбираясь на крутую гору по скользко глинистой дорогѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ мрачными стѣнами оголенныхъ орѣховыхъ кустовъ. Вотъ ночная странница возшла уже довольно высоко надъ Москвой-рѣкою; подъ ея ногами очутились какимъ-то непонятнымъ образомъ прилѣпленные къ взгорью строенія; сонный собачій лай вмѣстѣ съ глухимъ брякомъ цѣпей летѣли оттуда къ мрачной высотѣ, — и, при всей обыденности этой ночной осенней картины, унылая пустынность ея была такова, что она тяжелымъ камнемъ легла бы на всякое живое сердце, даже на такое сердце, смертельныя, всегда ноющія боли котораго фатально влекутъ человека искать отъ нихъ исцѣленія тамъ, гдѣ онъ видѣлъ бы передъ собою одну лишь, чуждую всякихъ людскихъ проявленій, природу, пугающую ли ревомъ безпощадной зимней метели, или освѣщенную мягкими красками теплаго лѣта . . .

Почти до такой же безнадежной степени была измучена и простая душа шедшей женщины. Уроженка описываемой мѣстности, она самымъ лучшимъ образомъ знала, что люди, въ силу вѣками созданныхъ обычаевъ, за постигшее несчастье покроютъ ее нестираемымъ позоромъ, нисколько не взирая на то, что несчастье это привели на ея молодую голову сами же обычаи. И съ каждымъ шагомъ бѣдной женщины обычаи эти представлялись ей все болѣе и болѣе беспощадными: не говоря уже про ожидавшую грубую и назойливую насмѣшливость деревенскаго люда, на эти, какъ самъ онъ говоритъ, «подковырки и подтруниванія», которыми, съ рѣдкимъ постоянствомъ, преслѣдуютъ промахнувшася человѣкъ во всю его жизнь, настоящій дѣвичій промахъ не видѣлъ себѣ пощады даже и въ этой глухой, темной ночи. Всю ее населило суевѣрное воображеніе карающими призраками злыхъ существъ, наталкивающихъ человѣчество на грѣхи и зорко слѣдящихъ за нимъ. Изъ глубины овраговъ, сквозь непроглядный кустарникъ, дѣвушка явственно видѣла насмѣшливое миганіе огненныхъ глазъ бѣсовъ: почти касаясь ея холоднымъ и мертвящимъ вѣяніемъ полночи, духи, съ ужасающимъ ревомъ и визгомъ, быстро вскидывались изъ мрачныхъ глубинъ вверхъ горы на шумливыхъ крыльяхъ осенняго вѣтра и, боясь крестнаго знаменія, которымъ дѣвушка ограждала себя отъ ночныхъ ужасовъ, издали хохотали надъ нею, побѣдно крутились надъ ея головою и вообще всѣми своими дѣйствіями старались показать ей, что безвозвратно погибла теперь ея молодая душа . . .

Погибла, — и нѣтъ пощады дѣвичьей молодости ни отъ этой гнѣвной природы, ни отъ дикихъ обы-

чаевъ, свирѣпствующихъ въ человѣчествѣ пуще самыхъ опустошительныхъ бурь!

Произошла же вся исторія, вызванная мѣстными обычаями, слѣдующимъ простымъ образомъ: по обычаямъ этимъ, неизбѣжно требовалось, что ежели въ какомъ-нибудь подмосковномъ сельскомъ домишкѣ рѣзвилась восьмилѣтняя дѣвочка, такъ дѣвочку эту, за рѣдкими исключеніями, непременно отводили въ городъ въ ученье къ какой-нибудь «мадамѣ». Здѣсь она долгое время должна была отворять и затворять широкія, стеклянныя двери моднаго магазина, зиму и лѣто бѣгать босою и въ невообразимыхъ отрепьяхъ по мелочнымъ лавочкамъ, вараксаться въ кухнѣ въ такой непроходимой грязи, которая въ самомъ непродолжительномъ времени преобразовываетъ красивую цвѣтущую дѣвочку въ какого-то невыразимо грязнаго и шустраго бѣсенка, во всякую минуту готоваго или до упаду хохотать по цѣлымъ днямъ, вмѣстѣ съ малолѣтними подругами, или по цѣлымъ же днямъ злить хозяйку своимъ насупленнымъ носомъ. Лѣтъ въ тринадцать-четырнадцать мадамъ поручаетъ старшимъ мастерицамъ отвести дѣвочку въ баню, гдѣ ей, съ приличными церемоніями, вручаютъ роговой гребешокъ, которымъ она съ той поры обязывается каждый день приглаживать свои всклооченные волосы.

Время это бываетъ самымъ лучшимъ временемъ для молодыхъ швей, помогая имъ, болѣе или менѣе, не примѣчать грязи, всячески пачкающей ихъ рабочую юность: посѣщаютъ ихъ тогда какія-то тайныя, необыкновенно манящія думы и желанія, такъ что стоитъ имъ только на минуту опустить голову надъ шитьемъ — и этотъ длинный лѣтній день про-

ходить въ мгновеніе ока, потому что въ опущенныхъ головенкахъ родится тогда безконечный рядъ видѣній, одно другого обаятельнѣе: тутъ и красивый, молодой юнкеръ, съ едва пробивающимися черными усиками, молчаливый такой, конфузливый и потому вѣчно краснѣющій. Еще вчера только «спочтальонила» она ему записку отъ одной взрослой дѣвицы, проникнувъ къ нему въ казармы, можно сказать, съ опасностью своей жизни. Вотъ и бородатый, очевидно уже пожилой студентъ, звонко осмѣянный всею дѣвичьею артелью за то, что навѣщавшихъ его, послѣ шабаша, дѣвушекъ, онъ, обыкновенно, принимался учить грамотѣ и ариѳметикѣ, увѣряя ихъ въ то же время всѣмъ своимъ высохшимъ, бородатымъ лицомъ, что это имъ въ послѣдствіи будетъ «ужасно какъ полезно» . . .

Но неуклюжія мужскія лица затмеваются въ отуманенныхъ и какъ бы спящихъ глазахъ дѣвушки изящными складками роскошнаго, шелковаго платья, которое подарилъ старшей мастерицѣ одинъ бравый офицеръ, вѣчно сновавшій мимо оконъ мастерской то на лихомъ извозчикѣ, то, какъ говорится, на своихъ на двоихъ, звонко громыхая по плитамъ тротуара и шпорами, и желѣзными ножами сабли.

Бойко летаетъ иголка въ рукахъ молодой мастерицы. Пристально устремлены глаза ея на узорчатое шитье, но, тѣмъ не менѣе, глаза эти ничуть не видятъ шитья. Видится имъ почему-то поздній и душный вечеръ прошлаго воскресенья: дѣвицы сидятъ на каменномъ крыльцѣ магазина: нѣкоторыя изъ нихъ парами расхаживаютъ по тротуару, обмѣниваясь съ проходящими мужчинами бойкими словами. Вотъ къ крыльцу подкатила свѣтло-синяя

коляска, запряженная парой красиво вздрагивавшихъ лошадей. Изъ коляски съ смѣхомъ выскочила самая бойкая изъ всего магазина дѣвушка, съ утра еще отпросившаяся у хозяйки къ роднымъ. Всегда блѣдная, какъ большая часть всякихъ работницъ, дѣвушка эта горитъ теперь какимъ-то необыкновенно нѣжнымъ и яркимъ румянцемъ: всегда сосредоточенная и, по-своему, деликатная, она, на тревожные вопросы обступившихъ ея подругъ, отвѣчаетъ въ настоящую минуту какимъ-то истеричнымъ, похожимъ на шаловливый, ребячій плачь, хохотомъ, — шутливо колотитъ по ихъ полнымъ плечамъ новымъ, никогда еще не виданнымъ у нея зонтикомъ антука и безсвязно бормочетъ что-то про «чертей», отъ которыхъ она никогда ни за что этого «не вообразала» . . .

Больше и больше вдумывается дѣвочка въ смыслъ событія прошлаго воскресенья. Все въ немъ загадочно для нея въ высшей степени.

— Чего это она отъ нихъ не вообразала этого? — шепчетъ дѣвочка, большими, тусклыми глазами всматриваясь въ тонкое остріе иголки, какъ бы ожидая, что солнечный блескъ, игравшій на остріи, освѣтитъ сейчасъ мучительный мракъ ея дѣвичьяго невѣдѣнія.

Но вотъ, игриво улыбаясь, тонкій, солнечный лучекъ вмѣстѣ съ иголкой, быстро нырнулъ въ шуршащую шелковую матерію и скрылся тамъ, не разрѣшивши вопроса объ этомъ.

Дѣвица, видимо, очень озадачена такимъ исчезновеніемъ. Ея нахмуренный, запотѣлый лобъ, ея недовольно-сморщенные щеки явственнo говорятъ, что зародившійся въ головѣ вопросъ такъ и остался вопросомъ.

— Нѣтъ — не знаю! — печально шепчетъ она, помогая въ то же время остальнымъ подругамъ тянуть какую-то длинную и унылую деревенскую пѣсню. Но и пѣсня, несмотря на разнообразныя воспѣваемые ею прелести «зеленыхъ лужковъ, ракизовыхъ кустовъ и лазоревыхъ цвѣтиковъ», нисколько не помогаетъ дѣвушкамъ разъяснить неизвѣстно откуда и зачѣмъ налетѣвшія думы. Напротивъ, онѣ, по мѣрѣ разростанія печальныхъ стоновъ сельской пѣсни, и сами разростались все больше и больше, производя въ молодомъ сердцѣ своими безотрадными представленіями какую-то болѣзненную сдавливавшую дыханіе тѣсноту...

Вотъ, наконецъ, пѣсня, пѣтая въ мастерской, зазвучала въ ушахъ мечтательницы уже не знакомыми съ дѣтства мотивами, а именно тѣмъ крикливымъ и несвязнымъ бредомъ, которымъ бойкая дѣвица пробредила всю ночь прошлаго воскресенья, удержавши при своей постели большинство подругъ своими горячечными припадками. Представилась ей ихъ тѣсная спальня, тускло освѣщенная лампадкой, — кровать, на которой лежитъ бойкая дѣвица, разметавши по ней черныя косы и бѣлыя руки: предъ кроватью она чувствуетъ, что сидятъ «ихнія» мастерицы, но какія именно, она назвать ихъ не можетъ. Въ крайне неопредѣленныхъ очертаніяхъ ей видятся только въ темнотѣ спальни распущенныя косы, бѣлыя кофты и печальныя женскія лица, которыя уныло и неразборчиво перешептывались между собою о чемъ-то.

Какъ обреченная гробу, бойкая дѣвица лежитъ, между тѣмъ, на постели съ такими страдальческими тѣнями на блѣдномъ лицѣ, что, при взглядѣ на это лицо, въ головѣ, отрекшейся было отъ разъясненія

этого, снова возникаетъ представленіе о немъ, какъ о вѣроятной причинѣ страданій подруги.

Идутъ дальше дѣвичьи думы — и изъ многихъ, совершенно неуловимыхъ для посторонняго глаза, чертъ, они мало-по-малу успѣваютъ сложить какой-то уродливый образъ, на которомъ и останавливается, можетъ быть, первая, серьезная ненависть молодого сердца, понявшаго, хотя и смутно, что это-то именно неуловимое существо и мечется теперь предъ сомкнутыми глазами подруги, то вырывая изъ ея груди неудержимыя рыданія, то наводя на нее невыразимый ужасъ, такъ страшно мучащій свои жертвы до тѣхъ поръ, пока онѣ не привыкнутъ къ жизненнымъ мерзостямъ и исподоволь не освоятся съ ними . . .

Не похожій ни на что въ дѣйствительности живущее, образъ этотъ принадлежалъ къ фантастическому міру тѣхъ призраковъ, которые овладѣваютъ воображеніемъ сумасшедшихъ людей, воплощая своими неестественными формами тѣ ихъ жизненные событія, которыя поразили бѣдный мозгъ. Такъ было и здѣсь: летучая дума, овладѣвшая воображеніемъ дѣвушки, ежесекундно мѣняла въ ея глазахъ свое лицо. Временами она мелькала предъ ней въ видѣ хитрой и какъ бы кого-то жалѣющей улыбки величественнаго кучера, подкатившаго бойкую дѣвицу къ крыльцу магазина. Не успѣла дѣвушка хорошенько всмотрѣться въ эту улыбку и опредѣлить ея значеніе, какъ улыбка эта дѣлалась уже не улыбкой, а широкой спиной этого же самага кучера, который, сидя на высокихъ козлахъ свѣтло-синей коляски, медленно поворачивалъ красивыхъ рысаковъ отъ подъѣзда магазина. Отъѣзжая, коляска глухо гремѣла своими большими колесами. Дѣвушка

вдругъ загорѣлась страстнымъ желаніемъ — узнать, куда поѣдетъ коляска и гдѣ, именно, пристанетъ; къ ней въ это время приходитъ откуда-то смутное сознаніе, что, ежели она увидитъ домъ, въ ворота котораго вѣдетъ коляска, тогда она узнаетъ кое-что Что именно она узнаетъ, ей рѣшительно неизвѣстно, но, тѣмъ не менѣе, она зорко слѣдитъ за головами рысаковъ, которыя отчетливо виднѣются ей плавно раскачивающимися въ отдаленной мглѣ поздней ночи. Но, вотъ, ночь дѣлается темнѣе и темнѣе, — и дѣвушка пугается ея все больше и больше; потому что ночь эта въ одно и то же время представляется ей и какой-то грозной, безлюдной пустыней, въ которой не примѣчалось ни малѣйшаго жизненнаго проявленія, и которая потомъ мгновенно превращалась въ какую-то волшебную, балетную сцену, сплошь залитую разноцвѣтными огнями и исполненную сладкихъ звуковъ дорожного рояля.

II.

Вой буйнаго вѣтра, рѣявшаго теперь надъ головой путницы, нисколько не заглушалъ разгульнаго веселья воскреснувшей въ ея памяти странной ночи; она явственно слышитъ и стремительные мотивы вальса и шарканье танцующихъ. Передъ ней, совсѣмъ наяву, въ видѣ граціозныхъ весеннихъ птишекъ, быстро порхаютъ и беззаботно щебечутъ оживленные французскія пѣсни, пѣтыя самой «мадамой». Всѣ взрослые мастерицы магазина присутствовали на этомъ вечерѣ, въ лучшихъ платьяхъ, въ воротничкахъ и нарукавникахъ ослѣпительной бѣлизны, — наруганные и раздушенные, на счетъ хозяйкина туалета. Изящные джентльмены, въ чер-

ныхъ сюртукахъ и мягкихъ сапогахъ, бросали въ конфузливую дѣвичью группу снисходительно поощряющіе взгляды и улыбки; но группа, какъ въ началѣ вечера размѣстилась по стульямъ гостиной, въ видѣ драпированныхъ, каменныхъ статуй, такъ и теперь продолжала быть неподвижною, страшась отвѣтить улыбкой на вызывающіе взгляды господъ и всячески скрывая отъ нихъ горячій румянецъ, изъ-подъ самаго ретиваго сердца, вызванный на бѣлыя щеки страстными, хотя не одною женскою душою непонятыми, пѣснями хозяйки...

Чувствуетъ сейчасъ дѣвушка воспаленнымъ ртомъ сладкій вкусъ бѣло-желтаго, искристаго вина, которое въ высокихъ бокалахъ подносили ей и ея подругамъ изящные джентльмены, — ей мерещатся тяжелыя гроздья винограда и пушистые персики... Много было въ это время съѣдено этихъ румяныхъ, словно бы чему-то смѣявшихся, персиковъ и толстыхъ, сочныхъ грушъ, — долго что-то искрились и сверкали на огнѣ высокія рюмки, а отъ веселаго, дѣвичьяго смѣха глухо гудѣли струны раскрытаго рояля и тревожно звенѣли хрустальныя подвѣски привѣшенной къ потолку люстры.

Потомъ дѣвушка помнитъ, что въ эту ночь она истерически рыдала о чемъ-то: ее ласково утѣшалъ кто-то; а въ гостиной между тѣмъ, по настоянію хозяйки, пятнадцать дѣвицъ, раскураженныхъ шампанскимъ, громко распѣвали деревенскую пѣсню, кипѣвшую безпомощными слезами и отчаянными жалобами на неизбежную гибель...

Присутствовавшіе на пирѣ мужчины привѣтствовали эту пѣсню хриплыми и снисходительно-насмѣшливыми: «браво»!...

Смутно въ молодой головѣ! Безпомощно клонит-

ся она внизъ отъ какихъ-то доселѣ незнаемыхъ ею, страшно мучительныхъ болей, — и въ тысячу разъ больнѣе всѣхъ этихъ болей было то, что дѣвушка вдругъ какъ-то, сама не зная откуда и какъ, уяснила себѣ причину тайнаго горя бойкой дѣвицы. Неустаннѣе и безропотнѣе всѣхъ остальныхъ подругъ просиживаетъ она теперь безсонныя ночи около ея постели, — и такъ была сильна симпатія, зародившаяся между обѣими дѣвицами въ эти безсонныя ночи, что все, что только ни представлялось горячечному воображенію больной, сейчасъ же грезилося и здоровой.

— Пить, пить дайте мнѣ! — стонетъ бойкая дѣвица, не раскрывая глазъ, осѣненныхъ длинными, черными рѣсницами. — Тамъ у меня въ сундукѣ конфеты есть, мармеладъ... принесите!... мнѣ ихъ черти-то энти навязали... Въ прошлое воскресенье... — говоритъ она отрывистымъ, задыхающимъ голосомъ, раздражаясь болѣзненными, крикливыми рыданіями при воспоминаніи объ «этихъ чертяхъ».

Одного намека больной на мармеладъ и конфеты было достаточно для того, чтобы здоровая сейчасъ же окончательно позабыла весь длинный и нестройный рядъ представлявшихся ей доселѣ видѣній. Она уже теперь не въ спальнѣ больной подруги, а всецѣло присутствуетъ въ темной хозяйкиной кладовой, гдѣ стоитъ ея крохотный лубочный сундукъ, весь наполненный такими разноцвѣтными и разнообразными конфетами. Однѣ изъ себя представляли миниатюрныхъ и румяныхъ любовниковъ, завидно влѣпившихся другъ другу въ сахарныя губы подъ раскидистымъ деревомъ, верхи котораго окрашены ядовитою, веницейскою ярью, другія были сдѣ-

ланы въ видѣ сердца, пронзеннаго оперенной стрѣлою, третьи походили на чашечку розы, въ глубинѣ которой ютилась золотая пчелка.

Изъ непроглядной тьмы сундучишка, запрятаннаго въ беззаконной кладовой, глядятъ также на дѣвушку шоколадные паровозы, сахарныя утки, зайчики... Прелесть! Разубранную граціозными, такъ мило-улыбающимися барышнями коробку, наполненную сладостями, въ первый же праздникъ дѣвушка отнесетъ къ матери на родныя вершины... Она такъ давно не была у старухи!...

— Мать!... мать!... — шепчетъ дѣвушка, поднимая опущенную голову и устремляя куда-то широко-раскрытые, блуждающіе глаза. Она, видимо, недоумѣваетъ надъ чѣмъ-то, какъ будто слово — мать, которое она шепчетъ сейчасъ, впервые попало ей на языкъ, между тѣмъ какъ въ широко раскрытыхъ глазахъ ея уже вырисовывался высокій и старый вязъ, стоявшій надъ крутымъ обрывомъ; подъ вязомъ стоитъ избушка, какъ говорится въ сказкахъ, «на курьихъ ножкахъ, на веретенныхъ пяткахъ», а въ избушкѣ сидитъ старая, сморщенная мать и задумчиво пощелкиваетъ толстыми, деревянными коклюшками, которыми она съ незапамятныхъ временъ плететъ для города шерстяную тесьму. И никого нѣтъ у матери! Сидитъ старуха въ своей темной избушкѣ одна-одинешенька и молчитъ — постоянно молчитъ, такъ какъ, кромѣ московской дочки, нѣтъ у ней ни одной души, съ которою бы она могла словцомъ перемолвиться. Словно мертвая была избушка, представившаяся дѣвушкѣ, — изрѣдка только въ ней перепрыгивалъ съ печки на лавочку голодный, облѣзлый котъ сѣрой шерсти, да снаружи шумѣлъ и поскрипывалъ ста-

рый вязъ, любопытно заглядывая въ омертвѣлую избу своими зелеными, развѣсистыми вѣтвями.

Напружились молодые глаза отъ страстного любопытства высмотрѣть, что дѣлается тамъ, гдѣ, не годую, шумить старый вязъ надъ рѣчнымъ обрывомъ. Свѣтлые зрачки дѣвичьихъ глазъ, изумлявшіе изящныхъ джентльменовъ сыпавшимися изъ нихъ искрами, померкли теперь. Въ этихъ воспаленно-бѣлыхъ и выкатившихся, какъ говорится, изъ-подо лба зрачкахъ виднѣется теперь старый котъ, котораго когда-то кто-то, ползавшій на карачкахъ, трепалъ за терпѣливыя уши. Былъ этотъ «кто-то» сама она — эта дѣвушка, которая не можетъ не видѣть и не помнить, какъ она боролась съ этимъ котомъ, какъ онъ вцѣплялся острыми когтями въ ея дѣтское личико, какъ сморщенная старуха-мать разнимала ихъ и какъ, наконецъ, все это вмѣстѣ — и ребенокъ, и старуха, и котъ, — укрывались подъ широкою тѣнью вяза, нашептывавшаго тихій сонъ ихъ житейскимъ заботамъ...

Эта картина, напомнившая дѣвушкѣ ея беззаботное дѣтство, охраняемое ласками матери, моментально вызвала на молодые глаза горькія слезы. Все существо ея мучительно ныло и тосковало отъ неутѣшной жалости къ понурой избушкѣ, которая съ какимъ-то необыкновенно осмысленнымъ отчаяніемъ всматривалась съ высокой крутизны въ плавно лившіяся волны рѣчныя. Старая мать тихо всхлипывала о чемъ-то въ своемъ безконечномъ одиночествѣ, упорные, сверкавшіе глаза выпучилъ на старуху облѣзлый котъ и тихо мурлычить ей недоумѣвающія, меланхолическія пѣсни, которыя, судя по ласкѣ, свѣтившейся въ кошачьихъ глазахъ, имѣ-

ли цѣлью такъ или иначе развеселить вѣчное старушечье горе.

До послѣднихъ предѣловъ доходитъ дѣвичья галлюцинація: показываетъ она молодой мастерицѣ старый вязъ, такъ долго охранявшій ея родную избу, въ видѣ убогаго человѣка, у котораго отрублены руки, что дѣлаетъ дерево въ высокой степени похожимъ на тѣхъ несчастныхъ солдатъ, которыхъ дѣвушка такъ много видѣла на московскихъ бульварахъ и у которыхъ вмѣсто рукъ трепались одни только сѣрые рукава измочаленныхъ шинелей.

— Нѣтъ, ужъ я лучше къ матери отсюда уйду, — быстрой скороговоркой шепчетъ про себя дѣвушка. — Нѣтъ, ужъ будетъ мнѣ съ ними мучиться... Я и тамъ себѣ съ матерью на хлѣбъ заработаю... Ее тамъ безъ меня-то вдосталь забьдять и избушку-то, пожалуй, растащутъ — головъ намъ сиротскихъ пріютить негдѣ будетъ. И что это я до сихъ поръ жила въ Москвѣ? Какого счастья ждала отъ нея?..

— Вѣрушка! — перебиваетъ эти думы бойкая дѣвица своимъ горячечнымъ бредомъ. — Напиши письмо къ моей мамѣ, чтобы она сюда пришла — взять меня отъ нихъ. Лучше я дома умру... Въ сараѣ, на сѣнѣ... Братишка туда ко мнѣ приползетъ... Здѣсь всѣ такіе хмурые, обманщики; а онъ смѣяться станетъ — и я его поцѣлую... Ты скажи матери-то, что, молю, такъ это все про нее одни пустяки разговаривали... Не дай мнѣ безъ матери умереть. Вѣрушка! мнѣ бы въ послѣдній разъ, хоть однимъ глазкомъ, на нашу деревню взглянуть...

Въ далекую сельскую глушь донеслись къ старымъ матерямъ эти тоскливые вопли погибающихъ

дочерей, — и вотъ старухи пришли будто бы на выручку къ своимъ любимицамъ.

Очнулись дѣвушки при видѣ такъ неожиданно скоро прибывшей надежной помощи, и, вмѣсто матерей, опять передъ ними ихъ тѣсная, опостылѣвшая спальня, съ тусклою лампою, съ тою лишь разницею, что теперь въ ней примѣчается страшный переполохъ. Всѣ подруги скучились около лампы, какъ стадо испуганныхъ овецъ, плотно прижавшись другъ къ дружкѣ, между тѣмъ какъ въ то время, по узкой винтовой лѣстницѣ, соединявшей мастерскую и спальню съ верхнимъ этажемъ, гдѣ помѣщалась хозяйка, какъ бы нѣкій полночный духъ, сверкая ночнымъ бѣльемъ, стремглавъ летѣлъ хозяйкинъ братъ, недавно пріѣхавшій въ Москву, молодой французъ, съ тонкими горизонтальными усами, козлиной бородкой и, кромѣ того, съ необыкновенно алыми, ароматическими губами.

Французъ испуганъ не менѣе дѣвицъ. Остановившись на срединѣ лѣстницы, онъ молитвенно сложилъ на груди руки; онъ шепчетъ что-то «не по-нашенски» — и хотя дѣвицы ничуть не понимаютъ этого таинственного шопота, но все-таки онѣ умолкаютъ . . . Тихо!

Увидавши его, дѣвушка злобно скрипнула зубами: она вспомнила о своихъ какъ какъ бы нечаянныхъ встрѣчахъ съ хозяйкинымъ братомъ въ разныхъ укромныхъ уголкахъ магазина. Какъ живой стоитъ предъ ней въ настоящую минуту молодой человѣкъ. Не подходя ни подъ какіе людскіе образцы, доселѣ видѣнные дѣвицами, онъ всегда вызывалъ со стороны мастерицъ либо явное и наивное удивленіе къ своей особѣ, либо скрытый смѣхъ, но теперь онъ почему-то пугаетъ дѣвушку до лихора-

дочнаго холода. Она чувствуетъ, какъ отъ его душистаго лица вѣетъ на нее какою-то странною теплотою, отъ которой у ней кружилась голова и выступалъ горячій румянецъ, пропавшій было отъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ за работой. Она слышитъ прерывистый умоляющій шопотъ, исходящій, какъ будто, изъ желтовато-свѣтлыхъ глазъ француза и, какъ бы въ ужасѣ отъ этихъ шепчущихъ и свѣтящихся глазъ, старается отпихнуть отъ себя невиданное чудо; но желтые глаза еще настойчивѣе устремляются на нее, и она явственно видитъ, что изъ нихъ льются искристыя свѣтлыя слезы, которыя неотступно умоляютъ ее о чемъ-то . . .

И теперь, въ эти поздніе полночные часы, съ какою-то ужасающею медленностью тянувшіеся подъ суровымъ небомъ, назойливѣе всѣхъ галлюцинацій, заставлявшихъ трепетать дѣвушку, мелькаетъ предъ ней смуглое бронзированное лицо мужчины съ румяными губами, вѣявшими такими ароматическими ласками, съ этими незабвенными свѣтло-желтыми глазами, сыпавшими изъ себя когда-то столько зажигающихъ искръ.

Въ видѣ запоздалыхъ деревенскихъ огоньковъ, какимъ-то острымъ свѣтомъ разрѣзывающихъ обыкновенно мракъ безжизненныхъ сельскихъ ночей, свѣтились и прыгали передъ дѣвушкой эти искры, безжалостно опалившія ея цвѣтущую юность. Постоянно мелькая даже въ ея закрытыхъ глазахъ, онѣ то и дѣло отвлекаютъ ее отъ ласкъ, которыми бѣдная мать въ послѣдній разъ прощалась съ своимъ сыномъ, покидаемымъ ею на крыльцѣ убогой, вырослившей ее, избушки. Съ ужасомъ видитъ она, что, не довольствуясь ея гибелью, искры сжигаютъ въ душѣ ея сладкое материнское чувство

любви къ ребенку, ярко освѣщая передъ ней роковую необходимость сейчасъ же оставить дитя на растерзаніе голодныхъ деревенскихъ собакъ или на жертву осенняго холода и идти опять въ магазинъ, гдѣ снова встрѣтятъ ее эти неотвязчивые желтые глаза, имѣвшіе странную способность вмигъ тускнѣть и дѣлаться какими-то бездушными и угрюмыми въ то время, когда швея жаловалась имъ на свое дѣвичье горе . . .

III.

Къ концу ночи дождь пересталъ, и буря почти что утихла, вмѣсто нихъ какъ-то лѣниво и вяло наставало сѣрое утро, насквозь прохваченное туманною сыростью, какъ бы пророчествуя бѣдному сиротинкѣ его будущую печальную судьбу; утро это было необыкновенно угрюмо. Оно съ замѣтною суровостью скрыло отъ перваго взгляда ребенка золотыя главы величавыхъ московскихъ церквей, снѣжно-бѣлыя громады столичныхъ зданій и раскинувшіеся около нихъ зеленые сады. Все это въ ясную лѣтнюю погоду видное съ воробьевскихъ вершинъ, какъ на ладони, теперь ревниво было укрыто гигантскими крыльями свинцовыхъ тумановъ, которые, въ видѣ какихъ-то странныхъ безформенныхъ птицъ, плавно, стая за стаяй, слетали съ горъ и стремились въ Москву, словно бы имъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ птицамъ, надоѣло уже пастись на оголенныхъ осенью горныхъ хребтахъ и безлиственныхъ лѣсахъ, сосѣднихъ съ Воробьевкой.

То бѣдное существо, которое лежало на крыльцѣ сельской избышки, завернутое въ ватныя лохмотья и со всѣхъ сторонъ обложенное сѣномъ, было дѣйствительно такого жалкаго свойства, что для его

перваго дебюта рѣшительно были неприличны дорогія декораціи въ родѣ, на примѣръ, яркаго и теплаго солнца, которое во весь свой свѣтъ освѣтило бы разнообразныя и шумныя проявленія богатой столицы. Въ этомъ случаѣ главный герой описываемой драмы неизбѣжно затерялся бы въ массѣ второстепенныхъ фигурантовъ, которые самымъ лучшимъ образомъ приловчились уже къ мудренымъ превращеніямъ, встрѣчающимся на жизненной сценѣ, между тѣмъ какъ въ данную минуту дѣло происходило совершенно иначе. Село, съ своими вѣчными сѣрыми буднями, было накрыто сѣрымъ, будничнымъ небомъ. По грязи, свойственной всѣмъ русскимъ селамъ, не исключая и пристольныхъ селъ, изрѣдка, торопливыми шажками пошлепывали кажушіяся на первый взглядъ крайне несложными, сельскія заботы, въ самомъ же дѣлѣ настолько мучительны бывають для горожанъ неудачи въ ихъ мірскихъ затѣяхъ. Вотъ на деревенской церкви прозвучалъ унылый голосъ поминальнаго колокола, и не успѣли еще отзвуки его сползти съ крутого воробьевскаго набережья въ Москву-рѣку, чтобы прокатиться по ея волнамъ жалобными звуками, какъ уже по Воробьевкѣ, по направленію къ церкви, замелькали тѣни богомольныхъ стариковъ и старухъ, которые дрожащими руками несли фаянсовыя блюда, наполненныя домашними блинами и московскими булками. Нѣсколько старенькихъ мужичковъ, живущихъ теперь, какъ говорится, въ селахъ, за молодыми головами, собрались также на сѣрой улицѣ, съ цѣлью посовѣтоваться насчетъ того, что нельзя ли какъ-нибудь ухитриться добыть что-нибудь изъ хозяйства молодыхъ головъ такое, съ чѣмъ безъ огласки можно было бы пробраться въ уютный ка-

бачокъ благотѣтельнаго Авдѣя Патрикѣева. Вотъ въ задумчиво раскачивавшейся пролеткѣ уныло протащился въ Москву на заработки мѣстный извозчикъ. Онъ самымъ тонкимъ, дѣтскимъ голоскомъ распѣвалъ извѣстную, необыкновенно перевранную имъ, поэму про «старый домъ», съ знакомой темной лѣстницей и съ таинственно завѣшеннымъ окномъ.

Ни прелесть поэмы, пахучая какъ свѣжее, только что скошенное сѣно, ни пискливый голосъ извозчика, которымъ онъ обезображивалъ ея очаровательно-печальныя строфы, нисколько не подходили къ его раскормленному лицу, багровому отъ постоянныхъ выпивокъ и, наподобіе бычачьяго пузыря, вздутаго шалуномъ-ребенкомъ, также бессмысленно-круглому.

Всѣ эти обыденныя сельскія картины, нарисованныя вялою кистью соннаго утра, были слишкомъ, такъ сказать, безфонны для того, чтобы ихъ появленіе могло заинтересовать чье-либо любопытство болѣе той экстраординарной и даже какъ бы самовольной прибавки къ этимъ картинамъ, неожиданно-негаданно появившейся на крыльцѣ убогой избушки, въ видѣ славнаго мальчугана, съ миніатюрнымъ, красноватымъ рыльцемъ и съ чернымъ, довольно жесткимъ для его возраста пухомъ на головѣ, вмѣсто волосъ. Любопытно внюхивался малюга въ морозный запахъ этого утра и, вѣроятно желая разсмотрѣть то жестокое существо, которое такъ безжалостно разбудило его въ первый день жизни вмѣстѣ съ ранними пѣтухами, онъ широко и, признаться сказать, безъ малѣйшаго выраженія какого-нибудь особеннаго ума, раскрывалъ по временамъ синеватыя глаза и ворочался всѣмъ своимъ

маленькимъ тѣльцемъ, какъ бы готовясь встать, осмотрѣться въ занятой имъ позиціи и должнымъ образомъ укрѣпиться въ ней. Отъ этихъ движеній все болѣе и болѣе осыпалось сѣно, прикрывавшее лохмотья, въ которыя малютка былъ завернутъ. И вотъ его личико и головенка очутились, наконецъ, въ полномъ распоряженіи осенняго утра, которое успѣло уже передъ этимъ осеребрить обнаженные деревья и поблеклыя травы мелкой морозною пылью. Острый вѣтеръ заигралъ черноватымъ пухомъ, пробивавшимся на головѣ ребенка, — онъ сдулъ съ ней ватныя отрепья и сѣно, и когда совсѣмъ обнажилось дѣтское личико, тогда продрогшій мальчуганъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ своимъ первымъ утромъ, которое, приблизивъ къ нему хмурое сѣроватое лицо, преподнесло безпомощному существу, въ видѣ холоднаго поцѣлуя, какъ бы на зубокъ, вѣчную лихорадку.

Видимо недовольный полученнымъ подаркомъ, мальчуганъ закричалъ насколько могъ громко и заворочался тревожнѣе прежняго. Въ это время въ кустарникахъ, густыми купами сбѣгавшихъ отъ избушки въ глубину оврага, раздался отчаянный визгъ одного изъ тѣхъ несчастныхъ щенковъ, которыхъ деревенскія ребята, по случаю излишества, топятъ въ рѣчкахъ, вѣшаютъ на деревьяхъ, или, взявши за заднія ноги, съ хохотомъ бросаютъ въ глубокія горныя пропасти. По визгу щенка можно было весьма легко догадаться, что онъ хотя еще и очень молодой щенокъ, но, видимо, успѣлъ уже постигнуть весь ужасъ своей тяжелой судьбы, которая, такъ сказать, на зарѣ его жизни переломила ему пополамъ одну изъ заднихъ лапъ, раскровянила голову и потомъ, замотавши на руки хвостъ, отправила

его снискивать себѣ дневное пропитаніе въ глубокихъ воробьевскихъ безднахъ.

Всѣми силами выбивалась молодая собаченка изъ этихъ безднъ, совершенно неудобныхъ для хоть сколько-нибудь сноснаго мѣстожителства: она энергично шуршала въ мелкомъ кустарникѣ и визжала какимъ-то болѣзненнымъ и въ то же время негодующимъ визгомъ. Рано встающія куры съ большимъ недоумѣніемъ прислушивались къ этимъ крикамъ. Онѣ даже любопытно вытягивали шеи, стараясь разсмотрѣть, какой это бѣдняга стонетъ въ чащѣ кустовъ.

Наконецъ, на краю обрыва, на которомъ стояла избушка, показался этотъ бѣдняга, убожество котораго превзошло всѣ куриныя ожиданія.

При видѣ бѣдняги, бѣлый, съ черными крапинками, пѣтухъ, оберегавшій свою стаю, сначала недовольно помахалъ дугообразными сизыми крыльями, которыя его гордую, маленькую головку дѣлали необыкновенно схожею съ рыцарской головой, увѣнчанною волнистымъ султаномъ; потомъ пѣтухъ вальяжно спряталъ одну свою тонкую ножку подъ крыло и, оставшись на одной ногѣ, громко заклохталъ:

«Какіе, однако, эти люди? Что только они не выдѣлываютъ съ нашимъ братомъ, бѣднымъ животнымъ»? . . .

А въ это время щенчишка уже совсѣмъ выползъ изъ-подъ горы. Онъ положилъ свою испачканную грязью и кровью голову на какое-то бревно, валявшееся вверху горы около избушки. Онъ выпучилъ на рыцаря-пѣтуха свои затекшіе бѣлесоватой сукровицей глаза, ласково забилъ передъ этимъ рыцаремъ своимъ, во всѣхъ позвонкахъ, изломаннымъ

хвостомъ, — и рыцарь не только что не выклевалъ вкусныхъ глазъ щенка, а напротивъ того, предупредительно подскакалъ къ нему съ цѣлью дружеской рекомендаціи и, затѣмъ, обращаясь къ курамъ, терпѣливо дожидавшимся результата неожиданнаго свиданія, прокричалъ имъ внушительнымъ клектомъ:

«Не обижать! — на что хуже такого распоряженія? — И — того не клевать, который на крыльцѣ лежитъ . . . А то, вѣдь, вы на это мастерицы»...

Подкрѣпивши этотъ приказъ бойкимъ кукареку, пѣтухъ величественнымъ движеніемъ головы предоставилъ щенку полную возможность располагать около старушечьей избушки, какъ ему будетъ удобнѣе, чему щенокъ безотлагательно и послѣдовалъ, принявшись любопытно обнюхивать убогій вдовій дворишко. Много онъ на своихъ неуклюжихъ, покалѣченныхъ лапахъ описалъ тревожныхъ круговъ, въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь съѣстнымъ: попадалась все какая-то промерзлая дрянь, рѣшительно не подходившая къ собачьему вкусу. Теплый жилой запахъ, тянувшій изъ избы, привлекъ, наконецъ, къ себѣ чуткое вниманіе собаки: она кое-какъ взобралась на крыльцо, тяжело волоча за собою перебитую ногу. Тамъ, около подкинутаго мальчика, лежали какіе-то узелки, изъ которыхъ аппетитно выглядывали румяныя булки. Не обращая никакого вниманія на крикъ владѣльца этихъ сластей, щенокъ живо растормошилъ узелки и съ невообразимою жадностью принялся за хлѣбы. Удовлетворивши голодъ, онъ какъ бы съ цѣлью принести искреннюю благодарность за такое неожиданное подкрѣпленіе его ослабѣвшихъ силъ, ласково подползъ къ ребенку, осмотрѣлъ его со всѣхъ сто-

ронъ, обнюхалъ и потомъ принялся лизать заголо-
дѣлое личико мальчика теплымъ и влажнымъ язы-
комъ.

Первые, завидѣвшіе эту сцену, были старенькіе
мужички, которые возвращались теперь отъ уго-
стительнаго Авдѣя Патрикѣевича, въ беззаботно на-
крененныхъ шапченкахъ, съ коротенькими дере-
вянными трубочками въ зубахъ.

— Ба! Это что такое у старухи Матрены на
крыльцѣ дѣлается? — любопытствовали они, при-
слушиваясь къ слабому писку замерзавшаго ребен-
ка. Они взошли на крыльцо и увидѣли совсѣмъ по-
чти обнаженное дитя, которое облизывалъ доселѣ
невиданный ими въ деревнѣ щенокъ.

— Вотъ исторія-то, господа синаторы! — шу-
тили мужички, принимаясь стучать въ запертую
Матренину дверь. — Ты что же это, старая, пона-
стряпала тутъ, — хохотали они надъ вышедшей къ
нимъ хозяйкой. — Не было ни гроша, да вдругъ
алтынъ! На старости лѣтъ двойни припожалова-
ла... ха, ха, ха!

Какъ ошалѣлая стояла старуха, въ нѣмомъ раз-
думьѣ разсматривая дитя.

— Что стоишь-то? — надоумливали ее сосѣ-
ди. — Тащи дите въ избу, — видишь, замерзаетъ.

Послушная этимъ голосамъ, старуха взяла ре-
бенка на руки и поплелась въ избу, за ней отпави-
лись сосѣди и туда же заковылялъ, наконецъ, ще-
нокъ.

Долго о чемъ-то думала старуха, раскачивая на
колѣняхъ ребенка. Упорно разсматривая его, она
почему-то вдругъ припомнила свою московскую доч-
ку, — какая-то болѣзненная жалость къ этой доче-
ри закипѣла въ ея старомъ сердцѣ: горячія слезы

попились изъ поблеклыхъ глазъ, но ни однимъ намекомъ не выдала старуха разсуждавшимъ о событіи мужикамъ своей тайной мысли о дочери, вспомнутой вдругъ, повидимому, безъ должнаго повода . . .

Сосѣди всячески старались разбить старухино горе. Они говорили ей:

— Молчи, Матрена, не плачь! Мы тебя выручимъ. Знаючи твою бѣдность, умрешь ты съ голоду съ этимъ парнюгой. А мы лучше же вотъ что обладимъ: пока еще весь народъ не проснулся, возьмемъ мальчишку и подкинемъ его къ богачу къ какому-нибудь. Становишь намъ, старичкамъ, полведра за такое дѣло?..

— Нѣтъ ужъ, Господь съ нимъ! — говорила старуха. — Мнѣ принесли, такъ пуцай у меня и останется онъ. Мнѣ матушка Царица небесная можетъ его вырастить какъ-нибудь. Тридцать лѣтъ безъ мужа живу, — пятерыхъ сиротъ выкормила, — и все Она мнѣ — Сподручница — пропасть не дала, — отбивалась старуха отъ сосѣдскихъ предложеній, крестясь въ то же время на тусклый ликъ Божіей Матери, ласково смотрѣвшей на эту сцену изъ темнаго передняго угла.

Не къ рукъ.

(Шоссейный очеркъ.)

Ms. K. 8. 1. 1. 1.

(Manuscript of the)

I.

Близко то время, когда окончательно вымрутъ тѣ люди, которые имѣли случаи видѣть буйное движеніе шоссейныхъ или, такъ называемыхъ, каменныхъ дорогъ тогда, когда желѣзныя дороги не заглушали еще своимъ звонкимъ крикомъ ихъ неутомимой жизни.

Да! Разваливаются теперь эти безконечныя, сверкавшія въ хорошую погоду ослѣпительною бѣлизной, бѣлокаменные дороги, какъ совсѣмъ уже развалились здоровенные двухъэтажные домищи, которые, называясь постоянными дворами и бѣлыми харчевнями, составляли нѣкогда честь и славу шоссе.

Глубокія выбоины и колеи безжалостно изранили бѣлую грудь дороги — и ямщикъ Герасимъ Охватухинъ, въ старину извѣстный всѣмъ малымъ ребятамъ отъ Москвы до самой Тулы, не прокатить уже по ней на своей залихватской тройкѣ забубенную компанію купцовъ, которые изъ его калужскаго тарантаса стрѣляли въ проѣзжій народъ бутылками шампанскаго, съ хохотомъ закуривали трубки цѣнными ассигнаціями и которые, наконецъ, дуясь въ *трынку*, воздвигали на кожаныхъ подушкахъ тарантаса цѣлыя горы исчезнувшихъ нынѣ золотыхъ . . .

Рѣдко-рѣдко, когда въ теперешнее время про-

скачетъ по опустѣвшему шоссе помѣщичья тройка, отчасти только напоминающая бѣшенныя охватюхинскія тройки, огневая ѣзда которыхъ сопровождалась несказаннымъ гамомъ купцовъ, оравшихъ на всю длинную сельскую улицу: «Эхъ! Была — не была, повидалася! Замирили твою тыщу, да подъ тебя, выходитъ дѣло, еще двѣ подваливаемъ . . . Жги по-кульерски, Тараська! Конь возьму, сотельную тебѣ на чай, — дѣйствуй только по-божецкому . . . Эй, вы, бабы! Ну-те-ка вотъ въ тарантасъ къ намъ, къ купцамъ и къ молодцамъ. Прискучило, небось, безъ мужиковъ-отъ сидѣть?.. Мы бы разутѣшили, ха, ха, ха!».

Безвозвратно свѣяль куда-то вѣтеръ съ широкаго шоссе эти возгласы — и вотъ уже сколько времени прошло, какъ ихъ совсѣмъ не слышно на шоссе-сейныхъ улицахъ, потому что большая часть лихачей, одушевлявшихъ каменные дороги своей удалью, перемерла; меньшая, *прогорѣвши*, превратилась въ «Любимовъ Торцовыхъ», которые забавляютъ теперь кабачную и рядскую публику изображеніемъ грома и молній, стараясь дать своимъ *поильцамъ* хоть приблизительное понятіе о тѣхъ громахъ и молніяхъ, въ сопровожденіи которыхъ летывали они нѣкогда на тройкахъ Тараськи Охватюхина. Остается еще одна категорія купцовъ; но и та теперь не оживляетъ шоссе: они *остепенились*, т. е., несмотря на сѣдые бороды, пригласили къ своимъ дочерямъ молодыхъ гувернантокъ, сыновей роздали по разнымъ *пользительнымъ* школамъ и, со свойственною имъ шельмоватостью всматриваясь въ повсюдное измельченіе и проникновеніе¹ горючихъ

¹ Вѣроятно — приникновеніе. Въ оригиналъ — „проникновеніе“

жизненныхъ элементовъ, улыбаются и шепчутъ въ своихъ охладѣлыхъ сердцахъ: «такіе ль мы были? Эхъ ты, старина-старинка! Куда-то ты, матушка-старинка, закатилася . . . ».

Въ самомъ дѣлѣ — въ какую невѣдомую даль ушла эта, столь оплакиваемая, матушка-старинка по безконечному шоссе? Въ какихъ, наприимѣръ, далекихъ захолустьяхъ проживаютъ теперь и что именно подѣлываютъ широкобородые извозчики, вѣчно сновавшіе по каменнымъ дорогамъ на изумительно терпѣливыхъ мереньяхъ, которые, громахая мѣдными бубенцами и наборными сбруями, мѣрно проходили тысячи верстъ, таща на себѣ гигантскіе грузы. Рѣдко кое-гдѣ на конюшняхъ богатыхъ купцовъ можно еще встрѣтить нѣкоторое подобіе этихъ исполинскихъ тружениковъ шоссе, замѣняемыхъ нынѣ локомотивами, — переводится, къ сожалѣнію, ихъ могучая природа, какъ бы нарочно приспособленная къ дѣятельному участию въ тяжелыхъ трудахъ мужика. Съ исчезновеніемъ же этихъ русскихъ элевантовъ исчезли цѣлыя орды промышленниковъ, главною профессіей которыхъ было выковать для извозчичьихъ поильцевъ и кормильцевъ тяжелыя подковы, увѣшивать ихъ задумчивыя головы усыпительно жужжавшими погромками, или на малиновый манеръ звенѣвшими колокольчиками. Прогорѣло и сгибло теперь, за опустѣніемъ шоссе, это мастерство дорогихъ уздечекъ, украшенныхъ серебромъ съ чернью, таковыхъ же шлей, черезсѣдельниковъ, сафьяновыхъ хомутовъ, разноцвѣтныхъ шелковыхъ вожжей и высокихъ размалеванныхъ всѣми цвѣтами радуги дугъ. Ыдетъ теперь по шоссе на ближній базаръ мужикъ, или даже сельскій торгашъ — и въ голыхъ рукахъ этихъ

людей, въ разгаръ шоссейнаго движенія знавшихъ замшевыя, узорочно вышитыя бумагой и даже шелками рукавицы, находятся не крѣпкія ременные вожжи, сразу обуздывавшія любую лошадиную удалъ, а либо мочало какое-нибудь прогнившее, либо веревка, связанная тысячью узловъ. Трогаетъ проѣзжающій самодѣлкой вожжей свою лошадь, губами ей изо всѣхъ силъ подчмокиваетъ, а лошадь никакъ не можетъ идти быстрѣе рыси тѣхъ людей или, ежели угодно, вообще всѣхъ тѣхъ живыхъ существъ, которыя голодомъ хотя еще совсѣмъ и не изморены, но которымъ никогда тоже вволю покормиться ни разу не приходилось.

Сидитъ старый ямщикъ Герасимъ Охватюхинъ на приворотной лавочкѣ своего громаднаго, но теперь, какъ и самъ хозяинъ, развалившагося постоянного двора — и видитъ, какъ мимо него проѣзжаетъ этотъ горемыка-проѣзжій, какого «въ свойную грѣшную Тараскину ѣзду» живо бы лихіе шоссейцы спихнули въ придорожную канаву вмѣстѣ съ его ободранною клячей и брусяною телѣгой. Потухшіе глаза выжившаго изъ ума старика засвѣтились, въ виду этой мочально-веревочной картины, тѣмъ безшабашнымъ смѣхомъ, которымъ онъ во время своихъ шоссейныхъ буйствъ, охаивалъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго «за ихнее, напимѣрь, неумѣнье обходиться съ конемъ».

Самую середину дороги загородилъ Охватюхинъ горемыкѣ-ѣздоку; оскалилъ на него свои красныя, беззубыя десна, подперся руками въ бока и, трясая сѣдою, кудлатою бородою, съ заливымъ хохотомъ спрашивалъ:

— Што, другъ, объ имени-отчествѣ твоёмъ неизвѣстны, Расскажи на милость старому ямщику, у

какого ты фабриканта вожжу эту самую мочальную покупаль, а? Ха, ха, ха! Должно неинаково вышло дѣло такое, што какъ вещь эту изъ-за границы и по желѣзкѣ къ намъ привезли, — а? Хе, хе, хе! Для показу, напимѣрь, нашему брату-неотесу?... Мы што-то въ старину сокровищевъ такихъ и не видывали, а, признаться сказать, обхождение насчетъ коня не хуже нонишняго ѣздока понимали... Да ужъ и работаль же намъ конь въ старину! Мы на коню заработки-то выѣзживали не въ примѣрь пожирнѣе вашихъ нонишнихъ чугунныхъ-то... Ха, ха, ха!

— Эхъ, дѣдушка Герасимъ, дѣдушка Герасимъ! — чуть-чуть не со слезами говорилъ мочальный человѣкъ, непременно знавшій стараго Охватухина. — Ты про ваши заработки старинные и не вспоминай лучше, — нутро болитъ! У васъ-то, бывало, по каменнымъ дорогамъ калачъ — не калачъ, свѣжина — не свѣжина...

— Ха, ха, ха! — заливался Охватухинъ веселымъ старческимъ смѣхомъ, необыкновенно похожимъ на беззаботный дѣтскій смѣхъ. — Э, другъ! Вспомнилъ, небось, про свѣжинку-то про матушку!

— Вспо-омнишь!... — соглашался мочальный человѣкъ, потряхивая шапкой, какъ съ цѣлью спросить ее и освѣжить тѣмъ голову, внезапно застрадавшую при вспоминаніи о матушкѣ-свѣжинкѣ или о батюшкѣ-калачикѣ съ сотовымъ медомъ...

— Чуд-да-акъ! — несказанно торопясь почему-то, — кричалъ дѣдушка Герасимъ. — Мы, бывало, калачъ-то, али тамъ лапшу съ гусинымъ потрохомъ кажинный день жремъ, а у васъ-то лапша про святъ-день до обѣда... Гдѣ они у васъ нонѣ, потроха-то энти, напимѣрь? Хе, хе, хе...

— Д-ды мы про потроха-то и думать теперича позабыли! . . . — плаксиво пѣли гнилыя мочала и истрепанныя веревки, скрѣплявшія проѣзжаго чело-вѣка съ его безпотрошной телѣгой и таковою же лошадыю.

Во время этого разговора въ лѣсу, опушавшемъ шоссе, раздалось оглушительное, сопровождаемое свистомъ, грохотаніе какой-то силы, которая, тяжело отдуваясь дымомъ и искрами, испугала своимъ внезапнымъ появленіемъ шоссеиныя рѣчи. Онѣ прекратились на нѣкоторое время въ виду чего-то страшнаго, что, визжа и ослѣпительно сверкая, умчалось куда-то, ужаснувши окрестности своимъ мощнымъ дыханіемъ.

Изъ-подъ обаянія этой непобѣдимой силы — первый освободился старый Герасимъ Охватюхинъ. Слѣдя за ея быстро мелькавшими слѣдами своими насмѣшливо прищуренными глазками, онъ задумчиво шепталъ, не относясь, впрочемъ, въ особенности ни къ ухабистому шоссе, ни къ лѣсу, безучастно его окаймлявшему, ни къ унылому сѣдоку съ его гнилой телѣгой и помертвѣвшей отъ голода лошадыю.

— Ишь, ишь, какъ черти несутъ! Вонъ она свѣжинка-то гдѣ! Нѣтъ — не къ рукѣ намъ эта свѣжинка! . . .

Затѣмъ вдругъ, вышедши изъ своей нечаянной задумчивости, онъ снова заливался трясущимся, стариковскимъ смѣхомъ и снова принимался трунить надъ мочальнымъ чело-вѣкомъ, настойчиво рекомендуя ему «пришпандорить покрѣпше коня мочальной вожжей и догнать чугунку».

— Тамъ, — кричалъ старый насмѣшникъ, — безпремѣнно есть потроха са-ам-мые заграниш-

нии, — ха, ха, ха! Только догони чугунку, тамъ въ тебя вложуть ихъ — самыхъ луччихъ . . . Сколько душа пожелаетъ . . .

— Не рука намъ, дѣдъ, не рука туда ѣздить, — сколько разъ я тебѣ толковалъ насчетъ эфтова смыслу — и все ты меня, старый, на зубокъ поднимаешь! — отвѣчали въ свою очередь телѣжная мочала и веревки, влекомыя издыхающей лошадыю по тому же самому шоссе, по которому нѣкогда скакивалъ на сердитыхъ тройкахъ удалой Гараська Охватюхинъ, удивляя прохожихъ, какъ удивляетъ ихъ теперь молнійный гулъ желѣзной дороги, своимъ разбойничьимъ свистомъ, удалою пѣсней и, наконецъ, своей постоянной насмѣшкой надъ человѣческими бѣдами, которыя вѣчно плелись и вѣчно будутъ тихо и смирно плестись по узкимъ тропочкамъ, сторонясь бѣшенныхъ поѣздовъ, паромъ ли, лошадыми ли безслѣдно стирающихъ людскія печали и радости съ равнодушнаго къ тѣмъ и другимъ лица земного . . .

Такимъ образомъ, жизнь современнаго шоссе главнѣе всего сосредоточилась теперь въ полоумномъ ямщикѣ Охватюхинѣ, который различными солонинами, свѣжинами и вообще, какъ онъ говорить, убоиной, защищаетъ его старинныя, жратвенныя традиціи, протестуя тѣмъ самымъ противъ порядковъ желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ, по его словамъ, «лба-то перекрестить не дадутъ человѣку, какъ слѣдуетъ, а не то штобы кусокъ какой-нибудь ужевать съ передышкой» . . .

Со всѣхъ концовъ длиннаго села соберутся на охватюхинскую приворотную лавочку мужики, шоссеиное шаромыжничество которыхъ упразднила

желѣзная дорога, проложенная въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ отъ каменки — и, отъ нечего дѣлать, распѣвають о кускахъ, выхваченныхъ чугунокъ изъ ихъ ртовъ и унесенныхъ ею куда-то и зачѣмъ-то съ быстротою молніи.

Въ самыхъ причудливыхъ и разнообразныхъ формахъ выражались эти легендарныя сказанія о кускѣ, который такъ недавно еще, на памяти у многихъ стариковъ, какъ ошалѣлый шатался по шоссе и назойливо совался въ ротъ самому лѣнивому и пьяному мужиченкѣ, и вдругъ отъ куска этого остались — одна безпечная, измощенничавшаяся лѣнь да жесткіе булыжники шоссе.

— Тогда еще старики толковали, што желѣзка намъ не къ рукѣ! — пѣлъ какой-нибудь изъ завсегдателей лавочки Охватухина, раззадоренный его рѣчами о шоссе, текшемъ нѣкогда молокомъ и медомъ.

— Какъ не говорить? Извѣстно — были разговоры, што ее намъ не требуется, — вставилъ свое слово другой завсегдатель. — Родитель нашъ — упокойникъ — тыщу рублевъ, на ассигнаціи по-тогдашнему, становому отвалилъ, штобы, значить, не мѣшала она нашимъ порядкамъ... Теперь вотъ и плачесь!

— Заплачешь! — слышался въ общемъ хорѣ общій возгласъ. — У меня, бывало, солонины одной въ осень по тыщѣ пудовъ на проѣзжаго выходило. Эвона — чаны какіе, бывало, на дворѣ настановишь съ ей, съ матушкой...

— А у насъ-то? — раздавались другія азартныя ноты. — Да у насъ съ тятенькой калачу въ одинъ день по сту пудовъ разбирали, — квасу лѣтнимъ днемъ ежели, то есть Господь жару посылалъ, по

пяти бочекъ выпиваль богомолецъ, — кренделю што таперича харчили . . . Мѣдюки-то, сейчасъ умереть, родитель и не считаль никогда, а такъ это четверками ихъ мѣрилъ, аль на пудъ . . .

Эти сердечныя сокрушенія объ утраченныхъ благахъ старикъ Охватюхинъ выслушиваль съ величайшимъ презрѣніемъ, потому что они въ глазахъ его не представляли собой ни малѣйшей цѣнности въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ кусищемъ, который, благодаря желѣзкѣ, такъ быстро и неожиданно соскользнулъ съ его стариковскихъ зубовъ. Великолѣпное отношеніе ко всѣмъ этимъ ничтожнымъ квасамъ, калачамъ и мѣдюкамъ старикъ позволялъ себѣ нарушить только тогда, когда ему становилось совсѣмъ ужъ невтерпежъ, т. е. когда сосѣди пронизывали ему всѣ уши своими сокрушеніями о томъ, что квасъ нынѣ — пустое дѣло, на солонину — наплевать ежели, такъ грѣха не будетъ, а мѣдякъ коли захочешъ въ свой кошель залучить, такъ прежде подумай объ этакомъ дѣлѣ съ супругой — не поспи ночекъ пятокъ, тогда, можетъ, онъ, мѣдюкъ-то, ненарокомъ какъ-нибудь въ кошель и затешется къ тебѣ.

Хереса, дрей-мадеры и даже шампанское напоминали старику эти сосѣдскіе возгласы о всеобщей испорченности людскихъ вкусовъ, допустившихъ «вдребезги» расшибиться на шоссе «квасной части», — трактирныя щи, кулебяка и даже «каклеты» лакомо мелькали въ глазахъ Охватюхина, когда какой-нибудь эксъ-торговецъ солониной настойчиво утверждалъ, что, по нонишнимъ временамъ, врядъ ли и изъ баръ-то кому придется укусить *необдирнаго* мясца и, наконецъ, тусклые мѣдяки, такъ хвастливо разсыпавшіеся нѣкогда по чет-

веркамъ, группировались воображеніемъ дѣла въ синенькія и бѣленькія ассигнаціи, свѣтлые имперіалы и тяжеловѣсныя платинки, которыя въ былое время такъ гулко и безпереводно пошевеливались въ его бездонномъ кожаномъ кошелѣ.

Весь охваченный подобнаго рода роскошными представленіями, старикъ изрѣдка только удостаивалъ подлаживать распѣвавшему около него хору, сердито встряхивая свои сѣдые космы, ядовито улыбаясь и тихо побрюзгивая въ родѣ того, что: «такъ! такъ! Калачъ былъ у васъ точно што... хе, хе, хе!... Первый сортъ! Крупчатка даже елецкая зеленѣла въ немъ отъ посконнаго масла, какъ бѣсы передъ заутреней зеленѣютъ... хе, хе, хе!».

— А севрюжина, напимѣръ, соленая? — сладострастно воетъ опустѣвшее шоссе. — А сомовина, — эвона, бывало, какіе, батюшка! Въ какой-нибудь праздничекъ Божій заломаютъ это, бывало, бабы пирогъ съ сомовой главизной, — страсть — сейчасъ умереть!...

— Што про севрюжину толковать? — соглашается дѣдъ своимъ ироническимъ шопотомъ. — Нетокма пруды, и рѣчки текучія, такъ тѣ, вплоть до самаго дна, высыхали отъ рыбьяго духу... хи, хи, хи! Извозчики-то отъ вашей рыбины, словно деревья въ лѣсу отъ бури, валились...

Но подтрунивая такимъ образомъ надъ сосѣдскими сѣтованіями, старичина тѣмъ не менѣе никому не давалъ права заключать, чтобы его симпатіи къ шоссе были мельче сосѣдскихъ и чтобы его ненависть къ чугункамъ могла уступить чьей-либо другой ненависти къ этимъ дурацкимъ выдумкамъ новѣйшаго времени. Напротивъ, добра этого накоплено было въ его сердцѣ такое страшное коли-

чество, обладаніе которымъ оказывалось рѣшительно не подѣ силу всѣмъ его сосѣдямъ въ сложности. Тѣ все-таки иной разъ снисходили къ чугунокъ, изрѣдка отправляясь по ней въ городъ съ коровьимъ масломъ, творогомъ и яйцами; Герасимъ же Охватюхинъ не давалъ въ этомъ отношеніи лютomu врагу своему никакого пардону, расколачивая, елико возможно, каждый шагъ его, быстрый какъ молнія и гремѣщій наподобіе іюльскаго грома!..

Герасиму Охватюхину не было ни малѣйшей нужды, какъ онъ самъ постоянно говорилъ, «подражать, напрімѣръ, разнымъ тамъ нѣмецкимъ затѣямъ, потому какъ, хе! ежели Гараська Охватюхинъ не ѣдалъ хлѣбовъ изъ семи печей, такъ кто же, кромѣ его, и ѣлъ ихъ, — Господи Ты Боже мой! У Гараськи-то перо одно парадное было на шапкѣ, такъ и то пятьсотъ рублей стоило! Вотъ перышко каково, — ха, ха, ха! Подарилъ то перышко Гараськѣ московскій купецъ Трепачевъ, тятенькой нонѣшнимъ-то трепачевцамъ приходится, какіе теперича, ха, ха, ха! по чугункамъ-то ѣздятъ съ мамзелями разными. Прочугунются, небось — промамзелятся — подожди!».

— А вы говорите, — въ упоръ уже обращался старикъ къ жалующимся на безвременье сосѣдямъ, — вы же все, напрімѣръ, толкуете насчетъ своихъ квасовъ, алибо главизны сомовьей, — ха, ха, ха! Чѣмъ же вы послѣ того супротивъ меня будете, когда подо мной всегда тридцать троекъ битюцкой, али аргамацкой породы хаживало, — а? Ха, ха, ха! Въ самый Кеивъ вѣдь, али даже въ Аршаву тройки-то Охватюхинскія заѣзживали, — такъ-то-сь, други мои сердечные, не токма што...

Новый элементъ вступается въ шоссейные раз-

говоры. Онъ считаетъ своей обязанностью поддерживать хвастливыя рѣчи стариннаго удальца, — и поддержка эта оказывается тѣмъ дѣйствительнѣе, что элементъ представляется въ видѣ необыкновенно сумрачнаго субъекта съ огненными глазами и съ впалыми блѣдными щеками, сплошь обросшими густыми черными волосами. Унылый басъ, ланковый, линючій подрясникъ и порыжѣлая, плисовая шапочка, надѣтая на кудлатую голову, рекомендовали субъекта за одного изъ тѣхъ странниковъ, которые вѣчно шатаются изъ одного монастыря въ другой, отдыхая отъ этихъ ночевьевъ у знакомыхъ мужиковъ, мѣщанъ и купцовъ и платя имъ за гостепріимство тѣми чудодѣйственными разсказами про дива пространнаго Божьяго міра, отъ которыхъ поднимаются дыбомъ волосы на головахъ людей, одеревенѣвшихъ было отъ безконечнаго однообразія захолустной сельской жизни.

— Полетѣли на троечкахъ дяди Гарасима всласть, аки бы на крылахъ вѣтряныхъ летывали, — проговорилъ сумрачный странникъ съ глубокимъ вздохомъ, отъ котораго его унылый басъ дѣлался еще унылѣе и, такъ сказать, готовнѣе до глубокой боли ущипнуть суевѣрныя сельскія сердца протяжными повѣствованіями о разнообразномъ злѣ, властительно будто бы царящемъ во всѣхъ точкахъ земного шара.

— А, а! — восклицалъ Охватюхинъ, по своему обыкновенію злорадно посмѣиваясь. — Што же ты объ охватюхинскихъ тройкахъ жалѣть принялся? Чего жъ ихъ жалѣть-то, другъ — ха, ха, ха! Вонъ чугунка подъ носомъ, — попроворнѣй, пожалуй, моихъ коневъ-то будетъ, потому она огнемъ дѣйствуетъ . . .

— И разжеся огнь въ сонмѣ ихъ, и въ пламень попали грѣшники, — простоналъ странникъ своимъ зловѣщимъ голосомъ. — Вотъ какія слова говорю вамъ насчетъ чугунокъ, — торжественно обратился онъ къ приворотнымъ сокомпанейцамъ, — и слова эти я вамъ сказываю не отъ себя. Вотъ вы ихъ и восчувствуйте! . . .

— Чего тамъ восчувствовать-то? — оживленно и хоромъ гаркнули сокомпанейцы. — Мы отъ этой желѣзки-то давно ужъ кушаками животы подтянули, бурчить, на скотину отъ ней падежъ пошелъ, — собаки даже путевой во всей деревнѣ нѣтъ . . .

— И разгнѣвася яростію Господь на люди своя; и омерзи достояніе свое . . . Вотъ она желѣзка-то какова! — съ глубокимъ трагизмомъ отрезонилъ странникъ. — Кто настояще, — говорилъ онъ, какъ бы уясняя что-то, — вникаетъ въ писаніе, тотъ понимаетъ, что, какъ и къ чему . . . Дѣло хвалить нечего, сами вы видите . . . На вашихъ, кажется, глазахъ-то . . .

— Какъ не видать? Давно видимъ, што дѣло не къ рукѣ, — снова запѣвалъ хоръ, оживляясь все болѣе и болѣе своей излюбленной пѣсней о несподручной желѣзкѣ и о различныхъ великихъ и богатыхъ милостяхъ, раскатывавшихся нѣкогда, воочію всѣхъ, по гладко укатаннымъ каменнымъ дорогамъ на беззаботную и сладкую потребу всѣхъ пришошесейныхъ утробъ.

Усерднѣе всѣхъ распѣвали эту пѣсню Герасимъ Охватюхинъ и странникъ. Они, въ то время когда разношерстныя бороды вытягивали основную пѣсенную поэму насчетъ маслянистыхъ калачей, забористыхъ квасовъ и жирныхъ мясъ, варьировали ее разсказами о непостижимыхъ для простого ума слу-

чаяхъ, рѣшительно невозможныхъ ни на какой другой почвѣ, кромѣ какъ на шоссейной.

— По шасе-то какой, бывало, богомолецъ ходилъ? — азартно спрашивалъ странникъ. — Нонѣ и нѣтъ такихъ, — всѣ норовятъ какъ имъ поскорѣе въ мірское званье, отличиться, потому прельщенье вездѣ очень большое пошло. А допрежь того богомолецъ круглый годъ странничалъ по святымъ мѣстамъ — и былъ онъ сытъ, обутъ и одѣтъ и, какъ надо сказать, што вездѣ принять по милости Божіей.

— А мы-то, бывало, извозчики-то, — съ меньшей страстностью подхватывалъ Герасимъ. — Закаатишься эдакъ къ примѣру, въ Крымъ за яблокомъ, али въ Сибирь за чаями, — коси малину! Года по три домой-то и не заглянешь совсѣмъ.

— Богомолецъ былъ въ старину настоящій, хорошій, — ничуть не слушая Охватухина, перебилъ его рѣчь угрюмый странникъ. — У насъ такіе отцы хаживали, такіе... Въ цѣлую недѣлю по единой только просвирочкѣ скушивали. Такихъ подвижниковъ теперича и не найдешь, пожалуй, нигдѣ: да можетъ въ затворахъ гдѣ-нибудь пребываютъ, такъ, вѣдь, они намъ, грѣшникамъ, ликовъ своихъ ни за што не объявятъ.

Деликатность, съ которою Охватухинъ выслушивалъ любопытные эпизоды о таинственныхъ личностяхъ, скрывающихъ отъ грѣшныхъ глазъ свои лики за крѣпкими затворами, нисколько не уступала деликатности самого странника, ничуть въ свою очередь не интересовавшагося разказами отставного ямщика про то, «какъ они въ старину закатывались въ Крымъ за яблокомъ, али, на примѣръ, въ Сибирь за чаями». Однимъ словомъ: каждый

изъ нихъ заливался своимъ собственнымъ мотивомъ, въ финалъ котораго получался ревъ хора, злобно утверждавшаго, что всѣмъ вообще пѣвцамъ не къ рукъ несчастная желѣзка.

Настойчиво преслѣдовала пѣсня свою главную тему. По тѣмъ ея варіаціямъ, которыя продѣлывалъ ямщикъ, несомнѣнно выходило, что ни отъ чего другого, какъ только отъ желѣзки, обезлюдѣли шумливыя дороги и неизвѣстно куда дѣвались силачи-извозчики, приподнимавшіе на задокъ телѣги стопудовую клажу.

— У насъ народъ ядреный былъ, — какъ бы въ сладкой дремѣ, зажмуривъ глаза, распѣвалъ Охватюхинъ. — Куда его ни поверни, онъ своей чести нигдѣ не потеряетъ, хоть въ пиръ, хоть въ миръ, хоть въ добрые люди. У насъ былъ одинъ извозчикъ изъ Саратова, такъ тотъ однажды мѣру калачей на споръ съѣлъ да пять фунтовъ меду. Въ банѣ послѣ того двое сутокъ животъ-то ему вѣниками отпаривали и масломъ оттирали деревяннымъ, потому медъ, словно камень, застылъ въ немъ . . .

— А въ монастырь, бывало, ежели въ какой взойдешь, — въ необыкновенно нѣжной задумчивости подтягивалъ странникъ, — сичасъ тебѣ пища всякая . . . Братія, на примѣръ, встрѣчаютъ съ поклонами.

— Саратовецъ-то энтотъ, — внезапно врѣзывался Охватюхинъ въ идиллію странника, — возметъ, бывало, лошадь за переднія ноги, да на спину себѣ, ровно бы овцу и взвалить . . . Вотъ тебѣ и чугунка, — ха, ха, ха!

The history of the world is a subject of great interest and importance. It is a subject which has attracted the attention of men of all ages and of all nations. The history of the world is a subject which has been the subject of many different theories and opinions. Some have thought of it as a series of events, while others have thought of it as a process. Some have thought of it as a story, while others have thought of it as a science. The history of the world is a subject which has been the subject of many different theories and opinions. Some have thought of it as a series of events, while others have thought of it as a process. Some have thought of it as a story, while others have thought of it as a science. The history of the world is a subject which has been the subject of many different theories and opinions. Some have thought of it as a series of events, while others have thought of it as a process. Some have thought of it as a story, while others have thought of it as a science.

Всеядная.

(Картины подмосковной дачной жизни.)

ВНУТРЕННИЙ

ПОРЯДОК РАБОТЫ

I.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Петра Петровича Безпокойнаго, по природѣ человѣка крайне нервнаго, а по ремеслу, какъ стали недавно говорить, литературщика, его всегдашній врагъ — желчь — разукрасила какими-то особенно болѣзненными, изсиня-желтыми, красками. Въ то же время онъ примѣтилъ, что вмѣсто печени у него имѣется грецкая губка, обильно налитая разнообразными препаратами, производящими постоянную тошноту и головокруженія, доходившія до обмороковъ.

Принявъ все это въ должное вниманіе, а также и свой вѣчный кашель — результатъ застарѣлаго, желудочнаго катарра, Петръ Петровичъ задумалъ мѣсяца два прожить гдѣ-нибудь «подъ сѣною струй», рассчитывая, что если сельская природа и не излѣчитъ его многочисленныхъ недуговъ, то хоть, по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ надоѣдать нумернымъ сосѣдямъ своимъ непрерывнымъ кашлемъ.

Задумано — сдѣлано. Одинъ пріятель Петра Петровича, шустрый такой, хотя еще и не знаменитый, художникъ въ синихъ очкахъ, живо стащилъ его въ одну подмосковную деревеньку, гдѣ онъ во время своихъ тасканій за эффектными типами и ландшафтами, пріобрѣлъ себѣ куму. Кромѣ заманчивой кумы, которая, по словамъ художника, была

не какая-нибудь деревенская буйволица, а женщина въ полномъ смыслѣ — *комъ иль фо*, въ деревенькѣ имѣлись — желѣзистый прудъ, чудодѣйственныя воды котораго неоднократно воскрешали мертвыхъ, и березовая роща, гдѣ Петръ Петровичъ, по увѣреніямъ своего художественнаго друга, могъ, безъ малѣйшей помѣхи, каждый день писать по пяти самыхъ лучшихъ романовъ и, кромѣ того, огребать чортовы кучи всякихъ грибовъ первѣйшаго сорта.

И вотъ, въ силу обольщеній, находившихся въ распоряженіи подмосковной деревеньки, мы «однимъ прекраснымъ вечеромъ» видимъ Безпокойнаго сидящимъ на завалинѣ одной изъ ея избъ. Передъ нимъ стоялъ самоваръ, который, въ лады съ тишиной довольно уже поздняго вечера, напѣвалъ какія-то тихія, исполненныя меланхоліи, пѣсни. Почти у самыхъ ногъ Безпокойнаго разстилался свѣтлый прудъ, густо поросшій осокой и болотными лиліями, а за прудомъ, въ задумчивомъ молчаніи, стояла молодая березовая роща, насквозь пронизанная золотымъ сіяніемъ мѣсяца. Послѣ вѣчно и безалаберно горланящей суеты большого города, больному, измученному ею человѣку, какъ-то особенно покойно сидѣлось безъ шапки подъ этимъ синимъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами: вокругъ него летала ласковая вечерняя прохлада, обдувая его воспаленную голову и возбуждая усталое сердце острымъ запахомъ растительности, налетавшимъ на село съ дальнихъ полей.

Это былъ первый день, или, лучше сказать, первый вечеръ, который Петръ Петровичъ проводилъ въ деревнѣ. Ему было хорошо, и онъ осязательно чувствовалъ, какъ отдыхаетъ и крѣпнетъ его изболѣлый организмъ. Онъ ничуть не интересовался

въ настоящую спокойную минуту тѣми, такъ тѣсно связанными съ жизнью въ большомъ городѣ, заботами, которыя, не далѣе трехъ-четырехъ часовъ тому назадъ такъ деспотически владѣли имъ. Прямо предъ глазами Безпокойнаго, отдѣленный отъ деревни небольшимъ оврагомъ, стоялъ большой помещичій домъ, свѣтившійся тѣмъ таинственнымъ, располагающимъ къ полнѣйшему бездумью, полусвѣтомъ, который дѣлаютъ лампы, закрытыя разноцвѣтными абажурами. Изъ дома неслись могучіе звуки дорогого рояля, пѣвшіе что-то классическое, строгое, напоминавшее Безпокойному музыку, которою дорогіе люди, теперь давно уже умершіе, ласкали его дѣтство, — и въ то же время совершенно противоположное тѣмъ, такъ называемымъ легкимъ мотивамъ, которые должно было выслушивать во время приближающейся старости его больное одиночество. Онъ напряженно слушалъ эту строгую музыку безъ его вѣдома, въ головѣ его пролетали какія-то смутныя, тревожившія мысли о томъ, что эти стройные звуки, нѣкогда столь знакомые ему, отнесены текущимъ временемъ къ «области преданій» и что ихъ мѣсто замѣнили теперь другіе звуки, весело зовущіе человѣчество на веселый канканъ. Апатичными взмахами рукъ Безпокойный отпугивалъ отъ себя эти думы вмѣстѣ съ комарами, назойливо облѣплявшими его лицо, и во всѣ глаза смотрѣлъ на звѣзды, дрожавшія въ прудѣ, на мѣсячные лучи, скользившіе по роцѣ расплавленнымъ золотомъ . . . Видимо было, что картина эта нравилась ему: онъ сидѣлъ, углубленный въ нѣмое созерцаніе ея красоты, и думалъ, думалъ . . .

Романъ, для окончательной отдѣлки котораго, помимо излѣченія отъ всякихъ болѣзней, Безпокой-

ный пріѣхалъ въ подмосковную деревеньку, приходилъ въ его мысляхъ къ концу. Въ немъ такое же мирное небо съ свѣтлыми звѣздами, такой же тихій прудъ, такой же безмолвный, полуосвѣщенный домъ, — и вотъ бѣдный, больной человѣкъ, ободренный великою силой природы, помѣщаетъ въ ея величавое, свѣтлое царство мужчину и женщину.

Страстно всматривается Безпокойный въ разнообразные, придуманные имъ, фазисы, въ которыхъ волею его возбужденной мысли, должна вращаться созданная имъ пара. Вывелъ онъ ее на такой широкій просторъ, который разстилался шире этихъ луговъ неоглядныхъ, который былъ свѣтлѣе звѣздъ небесныхъ и покойнѣе безпробудно спавшей рощи, въ которой не шевелился ни одинъ листокъ.

Увѣнчанная цвѣтами и провожаемая гармоничными созвучіями сочиненнаго Безпокойнымъ пространства, блаженно проходитъ его пара свой жизненный путь, — и Безпокойный радужно улыбается созерцаемому имъ блаженству, нисколько не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что его кашель, перелетая черезъ прудъ въ рощу, гремѣлъ въ ней учащеннымъ, батальнымъ огнемъ, распугивая пріютившихся тамъ на ночь галокъ и воронъ.

Такое молчаливое поведеніе Петра Петровича и ничѣмъ необъяснимая улыбка, во весь вечеръ не сходявшая съ его губъ, ввергли въ большое недоумѣніе его дачную хозяйку — куму художника. Всѣ ея свѣтскости были крайне манкированы этимъ кашляющимъ и улыбающимся человѣкомъ. Прощедши огонь и воду въ шатаніяхъ по разнымъ именитымъ господамъ въ качествѣ воспитанницы, крестной дочери, любовницы, горничной и, наконецъ, бѣлой кухарки, она спра-

ведливо рассчитывала на большое вниманіе со стороны жильца, тѣмъ болѣе, что кумъ-художникъ на прощанье шепнулъ ей про Петра Петровича, что онъ — «ухо-парень, которому пальца въ ротъ не клади».

И вотъ для того, чтобы должнымъ образомъ показать себя ухо-парню, для того, чтобы отнять у него всякую возможность къ оттяпыванію чужихъ пальцевъ, кума облачилась въ шерстяное платье, пришила къ нему шикарное, такъ много говорящее панье и засѣла съ жильцомъ за чай не только съ полнымъ сознаніемъ безопасности собственного пальца, но даже съ твердою увѣренностью въ самомъ непродолжительномъ времени если не совсемъ отхватить голову у непригляднаго господина, такъ, по крайней мѣрѣ, взбаломутить ее . . .

И дѣйствительно, кумъ-художникъ и его многочисленные друзья, часто посѣщавшіе подмосковную деревеньку какъ для безмятежной на лонѣ природы выпивки, такъ равномѣрно и для сближенія съ народомъ, большею частью уѣзжали отъ кумы съ отуманенными головами и облегченными кошельками. Ея несокрушимое убѣжденіе въ томъ, что она должна жить и кормиться на счетъ молодыхъ, а за недостаткомъ оныхъ — и старыхъ московскихъ господъ, всегда побивало фанаберію этихъ господъ, упорно отрицавшую всякую возможность серьезнаго на нихъ вліянія со стороны какой-нибудь неумытой Химки, или толстоногой Палашки.

Черныя, слегка смазанныя фиксауаромъ, брови кумы, ея бѣлыя, полныя щеки и широкій бюстъ, съ настойчивою храбростью солдата стремившійся впередъ, непремѣнно обуздывали дерзкое самомнѣніе москвичей и сводили ихъ гордыя думы относительно

неумытой твердокожести Палашекъ и Химокъ на почву гуманности и равенства, которая умственными такъ сказать, сохами текущаго времени вся испахана вензелями, говорящими въ назиданіе заносчивыхъ людей о томъ, что они, наравнѣ съ людьми приниженными, происходятъ отъ одного праотца — Адама. Мало этого: при благодѣтельномъ содѣйствіи счастливыхъ отмѣтинъ, которыми природа такъ щедро разукрасила куму, а равно вооруженная врожденной юркостью, значительно изоощренною въ кухняхъ ея именитыхъ покровителей, она оказывалась несравненно сильнѣе московскихъ кумовьевъ, посѣщавшихъ ее. Не они удивляли ее, деревенскую женщину, чудесами цивилизаціи, выработанными столицей, а она, напротивъ, пригибала ихъ къ подножію своихъ сельскихъ пенатовъ и заставляла приносить имъ обильныя жертвы — путемъ бойкихъ, политическихъ разговоровъ, умѣнья расположить городскихъ, большею частью сдерживающихся людей, къ безтрепетному опоражниванью бутылокъ, и, наконецъ, надѣленная способностью, послѣ крѣпкаго пьянства съ слабонервными *господашками*, превращаться въ еще болѣе удалую плясунью и голосистую пѣсенницу, кума обдѣлывала своихъ гостей, какъ она говаривала, за первый сортъ. Опивая и объѣдая ихъ сама, она въ то же время наталкивала и сосѣдей своихъ на всяческое горожанъ опиваніе и обираніе, справедливо рассуждая, что и сосѣдская денежка не щербата, что горожанинъ завсегда изъ пустого можетъ денежку вышибить, а мужикъ такого фокуса выкинуть не въ силахъ покуда . . .

И вотъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ вещей, словно бы намагнетизированные этимъ панье разбитной

женщины, ея московскіе гости, какъ телята, тянулись за нею по сельскимъ хороводамъ, гдѣ телята эти въ одно и то же время и изучали яко бы мотивы отечественныхъ пѣсенъ, и знакомились съ типами сельскихъ красавицъ, поливая красоту ихъ, для успѣшнѣйшаго ея процвѣтанія, водкой, настоянной на мухахъ, и «народнымъ пивомъ», этимъ прекраснымъ суррогатомъ, такъ успѣшно приучающимъ народныя массы къ доброй нравственности и къ усвоенію ими различныхъ полезныхъ ремеслъ и мастерствъ . . .

Умѣла также кума, предварительно вошедши въ плутовскую сдѣлку съ кабатчикомъ, затащить дурашливыхъ горожанъ въ вонючій сельскій кабакъ, который въ ихъ пьяныхъ глазахъ получалъ тогда поучительное значеніе народнаго клуба, — и во всѣхъ этихъ, по словамъ кумы, распріятныхъ мѣстахъ горожане должны были, большею частью противъ своей воли, до одури пить водку, швырять цѣлыми горстями деньги какимъ-то сиротамъ, сплошь залѣпленнымъ какъ бы библейскою проказой, — какимъ-то благочестиво и слезно-крестившимся вдовамъ, съ багровыми жевалками вмѣсто глазъ, и, наконецъ, цѣловаться съ свирѣпыми, пучеглазыми мужиками, большая часть которыхъ, находясь многіе годы подъ вліяніемъ бѣлой горячки, горланили пѣсни и разговоры, отличавшіеся толковостью сумасшедшихъ домовъ.

Несмотря на пятичасовое пребываніе Безпокойнаго на дачѣ кумы, она никакъ не могла заставить его продѣлать хоть одну, самую маленькую штучку изъ числа сейчасъ описанныхъ. Литературщикъ, ничуть не примѣчая направляемыхъ на него обольщеній, попрежнему громко кашлялъ и, улыбаясь,

молчаливо вышивалъ канву своего романа такими же прихотливыми узорами, какъ прихотливы были тѣ безпрестанно измѣнявшіеся сліянія мѣсячнаго и звѣзднаго свѣта съ синими тѣнями ночи, которыя тихо скользили по поверхности пруда, летали по вершинамъ сонныхъ деревьевъ и, какъ будто отыскивая что-то, ползали по низкой росистой травѣ.

Такое упорное невниманіе со стороны Безпокойнаго страшно злило куму. Въ глубинѣ души своей она назвала его дохлымъ и полоумнымъ чортомъ и, наконецъ, клятвенно обѣщалась показать ему современемъ здоровую коку съ сокомъ . . .

Тѣмъ и кончился этотъ вечеръ для моихъ, такъ случайно сошедшихся, героевъ, навѣявъ на нихъ, несмотря на свое, почти непрерывное безмолвіе, совершенно разнородныя вещи: Безпокойный уходилъ спать съ какими-то тихими думами о красотѣ сельской природы, давно уже невиданной имъ . . . Ему смутно представлялось, что вотъ именно здѣсь гдѣ-то, недалеко отъ него, подъ рукою какъ бы, или около ушей, разнѣживая организмъ, журчитъ тотъ сказочный источникъ живой воды, въ который больному человѣку стоитъ только окунуть голову — и онъ выйдетъ изъ него съ новою силой и новою мыслію . . .

Безчисленное множество видѣній, такихъ же нѣжныхъ и неуловимо-быстро промелькивавшихъ, какъ были быстры и нѣжны катившіеся по вечерней синевѣ неба звѣздные метеоры, промелькнуло предъ Безпокойнымъ въ то время, когда кума, сердито громыхая чайнымъ приборомъ, ругательски ругала своего паскудника-кума, шустрого художника въ синихъ очкахъ, который удружилъ ей рекомендаціей такого захирѣлаго шута.

— Живутъ же на бѣломъ свѣтѣ эдакіе дьяволы! — говорила кума, молясь на сонъ грядущій и стараясь въ то же время оплеушинами усмирить крики своего ребенка, страдавшаго чудовищною золотухой. — Водятся же такіе идолы! Вина не жретъ... Господи! Да что же это? — Затѣмъ слѣдовалъ окрикъ, направленный къ больному ребенку: — Да когда же ты угомонишься, змѣй огненный! Али я на тебя въ самомъ дѣлѣ, на змѣеныша, управы никакой не найду? Дрыхни!.. Дѣвокъ позвала... пѣснями его развеселить, — отогнать велѣлъ. «Дѣвки ваши, — говоритъ, — брюхами пѣсни играютъ, а не голосомъ»... Ну, погоди, богомазь проклятый, — я тебѣ покажу, какъ такихъ жильцовъ на фатеру ко мнѣ привозить!..

Въ это время съ недалекой отъ подмосковной деревеньки церкви раздался протяжный колокольный звонъ. Заснувшія окрестности, какъ бы пораженные сильными ударами, испугались его и дрогнули. И нельзя имъ было не ужаснуться и не дрогнуть отъ этого звона, такъ какъ онъ служить знакомъ нашествія на землю угрюмо-молчащей полночи, вмѣстѣ съ которой, по вѣрѣ глухихъ деревень, къ безпечнымъ изголовьямъ людскимъ слетаются нечистые духи, всячески обольщающіе какъ дурные, такъ и хорошіе инстинкты всего, что ползаетъ въ сѣрой пыли земной и паритъ въ высяхъ голубого неба.

Вслѣдствіе этой странной особенности сельской полночи, Безпокойный до самаго утра прогрезилъ никогда и нигдѣ прежде не виданными имъ людьми. Озаренные ничѣмъ не смущаемою радостью, они не пресмыкались болѣе по жалкой землѣ, а рѣяли въ какихъ-то свѣтлыхъ, цвѣточныхъ пространствахъ

между нею и небомъ, возносясь, по волѣ своей, даже къ огненнымъ звѣздамъ. При этомъ Безпокойный, въ качествѣ человѣка, всецѣло отдавагося всяческимъ анализамъ и изученіямъ, въ первый разъ въ эту ночь имѣлъ счастье примѣтить, что огонь тѣхъ звѣздъ не только не палилъ дерзкихъ людей, приближавшихся къ нему, а, напротивъ, просвѣтляя ихъ еще больше, уносилъ еще дальше куда-то и потомъ, ежели они желали, снова приносилъ ихъ на своихъ лучезарныхъ крыльяхъ на землю, радовавшуюся ихъ возвращенію . . .

И кумѣ тоже пораждѣли искушающіе духи полночи. Она въ свою очередь видѣла во снѣ, какъ ея смирный постоялецъ, сидя съ нею въ кабацѣ, игралъ будто бы на гармоникѣ такъ разухабисто, какъ она ни отъ одного кучера еще не слыхивала. Онъ дарилъ ее ситцевыми и шерстяными матеріями, цѣлыми штофами покупалъ ей сладкую рябиновую водку и съ молодецкимъ посвистомъ и гарканьемъ кружился надъ нею:

— А-а, толстопятая! Ты вчера подумала про меня, что я — нюня . . . Ха-ха-ха! . . . Ты подумала, что мы такой бабенки ужъ и оплестъ не въ силахъ . . . такъ что ль — а? Ха-ха-ха! . . . Пей-ка вотъ да получай отъ насъ на постройку избы сотенный билетъ. У насъ денегъ-отъ побольше будетъ, чѣмъ у твоего кума-художника. Пущай у него на носу синія очки вздѣты . . .

И при этихъ словахъ, не только изъ кармановъ, а даже изъ носа, рта и ушей сыпалъ смирный постоялецъ на свою дачную хозяйку цѣлыя кучи разноцвѣтныхъ ассигнацій и звонкой серебряной мелочи. И, вѣроятно, что и по настоящее время Безпокойный, попавшій, по милости прихот-

ливой сельской полночи, въ такіе безпардонные кутилы, продолжалъ бы снабжать куму разнымъ добрищемъ, ежели бы игривый духъ полночи, раздразившій ее такимъ милымъ сномъ, съ большимъ испугомъ не улетѣлъ куда-то отъ ея подушки, испугавшись крестнаго знаменія, которымъ глупая женщина имѣла неосторожность осѣнить себя въ благодарность за благодать, такъ неожиданно ее посѣтившую.

II.

Наступившее утро прогнало духовъ сельской полночи съ ихъ соблазнительными чарами. Самые первые шаги этого утра были чутко заслушаны Безпокойнымъ, который, вслѣдствіе болѣзни и городскихъ привычекъ, никогда не вставалъ въ Москвѣ ранѣе десяти часовъ утра. Онъ, съ давно-неиспытаннымъ наслажденіемъ, прислушивался къ этимъ тихимъ, ароматнымъ шагамъ, которыми сельская лѣтняя ночь уходитъ куда-то, давая послѣ себя мѣсто все болѣе и болѣе, съ каждой минутой, разрастающимся свѣтлымъ волнамъ дневнымъ.

Немного времени спалъ въ эту ночь Петръ Петровичъ, но чувствовалъ себя почему-то совершенно свѣжимъ. Его сначала разбудилъ тихій, прохладный вѣтеръ, отъ котораго глухо зашуршала соломенная крыша, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ этого же вѣтра, будто бы, покачнулась и разрѣдѣла густая тьма, наполнявшая комнату. Въ этой, значительно разрѣженной тьмѣ тревожно заметались и зашевелились теперь милліоны какихъ-то маленькихъ фосфорически-свѣтившихся точекъ, которыя, наподобіе распуганныхъ птичекъ, съ необыкновенною стремительностью разлетались изъ избы и, безслѣд-

но исчезая гдѣ-то, замѣнялись другими точками, такими же маленькими и блуждающими, но уже отмѣченными другимъ характеромъ: ихъ сѣровато-прозрачныя, напоминавшія собою паутину, или дорожное, старинное кружево, массы ясно говорили, что изъ громаднаго прилива этихъ массъ на землѣ получится вѣчно чарующая людей красота лѣтняго дня съ свѣтлымъ солнцемъ и голубымъ небомъ.

Въ густомъ кустарникѣ палисадника, который съ лицевой стороны окаймлялъ собою пріютъ Безпокойнаго, быстро порхала какая-то пташка и весело посвистывала. Давнымъ-давно переставшій удивляться чему-либо, Петръ Петровичъ слушалъ теперь этотъ свистъ съ большимъ удивленіемъ: птичка тоненькимъ такимъ голоскомъ, по-человѣчески, членораздѣльно, скороговоркой, щебетала ему:

«Встанешь ты, что ли?».

Весело показалось Безпокойному отъ этого, такъ привѣтливо и настойчиво повторявшагося, птичьяго вопроса. Онъ самодовольно улыбнулся, такъ неожиданно заслышавъ голосокъ, обращенный, какъ будто, къ его одиночеству, и, забывши про зловерное вліяніе на его недуги разнообразныхъ сквозныхъ вѣтровъ, отворилъ окно.

Величавая панорама ранняго сельскаго утра, сверкнувшая въ узкомъ оконцѣ, ошеломила человѣка, изболѣвшаго отъ смертельнаго городского горя. Петръ Петровичъ долго не могъ понять живящей силы ослѣпившей его картины: безцѣльно вглядываясь въ ея мощные штрихи, состоявшіе изъ синихъ летучихъ тумановъ, дымившихся надъ прудомъ, блестящіе въ выси разсвѣтающаго неба темной зеленью лѣса, — видѣлъ не эти штрихи, а съ какимъ-

то, особенно-глубокимъ, болѣзненнымъ, страданіемъ припоминалъ городскія картины, на которыя онъ смотрѣлъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ и которыя, непонятнымъ для него образомъ, сдѣлали изъ него больного, до полнѣйшаго безсилія, человѣка.

Бессознательно предоставивъ свою хрипящую грудь тихимъ налетамъ полевого вѣтра, Безпокойный припоминалъ свою многолѣтнюю жизнь по этимъ «широкошумнымъ» городамъ, гдѣ людскіе пульсы обязаны биться съ такою тревожною быстротой. Онъ вспоминалъ эти буйныя, никогда не смолкающія, мебелированныя комнаты большихъ городовъ съ ихъ пустынною затхлостью и безпощаднымъ обдираньемъ, съ ихъ убого цыганской обстановкой, съ своимъ собственнымъ, чисто-рыцарскимъ, отношеніемъ ко всему этому безобразію, тяжелому и пугающему, какъ горячечныя сновидѣнія, — и думалъ: «зачѣмъ же я жилъ тамъ?»

А между тѣмъ, бойкая, маленькая птичка, засѣвшая въ кустахъ палисадника, продолжала щебетать въ уши одинокаго человѣка свою прежнюю, ласковую скороговорку:

«Ты спишь, что ли? Скоро встанешь, что ли?»

Но и этотъ вопросъ, показавшійся Безпокойному сначала столь милымъ, не могъ отвлечь его отъ его воспоминаній. Вотъ ему видится его номеръ въ какомъ-то сумрачно каменномъ городѣ, весь заваленный книгами, газетами, справками, выписками, корреспонденціями и т. п. Все это покрыто толстыми слоями сѣроватой, наводящей тоску, пыли, и на всемъ на этомъ навалены окурки папиросъ, сигаръ и свѣчныхъ огарковъ.

И себя припомнилъ Безпокойный въ этомъ же номерѣ. Онъ тоже былъ весь въ пыли, въ какомъ-

то несчищаемомъ песочномъ наносѣ, необъяснимо и досадливо налетавшемъ въ окна его жилья; онъ беретъ съ пыльных этажерокъ, съ пыльных оконъ и столовъ такія же пыльные книги и старается добиться отъ нихъ чистой правды . . . Для этого только онъ живетъ въ слѣпящемъ глаза и разбивающемъ грудь песочномъ наносѣ . . .

Вотъ слышится ему фатальный стукъ въ дверь и не менѣе фатальный вопросъ:

— Можно войти?

— Пожалуйста! — слышитъ Безпокойный свой собственный голосъ, какъ бы умаливающій кого-то тамъ, за дверью, чтобъ этотъ кто-то вошелъ къ нему и хоть на минуту выхватилъ бы его изъ злыхъ челюстей той сокрушающей, гнетущей тоски, которая всецѣло легла на его книги, газеты, рукописи и, наконецъ, на его чистыя стремленія отыскать чистую правду.

Увы! не находится за дверью такого человѣка. Тамъ стоитъ сердитый служитель, съ шипящимъ самоваромъ, и гнѣвно шепчетъ:

— Самоваръ-съ! Вотъ-съ! . .

— Да я не просилъ у васъ самовара! . . — гнѣвно тоже шепчетъ Безпокойный. — Отчего вы пыли у меня никогда не сметаете?

Еще большіе гнѣвъ и недовольство пролетаютъ въ это время по невыспавшемуся лицу служителя меблированныхъ комнатъ. Съ громомъ и дребезжаньемъ чайной посуды поставивъ на столъ непрощенный самоваръ, онъ угрюмо отвѣчаетъ:

— Што жъ пыль? Вѣдь, вы сами же не велите ее убрать! . . Булку ежели надо, такъ сбѣгаю, пока рано еще. Намъ тоже другимъ жильцамъ услужить надо. Вонъ у насъ два генерала жи-

вуть . . . А пыль, извѣстно, когда ежели свободное время . . .

Манкируя опротивѣвшимъ самоваромъ, Безпкойный усаживается за письменный столъ, чтобы, по своему вѣчному обыкновенію, устремиться въ отыскиваніе желаемой правды въ этихъ безчисленныхъ фоліантахъ. И вотъ всецѣло окружала его тогда книжная правда, вмѣстѣ съ этою, царящей въ большихъ, плохо охраняемыхъ, бібліотекахъ, плѣсенью, — и не обратилъ бы нашъ труженикъ никакого вниманія на эту плѣсень, если бы къ ея заразительной духовитости не присоединялись безалаберные голоса номерныхъ сосѣдей, гремѣвшіе на разные, раздражающіе больные нервы, тоны:

— С-стуч-чу! — какъ и во всю предшествовавшую ночь, раздавался въ сосѣднемъ апартаментѣ, уже въ десятомъ часу утра, чей-то мощный басъ, громыхая кулакомъ по столу.

— Бенефису три цѣлкача желаешь? — спрашиваютъ у баса.

— Што же водки мнѣ не несутъ, дьяв-воль васъ всѣхъ заberi! — ругается одичалый голосъ, принадлежащій какому-то несчастному пріѣзжему, уже нѣсколько недѣль одержимому злою бѣлой горячкой.

— А мы вчера изъ Стрѣльны въ шесть часовъ приплыли, — продолжаютъ обмѣниваться новостями меблированные комнаты. — Въ грязи всѣ, какъ агаряне какіе! Стыдно было на улицу глазомъ вскинуть. Што жъ ты? — пей, поправляйся! . .

— А мы такъ просто-напросто въ части ночевали . . . Непонятно даже . . . Никогда у меня еще такъ не отбивали ума . . . Спасибо, офицеръ хорошій попался, — познакомились; смѣется: «ну, и

ступайте теперь на всѣ четыре, а то бѣда мнѣ съ этими протоколами... Были вы, — говоритъ, — вчерашняго числа въ состояніи невмѣняемости... Поблагодарите вотъ унтеръ-офицера Ефремова, — онъ васъ съ тротуара въ полнѣйшемъ безчувствіи поднялъ...».

— Кр-раул-лъ! — глухо раздается новый голосъ съ конца коридора, противоположнаго номеру Безпокойнаго. — Убить хочетъ... Батюшки! заступитесь...

Спѣшными шагами пробѣгалъ въ это время по коридору вѣчно кашлявшій и плевавшій хозяинъ меблированныхъ комнатъ, въ сопровожденіи своего встревоженнаго штаба, у котораго онъ суетливо спрашивалъ:

Актеръ опять забунтовалъ, а?

— Они-съ, — отвѣчалъ штабъ.

— Пріѣхали, что ли, какія къ нему?

— Такъ точно-съ! Двѣ пирсоны... изъ женскаго полу-съ... Всю ночь мирно было-съ: пѣсни пѣли, комедіи читали. Теперича же господинъ артистъ напускаетъ на нихъ самихъ себя съ кинжаломъ. Въ одной рукѣ стаканъ съ водкой, а въ другой кинжалъ-съ. Кричитъ-съ: «пей подъ ножомъ Прокопа Ляпунова!» Конечно, што госпожи теперича безо всякихъ понятіевъ на полу у господина артиста валяются, а они-съ всячески стараются въ нихъ еще водки влить-съ...

Торопливые хозяйскіе шаги замирали, наконецъ, въ нескончаемомъ коридорѣ, а Безпокойный усиленно принимался глотать разнообразныя лѣкарства и въ чахоточномъ бѣшенствѣ разбрасывать по своему пыльному номеру пыльныя книги, которыми онъ было окружилъ себя...

Ничего подобнаго не было въ деревенской лѣтней картинѣ, мирно распростершейся въ настоящую минуту передъ глазами Безпокойнаго. Онъ думалъ: «вотъ гдѣ работать!... Только въ этой благодатной тишинѣ можно собирать доброе, чистое знаніе. Скорѣй за работу!...».

Съ этими словами Петръ Петровичъ живо устремился къ рукописи, еще вчера приготовленной на письменномъ столѣ, и съ необычайною быстротой принялся чертить по ней. Въ силу русской поговорки — «скоро сказывается, да не скоро дѣло дѣлается», здѣсь нельзя отчетливо уяснить, долго ли, коротко ли бѣгало перо «литературщика» по терпливой бумагѣ, — и только благодаря сообщеніямъ шустрого художника въ синихъ очкахъ, я знаю, что рукопись Безпокойнаго послушно приняла тогда на свои страницы всѣ разнообразныя звуки и краски этого утра.

И дѣйствительно, когда шустрый художникъ читалъ мнѣ эти страницы, я воочію видѣлъ, какъ на нихъ сверкали нѣжно-розовыя лучи загоравшагося на дальнемъ востокѣ солнца; отъ нихъ пахло ароматомъ полей, пруда и лѣса; широкими сѣнокосными лугами, sprysнутыми серебристыми, росными перлами, казались мнѣ эти маленькія странички — и слышались мнѣ въ ихъ шуршаніи задорныя крики неуловимыхъ дергачей и звонкія трели высокополетныхъ жаворонковъ.

Видѣлъ я также, какъ по этимъ страничкамъ прошло на далекое пастбище сельское стадо и какъ, вообще, всѣ онѣ были изрисованы пестрыми знаками тѣхъ глубокотрогательныхъ звуковъ, изъ которыхъ слагается дивная музыка ранняго сельскаго утра...

Солнце стояло довольно высоко, такъ что не только рано встающіе дачники, но и дачницы даже успѣли уже выкупаться и сидѣли за чаемъ въ тѣни палисадниковъ, а Безпокойный, наподобіе пѣявки присосавшись къ своей рукописи, все еще отъ нея не отваливался. Онъ и не отвалился бы отъ нея собственнолично, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не закашлялся до крови, или не захотѣлъ ѣсть, если бы вниманіе его не было нарушено деликатнымъ скрипомъ отворявшейся двери. Обернувшись по направленію къ этому скрипу, Безпокойный увидѣлъ предъ собою бѣлокурую деликатно ослабленную личность, въ розовой ситцевой рубашкѣ, плисовыхъ штанахъ и въ мелкихъ резиновыхъ калошахъ на босую ногу.

Улыбнувшись съ почтительною пріятностью, личность заговорила:

— Щиблеты ваши, судырь, отчищены въ родѣ бы, напрімѣрь, зеркала. Ну, только, прикажите доложить: ежели въ случаѣ купаться намѣрены, такъ роса-съ еще не обсохши-съ. Надоть будетъ вамъ длинные сапожки обуть-съ, по русскому-съ . . . въ родѣ, будто бы, на купецкій манеръ-съ . . . Ежели имѣются у васъ длинные сапожки, такъ я ихъ маслицемъ сейчасъ деревянненькимъ-съ . . .

— Не хожу я купаться, — боленъ! — отвѣтилъ Безпокойный, видимо симпатизируя человѣку, такъ охотно предлагавшему ему свои услуги.

На фізіономіи пріятной личности, при этихъ словахъ, изобразилась неподдѣльная тревога и даже какъ бы глубокое сожалѣніе. Отступивши въ испугъ къ двери и сдѣлавши трагическій жестъ руками, она произнесла съ серьезной наставительностью.

— Ка-акъ, судырь? При вашей образованности — и, напримѣръ, безъ купанья? Да у насъ прудъ . . . Б-боже мой! Въ немъ всякія грязи-съ . . . Докторъ Буеракинъ нарочно къ намъ изъ Москвы купаться пріѣзжаютъ и прудъ чистить не приказываютъ. Большія деньги нашему міру за это платятъ-съ. Поживете, такъ сами ихнюю милость увидите: туша тушей-съ! «Все это, — говорятъ, — отъ вашей воды, ребята . . .». Сначала первымъ долгомъ оглаушатъ они въ кабакъ полуштофъ перцовки, потомъ въ прудъ, потомъ опять въ кабакъ . . . По цѣлымъ недѣлямъ такъ-то они у насъ себя прохлаждаютъ-съ . . .

Безпокойный безучастно слушалъ бушеваніе словеснаго потока, обрушавшагося на него. Ему крайне желалось остаться наединѣ съ своей, такъ неожиданно прервannoю, работой и съ бодрившимъ его утромъ; но присущая ему застѣнчивость останавливала его даже хотъ отчасти посократить словоохотливое усердіе деликатной личности, которая, между тѣмъ, узнавъ птицу по полету, продолжала разсыпаться передъ Петромъ Петровичемъ:

— Тоже вотъ парное молоко-съ . . . оч-чень даже большую помощь больнымъ господамъ оказываетъ. Прикажите парного молочка, или, можетъ, изъ погреба, со льду-съ? У насъ всякое есть-съ!

— Нѣтъ, благодарю васъ! Я подожду, пока хозяйка встанетъ, тогда она мнѣ самоваръ подастъ.

— Па-ам-милуйте! — заволновалась деликатная личность. — Чево же хозяйки вамъ дожидаться? Самоварчикъ у меня для вашей чести давно изготовленъ. Хозяйка мнѣ съ вечера еще наказывала: «ты, — говоритъ, — за бариномъ, все равно какъ за дитей, ухаживай, потому, — говоритъ, — этотъ

самый баринъ очень наградистъ . . . ни-ас-ставитъ, Богъ дастъ . . .».

Безпокойный, пропустивъ мимо ушей этотъ тонкій намекъ на его толстыя добродѣтели, полюбопытствовалъ въ свою очередь освѣдомиться у деликатной личности, «кто же, дескать, онѣ сами будутъ!».

— А мы, сударь, въ настоящее время будемъ — Постелишниковъ-съ! — развязно и обязательно откомендовался услужливый человѣкъ. — Постелишниковъ-съ, Уваръ Семеновъ-съ! — выразительно повторилъ онъ. — Служимъ по трактирской части, по нумерной-съ, по питейной такожде. Не жалѣемъ хорошимъ господамъ, по силѣ-мочи, услугу сдѣлать . . .

— Что же, вы родственникъ хозяйкѣ?

Постелишниковъ улыбнулся при этомъ вопросѣ какою-то, такъ сказать, тоскливо-мятущеюся улыбкой и, конфузливо переступивши съ ноги на ногу, какъ бы исповѣдуясь, проговорилъ съ тихимъ и сокрушеннымъ вздохомъ:

— Какъ же, сударь, не родственники? Изстари родные-съ! Онѣ намъ тетенька, а мы при нихъ дяденькой состоимъ-съ . . . хе-хе-хе. Окромя того, судырь, мужъ ихній — человѣкъ, такъ надо сказать, што безо всякой правильности и притомъ же, который ужъ годъ, по чужимъ сторонамъ въ кучерахъ ходитъ-съ. Ну, а мы все же какъ будто благороднѣе кучера-то. Ну да, кажись, понимаете сами наше мужичье житье довольно хорошо, — толковать вамъ много про него нечево . . . Эх-ма!

Уваръ Семенычъ, соткровенничавши такимъ образомъ, даже рукой махнулъ, какъ будто въ какомъ безнадежномъ горѣ, — и Безпокойный оказался на-

столько практикомъ, понимающимъ «ихнее мужичье житье», что счелъ за нужное, сначала знаменательно крикнувъ, пробормотать что-то про молодость, про обстоятельства и, наконецъ, даже про надежду на Бога . . .

Это неразборчивое и конфузливое бормотанье, къ великому удовольствію Петра Петровича, такъ утѣшило Постелишникова, что съ него вдругъ какъ-то положительно соскочило все горе, примѣченное въ немъ наблюдателемъ и аналитикомъ людскихъ нравовъ въ тотъ моментъ, когда ему сообщено было, что нѣкто, который «въ настоящее время будетъ Постелишниковъ-съ, Уваръ Семеновъ-съ, состоитъ дяденькой при своей собственной тетенькѣ-съ . . .».

— Дяденькой при тетенькѣ состою-съ, а? . . . Это необыкновенно хорошо! — съ молчаливой и довольной улыбкой анализировалъ остроту Увара Семеныча Безпокойный, воспитанный на изумительныхъ анекдотахъ о необыкновенной, самородной смѣтливости русскаго человѣка, о мѣткости и юморѣ его слововыраженія и т. д. Онъ былъ въ духѣ, — онъ, забывшій было, что такое смѣхъ, смѣялся теперь и, беззлобно пародируя Увара Семеныча, повторялъ: — дяденькой при тетенькѣ состоимъ-съ! . . . А въ настоящее время будемъ мы-съ, Постелишниковъ-съ! . . . Чѣмъ же онъ будетъ въ будущемъ времени, а? . . . Ха-ха-ха!

Эта веселость Петра Петровича, а равно и прихотливыя солнечныя краски, расцвѣчавшія угрюмую и прогнившую избу всякими свѣтлыми радостями, усилились въ несказанное количество разъ, когда въ избѣ этой на разные шумныя лады заклокоталъ большой, ярко вычищенный самоваръ, съ трактир-

нымъ шикомъ внесенный и поставленный на столъ Постелишниковымъ. Съ привычною живостью перетирая приборы переброшеннымъ черезъ плечо полотенцемъ, Уваръ Семенычъ въ одно и то же время обязательно и добродушно говорилъ барину: «А чашечки эти самыя, баринъ, я для компаніи вамъ принесъ, потому тетенька вчера еще говорила: «Мы, — говоритъ, — теперь съ бариномъ всѣ вообще будемъ чай кушать, потому мое дѣло — сиротское, а ихнее дѣло — одинокое-съ . . . » И въ самомъ дѣлѣ, судырь, гдѣ жъ вамъ со всей этой канителью возиться-съ? А при тетенькѣ вы знайте себѣ одно только: книжку читайте да чаекъ попивайте. Она же и стаканъ вамъ нальетъ, и бутинбротъ, напри-мѣръ, сдѣлаетъ, и папиросочку набьетъ. Ахъ, какую она къ этимъ дѣламъ въ графскихъ и енаральскихъ домахъ привычку взяла — страсть! Ни одинъ лакей супротивъ нея не можетъ потрафить хорошему господину-съ... Многіе господа и именитые купцы пріѣзжали звать ее къ себѣ въ икономки-съ, — н-ну, упрямится! «Я, — говоритъ, — отъ своего дома и отъ своихъ дитевъ никуда не пойду-съ» . . . Ахъ! какъ она у насъ, судырь, на этотъ счетъ очень благодарна-съ! . . .»

Эти конфиденціальности казались Безпокойному не только совершенно естественными, но даже просто-напросто обязывали его непремѣнно идти въ ладъ съ бодрою, выраженною въ нихъ задушевностью, — обязывали идти не иначе какъ съ самой искреннею благодарностью къ этой задушевности, великодушно порѣшившей соединить за его чайнымъ столомъ «свое сиротство съ его барскимъ одиночествомъ».

Утро между тѣмъ дѣлало свое дѣло: оно до та-

кой сильной степени иллюзировало пораженный организм Петра Петровича, что въ организмѣ этомъ почувствовались, если можно такъ выразиться, галлюцинаціи здоровья. Приливъ ихъ къ внезапно забившемуся сердцу Безпокойнаго былъ такъ великъ, что онъ всѣми средствами старался для чего-то показать себя передъ широкогрудымъ и широкоплечимъ Уваромъ Семенычемъ какъ можно болѣе сильнымъ; вытаскивая изъ сундука чайные препараты, онъ даже затянулъ было «Не бѣлы-то въ полѣ снѣжки», но, закашлявшись отъ непривычнаго дѣла, оборвалъ пѣсню — и вдругъ, съ непонятною для самого себя удалю, спросилъ Увара Семеныча:

— Вы водку пьете?

— Какъ же намъ, судырь, ее не потреблять-сь? — переспросилъ въ свою очередь Уваръ Семенычъ, деликатно ослабившись и вдругъ почему-то присмирѣвши. — Я, ежели признаться вамъ, ваше в—діе, по душѣ — заговорилъ онъ, смиренно растягивая слова, — такъ, когда еще вошедши къ вамъ, хотѣлъ было попросить у васъ на похмелье, н-но, думаю, авось сами не оставятъ...

— И тетка пьетъ? — продолжалъ собирать справки Безпокойный, удалѣя все больше и больше.

— Рябиновую-сь... изъ горькихъ-сь, — охотно удовлетворялъ его Уваръ Семенычъ, все больше и больше молитвослова. — Оч-чинь даж-же обожаютъ-сь горькую рябиновую-сь!..

— Такъ вотъ... — забормоталъ Петръ Петровичъ, въ суетливой задумчивости мечась по комнатамъ, — конечно, ежели вмѣстѣ... такъ оно, вѣдь... тутъ прямой интересъ... разумѣется... Возьмите тамъ... получше... побольше... Я только не знаю тамъ... какъ это... Впрочемъ...

Долго несчастный тянулъ бы такимъ образомъ свое бормотанье, страшно стыдясь своего неумѣнья — опредѣлить сумму, за какую можно приобрести хорошей горько-рябиновой водки, получше и побольше, если бъ это бормотанье не перебилъ предупредительный Постелишниковъ ободряющимъ возгласомъ:

— Па-ан-нимаю, судырь! Вамъ, выходитъ дѣло, для запаса требуется... штобы, значить, про всякъ часъ?.. Ка-а-нешна, ведромъ выгоднѣе... У нашего у кабатчика ведро стоитъ пять серебра, потому перевозка изъ Москвы-съ.... Это тоже, по нонѣшнимъ временамъ, въ расчетъ надо брать-съ... Лошадь тамъ... колеса... деготь... Зато и рябиновка только — р-рай!

— Такъ вотъ... Тамъ какъ лучше... Распорядитесь... — снова забормоталъ Безпокойный, вручая своему утреннему другу довольно крупный кредитный билетъ. — Смотрите, какъ бы васъ только... не обочли... Меня всегда такъ-то... Конечно, это случайность... Я не желаю никого... Ну, да тамъ сами увидите... сообразите...

— Ка-анешна! — энергично замолился Уваръ Семенычъ, съ дрожаніемъ рукъ принимая бумажку. — Какъ не сообразить!.. Аль мы махонькіе? А касаяще, напимѣрь, судырь, насчетъ вашего доклада объ отчетѣ, такъ у меня, кажись, допрежь того вся кровь скр-розъ зубовъ... Д-да допрежь того... Б-боже мой! Д-да мы, ежели только онъ въ мысляхъ подумаетъ насчетъ отчету, такъ мы весь кабакъ-съ у него по бревну разнесемъ-съ... Славу Богу, обыватели тоже-съ... Подъ нами русская земля-то, — хе-хе-хе!

III.

Свѣтлый самоваръ дружно поддерживалъ задорныя рѣчи Постелишникова своимъ энергичнымъ клокотаніемъ. Поддерживали ихъ и рѣзвыя, бѣлобрюхія ласточки, звенѣвшія въ сѣняхъ какія-то отрывистыя, серебряныя пѣсенки. Деревенскіе мальчишки и дѣвченки, сновавшіе по улицѣ, не уступали птичкамъ ни свѣжею звучностью голосишекъ, ни крайне смутнымъ содержаніемъ того, что желали выкрикнуть эти голосишки. Все это больше и больше раззадоривало Безпокойнаго: онъ бойкими шагами расхаживалъ по трясущемуся полу деревенской избы, съ радостью и удивленіемъ сознавая, что въ сердцѣ его нѣтъ уже болѣе обычныхъ — болѣзненнаго унынія и тоскливой апатіи...

Окруженная неоглядною толпою обоего пола ребятшекъ и, кромѣ того, съ своей собственной золотушною дочкой на рукахъ, къ Безпокойному вошла кума, съ глубокимъ достоинствомъ шурша шерстянымъ панье и блаженно сіяя широкимъ лицомъ, натертымъ румянами и карточнымъ мѣломъ. Въ шумливой стаѣ этой горожанинъ примѣтилъ еще большее одушевленіе, еще большую беззаботность: въ ней было такое обиліе выразительныхъ, румяныхъ и блѣдныхъ рожицъ, свѣтлыхъ и плутовскихъ глазенокъ, бойкихъ и картавыхъ языковъ, льняныхъ и, какъ вороново крыло, черныхъ кудрей, что мощныя силы природы, такъ рельефно выразившіяся въ этомъ шумливомъ сборищѣ сельскихъ пострѣлять, моментально проникли въ самую глубь души Петра Петровича. Тамъ силы эти съ необыкновенною быстротой распорядились съ разстроенными сердечными струнами недужнаго человѣка: онѣ влили въ

нихъ всю горячую кровь, которая оставалась еще въ его изболѣвшемъ организмѣ, и потомъ заиграли на нихъ страстную пѣснь любви къ природѣ и людямъ . . .

Во всемъ сердцѣ Безпокойнаго, наполняя его нѣжащею теплотой, звучала пѣснь эта. Она состояла изъ разнообразныхъ, быстро мѣнявшихся темъ: временами въ ней блистала граціозная улыбка вотъ этой маленькой бѣлокурой дѣвочки, которая поздравляетъ теперь пріѣзжаго барина съ новосельемъ чайнымъ блюдцемъ свѣжей земляники. Пристально смотритъ на нее больной, вдумчивый человѣкъ, но видитъ ее крайне смутно. Онъ даже просто ничуть не видитъ ея, а мерещится ему раздольный лугъ, озаренный яркимъ сіяніемъ солнца и покрытый густою травой, сіявшею въ разныхъ мѣстахъ застѣнчивыми птичьими посвистами. По этому лугу рѣетъ бѣлокурый ангелъ, собирая землянику въ чайное блюдо. Сердечная пѣсня Безпокойнаго, такъ весело любовавшаяся его свѣтлыми кудрями, перешла теперь въ другіе тоны. То были тоны невыразимаго унынія: бѣдность непременно должна была обсѣчь эти кудри — и тогда безобразные остатки ихъ спрячутся подъ грязный платокъ; горькія заботы выключаютъ изъ этихъ очей горячія слезы, которыя на этомъ, теперь миломъ личикѣ выжгутъ печать всегдашняго горя, отъ тяжести котораго осунутся эти, словно изъ мрамора выточенные плечи и безсильно задрожать крѣпкія ножки.

Рублевою бумажкой, врученной дѣвочкѣ въ оплату за землянику, Безпокойный хотѣлъ, вѣроятно, хоть отчасти смягчить печальную участь, которая, по пророчеству его сердечной пѣсни, должна была обрушиться на деревенскаго ребенка.

Такой щедрый подарокъ возбудилъ въ толпѣ ребятшекъ самую безалаберную бурю восторговъ. Въ одинъ мигъ комната Безпокойнаго преобразилась въ многолюдный рынокъ, на которомъ ребята продавали барину свои разнообразныя радости: тутъ были молодые воробы съ синими, смиренными глазками; бѣлоносые, злые галчата, съ энергичнымъ карканьемъ щипавшіе своихъ притѣснителей за руки и за пухлыя щеки; на рукахъ однихъ продавцовъ виднѣлись колючіе ежи съ серьезными, свиными мордочками, между тѣмъ какъ другіе хвастали сѣрыми зайчатами, грустно смотрѣвшими на торговлю большими, испуганно выпученными глазами. Продавцы ежей, предлагая ихъ вниманію «хорошаго» господина, увѣряли его съ крѣпкою божбой, подслушанною у тятекъ, что съ ежемъ его не возьметъ никакая крыса, крысъ у тетки-кумы — невидимо сколько! По наблюденіямъ ребятъ выходило, что ежей также черти очень боятся: въ какой избѣ водится ежъ, туда, увѣряли ребята, даже и въ полночь «доможи-лу» никакого ходу нѣтъ, о чемъ онъ всегда, на виду у всѣхъ, горько жалуется по ночамъ, сидя на крышѣ той избы и обхвативши трубу ея дюжими, мохнатыми руками. Обладатели зайцевъ, не отрицая въ натурѣ ежей силы, успѣшно поборающей дьявольскія ухищренія, упорно въ то же время отвергали ихъ способность усторожить барина отъ куминыхъ крысъ.

— У кумы, сударь, — картавили зайчатники, — крысы вотъ съ этого щенка попадаютъ, — мы сами видѣли. Гдѣ же ежу съ ними возиться? Тутъ большой котище нуженъ, съ усами... Ахъ, и котище же у меня есть на примѣтѣ для вашихъ крысъ! Баринъ тутъ старый къ намъ пріѣхалъ на дачу, пол-

ковникъ одинокій, такъ у него . . . Хотите, сичасъ сворую пойду? . .

— Да будетъ тебѣ про кота толковать! — гомонили другіе купцы. — Дай сначала зайцевъ-то распродать барину, потому заяцъ для него теперь — самая первая вещь. Заяцъ все равно какъ голубь, судырь, мясного не ѣстъ. Дѣдушка и бабушка говорили: и звѣрочекъ этотъ, и птичка, за свою чистоту и безгрѣшность, всѣмъ ангельчикамъ божьимъ—любимыя дѣтки . . .

Съ азартомъ денежнаго монополиста, Безпокойный скупилъ всѣ продукты, предложенные ему. По его комнатѣ заползали ежи, запрыгали зайцы, залетали голуби и воробьи; подъ диваномъ застонали, еще слѣпые, щенята. Разнообразный кормъ для всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ былъ разсыпанъ и разбросанъ по полу комнаты щедрою рукой кумы. Обрадованный такимъ обиліемъ окружавшей его жизни, отъ которой Петръ Петровичъ такъ отвыкъ въ своихъ одинокихъ скитальничествахъ по шамбръ-гарни большихъ городовъ, онъ, къ вящему своему удовольствію, пріобрѣлъ еще у какого-то купца двѣ деревянные узорчатые свистѣлки и бережно положилъ ихъ на письменный столъ, предварительно свистнувъ въ нихъ съ видимымъ, хотя и скрываемымъ, любопытствомъ. Этотъ же столъ Безпокойнаго, съ непримѣтною даже для кумы быстротой, украсился большою стеклянною банкой съ нѣсколькими пучеглазыми красноперыми окунями, которые, съ цѣлью удовлетворенія господской охоты, были вытащены изъ живительнаго пруда, за два двугривенныхъ, штанишками одного малолѣтняго, но весьма предприимчиваго деревенскаго плутяги.

Богъ одинъ знаетъ, что дѣлалось съ Безпокойнымъ въ это достопамятное утро. Онъ охотно пилъ чай, который, противъ давнишняго обыкновенія, не казался ему ни горькимъ, ни затхлымъ; онъ ѣлъ булку и сыръ; онъ даже не кашлялъ.

«Много я здѣсь поработаю и отдохну, ежели дѣло дальше такъ же пойдетъ...» — безмолвно думалъ Петръ Петровичъ, все любовнѣе и любовнѣе относясь и къ кумѣ, разливавшей чай, и къ ребятишкамъ, которые успѣли уже разрыть у него богатое собраніе различныхъ гравированныхъ путешествій...

Съ наслажденіемъ удовлетворяя разнообразныя: «это што такое, баринъ? А это изъ какихъ земель будетъ, господинъ?», Петръ Петровичъ въ это же самое время, съ непонятною для самого себя способностью къ дѣлу популяризаціи, успѣлъ заодно, кстати, такъ сказать, объяснить кумѣ шарообразность земли, мѣстонахожденіе на ней полюсовъ и уже принялся было отыскивать бумагу и карандашъ для того, чтобы, какъ можно нагляднѣе, начертить ей сначала параллели, а потомъ приступить...

— Вотъ она наша родная-то гдѣ, російская-то!... Эвось какая она, матушка, нарядная, — въ красномъ вся! — весело хохоталъ Постелишниковъ, стремительно врываясь въ комнату съ громадной, ведерною бутылъю, наполненной темнокрасноватою водкой. При видѣ этого чудовища, ребятишки побросали книги и присмирѣли. Въ головенкахъ ихъ заходили смиренныя думы относительно неимовѣрныхъ богатствъ пріѣзжаго господина, который сразу взялъ да и купилъ себѣ ведро самой дорогой рябиновки. Даже кума, видимо не ожидавшая отъ

Безпокойнаго такой прыти, теперь смотрѣла на него съ крайнею симпатіей и спрашивала:

— Для чего это вы, Петръ Петровичъ, такую прорву водки купили?

— Да, вѣдь, што же? .. — мялся онъ по своему обыкновенію. — Водка теперь нужна будетъ ... Вмѣстѣ вѣдь все? .. Насъ теперь много ...

— Ка-анешна, насъ теперь семья большая ... — выручилъ его Уваръ Семенычъ. — Тотъ рюмочку выпьетъ, другой ... То съ устатку, напимѣръ, пропустить потребуется, то предъ ѣдой, — и не увидишь, какъ вся прикончится ... Вотъ, сударь, сдача! Только тутъ несчастье вышло: рублевая бумажка въ траву изъ рукъ у меня упала, — искалъ, искалъ ... Такая, право, об-бида! Н-ну, да мы вамъ выплатимъ, судырь: вотъ какъ продамъ сѣна, сейчасъ я съ вашей милостью разочтусь въ аккуратѣ-съ!

Такое, въ сущности говоря, плевое обстоятельство едва было не разрушило счастливыхъ утреннихъ обаяній. Для Безпокойнаго, какъ для безсребренника, исчезновеніе въ травѣ рублевой бумажки представляло собою малозначущую убыль, которая, «вмѣстѣ съ продажею сѣновъ», непременно возмѣстилась бы почтеннымъ Уваромъ Семенычемъ; но въ глазахъ кумы ассигнаціи нисколько не походили на глупыхъ птицъ, безцѣльно рѣющихъ туда и сюда, точно также какъ широкія ручищи Постелишникова вовсе не казались ей нѣжными ручками барышни, способными выпустить на волю зацарапавшую ихъ бабочку или воробья. На основаніи этого сознанія, лицо кумы, до сихъ поръ довольное и счастливое, омрачилось сердитыми тѣнями. Ея глаза упорно и злобно впились въ Постелишникова,

который, какъ виноватый ребенокъ, страшно сконфузился отъ этого взгляда. У него, что называется, задрожали поджилки; его бравый ростъ уменьшился на цѣлую четверть, а размашистые разговоры смѣнились такого рода тревожною путаницей:

— Што это вы, тетенька, такъ страховито на насъ поглядываете? — залепеталъ сей мужъ, «состоящій дяденькой при собственной тетенькѣ», сохраняя однако на своихъ румяныхъ устахъ фальшивую улыбку. — Можетъ, вы полагаете, что баринова бумажка въ пропой пошла, такъ это, сичасъ издохнуть . . . вотъ онѣ иконы-то Божіи! Точно, цѣловальникъ поднесъ мнѣ два стаканчика поповской. Онѣ мнѣ, сударь, стихъ прочиталъ, потому онѣ изъ солдатъ и, значить, подбираетъ на гармонію изъ своего ума разные стихи. Онѣ мнѣ сказалъ въ кабакѣ: «Уварка, говоритъ, заняты будутъ эти стихи для тебя:

Разъ ходили мы за *онымъ*
Съ Кузей Тихимъ въ лѣсъ густой.
Повстрѣчались же съ Аленой,
Водки выпили простой...“

Поэзія кабатчика въ этотъ моментъ была не прервана, а какъ бы разбита внезапно налетѣвшею молніей. Такъ былъ грозно-шумливъ окрикъ, съ которымъ кума, предварительно шваркнувши своего золотушнаго ребенка на колѣни къ Петру Петровичу, набросилась на содрогнувшагося, какъ отъ грозы, Постелишникова:

— Я тебѣ стихи-то эти въ горло въ пьяное вколочу! . . — съ дикимъ азартомъ кричала она, мужественно трясая за шиворотъ бѣднаго Увара. — Мало тебѣ стиха будетъ,—кабатчика тебѣ въ нутро засажу, волчья ты жратва! . . Д-ды ежжели ты у

меня еще разъ съ бариномъ эдакъ-то . . . руки тебѣ, по-лѣтошнему, въ кандалы и къ инералу на кирпичный заводъ . . . Онъ тебя сократитъ, червя подлаго! Вы, баринъ, — обратилась затѣмъ ко мнѣ кума: — не давайте этому идолу денегъ, — я сама всему цѣну знаю . . . У-у! Грабитель! Пьяница несчастная!

Проговоривъ съ необыкновеннымъ экстазомъ эти слова, кума въ неподдѣльномъ волненіи упала на стулъ и закрыла лицо руками, ничуть не обращая вниманія на тѣ страшныя заклятія, которыми обезкураженный Уваръ Семенычъ призывалъ на свою голову самыя удивительныя несчастія, если только онъ «чирезъ эвту самую рублевку сдѣлалъ какой-нибудь оборотъ въ свою собственную пользу» . . . Тайныя, глубокія нѣдра земли, по заклятіямъ этимъ, имѣли совершенно нечаянно развернуться подъ ногами Постелишникова и изрыгнутымъ оттуда сѣрнымъ жупеломъ безпощадно опалить его за поживу чужимъ добромъ. Семьдесятъ семь сестеръ-лихорадокъ за ту же поживу имѣли сокрушать его на разные лады денно и нощно, и, наконецъ, Уваръ трагически бросился прикладываться къ образамъ, увѣряя Петра Петровича, что Николай Угодникъ и Божія Матерь непременно отвергнутъ отъ него свои лики, ежели только онъ фальшивилъ насчетъ рублевки . . .

Большихъ трудовъ стоило Безпокойному разогнать всѣ эти ужасы, напоминавшіе ему огненные проклятія въ драмахъ Шекспира. Онъ, какъ угорѣлый, бросался то къ кумѣ, умоляя ее прекратить истерическія всхлипыванія, то къ Увару, настойчиво рекомендуя ему быть мужчиной, какъ будто онъ намѣревался сдѣлаться длинноволосою бабой . . . На-

конецъ, несчастный литературщикъ прибѣгъ къ посредничеству рябиновки, предложивъ взбаломученнымъ туземцамъ опробовать ее. Это предложеніе, произведенное въ дѣйствіе, дало результатъ весьма усѣшительнаго свойства: утро снова прыснуло всѣми своими теплыми и свѣтлыми радостями на всю компанію, лишь только кума, томно прищуривъ глаза, пропустила чайную чашку водки. Бойкое прищелкиванье языкомъ, съ которымъ Уваръ долбануль большой стаканъ рябиновой, живо ободрило пріобрѣтенный Петромъ Петровичемъ звѣринецъ, который, по случаю происшедшаго гвалта, попрятался было въ полномъ составѣ по разнымъ темнымъ запечьямъ. Все это наставшею тишиной было снова призвано къ обычной жизни: пернатые настойчиво колотились зобами о стекла, рассчитывая улизнуть сквозь нихъ на раздольные луга, между тѣмъ какъ четвероногіе по всѣмъ направленіямъ перекрещивали избу, любопытно внюхиваясь въ ея топографію, конечно, съ тою цѣлью, чтобы, какъ слѣдуетъ солиднымъ гражданамъ, поскорѣе устроиться въ какой-нибудь мирной, способной хоть немного защитить отъ житейскихъ невзгодъ, щелкѣ.

— Эй вы, твари Божьи, сторонись, а то кипяткомъ сварю! — кричалъ на копошившихся по полу звѣрьковъ Постелишниковъ, къ которому успѣла уже вновь возвратиться его молодцеватость.

Самоваръ, заглохшій во время куминой вспышки, былъ разогрѣтъ услужливымъ человѣкомъ съ необыкновенною быстротой. Своимъ, хотя нѣсколько и не разборчивымъ, но несомнѣнно веселымъ разговоромъ онъ много содѣйствовалъ къ усмирению возбужденныхъ страстей. Любезно приглашая къ чаепитію, самоваръ въ то же время дѣлалъ весьма яв-

ственные намеки на старинное русское обыкновение, по которому оказывалось крайне аппетитнымъ дѣломъ — «пропустить передъ чайкомъ по рюмочкѣ горькаго» . . .

И дѣйствительно, какъ кума, такъ и Уваръ Семенычъ, по мѣрѣ прикладыванія къ большому графину, все болѣе и болѣе, такъ сказать, чувствовали себя въ эмпиреяхъ. На бѣлыхъ и полныхъ щекахъ кумы расцвѣли ярко-красныя розы, въ уголкахъ ея сѣрыхъ глазъ сверкали искорки, а Постелишниковъ всего себя употребилъ для восторженного выраженія передъ бариномъ самыхъ благородныхъ чувствъ. Даже маленькія дочки хозяйки, въ молодыя головенки которыхъ мать тоже запустила по *махонькой*, теперь совсѣмъ перестали дичиться господина. По приказу деликатной родительницы, онѣ развязно подскочили къ Безпокойному и, очень ласково прокартавивъ: «позвольте, балинь, жа чай и шахаль лучку у вашъ почаловать», — съ большимъ шумомъ принялись возиться съ субъектами звѣринца и птичника, въ засосъ цѣлуя зайцевъ и воробьевъ и изъ всѣхъ силъ стараясь накормить ежа оставшимися у нихъ отъ чая карамельками.

Безпокойный совсѣмъ преобразился, съ любовью присматриваясь къ вознѣ ребятишекъ съ животными. Въ его сердцѣ какъ-то особенно музыкально раздавались звонкіе голоса дѣтей и, слушая ихъ, онъ въ то же время веселымъ хохотомъ привѣтствовалъ рассказы кумы, которая мало-по-малу успѣла впасть въ свою роль господской забавницы. Она осыпала Петра Петровича бойкими анекдотами про бабъ и дѣвокъ, которыя проходили мимо ея оконъ. Такъ, по ея словамъ, Матрена вотъ эта въ прошломъ году, за любовную надъ собой «на-

смѣшку», утопила въ прудѣ донского казака вмѣстѣ съ лошадыю; у пробѣжавшей сейчасъ Лукерьи третій годъ уже скрываются отъ суда и долговъ какіе-то адвокатъ и купецъ, отъ которыхъ она нажила столько добрища, что и внукамъ не прожить; къ двадцатилѣтней Палагеѣ, имѣвшей уже, несмотря на свою молодость, пятерыхъ дѣтей, сельскіе ребята, какъ они говорили, для ровнаго счета, подкинули было шестого новорожденного, но, счистивши съ дѣвки ведро водки, полсотни яицъ и мѣру свѣжихъ огурцовъ, они взяли отъ нея ребенка и подкинули его въ ближнее село къ бездѣтному старостѣ...

Безконечнымъ потокомъ лились изъ устъ кумы эти рассказы. Они, съ необыкновенною яркостью, воспроизводили предъ глазами Безпокойнаго паразительныя по своему безобразію картины той цыганской жизни, которою живутъ теперь почти всѣ деревни, окружающія собой большіе городскіе центры. Не важно было, на примѣръ, въ этихъ поэмахъ кумы то обстоятельство, что какая-то слабосильная баба Матрена смогла утопить въ прудѣ браваго казачину, но, безъ сомнѣнія, всякій поразится въ этомъ дѣлѣ тактомъ безграмотной сельской женщины, безслѣдно утопившей въ безмолвной водѣ свой грѣхъ, который долго и тщетно отыскивали тамъ различные становые пристава и судебные слѣдователи. И чѣмъ дальше продолжала кума свои деревенскія эпопеи, тѣмъ все страшнѣе и непонятнѣе дѣлался для книжнаго горожанина ихъ внутренній смыслъ: какой, на примѣръ, хоть сколько-нибудь примѣтный шансъ для существованія оставался у пристанодержательницы — Лукерьи въ третьегоднишній Николинъ день, когда у нея умеръ мужъ, оставивъ ее съ четверыми ребятами въ раскрытой и разваленной

избѣ? У бѣдной вдовы не оставалось никакого сучка, за который бы могла зацѣпиться и мало-мальски окрѣпнуть ея сила для помощи самой себѣ и ребятишкамъ. У нея не было другого выхода изъ убійственного положенія, какъ только, вмѣстѣ съ ребятами, лечь около мертваго мужа и замерзнуть. Лютый никольскій морозъ, зашедшій, вѣроятно, погрѣться въ нетопленную избу Лукерьи, совѣтовалъ ей не плыть противъ теченія, обѣщая до полночи еще успокоить ее съ ребятами самымъ добросовѣстнымъ образомъ . . .

V.

Чѣмъ больше жилъ у кумы Петръ Петровичъ, тѣмъ все больше поражался онъ невѣроятными чудесами, которыя обуславливали собою существованіе края. Кромѣ кумы, онъ успѣлъ познакомиться со многими разговорчивыми стариками и старухами. Эти добрѣйшія существа, потягивая чаекъ и рябиновку Безпокойнаго, въ какую-нибудь недѣлю охарактеризовали ему безчисленное количество лицъ, населявшихъ край, — по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ верстъ кругомъ, такъ было велико знакомство древнихъ старцевъ со страною . . . Эти рассказы, очень часто рознясь между собою входившими въ нихъ вводными частями, въ концѣ-концовъ упорно стремились въ одну общую форму: какъ серьезно бородатые старики, такъ и безкровныя, засушенные старушки съ завиднымъ согласіемъ непремѣнно заканчивали свои, самыя забавныя характеристики однимъ и тѣмъ же: «плохо, плохо у насъ, судырь, живется» . . .

Народъ страшно пилъ и вслѣдствіе этого обѣднѣлъ такъ, что его голодное до прозрачности нутро

можно было насквозь проткнуть тупою палкою . . . Въ краѣ царила пьяная горячка. Въ этомъ убѣдили литературщика дальнѣйшія знакомства, которыя онъ дѣлалъ съ окрестными лицами, при посредствѣ кумы, стариковъ и старушекъ. Такъ, по разсказамъ, многіе изъ прежнихъ солидныхъ домохозяевъ и расторопныхъ торговцевъ теперь боялись даже показаться на улицѣ, гдѣ на нихъ набрасывались безобразныя видѣнія . . .

Видѣнія безотвязно шатались по безцѣльнымъ слѣдамъ этихъ бѣдныхъ людей, не давая имъ покоя ни въ пустынномъ полѣ, ни во время отдыха на обрывистомъ берегу какой-нибудь рѣчки, ни въ дремучемъ лѣсу . . . Злое вліяніе этихъ, вызванныхъ пьянствомъ, видѣній было ужасно. Почти всегда какъ-то случалось такъ, что человѣкъ, обезумѣвшій отъ нихъ, видѣлъ себя въ это время на какой-нибудь укромной полянѣ, сплошь укрытой отъ постороннихъ глазъ густою листвою. Тишина и спокойствіе этого мѣста наводили больного на мысль, что какъ бы хорошо было для него покончить здѣсь навсегда съ своимъ горемъ, вдали отъ людей — либо завистливыхъ, либо насмѣшливо злобныхъ . . . Обстановка уютнаго мѣстечка выражала собою торжественное обѣщаніе долго хранить мрачную тайну горя, устремившагося къ вѣчному покою, — и, кромѣ того, по какому-то странному случаю, въ немъ, съ перваго же раза, рельефнѣе всѣхъ предметовъ лѣсной чащи, обращалъ на себя вниманіе ширококолейный телѣжный слѣдъ, проложенный какимъ-то косаремъ, который, видимо, сейчасъ только уѣхалъ съ поляны, со скошеннымъ на ней сѣномъ. На телѣжномъ слѣду, въ видѣ сѣроватой, узорчато изогнувшейся змѣи, лежала здоровая моченцовая ве-

ревка. Для нормальнаго человѣка это было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ: веревка забыта косаремъ — и кончено . . . Другой мужикъ безъ разговора присоединилъ бы найденную вещь къ своему хозяйству, гдѣ всякій гвоздокъ, временами, дѣлается очень цѣнною вещью . . . Въ пьяной головѣ веревка принимала ужасное значеніе:

— Сама судьба посылаетъ, — шепталъ спившійся съ круга человѣкъ, съ большимъ любопытствомъ разсматривая затерявшуюся въ лѣсу веревку: — зачѣмъ бы хозяину забывать ее, если бы не моя судьба? Веревка знатная, — копеекъ двадцать за нее всякій дастъ, — кому же охота свое добро даромъ разбрасывать? Выходить, — фантазировало горе:— што къ моимъ слѣдамъ давно ужъ бѣсы приставлены, штобъ я отъ своей судьбы не ушелъ . . . Н-ну, будетъ . . .

Пили отъ разныхъ причинъ. Одна старушка, напримѣръ, выпивъ рюмочку живительной влаги, припомнила такую исторію своей внучки.

— Подростала у насъ Лушатка, — рассказывала бабка: — на обчую, семейную радость. Моложе ея и озорливѣй, кромѣ кошки, въ избѣ никого не было, — ну, значить, всѣ мы ее и баловали. Вотъ дѣдъ и взялъ ее съ собою однажды въ Москву, штобъ она къ городу присматривалась, потому шель ужъ ей четырнадцатый годъ. А въ Москвѣ дѣдъ за-всегда останавливался въ людской одного генерала, у котораго онъ испоконъ вѣка каждую зиму въ старшихъ кучерахъ ѣздилъ. Какъ нарочно, въ этотъ же самый день генеральская барышня пріѣхала съ дачи, вмѣстѣ съ губернанткой, лѣчиться; и увидь эта самая барышня изъ окна нашу Лушатку, — закричала сичасъ: «позвать сюда!» Вошло

наше дитё къ барышнѣ — и, надо такъ полагать, что оченно ей полюбилось, потому и однолѣтки были онѣ, и шустрость большую обѣ имѣли. Всего пуще понравились генеральской дочери Лукерьины брови и волосы: они были похожи у нея на золотыя, тонкія и мягкія нитки, а сама Лушатка, когда съ ней кто-нибудь изъ именитыхъ господъ заговаривалъ, рѣдко когда свое слово клеивала, а больше всего улыбалась розой махровой и, какъ молодая лошадка, какъ-то очень ужъ хорошо и красиво вздрагивала крѣпкимъ тѣльцемъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что нашу молодую ворону затащили въ барскія хоромы, въ которыхъ она и прогостила два года. А тамъ барышню замужъ выдали, а нашу къ намъ прислали въ деревню. Стали къ ней наши деревенскіе ребята, почище да побогаче кто, присваиваться, — всѣмъ отказывала. Добро генеральское ничуть не жалѣла, — одѣвалась и въ будни какъ барыня. Завела себѣ подругъ и ихъ тоже одаривала: кому платье, кому бурнусъ . . . Только по времени прекратилось все богатство ея: платица — кое распоролось, кое совсѣмъ порвалось, и денегъ у нея не стало. Мы ужъ съ старикомъ и чай-то ей съ сахаромъ на свои покупали: заголодаеть, боялись, и умереть. Пошла я къ генералу, а онъ со всѣмъ семействомъ въ чужіе края на два года уѣхалъ. Тутъ-то моя голубушка и свихнулась совсѣмъ; запыла . . . съ деревенскими дѣвками и парнями стала обходиться такъ великатно, какъ будто они крѣпостными при ней состояли: отъ кого виномъ пахло, всѣхъ изъ избы вонъ выгоняла; а дѣвокъ, послабѣе какихъ, била и за волосы драла, ежели онѣ не хотѣли звать ее барышней и не слушали ейной игры на фортепьянахъ, съ чѣмъ она думала очень хорошо

познакомить ихъ, колотя двумя большими палками по обѣденному столу. Два года такъ-то расхаживала Луша по деревнѣ въ рогожныхъ платьяхъ, съ длинными шлейфами, и въ такихъ же бурнусахъ и чепцахъ, украшенныхъ фольгой и разноцвѣтными бумажками... Однажды какъ-то я не досмотрѣла за ней: такъ никто и не видалъ, какъ она сбѣгала куда-то...

Въ деревенской публикѣ, слушавшей этотъ рассказъ, онъ не вызвалъ ни малѣйшаго огорченія, ни дружескаго участія. Напротивъ, лишь только старуха окончила его, какъ на нее со всѣхъ сторонъ полетѣли разныя рацеи, исполненныя завистливыхъ, ядовитыхъ упрековъ:

— Ты, баушка, погоди-кась въ кислую-то капусту съ нами играть, — недовольно гомонила на нее публика. — Зачѣмъ хныкать-то, — вѣдь, не быють еще пока... Вы, вонъ, съ покойникомъ-то, ишь, какую на внучкины деньги избу себѣ своротили — палаты! Съ дачника по девяносто рублей кажинное лѣто собираешь... Вотъ у насъ какъ! Такъ ты, баушка, замѣсто того чтобы мокроту въ глазахъ разводить, всего бы пріятнѣе сдѣлала, ежели бы денно и нощно просила у Господа внучкѣ царствія небеснаго, а себѣ — грѣховъ прощенія.

Публика, съ молчаливымъ и почтительнымъ терпѣніемъ ожидавшая, когда хозяину благоугодно будетъ поразнообразить выпивкой заскучавшую бесѣду, теперь смутно и тихо продолжала толковать о чемъ-то между собой, несмотря на то, что кума, этотъ мажордомъ Петра Петровича, наполняла уже рябиновкой различные стаканчики, чарочки, рюмочки и т. д.

— Нѣтъ, для бѣднаго человѣка, по нонѣшнимъ

временамъ тяжелымъ, не такъ-то легко можно сбросить съ плечъ свое несчастье, — продолжались разговоры подъ звонъ рюмокъ. — Сосѣди у бѣднаго человѣка сами всѣ разными горями, словно гнилыми язвами, насквозь пронизаны, — иной и радъ бы помочь, да нечѣмъ. Недалеко ходить: староста у насъ въ четвертомъ году тысячу рублей изъ мірскихъ денегъ истратилъ, а мужикъ былъ торговый, исправный. Объ растратѣ своей самъ всѣмъ говорилъ и сознавался, что и прежде изъ сельскихъ суммъ бралъ капиталъ на торговлю. Ходить такимъ гоголемъ, унынія къ себѣ на лицо не пускаетъ.... И, кажись бы, совсѣмъ ничего, обернется какъ-нибудь, думаемъ: расторопный мужикъ, достанетъ тысячу рублей и — шабашъ! Анъ нѣтъ.... Старички и старушки, какія подолговременнѣе и повразумительнѣе, сразу увидали, что къ нему ужъ бѣсы приставлены, и что немного ужъ времени оставалось ему топтать ногами мягкую траву.... Такъ и сдѣлалось: затосковалъ мужикъ и затуманился до того, что и денегъ не взялъ у пріятелей, московскихъ торговцевъ, какіе нарочно пріѣзжали къ нему — помочь ему перевертку сдѣлать. «Нѣтъ ужъ, — говоритъ: — благопріятели мои драгоцѣнные, незначѣмъ мнѣ васъ въ мою судьбу ввязывать, — вижу я, загрызетъ она меня вдосталь».... и загрызла!

По мѣрѣ опустошенія, производимаго крестьянами въ ведерной бутылѣ съ рябиновой водкой, въ головѣ Безпокойнаго сгруппировывалась масса нелѣпыхъ свѣдѣній о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ крестьянами....

Одинъ анекдотъ сейчасъ же былъ рассказанъ нѣкоторымъ старикомъ въ подтвержденіе этой мыс-

ли. Наэлектризованный выпивкой, старикъ тепло и задушевно сожалѣлъ свой несчастный край, отданный въ полное распоряженіе судьбы — этой прочной русской богини, поданные которой считаютъ грѣхомъ даже мысленно противиться ея распорядамъ.

— Теперь, вотъ, судырь,—говорилъ старикъ:—пріѣзжаетъ къ намъ въ лѣтніе мѣсяцы много народа, съ большими деньгами, отдохнуть недѣльку-другую, лѣтнимъ воздухомъ подышать. Што же?.. Самая маленькая только часточка изъ этихъ господъ, живучи у насъ, настоящее дѣло дѣлаютъ: купаются, напимѣръ, молоко пьютъ парное, рыбу ловятъ, изъ ружей стрѣляютъ; конечно, деньгами отъ своего бездѣлья откупаются, сыплютъ ими всюду безъ счету, — ну, мужики наши всячески и мирволятъ имъ... Четыре лѣта кряду ѣздилъ къ намъ баринъ одинъ — страшный охотникъ рыбу ловить. Пріѣдетъ онъ, бывало, съ своими удочками, найметъ горенку, приснаститъ къ себѣ, за хорошую плату, двухъ-трехъ сельскихъ ребятишекъ, и сичасъ отправляется съ ними за рыбой, верстъ за пять, на самую Клязьму. Сутокъ по трое охотничалъ онъ съ ребятишками, потому — съ нимъ всякая провизія была и всякая укрыша отъ холодныхъ ночей. Много добра баринъ этотъ нашей деревнѣ въ четыре года сдѣлалъ: мужикамъ помогалъ съ большой осторожкою, — боялся, пропьютъ, — а многодѣтнымъ вдовамъ всегда благотворилъ безъ отказа. Увидитъ, бывало, избу, что на одной глинѣ держится, сичасъ же онъ туда. Спрашиваетъ: «вдовья это изба?» — Вдовья, — скажетъ хозяйка; — а тебѣ што судырь? — «Да вотъ покурить зашелъ, такъ, вѣдь, нужно же у хозяевъ спроситься». — Милости про-

симъ, судырь . . . — Ну, и начинается судырь разговоръ: «Извозчикъ былъ мужъ-то?» — Извозчикъ, — отвѣчаетъ хозяйка глиняной избы: — убили его подъ самый Покровъ, ночью, на Ходынкѣ. Наши извозчики всегда ужъ на Ходынкѣ жисти рѣшаются. Лошади и пролетки до сихъ поръ не найдутъ. — «Ребятишекъ-то у тебя штукъ шесть найдется?» — И счетъ забыла, судырь . . . Четверо-то, вонъ, взгляните въ окно: ишь, какъ на улицѣ гомонять . . . — «Ну, такъ вотъ что, вдова Божья, поди-ка ты мужичка какого-нибудь степеннаго подряди — довести насъ съ тобою до Малюевой рощи. Ахъ! какой тамъ семиаршинникъ есть, еловичекъ для дачи, заглядѣнье». — Это што же, судырь, вы у насъ строиться хотите, што ли? — недоумѣвала хозяйка. — «Да хочу . . . Эту гнилушку, вотъ, разломаю и, вмѣсто нея, выстрою дачу изъ семиаршинника, а вдова дастъ намъ на честномъ міру записъ, что, дескать, заняла она у него, у такого-то барина, на постройку столько-то рублей, какіе и обязуюсь я, вдова, оному барину уплатить всѣ по совѣсти. Раскусила теперь?» . . . Много, много добра сдѣлалъ этотъ господинъ. Только, однажды, ребятишки, которые провожали его на рыбную ловлю, со всѣхъ ногъ прилетѣли въ деревню и кричатъ въ большомъ испугѣ: «Запрягайте лошадь поскорѣе, — барина хорошаго, который рыболовъ былъ, поднимать нужно . . . Онъ душеньку Господу Богу отдамши». — Какъ такъ? — спрашиваемъ. — «Да такъ, — говорятъ ребятишки: — при насъ все и дѣло было: всѣ дни онъ на Клязьмѣ скучалъ, а нынче, чуть зорька, всталъ и принялся удочки оправлять. Мы сичасъ за червями было вскочили, а онъ говоритъ: самъ нарою пойду... Все утро былъ очень раздумчивъ и все водку тя-

нулъ; печально эдакъ пѣлъ и насвистывалъ . . . Обогрѣло когда, онъ насъ чаемъ напоилъ, накормилъ ветчиной и говоритъ: ступайте, говоритъ, ребяташки, въ деревню и скорѣе наймите тамъ лошадь, — мнѣ нездоровится что-то, такъ пусть меня подвезутъ . . . Не успѣли мы маленько отбѣжать, кэ-экъ онъ вслѣдъ намъ изъ ружья городахнетъ . . . Обернулись мы такъ-то къ нему и увидали: лежитъ онъ на лужку и ногами дрягаетъ. Всю грудь у него ружьемъ разорвало» . . . Въ большомъ сборѣ и съ телѣгой отправились наши мужики на Клязьму поднимать барина. И теперь на его могилку ежели хочешь взглянуть, такъ ступай на Клязьму. Тамъ, въ четверти версты отъ глухой дороги, бугорочекъ надъ берегомъ высится, — тутъ его мужички съ горькими слезами и зарыли, потому знали, что бугорокъ этотъ былъ его любимымъ мѣстечкомъ. Вотъ они, бѣсы-то, что значить: видѣлъ баринъ, что люди водку пьютъ, ну, и самъ пристрастился . . .

VI.

— Вотъ и богатый человѣкъ, и хорошій, а своей судьбы не минулъ! . . — толковала публика про хорошаго человѣка, поминая рябиновкой его добрыя качества. — Заѣла таки его судьбища злая, отняла опору у бѣдности . . .

— Такихъ ли еще тузовъ заѣдаетъ она! — быстро развивалась, подъ вліяніемъ выпивки, тема насчетъ того, что и богатые, очень часто наравнѣ съ бѣдными, погибаютъ отъ своей судьбы. — Отъ нея и богатство не спасетъ никакое . . . Вѣдь, вы, Петръ Петровичъ, знаете дворецъ купца Рѣшилова? Вонъ флаки-то на немъ отсюда видны. Такъ, вѣдь, это

какой богачина — первый по всей Москвѣ! Что было въ нашихъ палестинахъ городскихъ лѣсовъ и имѣній, — верстѣ на тридцать кругомъ, — онъ всѣ ихъ скупилъ, дачъ настроилъ вездѣ, фермы поразвелъ, — ну, значить, и понадобилось ему выѣхать изъ Москвы, чтобы жить около своего труднаго хозяйства и лучше за нимъ присматривать. Живетъ онъ такъ-то въ своемъ дворцѣ и орудуетъ себѣ лѣснымъ дѣломъ, также каменоломною частью. Поплыли къ нему барыши со всѣхъ четырехъ сторонъ; но все же мы видимъ, что господинъ — не обидчикъ какой. Понадобится мужичку избу строить, сичасъ къ Рѣшилову, а Рѣшиловъ для бѣднаго мужичка и уступку сдѣлаетъ и въ разсрочку продастъ. Такъ мы всѣ очень полюбили его и жалѣли, што онъ вдовъ: ни посовѣтываться ему не съ кѣмъ, ни за ребятишками присмотрѣть никого у него не было, а ребятъ, надо думать, послѣ первой супруги осталось у него штукъ шесть-семь. Видимъ мы, однажды, пріѣхала къ нему барыня, деликатная такая, бѣлотѣлая и не старая: дочка при ней состояла, годковъ эдакъ въ одиннадцать. Пріятели, какіе при домѣ служили, сказали намъ, что это домоправительница пріѣхала. Ну, и чудесно! Только пошли у этой домоправительницы дѣти... Пріѣдешь, бывало, въ рѣшиловскую контору, — по усадьбѣ полчища кормилицъ тихимъ шагомъ гуляютъ съ дѣтками на рукахъ. Одна къ одной были прибраны эти кормилки: кровь съ молокомъ, опять же и убраны надиво: въ красныхъ шелковыхъ сарафанахъ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубахахъ и кокошникахъ, униженныхъ камнями. За кормилицами бѣгаютъ дѣвочки, которыя приставлены, штобы дѣтей всячески забавлять. Дѣвочки эти, какъ только у какой кормилицы запи-

щить дитя, сичасъ же принимаются въ колокольчики звонить, въ трубы трубить и въ барабанъ стучать . . . И славно же было смотрѣть на эту сытость, какъ она по сосновой рощѣ, окружавшей дворецъ, словно въ раю, въ полномъ счастѣ разгуливала! И вездѣ-то цвѣли цвѣты, пѣли и кричали птицы, серебрянымъ дождемъ шумѣли фонтаны. Рѣдкіе только мужики, особенно крѣпкіе въ молитвѣ, устаивали въ зависти къ рѣшиловскому богатству, а остальной народъ вѣчно кричалъ: «Посылаетъ же Господь эстолько добра одному человѣку! Эхъ, хотъ денекъ бы прожить такъ, какъ счастливый Рѣшиловъ живетъ!» А у Рѣшилова счастья-то и не было, а мы, сосѣди, только богатствомъ его заслѣпленные, долго не примѣчали, что къ богачу давно уже *приснастилась евойная судьба*. Мы это примѣтили какъ-то вдругъ и совсѣмъ невзначай.

— Обходительный и веселый баринъ, онъ сталъ теперь какъ-то уныло задумываться; глаза у него какъ свинецъ сдѣлались и на лобъ вывернулись. Ты у него, бывало, смиренно уступочки выпрашиваешь, а онъ воззритъ на тебя, какъ быкъ, и ни одно твое слово, видимо, въ уши къ нему не попадаетъ. Случалось, одумывался — и тогда гнѣвно приказывалъ отъ своего имени, чтобы кормилицы какъ можно скорѣе изъ рощи бѣжали и ребячьимъ визгомъ ему не надоѣдали. Все примѣтнѣе и примѣтнѣе дѣлались эти припадки, когда домоправительница благословляла его новою двойней. Рѣшиловъ даже и скрыть ихъ не могъ: онъ бѣгалъ, какъ угорѣлый, по рощамъ и бормоталъ что-то. Камердинеръ-старикъ долгое время старался разнюхать, въ чемъ тутъ штука. Сыздѣтства онъ съ бариномъ былъ вмѣстѣ, зналъ его какъ свои пять пальцевъ, такъ только онъ

одинъ и проникъ въ бариново бормотанье, да и то въ ночное время, когда онъ въ бреду былъ и рассказывалъ намъ. Рѣшиловъ ни днемъ, ни ночью не зналъ никакого покоя, — онъ все думалъ, что Господь въ наказаніе за прежніе грѣхи осыпаетъ его, какъ дождемъ, ребятишками, и что ребятишки эти непременно разорятъ его. Камердинеръ слышалъ, какъ онъ въ своемъ кабинетѣ, съ отчаянными рыданіями, говорилъ: «Господи! что же это будетъ такое? Вотъ въ пятнадцать лѣтъ ихъ девятнадцать человѣкъ народилось — всѣ живы, вѣдь, да покойница семерыхъ оставила . . . Господи! вѣдь, у меня всего-на-все шесть милліоновъ только: вѣдь, подѣлить ихъ между всѣми, да себѣ ежели на старость оставить, такъ Рѣшиловы нищими сдѣлаются» . . . А домоправительница, до какой эти слухи ничуть не доходили, нѣтъ-нѣтъ — да къ концу года цопъ ему парочку новыхъ наслѣдниковъ . . . Года четыре тянулось такимъ образомъ дѣло и, можетъ, Рѣшиловъ и помирился бы съ нимъ какъ-нибудь, если бы не пришла къ нему въ голову мысль жениться на дочери домоладѣтельницы. Сказано — сдѣлано!

— Вспомнилъ онъ свою былую удалъ и пріударилъ за Варенькой. Та съ лапочками . . . «Только, — говоритъ: — милый другъ, нужно маменьку съ ея дѣтьми удалить какъ-нибудь . . . Я никакъ, — говоритъ: — не могу жить съ такой оравой». Не долго думая, на другой, или на третій день, Рѣшиловъ собрался съ Варенькой прокатиться, а въ церкви сосѣдняго села уже все было для свадьбы въ лучшемъ видѣ изготовлено: тамъ и шафера были, и свидѣтели всякіе, и пѣвчіе московскіе. Воротившись съ гулянія, молодые сичасъ же къ домоправительницѣ; цѣлуютъ они ее: «Милая маменька, какой мы

вамъ супризъ приготовили: мы только что, — радуютъ ее: — свѣтлымъ вѣнцомъ въ Грибасовской церкви перевѣнчались. Вамъ, милая маменька, въ Москвѣ домъ купленъ за сто тысячъ, — вы, вотъ, съ завтрашняго дня помаленьку и собирайтесь туда, и дѣтокъ своихъ берите съ собою. Они вамъ на старости лѣтъ большимъ утѣшеніемъ будутъ... На нихъ, на каждого, мужъ внесъ вчера въ банкъ по десяти тысячъ». Видитъ старуха, что дочка поперекъ ее переѣхала, только, какъ женщина съ большимъ понятіемъ, увидавши, что ничего подѣлать уже нельзя, безъ всякаго сердца, переселилась въ Москву. Молодые остались одни, и у Рѣшилова слѣда даже не осталось прежняго сокрушенія. Цѣлый годъ мы не видѣли человѣка работающаго его и свѣжаго, а къ концу года нашъ баринъ совсѣмъ и навсегда опѣшилъ, потому молодая вся въ матушку оказалась—осчастливила его за одинъ разъ наслѣдникомъ и наслѣдницей. Теперь богачъ нашъ ополоумѣлъ совсѣмъ: къ женѣ вотъ уже нѣсколько годовъ ни ногой, а живетъ онъ въ отдѣльномъ флигелѣ, съ четырьмя монахами, которые посмѣнно, день и ночь, псалтырь читаютъ надъ его гробомъ. Ночью старикъ и спитъ въ этомъ гробу. Такъ живетъ онъ, вотъ уже лѣтъ съ пять, помня про одного Бога и не допуская къ себѣ ни единаго живого человѣка, кромѣ монаховъ, да по праздникамъ свой приходскій причтъ; а у супруги его, въ большомъ домѣ, отъ всегдашнихъ пировъ идетъ дымъ коромысломъ: наслѣдниковъ у ней развелось видимо-невидимо — и, ради нихъ, неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно въ какую глушь, запрятаны теперь Рѣшиловскія дѣти отъ покойной жены, которымъ врядъ ли когда придется воспользоваться отцовскимъ богат-

ствомъ. Вотъ она — судьба-то — какія высокія горы раскачиваетъ!

Въ мѣсяцъ своей жизни на куминой дачѣ, Петръ Петровичъ перезнакомился со всѣми замѣчательными старожилами околотка. Всѣ они глубоко вѣрили въ судьбу и любили рябиновку съ хорошей закуской, въ родѣ колбасы, ветчины и т. д. Унылый, отуманенный вѣчно одной и той же темой ихъ разсказовъ, Безпокойный нѣсколько разъ пробовалъ подпаивать ихъ для того, чтобы навести ихъ старческія мысли на болѣе веселыя событія. Божьи старички и старушки, съ большимъ удовольствіемъ подаваясь искусительнымъ угощеніямъ добраго барина, тѣмъ не менѣе никакъ не могли ему спѣть какую-нибудь успокоительную пѣсенку, а только, выкушавъ рябиновки не въ мѣру, беспомощно скатывались со стульевъ на полъ, гдѣ и засыпали мирнымъ сномъ невинныхъ младенцевъ. Проснувшись, субъекты эти немедленно опохмелялись и потомъ либо принимались за новыя повѣствованія насчетъ судьбы, либо направлялись во-свояси, предварительно до послѣдней степени измучивши Петра Петровича безконечнымъ рядомъ разныхъ просьбищъ. Всѣмъ этимъ людямъ непременно надобилось: и вотъ этотъ остаточекъ сырку или ветчины, и бумажка съ перышкомъ и карандашикомъ для родного школьника, они вымаливали разрѣшенія взять съ собою аптекарскій пузырекъ съ недопитымъ лѣкарствомъ и вотъ эту, стоящую въ углу, бутылку, которая, барину ни за что уже не потребуется; бутылочку потомъ требовалось наполнить барской рябиновкой, которой, какъ было извѣстно по многолѣтнему опыту, такъ полезно было въ жаркой банѣ, или просто печкѣ, растирать стариковскія кости; за-

тѣмъ слѣдовали осѣненія себя крестомъ предъ образами, безконечные прощальные поклоны и, наконецъ, при самомъ уже выходѣ изъ избы, изъ самой глубины стариковскихъ внутренностей, съ какимъ-то удушливымъ шипнѣемъ выходило послѣднее сказаніе: «А што, баринъ, какъ я хотѣлъ поскучать тебѣ насчетъ трешницы? . . . Сдѣлай такое одолженіе! . . . Такая у меня по хозяйству недотыка теперь, — говорить не хочется» . . .

Все это попрошайничество ужасно надоѣло Петру Петровичу своими нищенскими, плаксивыми тонами.

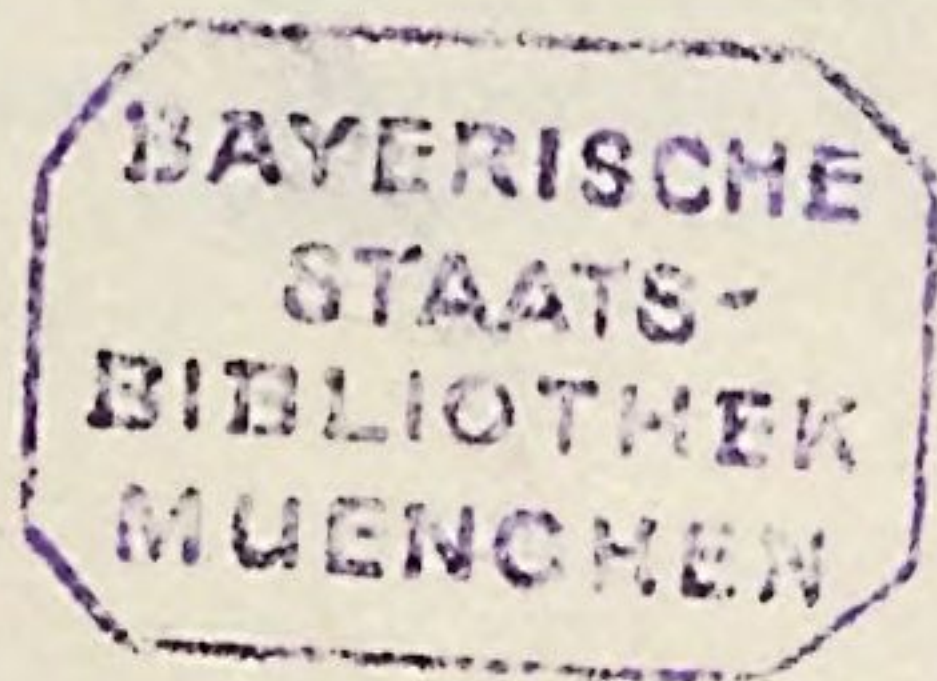
— Ужъ узнаю же я, въ чемъ тутъ суть! — энергично думалъ Безпокойный, любуясь Уваромъ Семенычемъ, который благодушно поваливался на травѣ, на его пледѣ. — Это все вздоръ, что они пограбить любятъ нашего брата. А я вотъ цѣлый годъ проживу съ ними; въ самое нутро къ нимъ залѣзу, — тогда поглядимъ! . .

Нѣсколько дней особенно сосредоточенно продумалъ о чемъ-то Петръ Петровичъ, и въ результатѣ этихъ думъ оказалось, что онъ сдѣлался еще щедрѣе къ мужикамъ, удовлетворяя ихъ самыя чудовищныя желанія. Никому ни въ чемъ не было отказа, выносили ли это его средства, или нѣтъ. Въ его собственномъ поведеніи произошла тоже значительная переменѣна: онъ измѣнилъ свой деликатный говоръ на грубый мужицкій жаргонъ и, вмѣсто учтиваго *вы*, сталъ ко всякому относиться на *ты*, пересталъ чесать голову и бороду — и въ одно прекрасное утро очень изумилъ Увара Семеныча, отдавъ ему строгое приказаніе сейчасъ же вычистить ему пледъ и высокіе сапоги и никогда впередъ не брать безъ его позволенія изъ комнаты никакихъ вещей.

Съ тѣхъ поръ не проходило на десятиверстномъ разстояніи ни одной сходки, ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго, харчевеннаго или кабачнаго, засѣданія, гдѣ бы нельзя было встрѣтить Петра Петровича, въ косой ситцевой рубахѣ, въ нанковыхъ, кучерскихъ штанахъ, въ высокихъ сапогахъ и, на случай дождливой погоды, съ пледомъ на рукѣ.

Такъ Петръ Петровичъ изъ всѣхъ силъ старался, потягивая рябиновочку, овладѣть таинственной загадкой, которую представляетъ собою жизнь «народныхъ массъ» . . . Въ довершеніе всего сказаннаго, комнату Безпокойнаго сплошь завалили книги, каждый день проливнымъ дождемъ сыпавшіяся изъ книжныхъ магазиновъ. Въ отсутствіе барина, Уваръ Семенычъ очень любилъ разбирать заглавія этихъ книгъ и ужасаться ихъ чудовищною дороговизною.

Уваръ Семенычъ, покуривая въ креслахъ Петра Петровича его душистыя папиросы, основательно находилъ, что этого полоумнаго, дряблага дурака бить некому, ибо какой благоразумный человѣкъ согласится заплатить пять рублей за нѣсколько листовъ печатной бумаги? Ихній вонъ баринъ бывшій доходу-то сто тысячъ въ годъ получаетъ, да и то, кромѣ «Развлеченки» и «Современныхъ», ничего не выписываетъ . . .

Бібліографическій указатель къ „Собранію сочиненій А. И. Левитова“.

Составиль *Д. П. Сильчевскій.*

Расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ.

I. Отдѣльныя изданія произведеній Левитова.

- „Степные очерки“, изданіе В. Е. Генкеля, 3 тома, Спб. 1865. — 2-е изданіе: Спб. 1866, 3 тома. — 3-е изданіе: М. 1874, 2 тома.
- „Московскія норы и трущобы“, Спб. 1866. — 2-е изданіе: Спб. 1869.
- „Горе селъ, дорогъ и городовъ. Повѣсти, рассказы, очерки и картины“, М. 1874.
- „Жизнь московскихъ закоулковъ“, 3-е изданіе, М. 1875. — 1-е и 2-е изданія этой книги озаглавлены были: „Московскія норы и трущобы“.
- „Аховскій посадъ. Степные нравы стараго времени“. Очеркъ I, съ 2 рисунками. М. 1877.
- „Безпріютный“, изданіе „Народной Библіотеки“, М. 1883.
- „Собраніе сочиненій А. И. Левитова“, съ біографической статьей Ф. Д. Нефедова, изданіе К. Т. Солдатенкова, 2 тома, М. 1884.
- „Полное собраніе сочиненій А. И. Левитова“, съ вступительной статьей В. А. Никольскаго, изданіе Н. Θ. Мертца (бесплатное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ 1905 г.: „Библіотека „Сѣвера““), 4 тома, Спб. 1905.

II. Произведенія Левитова, помѣщенные въ журналахъ, газетахъ и сборникахъ.

- „Ярмарочныя сцены. (Очерки изъ престопаароднаго быта.)“, „Время“ 1861, № 9, стр. 315—355. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Типы и сцены сельской ярмарки“. Написано было въ 1856—60 годахъ, такъ что является первымъ по времени произведеніемъ Левитова.
- „Сладкое житіе. (Очеркъ.)“, „Московскій Вѣстникъ“ 1861, № 2, стр. 27—32. — Напечатаны только три первыя главы.
- „Сладкое житіе. (Изъ разсказовъ городского старожила.)“, „Время“ 1861, № 8, стр. 477—513. — Напечатано здѣсь въ полномъ видѣ, первыя же три главы появились ранѣе въ „Московскомъ Вѣстникѣ“.
- „Цѣловальничиха. (Очерки изъ народной жизни.)“, „Русская Рѣчь“ 1861, № 25 (30 марта), стр. 403—407, и № 27 (2 апрѣля), стр. 417—421.
- „Проѣзжая степная дорога Ночь). (Очеркъ.)“, „Русская Рѣчь“ 1861, №№ 65 и 66 (13 и 17 августа), стр. 198—201 и 214—216.
- „Желѣзинское подворье и его обитатели“, „Русская Рѣчь“ 1861, №№ 79 и 80 (1 и 5 октября), стр. 428 и 443—444. Подпись: А. Л. — Этотъ очеркъ до сихъ поръ не входилъ еще ни въ одно изъ отдѣльныхъ изданій сочиненій Левитова и въ настоящемъ изданіи воспроизводится впервые.
- „Наканунъ Христова дня. (Разсказъ изъ народной жизни.)“, „Русская Рѣчь“ 1861, №№ 95, 96, 97, 98, 102, 103 и 104 (26 и 30 ноября и 3, 7, 21 и 31 декабря), стр. 678—681, 696—699, 711—715, 725—728, 791—794 и 809—814.
- „Московскіе нищіе на поминкахъ“, „Русская Рѣчь“ 1861, №№ 97 и 98 (3 и 7 декабря), стр. 719—720 и 733—734. Подпись: А. Л.
- „Стрѣлки и стрѣльба. Нравы московскихъ нищихъ“, „Русская Рѣчь“ 1861, №№ 102, 103/104 (21 и 31 декабря), стр. 800 и 824—826. Подпись: А. Л.
- „Изъ московскихъ нравовъ“, „Зритель“ 1862, №№ 16 и 17, стр. 502—508 и 534—542. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*. — Впослѣдствіи этотъ разсказъ озаглавленъ: „Погибшее, но милое созданіе“.

- „Ночь на свѣтлый праздник“, „Зритель“ 1862, № 20, стр. 642—646. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Передъ Пасхой. (Московскій фельетонъ).“
- „Дорожный очеркъ. (Степные нравы.)“, „Развлеченіе“ 1862, № 23 (6 іюня), стр. 280—284, и № 24 (13 іюня), стр. 290—294. — Впослѣдствіи озаглавлено: „Насупротивъ“.
- „Степная дорога“, „Зритель“ 1862, №№ 24, 25, 26 и 27, стр. 767—775, 802—807, 835—842 и 861—868. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Степная дорога днемъ“.
- „Изъ нашихъ будто бы мистерій“, „Зритель“ 1862, №№ 30 и 31, стр. 79—85 и 111—117. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*. — Впослѣдствіи озаглавлено: „Московская тайна“.
- „Грачевка“, „Зритель“ 1862, № 37, стр. 300—314. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*.
- „Аркадское семейство или новая камелія въ кэпи. (Московская идиллія.)“, „Развлеченіе“ 1862, № 43 (25 октября), стр. 205—209, № 44 (1 ноября), стр. 216—224, и № 45 (8 ноября), стр. 229—232. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*.
- „Мірской судъ“, „Зритель“ 1862, № 44, стр. 535—541. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Расправа“.
- „Степныя картины. I. Ребячьи учителя“, „Народное Богатство“ 1862, приложенія къ №№ 4 и 10 (4 и 11 ноября). — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Уличные картинки — ребячьи учителя“.
- „Дурочка“, „Зритель“ 1862, № 45, стр. 565—571. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Блаженненькая“.
- „Крымъ“, „Зритель“ 1862, №№ 47 и 48, стр. 618—623 и 650—657. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*.
- „Первая кухарка“, „Зритель“ 1862, №№ 51 и 52, стр. 752—756 и 796—807. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*.
- „Сосѣди. (Степные нравы.)“, „Якорь“ 1863, № 1, стр. 6—9.
- „Лирическія воспоминанія Ивана Сизого“, „Якорь“ 1863, № 3, стр. 47—54. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Моя фамилія“, при чемъ въ очеркъ были сдѣланы измѣненія и дополненія.

- „Сапожникъ Шкурланъ. (Степной очеркъ.)“, „Развлеченіе“ 1863, № 5 (1 февраля), стр. 66—69.
- „Горбунъ. (Отрывокъ изъ повѣсти.)“, „Очерки“ 1863, №№ 61 и 62 (4 и 5 марта).
- „Воскресшій Гуакъ, непреоборимый богатырь Флоридскій, или редакція „Времени“, „Развлеченіе“ 1863, № 14 (30 апрѣля), стр. 214—218. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*.
- „Война. (Степные нравы.)“, „Народное Богатство“ 1863, №№ 83 и 84 (19 и 20 апрѣля).
- „Барышня“, „Якорь“ 1863, № 17, стр. 321—325, и № 18, стр. 345—348. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Дворянка“.
- „Московскія комнаты снебилью“, „Библіотека для Чтенія“ 1863, № 7, стр. 1—19, № 8, стр. 1—21, и № 9, стр. 1—32.
- „Именины сельскаго дьячка. (Степные нравы.)“, „Сѣверное Сіяніе“ 1863, т. II, стр. 309—320.
- „Нравы московскихъ дѣвственныхъ улицъ“, „Моск. Губернскія Вѣдом.“ 1864, неофициальная часть, №№ 4 и 5. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*.
- „Выселки. (Степные очерки.)“, „Современникъ“, т. 100, 1864, № 1, стр. 111—184.
- „Самоваръ Исая Ѳомича“, „Развлеченіе“ 1864.
- „Женитьба портного Ивана Маркова и ея послѣдствія“, „Развлеченіе“ 1864.
- „Бабушка Маслиха. (Степные очерки.)“, „Современникъ“, т. 103, 1864, № 8, стр. 215—229.
- „Москва и ея окрестности“ (12 статей), „Сѣверное Сіяніе“ 1863, т. II, стр. 33—52, 101—112, 177—188, 235—248, 299—308, 355—368, 417—430, 507—514, 569—584, 654—664, 725—732 и 777—788. Подписи подъ статьями: *А. Л.*, *А. Л—въ* и *А. Лев—въ*. — Статьи, какъ не представляющія особаго интереса, не включены въ настоящее изданіе.
- „Газета. (Степные нравы.)“, „Будильникъ“ 1865, № 6 (19 января), стр. 21—23, и № 7 (22 января), стр. 25—26. — Впослѣдствіи озаглавлено: „Газета въ селѣ“.
- „Вѣрное средство отъ разоренья. (Очеркъ изъ московскихъ нравовъ.)“, „Современникъ“, т. 106, 1865, № 1, стр. 301—330.

- „Запивоха. (Очеркъ изъ московскихъ нравовъ.)“, „Развлечение“ 1865, № 6 (6 февраля), стр. 82—87, и № 7 (12 февраля), стр. 97—104. Подписано псевдонимомъ *И. Сизой*.
- „Праздничный сонъ. (Московскіе нравы.)“, „Сѣверное Сіяніе“, т. IV, 1865, стр. 43—64.
- „Старое бревно. (Степные нравы.)“, „Искра“ 1865, № 15, стр. 214—218, и № 16, стр. 227—231.
- „Графчикъ. (Очерки московскихъ нравовъ.)“, „Искра“ 1865, № 18, стр. 258—260, и № 19, стр. 274—278.
- „Шоссейныя сцены“, „Искра“ 1865, № 41, стр. 542—546. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Шоссейный день“.
- „Фигуры и тропы о московской жизни“, Искра 1865, № 46, стр. 610—612, и № 47, стр. 630—634. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Петровъ Сизой*.
- „Моя фамилія. (Старый разсказъ.)“, „Недѣля“ 1868, № 7, стр. 193—198, и № 8, стр. 225—234. — Ранѣе, въ болѣе сокращенномъ видѣ, было напечатано въ „Якорѣ“ 1863, № 3, подъ заглавіемъ: „Лирическія воспоминанія Ивана Сизого“.
- „Счастливые люди. (Очеркъ изъ московскихъ нравовъ.)“, „Недѣля“ 1868, № 11, стр. 321—326; № 12, стр. 353—358; № 13, стр. 385—390, и № 14, стр. 417—425.
- „День у адвоката. (Изъ разсказовъ Ивана Сизого.)“, „Искра“ 1868, № 34, стр. 406—412, и № 35, стр. 417—420.
- „Адресный столъ. (Петербургскіе нравы.)“, „Искра“ 1868, № 39, стр. 466—468. Подписано псевдонимомъ *Иванъ Сизой*.
- „Безпечальный народъ. (Шоссейные типы, картины и сцены.)“, „Дѣло“ 1869, № 1, стр. 37—77, и № 2, стр. 80—116.
- „Петербургскій случай. (Очеркъ.)“, „Дѣло“ 1869, № 10, стр. 164—217.
- „Барочникъ Картузовъ. (Волжская картинка.)“, „Живописный сборникъ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія“, изданіе В. Е. Генкеля, Спб. 1869.
- „Хорошія воспоминанія. (Очеркъ изъ московскихъ нравовъ.)“, „Отечеств. Записки“, т. 187, 1869, № 12, стр. 327—354.
- „Изъ московскихъ нравовъ“. „Дѣло“ 1870, № 3, стр.

- 35—117. — Впослѣдствіи было озаглавлено: „Московскія уличныя картины“.
- „Мое дѣтство. (Изъ степныхъ очерковъ.)“, „Недѣля“ 1870, № 1, стр. 23—29.
- „Безпріютный. (Шоссейные типы, картины и сцены съ натуры.), „Вѣстн. Европы“ 1870, № 5, стр. 104—131.
- „Деревенскія картинки“, „Недѣля“ 1870, № 25, стр. 822—830; № 26, стр. 863—867; № 27, стр. 894—907, и № 28, стр. 930—934.
- „Говорящая обезьяна. (Эпизодъ изъ романа: „Сны и факты.“)“, „Свѣтъ“ 1879, № 11, стр. 274—291. — Этотъ эпизодъ изъ задуманнаго Левитовымъ романа былъ имъ написанъ еще въ 1870 г., но напечатанъ лишь послѣ его смерти. Романъ же остался вовсе ненаписаннымъ.
- „Сельскій годъ“, „Дѣтское Чтеніе“ 1871, № 1, стр. 3—16. — Это — первыя двѣ главы, т. е. первая половина очерка, названнаго впослѣдствіи „Сельскія тревоги“.
- „Въ деревнѣ“, „Дешевая библіотека для легкаго чтенія“ 1871, № 3, стр. 101—115. — Это вторая половина (3-я и 4-я главы) очерка, названнаго впослѣдствіи „Сельскія тревоги“.
- „Сказка и правда. (Очеркъ.)“, „Сіяніе“ 1872, № 1, стр. 1—4; № 2, стр. 21—26; № 3, стр. 37—42, и № 4, стр. 53—57.
- „Сельское ученіе. (Степная идиллія.)“, „Вѣстн. Европы“ 1872, № 2, стр. 431—479.
- „Фонарщики. (Очеркъ.)“, „Сіяніе“ 1872, № 9, стр. 138—139.
- „Московскій профиранецъ. (Очеркъ.)“, „Народная Ремесленная Газета“ 1873, № 1, стр. 43—62.
- „Аховскій посадъ. (Степные нравы стараго времени.)“, „Грамотей“ 1873, № 3, стр. 1—19; № 5, стр. 1—25; № 6, стр. 1—31, и № 7, стр. 5—23.
- „Дѣвичій грѣшокъ. (Изъ жизни московскихъ мастерицъ.)“, „Ремесленная Газета“ 1874, № 1, стр. 21—22, и № 3, стр. 69—70.
- „Не къ рукѣ. (Шоссейный очеркъ.)“, „Ремесленная Газета“ 1874, № 10, стр. 236—239, и № 13, стр. 398—309. — Этотъ очеркъ остался неоконченнымъ.
- „Всеядныя. (Картины подмосковной дачной жизни.)“, „Будильникъ“ 1876, №№ 46, 47 и 48, и 1877, №№ 19 и 20.

III. Биографическія и критическія статьи о Левитовѣ, отзывы, рецензіи и замѣтки¹.

- „Современникъ“, т. 113, 1866, № 4, отд. II, стр. 262—271. — Критическая статья о „Степныхъ очеркахъ“.
- „Энциклопедич. словарь“ И. Н. Березина s. v., Спб. 1875.
- „Русскія Вѣдом.“ 1877, № 4. — О смерти Левитова.
- „Петербургская Газета“ 1877, № 6. — Некрологъ.
- Скромный наблюдатель* (А. П. Лукинъ), „Похороны А. И. Левитова“, „Русскія Вѣдом.“ 1877, № 7. — Фельетонъ.
- „А. И. Левитовъ. (Некрологъ.)“, „Будильникъ“ 1877, № 2, стр. 10.
- „Отеч. Записки“, т. 230, 1877, № 2, отд. II, стр. 214. — Краткій отзывъ о характерѣ творчества Левитова.
- Ф. Д. Нефедовъ, „А. И. Левитовъ“, „Вѣстн. Европы“ 1877, № 3, стр. 452—464.
- А. М. Скабичевскій, „А. И. Левитовъ. (Его жизнь и сочиненія.)“, 2 статьи, „Отеч. Записки“, томы 232 и 233, 1877, № 6, стр. 137—173, и № 8, стр. 133—165 (2-го отдѣла).
- П. Д. Боборыкинъ, „Бирж. Вѣдом.“ 1878, № 134.
- П. В. Засодимскій, „Изъ литературныхъ воспоминаній“ „Русское Богатство“ 1881, № 12, стр. 99—128.
- Ф. Д. Нефедовъ, „Александръ Ивановичъ Левитовъ“, вступительная біографическая статья при „Собраніи сочиненій А. И. Левитова“. Изданіе К. Т. Солдатенкова, М. 1884, т. I, стр. V—СXXXIX.
- „Родина“ 1884, № 17. — Разборъ Солдатенковскаго изданія сочиненій Левитова.
- А. Н. Пыпинъ, „Беллетристъ-народникъ шестидесятихъ годовъ“ („Собраніе сочиненій А. И. Левитова“, М. 1884), „Вѣстн. Европы“ 1884, № 8, стр. 648—684.
- А. И. Введенскій, „Литературныя перспективы“, „Сѣверн. Вѣстн.“ 1885, № 1, стр. 195—196.
- „Историч. Вѣстникъ“, т. XX, 1882, № 5, стр. 427, въ статьѣ М. П. Смирнова: „Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ“.

¹ Приношу искреннюю благодарность С. А. Венгерову и А. А. Шилову за любезное содѣйствіе, оказанное ими мнѣ при составленіи настоящаго списка статей о Левитовѣ.

- А. М. Скабичевскій въ „Вѣстн. Европы“ 1888, № 2.
- Д. А. Ровинскій, „Словарь гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1888.
- А. М. Скабичевскій, „Беллетристы-народники: О. Рѣшетниковъ, А. Левитовъ, Гл. Успенскій, Н. Златовратскій и др. Критическіе очерки“, Спб. 1888. — Повтореніе съ небольшимъ измѣненіями двухъ статей о Левитовѣ изъ „Отеч. Записокъ“ 1877.
- Н. В. Успенскій, „Изъ прошлаго“, М. 1889.
- А. М. Скабичевскій, „Сочиненія“, изданіе Ф. Павленкова, Спб. 1890, т. II. — Повтореніе съ незначительными измѣненіями статей „А. И. Левитовъ, его жизнь и сочиненія“ изъ „Отеч. Записокъ“ 1877.
- А. М. Скабичевскій, „Исторія новѣйшей русской литературы“, 7 изданій Ф. Павленкова, Спб. 1891—1909.
- М. А. Протопоповъ, „Послѣдовательный народникъ“, „Русская Мысль“ 1891, № 5, стр. 116.
- С. А. Венгеровъ, статья о Левитовѣ въ „Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона.
- С. Н. Южаковъ, „Соціологическіе этюды“, т. II, „Книговедѣніе“ 1894, № 1.
- Н. Н. Златовратскій, „Изъ литературныхъ воспоминаній“, „Починъ“ (сборникъ, изданный Моск. обществомъ любителей русской словесности), вып. I, М. 1895, стр. 93—107.
- Н. К. Михайловскій, „Сочиненія“, т. I, Спб. 1896, стр. 815 „Историч. Вѣстникъ“, т. LXXI, 1898, № 2, стр. 486, въ статьѣ графа Е. А. Саліаса: „Семь арестовъ“.
- А. М. Скабичевскій, „Мужикъ въ русской беллетристикѣ“, „Русская Мысль“ 1899, № 4.
- „А. И. Левитовъ“, „Галерея русскихъ писателей“, изд. С. Скимунта, М. 1901, стр. 300.
- Д. П. Сильчевскій, „А. И. Левитовъ“, „Новости“ 1902, № 3.
- И. (И. Н. Игнатовъ), „А. И. Левитовъ“, „Русскія Вѣдом.“ 1902, № 4.
- „А. И. Левитовъ“ въ „Большой Энциклопедіи“, изд. т-ва „Просвѣщеніе“, т. XII, Спб. 1903, стр. 60—63.
- А. А. Измайловъ, статья объ А. И. Левитовѣ въ журналѣ „Сѣверъ“ 1904.
- А. И. Яцимирскій, „Иванъ Захаровичъ Суриковъ“, „Рус-

ская Старина", т. 122, 1905, № 4, стр. 87. — О послѣднихъ дняхъ жизни Левитова.

В. А. Никольскій, „А. И. Левитовъ, какъ человѣкъ и писатель“, вступительная статья къ „Полному собранію сочиненій А. И. Левитова“, изд. Н. Θ. Мертца (безплатное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ 1905: „Библіотека „Сѣвера““), Спб. 1905, т. I, стр. III—XLVI.

„Критика о Левитовѣ“, приложено къ т. IV „Полнаго собранія сочиненій А. И. Левитова“ (изд. Н. Θ. Мертца, Спб. 1905), стр. 301—343.

„Мысли и воспоминанія поляка“, „Русская Старина, т. 127, 1906, № 9, стр. 688—689). — Объ очеркѣ Левитова: „Мое дѣтство“.

„Былое“ 1907, № 9, стр. 274. — Говорится о Левитовѣ.

С. А. Венгеровъ, „Очерки по исторіи русской литературы“, 1-е и 2-е изданія, Спб. 1907.

Евгеній Соловьевъ (Е. Андреевичъ), „Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка“, 3-е исправленное изданіе (Н. П. Карбасникова), Спб. 1907.

„Минувшіе Годы“ 1908, № 4, стр. 13, и № 9, стр. 267 и 269. — Говорится о Левитовѣ.

Д. Н. Овсянко-Куликовскій (редакторъ), „Исторія русской литературы“, изданіе т-ва „Міръ“, М. 1909—1910.

Ю. Айхенвальдъ, „Силуэты русскихъ писателей“, вып. III, изданіе „Научнаго Слова“ М. 1910. — Статья о Левитовѣ.

Общій алфавитный указатель къ тт. I—~~X~~^{VIII} Собранія сочиненій А. И. Ле- вита.

Римскія цифры обозначаютъ томъ, арабскія — страницу.

А. И. Левитовъ. Критико-біографическій очеркъ А. А. Измайлова. I. 1. Адресный столъ. (Петербургскіе нравы.) VI. 147. Аркадское семейство или новая камелія въ кэпи. II. 255. Аховскій посадъ. (Степные нравы стараго времени.) VIII. 187. Бабушка Маслиха. V. 33. Барочникъ Каргузовъ. (Волжская картинка.) VII. 75. Безпечальный народъ. (Шоссейные типы, картины и сцены.) VI. 161. Безпріютный. VII. 159. Блажененькая. (Дурочка.) III. 63. Война. III. 255. Воскресшій Гуакъ, непреоборимый богатырь Флоридскій, или редація „Времени“. III. 243. Всеядный. (Картины подмосковной дачной жизни.) VIII. 341. Вѣрное средство отъ разоренья. V. 79. Газета въ селѣ. V. 57. Говорящая обезьяна. Эпизодъ изъ романа „Сны и факты“. VII. 253. Горбунъ. III. 219. Грачевка. II. 223. Графчикъ. V. 233. Дворянка. III. 269. День у адвоката. (Изъ рассказовъ Ивана Сизого.) VI. 103. Деревенскій случай. VI. 23. Деревенскія картинки. VII. 205. Дѣвичій грѣшокъ. (Изъ жизни московскихъ мастерицъ). VIII. 291.	Желѣзинское подворье и его обитатели. I. 189. Женитьба портного Ивана Маркова и ея послѣдствія. V. 3. „Завиденіе муской, дамской и детской обуви“. (Отрывокъ.) VI. 309. Запивоха. V. 129. Именины сельскаго дьячка. IV. 99. Крымъ. III. 81. Мое дѣтство. VII. 141. Московская тайна II. 191. Московскіе нищіе на поминкахъ. II. 1. Московскій профиранецъ. VIII. 141. Московскія „комнаты снебилью“. IV. 3. Московскія уличныя картинки. VII. 93. Моя фамилія. (Изъ воспоминаній временно-обязаннаго.) III. 169. Наканунъ Христова дня. (Повѣсть.) I. 205. Насупротивъ. II. 93. Не къ рукѣ. (Шоссейный очеркъ.) VIII. 323. Новый колоколъ. VI. 3. Нравы московскихъ дѣвственныхъ улицъ. IV. 119. Первая кухарка. III. 117. Передъ Пасхой. II. 79. Петербургскій случай (Очеркъ.) VII. 3. Погибшее, но милое созданіе. II. 37. Праздничный сонъ. V. 173. Расправа. (Мірскаго судъ.) III. 1. Самоваръ Исаія Еомича. (Степные нравы.) IV. 261. Сапожникъ Шкурланъ. III. 203.

- Сельское учение. (Степная идиллія.) VIII. 63.
Сказка и правда. (Очеркъ.) VIII. 3.
Сладкое житье. (Изъ рассказовъ уѣзднаго старожила.) I. 65.
Сосѣди. III. 141.
Старое бревно. V. 205.
Степная дорога днемъ. II. 123.
Степная дорога ночью. I. 161.
Степные выселки. IV. 119.
Стрѣлки и стрѣльба. II. 21.
Счастливые люди. VI. 41.
Типы и сцены сельской ярмарки. (Ярмарочныя сцены.) I. 3.
Уличныя картинки — ребячьи учителя. III. 19.
Фигуры и тропы московской жизни. Живописующее вмѣсто живописуемаго на первомъ планѣ. VII. 297.
Фонарщики. (Очеркъ.) VII. 287.
Хорошія воспоминанія. (Очеркъ изъ московскихъ нравовъ.) VI. 265.
Цѣловальничиха. (Изъ дорожныхъ воспоминаній.) I. 122.
Шосейный день. V. 265.
Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ. V. 283.

Levitov, Aleksandr I.,

Sobranie sočinenij A. I. Levitova

Bd.: 8

1896

P.o.rel. 3248 g-8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11819482-3